

МЕТАГАЛАКТИКА

БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И ФАНТАСТИКИ

3

!ВНИМАНИЕ–ФЭН–ВНИМАНИЕ!

А Ты подписался
на лучший в России толстый журнал
"ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА"?!
Индекс 70956

Подписка на 1995 г.
в любом отделении связи России!

Наш супержурнал, не имеющий аналогов
в России, с каждым полугодием становится
толще, лучше, интереснее.

Конкуренции с Нами не выдерживает
ни одно из фэн-изданий!

ПФ – уверенно лидирует, не имея себе
равных. Им зачитываются люди от 12 до
80 лет. Почему? Потому что **ПФ** – это
до безумия интересно и увлекательно!

**СПЕШИТЕ НА ПОЧТУ
И ВЫПИСЫВАЙТЕ**
толстый журнал книжного формата

"ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА"

Метагалактика

ISSN 0135 - 5511

ИНДЕКС 73257

Метагалактика

Литературно-
художественный
журнал

3 95

rutracker.org
новое имя для torrents.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар

22 Oct 11

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Липов, С. Ящук

"Приземленный ад, или Вам привет от Сатаны"

Фантастическое повествование4

Художник Алексей Филиппов

Метагалактика. Библиотека приключений и фантастики.

© "Метагалактика"

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Перепечатка только с разрешения редакции.

Розничная цена свободная.

Рег.номер — ЛР 060423 Мининформпечати РФ.

Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40.

Учредитель, издатель — Ю. Д. Петухов

Формат 84×108/32. Тираж 6500 экз.

Подписано в печать 1.01.1995 г.

Заказ №602.

Отпечатано в Московской типографии 13.

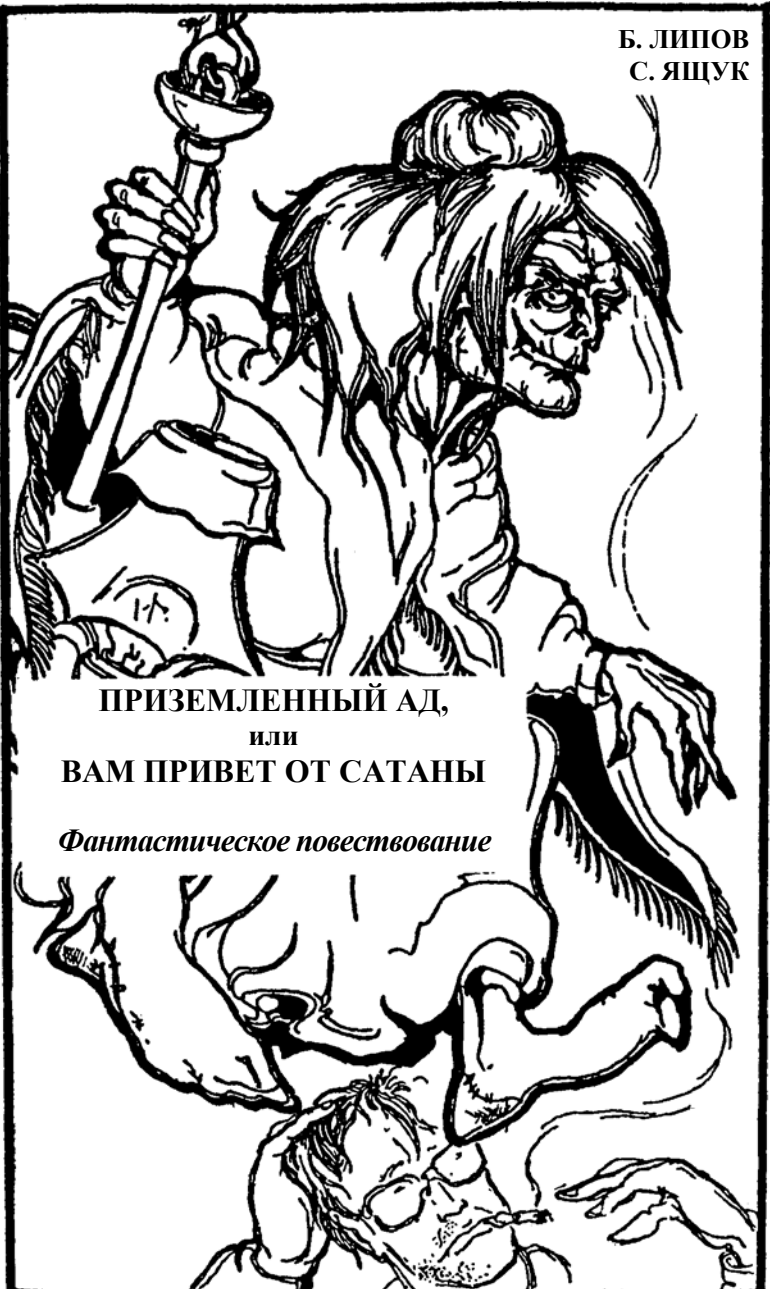
Комитета РФ по печати.

107005, Москва, Денисовский пер., 30.

Индекс 73257

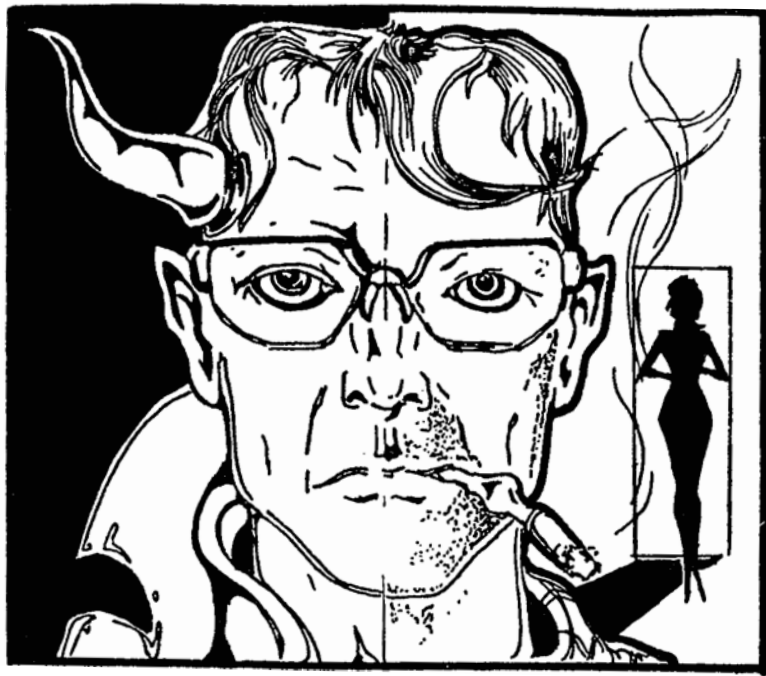
issn 0135–5511

Б. ЛИПОВ
С. ЯЩУК

ПРИЗЕМЛЕННЫЙ АД,
или
ВАМ ПРИВЕТ ОТ САТАНЫ

Фантастическое повествование

1

Ведьма опостылела до чертиков! Сморщенное гармошкой лицо, космы седых, нечесанных волос, нос-висюлька и злые, в узкую кошачью щелку, глаза.

Она поселилась над дверью в плафоне, и стоило войти в квартиру, как ведьма выныривала из тьмы, садилась верхом на люстру, взнуздывала ее и принималась за старое: начинала брюзжать и строить рожи.

Владимиру Ивановичу ведьма опротивела до того, что он решил передвинуть свой рабочий стол в другой угол комнаты, чтобы отвязаться, не видеть противной бабки, но та достала его и здесь; срочно перебралась в темно-малиновое бра над диваном и, окруженная сиянием, продолжала юродствовать и куражиться.

Избавиться от взбалмошной, великовозрастной пустышки не было никаких сил и Владимир Иванович отступил, махнул на нее рукой и смирился.

Хотя, если говорить откровенно, выгонять зануду из дому Ахензеву не было никакого резона. Старушка, несмотря на

сварливый, бузотерный характер обладала еще и незаурядными качествами: сама того не ведая, бабка в совершенстве владела телепатическим мышлением, которое, вместе со способностью перемещаться в разных субстанциях, давало Владимиру Ивановичу, в прямом смысле слова, пищу – хлеб насущный. Для писателя-фантаста, каким считал себя Ахензев, древняя, демоническая старушенция оказалась настоящей находкой, истинным кладезем сюжетов и сюжетиков его рассказов.

Так и сегодня: не упомяни старая карга Сатану, неизвестно, чем бы закончилась их перепалка. Когда же бабка проскорготала под занавес:

– Притяну, вражину, за фальсификацию росказней к ответу, через своих... – Владимир Иванович сдрейфил и испугался.

– Бесовские плутни, – нервно подумал он, трижды сплюнул через левое плечо, но страх не проходил. Наличие в доме наглой квартирантки заставляло верить в Адово царство, где сплелась в клубок вся нечисть, ведьмина родня: дельцы загробного мира, вертеп тварей без стыда и совести – с такими шутить опасно! И Ахензев, пригасив норов, стих.

– Положеньице. В пору хоть контракт с чертями заключать...

А ведьма, нахохлившись и зондируя писаку лиловым глазом, уточнила с издевкой:

– Так вызывать, что ли, родственничка?

– Зови... – автоматически не поддался на бабкино «слабо» фантаст и тут же ужаснулся. – Не дай Бог, правда!

Не ожидавшая такого поворота карга, чуть было не вывалилась от удивления из бра.

– Гля-ди-и, герой какой выискался! – Разочарованно произнесла она. И не отчаявшись нагнать на Владимира Ивановича жути, уже не так уверенно добавила:

– Ведь я не шуткую, дурья башка. Не боисся, что ли? Самого Сатану сейчас сюда приглашу. Соображаешь? Са-мо-го!!! По твою, кретин, душу.

Но Ахензев не поддался на провокацию, и не задумываясь о последствиях, повторил:

– Зови, уродина!

– Что-о-о?! – Оскорбилась ведьма, и, забывшись от возмущения, уселась на раскаленную лампочку. Многотысячная температура выбросила шипящую бабку из светильника, и она заносилась кругами по комнате, прихлопывая по дымящемуся заду, причитая и охая. Но ветхая юбчонка разгорелась еще пу-

ше, и погорелица, бултыхнувшись в уже года три пустующий, зазеленевший аквариум, завершала заклинание, возжаждав немедленного отмщения.

Из небытия демонюга высветился не сразу, не вдруг. Сначала по помещению протянуло метановым душком – сквознячок не из приятных – и лишь потом, после этого, перед очами Владимира Ивановича материализовался сам Сатана.

Выглядел он весьма неплохо: костюм с иголки, такое же, как у Ахенэва представительное пузо, те же блестящие, высокие залысины, очки в тонкой золоченой оправе. Точь-в-точь Владимир Иванович, только с огромными рогами.

Черт расслабленно процокал копытцами по паркету и плюхнулся в хозяйское кресло-качалку.

– О чем, собственно, лай? – Произнес он наконец. Бабка не дала Ахенэву и рта раскрыть:

– Задумал чтиву сочинить про Содом и Гоморру! – Заголосила она из аквариума, стряхивая с уха чахлую водоросль. – Состоит с «зеленым змием» в связи! Мне все нервы измотал, изверг, теперь до Вас добирается.

Однако, вопреки ведьминным ожиданиям, Лукавый выслушал ее стенания равнодушно. Он удобно развалился в кресле и ослабил галстук.

– Слушай, человек! Об аде не написано ни одной правдивой книги. Брался один, дай бог памяти, тьфу, черт – Данте – сочинить. Привязался, как собака к ошейнику, к кругам, интерпретировал синкретичные мифы, сварганил симбиоз из правды и домыслов и – баста! А что получилось? Крупица истины, а остальное – галиматья, абсурд! Возьми хотя бы элементарщину: с подачи Данте – все обитающие в аду грешники – призраки! Явный нонсенс. На привидение лапу не наложишь: выскользнет, просочится... Поэтому телеса, хочешь не хочешь, а выдавать приходится! Клонировать в том естестве, в котором усопший или усопшая должны были пребывать по генетическому проекту, до отбывания на наш свет. Клонокопии без аномалий, не чихают, не кашляют. – Сатана укорочено взглянул на Владимира Ивановича – понимает ли?

Моделирование человека, его копии, идентичной оригиналу, из одной единственной живой клетки, было довольно верной лошадкой для собратьев по перу и жанру. Правильно истолковав немой вопрос, Ахенэв позволил себе прервать монолог демона и вставил:

– С этой научной проблемой я немного знаком. Начиная от Франкенштейна и кончая последними разработками.

– Приятно иметь дело с образованным человеком. А то некоторые, как про клон услышат, так сразу орать – колдовство! В наших лабораториях ДНК – матрицы, на всех живших и живущих! Заслужил бессмертие или вечную молодость – получай! Пара пустяков: чистая наука и никакого колдовства. Ну, а о чудесах – разговор особый. Есть в наших арсеналах, и давно причем, лет, чтобы не соврать, с пяток тысконок, так называемый – МОПС. Вот это, как раз то, от чего вы, смертные, веками шарахаетесь. Астральная система Миражно-окультурно-призрачной связи. Применялась, да и сейчас иногда применяется, для сношения с нашей агентурой в законспирированных местах – заброшенных домах, старых замках. Но это, в общем-то, – уже анахронизм! Сейчас эра НТР, а не время алхимиков и крестоносцев. Не через пень-колоду, как раньше... Вот так-то! А ты – привидения, призраки, – сплошная голография. Или другой аспект. Сколько существует мир, я и мне подобные, по людскому разумению – создания, умышленно творящие зло. И такие мы, и рассякие, ни на что не способные, кроме гадостей! А подумал ли кто о прямых, функциональных обязанностях чертей?! Ведь черти – санитары загробного мира. Ангелам да архангелам подавай готовенького, душевно продезинфицированного грешника. Вот и выходит: им дифирамбы, а демонам – дырку от бублика! Понятно, используем сугубо адовы методы, оправданные веками... И это кое-кому не по нутру. Но что поделаешь?! Больному тоже не нравится, когда его хирург потрошит... Наша же работенка – пощекотливее! Душу оперируем!! Несомненно, случаются срывы, накладки – в семье не без урода! хотя с подобными отклонениями и перегибами боремся беспощадно. А наветы, болтовня, хула – надоели, хуже горькой редьки. Нет уж, пусть лучше горькая, но правда! Нам ли бояться критики?! Не то что нимбоносные... Малейшая неувязочка, и посыпались громы и молнии. И опять наш брат крайний: и в хвост, и в гриву... – Сатана нервно зашарил по карманам, повесил на клык трубку и запыхтел обиженно. – Фу-ты, ну-ты, крылья гнуты!.. – Он поманил Ахенэва. – Данте-то читал? Читал-читал, по глазам вижу, значит о кругах наших наслышан. Хотя, сказать тебе откровенно, я и сам точно не знаю, сколько их сейчас наворотили. Что не межгалактическая экспедиция – то круг. Но, с другой стороны, – это и радует: решена адова демографическая проблема. Ведь мы давно обскакали простых смертных в

плане освоения вселенной. И метода перемещения в пространстве иная: не дырявим озоновый слой, как некоторые, ракетами. Но это так, к слову... А вообще-то, общедоступных кругов – семь. И ты будешь первым, кому суждено воочию увидеть нашу кухню. Возможность предоставлю, но с одним условием: сумеешь запечатлеть – чтобы волосы дыбом – проси, чего пожелаешь, исполню. Нет – пеняй на себя!

Ахензева зазнобило.

– А что от меня требуется? – Чуть слышно промямлил он. Тело покрылось гусиной кожей.

Сатана зареготал.

– Самая малость. Пройдешь золотую середину – Чистилище, в низы, к массам спустишься и – вся недолга. Согласен?

Владимир Иванович сдавленно пискнул и потерянно кивнул.

– Тогда, – в глазах демона коротнула вольтова дуга, – держи контрамарку и иди, ныряй в... – он указал на туалет. – Там начало очищения от скверны! – И дикий, сардонический хохот потряс здание.

..Владимир Иванович с трудом открыл глаза и повернулся на бок. Пот катил градом.

– Уф-ф-ф... – Он прислушался. В соседней комнате разговаривали.

– Доктор, как он себя чувствует?

– Лучше...

– Помилуйте, доктор, адова работа. Пишет, черте о чем: квазары, инопланетяне... Да и коньячок помог... Опостылело, а как иначе...

2

– Это надо же – так загадить служебное помещение! – С подоткнутым подолом, в колготках телесного цвета, чертовка елозила тряпкой по полу, устраняя следы пиршества.

– Банкет им видите ли подавай. С вольных харчей чего не налопаться?! Ишь, обожрались дармового, теперь в блуд потянуло...

Рассуждая вслух таким образом, чертовка трубно высморкалась и с досадой швырнула тряпку в лохань.

Владимир Иванович неслышно прикрыл за собой дверь, притулился к косяку и обалдело огляделся вокруг. Над барьером, разделяющим зал на две половины, аршинными буквами значилось

В К И Б. РЕГИСТРАТУРА

Правая стена регистратуры была задрапирована черным бархатом, по черному полю которого были разбросаны в художественном беспорядке зеленые черепа.

– Сюрреализм. – Машинально проконстатировал Ахензев и глянул на противоположную левую сторону. Воздушно-голубая, лучившаяся светом, с порхающими ангелами и кувыркающимися в облаках херувимами, она как будто бы была позаимствована из «Романтизма» Ленинградского Эрмитажа.

В это разностилевое великолепие вторглись прикнопленные типографские образчики адовой агитации на любой вкус: транспаранты, лозунги, призывы:

Бесу – Бесово!

Организуем массовый сбор запретных плодов!

Грешник! Встал на путь исправления – помоги другому!

Божий глаз – и на Нас, и на Вас!

Чертоломам – почет! Чертомелям – позор!

Сковородки – в массы!

Покойникам – зеленую улицу!

Дашь каждому грешнику индивидуальный котел!

Райским куцам – расти гуще!

Вдоль стен – столы с табличками:

Представительство рая

Представительство ада

Включилась трансляция. Со сводчатых потолков обрушилась музыка: вперемешку – рок, джаз, хоралы... Как будто кто-то крутил верньер настройки приемника.

Владимир Иванович сделал шагок и остановился у колонны.

Его подтрясывало.

Чертовка же, тем временем, наведя в помещении окончательный марафет, сменила экипировку, превратившись в капризную барышню со вздернутым носиком и небольшим, пушистым хвостиком. С достаточной долей сарказма, сквозь который просачивались нотки ревности, она гнусаво промяукала:

– Намилуетесь – шефы застукают! Десять – на подпрыге...

Из боковушки, вероятнее всего служившей местом отдыха, вылупилась парочка. Впереди, жеманно выгибая талию и опирая перышки, плыл розовощекий, кудрявый ангелочек, стыдливо потупя подведенные глазки и поджав покрашенные губки бантиком. А следом, приотстав на полступни, обнимая

воздушное создание грязными лапищами и нашептывая на ушко что-то скаберзное, семенил молодой, подтянутый черт.

– Обаяшечка! Не ангелок, а конец света!

– Отстать!

– О-о-о, шарман... Джанановые вочи¹ и шузия на манке² – с меня...

– А ты думал неземное блаженство просто так получать! – возмутился ангелок. – Если не доволен, то можешь проваливать к ведьмам и чертовкам развлекаться. И вообще! – Он обиженно трепыхнул левым крылышком. – Я всегда удивляюсь: стоит вам, чертям, пробиться в элиту и получить санкцию Сатаны на элитарные привилегии, так сразу начинаете ловчить, что-то выгадывать... Лучше подумай во что мне переодеться после твоих ухаживаний. Посмотри, не балахон, а маскхалат какой-то!..

– О чем ты говоришь?! Ноу проблемме! – Черт подскочил к стене, распахнул створки вмонтированного шкафа.

– Вот! – он протянул нежно-голубую накидку. – Носи на здоровье.

– Что? Голубую?! Нет, ты решительно задумал меня доко-нать своими издевательствами. – Ангел обиженно надул губки. – Чтобы я когда-нибудь надел голубое?!.. За кого ты меня здесь держишь? Будто не знаешь, что мы, ангелы, принципиально не носим одежд и изделий голубого и желтого цвета! Только нейтральное... – Он бочком подлетел к шкафу, заглянул вовнутрь и всплеснул крыльями. – Жлоб! Столько фирмы... Да в этих шмотках клёво панкануть можно, а ты гасишь такой клоуз! Интересно бы знать, для кого это ты прикид бережешь. А еще клянешься – блаженствую!! Все для тебя... Вон, что-то бледно-розовенькое висит, в пятнышках.

Черт, который видимо действительно дразнил ангела, довольно рассмеялся и, убрав голубую накидку, передал ангелочку «бледно-розовенькое в пятнышках», на поверку оказавшееся комбинезончиком с яркими нашивками на груди и надписью «U.S. ARMY». Для полной законченности костюма черт присо-вокупил беретик той же масти.

– О-о-о! – восторженно задрожал ангелок и немедленно взялся примерять тряпки.

¹ Джанановые вочи – японские часы (жарг.)

² Шузия на манке – обувь (жарг.)

– А начальник не взгреет за такой видок? – Спросил черт. – Дай-ка я тебе прорехи под крылья сделаю.

– А!! – отмахнулся ангел. – Он в модах «ни бе ни ме».

Расставив крылышки и руки, счастливый ангелок закурился перед чертом и даже вспорхнул под потолок.

– Ну как? Мне идет? – спросил он сверху.

– В кайф! – одобрил черт. – Для полного комплекта не хватает автомата системы «Томпсон» и парашюта.

– Лишнее, – ангелок спустился на пол. – Мне парашют ни к чему, автомат – тоже. На этот случай можно и молнию раздобыть...

– Пару сеансов блаженства с тебя, – предъявил дополнительный счет ангелочку черт.

– О господи! Какой же ты прагматик! Обязательно надо напомнить. Я ведь гарантировал – все будет о'кей, если перестанешь жадничать.

Черт самодовольно захлопнул шкаф и только теперь обратил внимание на вожделенно приглядывающуюся к брошенному балахону уборщицу.

– А ты почему до сих пор здесь? Иль забыла восьмой параграф? Так в нем ясно сказано: посторонним грешникам, принявшим обличие сотрудников рая или ада находиться в специальных помещениях в рабочее время – категорически запрещено! Исчезни – от греха!

Чертовка хлюпнула носом, хотела что-то возразить, но проглотила хамовато-начальственную пилюлю и – испарилась.

Раздался десятикратный петушиный крик.

Черт взвился, юзнул за стол, впопыхах натягивая спецовку.

Ангел тоже вспорхнул в свой ряд, раскрыл косметичку, выложил дезодорант.

Тонкий запах дезодоранта защекотал ноздри черта.

– Какой изыск! – Застонал он.

Звук разрываемой материи, удушливый запах серы и – из-за траурной стены, заигравшей зеркалами, выступило, возникло нечто кряжистое, увенчанное элегантными рогами и жесткой гривой. Упакованное во все заграничное, оно небрежно раскланялось по сторонам и прошествовало по залу.

– Как поживали в мое отсутствие, коллеги? Как дела?

– Шеф... – Младший черт угодливо согнул хвост кренделем. – Тут до вас Вельзевул продирался. Надоел. Когда, да когда Антихрист появится?

Мелодично зазвенели колокольцы и ввалился какой-то субъект. В мешковатом костюме, с замусоленным нимбом на темени, он буркнул:

– Приветствую. – И расположился за столом. Ангелочек положил на стол нимбоносного кипу газет и журналов.

– Свежая пресса, шеф. – Объявил он.

– Ну, руководитель райского представительства в своем репертуаре. Наш архангел Гавриил все кроссворды освятил! – Скаламбурил Антихрист. – Да бросьте эту дребедень! У меня для Вас кое-что поинтереснее найдется.

Начался обычный день заgrabной Чистилищной регистра-туры.

3

– Шеф, как командировка?

– В ЧМО хотел бы я видеть такую командировку,.. – старший черт смачно выругался. – Приезжаю, а у них Нирвана: болеют! Годами – полный отпад... Аж обрыдло... Я к Шиве: Пойдем, тусонемся³. А он: да иди ты к Будде, не ломай кайф. Лежит, тренькает на гитаре, чешет пятки, и – никакого движения! Одно название – лидер местной бесовки... Пришлось без подруги проворачивать свои делишки. Да, чуть не забыл. – Антихрист распахнул кейс, достал толстый, богат о оформленный журнал и показал Гавриилу.

– Как договаривались. Родной!! Не самиздат!

Младший черт передал презент.

– Признателен. Весьма признателен... – Архангел засмутился, но не в силах удержаться от соблазна, взялся за чтение.

Ангелок завис за спиной у начальника и с придыханием прочитал:

– «Пент-ха-уз»!! Ой, какая пре-елесь!

Гавриил недовольно передернул плечами.

– Сгинь, это не для тебя!..

Ангелок захныкал.

– Ну, шефчик, разреши... Одним глазком...

Гавриил сдвинул нимб на затылок, отрешенно кивнул и углубился в изучение цветных иллюстраций.

Ангелок летал над креслом, шебурша крылышками, тянул шею и приговаривал шепотком.

– Тьфу, какая гадость – прости Господи!

³ Тусонуться – пообщаться (жарг.)

– Тьфу, какая гадость – прости Господи!

– Ох, какая пошлость – прости Господи!

– Ой, не надо – прости Господи!

Глазки ангелочка помаслятели, крылышки тряслись, как от озноба, вентилируя вспотевшую лысину Архангела.

– Да сгинь ты, на самом деле. – Не выдержал Гавриил, – знай свое место!

Не в силах оторваться от журнала, Архангел одной рукой вытирал испарину со лба, а другой, дрожащей – отпихивал в конец разомлевшего помощника.

Ангелок обиделся, отлетел прочь и опустил голову.

– Потом будет утверждать, что собирал лекционный материал на темы «Эстетика рая» или «Грехи наши тяжкие», – сокрушенно вздохнул он. – Проклятый онанист...

* * *

Владимира Ивановича прорвало. В горле запершило и он, не удержавшись, зашелся долгим кашлем.

– Что за чертовщина? – Находящиеся в зале недоуменно уставились на подгребающего ватными ногами к барьеру Архангела.

Младший черт вскочил со стула, хлестнул по ляжкам хвостом и, опершись о стол, деловито спросил:

– Кто таков?

– Я – писатель... Ахензев.

– Ага, значит из взбесившихся грешников.

Старший черт неопределенно хмыкнул:

– Началась кутерьма! – и вперил во Владимира Ивановича стеклянный взор.

– А вы, если не секрет, к кому? – Поинтересовался архангел Гавриил, натягивая нарукавники.

Ахензев почти освоился, сориентировался в окружающей обстановке и ответил подобающе:

– Рад бы в рай, да грехи не пустили!

Гавриил сразу потерял к нему интерес и переключился на кроссворды.

– Грехи, говоришь? Так, так... – Младший черт с прищуром взглянул на Владимира Ивановича. Он приблизился к Ахензеву и панибратски взял под локоток. – А какие, позволь узнать? Плагиат, склонение к соавторству?..

Ахензев отрицательно покачал головой. Черт подтолкнул Владимира Ивановича к Антихристу.

– Выписной эпикриз имеется? – Глава Представительства протянул лапу, приступив к своим обязанностям.

– М-м-м?.. – не сообразил, что от него требуется, фантаст.

– Понятно. Жертва несчастного случая. Заключение суде-медэксперта?.. – Старший заполнял какую-то анкету.

– М-м-м...

– Понятно. Перетасуй пропавших без вести. И – прочих...

Младший раскинул картотеку: афишки, что вывешивают на видных местах с трафаретом наверху – «Их разыскивает милиция».

– Нет, не похож, нет – не похож, хоп – кажется, как раз то, что надо! – И младший, прыснув в ладонь, передал Антихристу афишку.

Демон внимательно стал изучать бумажку, поглядывая на Ахензева.

– Да, общее сходство есть, общее... С прической чего-то не то... – Заключил он.

– П-с-с, шеф: то ж баба! Шучу я.

– Это, по твоему, баба, – не понял юмора Антихрист. – А ну-ка процитируй пункт «В» части третьей статьи сто девяносто восьмой основного Положения о Чистилищном режиме проверки грешников всех кругов.

– Каждый преставившийся обязан предъявить доказательства своей принадлежности к тому или иному полу, – бодро отрапортовал младший черт.

– Вот именно! – Многозначительно подчеркнул Антихрист. – А ты – баба! Это надо доказать...

Младший черт с полуслова понял намек, оттеснил Владимира Ивановича в сторону и заговорщицки подмигнул.

– Хочешь избежать неприятного акта установления личности, да и от мазка на СПИД избавиться – наваливай на лапу шефу пару тысконок золотишком, и – топай, куда заблагорассудится! Хоть в ад, хоть в рай. Хоть к девкам, хоть к мужикам. Ясно? Золото – оно и в Чистилище – золото! А блат и злато – свято!.. Впрочем, можно и камешками...

Владимир Иванович протестующее замахал руками.

– Я по другой части...

– А-а-а, натурой желаешь забашлять⁴! Поздно! Души – не скупаем. Раньше – да, было. А сейчас – инфляции, девальвации, курс упал, крах. Так что – не сговоримся.

⁴ Забашлять – заплатить (жарг.)

– Да не о том, я. Вот... – И Владимир Иванович протянул контрамарку с печатью Сатаны.

Увидев страшную Мету, черту вспомнился давний конфликт со своим старинным приятелем Кондрашкой. Он пыхнул ярким пламенем, грохнулся об пол и зашелся в конвульсиях.

– Подослали... – Просипел мздоимец и – вытянулся. Почувяв неладное Антихрист и Гавриил повскакали с мест.

Ангелок заполошно захлопал крыльями, метнулся к Дружку, нащупал пульс и опрометью бросился в боковушку.

– Сейчас святой воды принесу! – донеслось оттуда.

Главы представительств приблизились к лежащему, увидели в руке скомканную бумажку со знакомым знаком и поменялись в лице.

Антихрист заскреб грудь, сыпанул в пасть горсть таблеток, Гавриила – словно ветром сдуло из Чистилища.

Ангелок окропил бездыханного пахнувшей аммиаком святой водой, что-то нашептал, и черт очухался. Вытаращил зенки, дрыгнул копытом и привстал, шатаясь, на корточках.

– Не гу-у-би! – Прохрипел он, мазнув слюной по щекам. – Ми-и-лый, не губи!

Антихрист убавил в росте, рассыпался мелким бесом.

– Миль пардон, многоуважаемый! Неувязочка! Надеюсь на вашу порядочность. Вы – не видели, мы – не делали, не говорили... Взамен – дарю своего помощника. Предан – как собака! И – всемерное личное содействие! Куда изволите-с? Или самостоятельно? Гм, гм...

После происшедшего Владимир Иванович чувствовал себя не в своей тарелке. Такого эффекта он не ожидал!

– Мне бы в ад. Ад – глазами современника; так оговаривалось.

– Организуем! В лучшем виде – организуем!.. На столе Антихриста зазвонил телефон.

– Какого черта?!.. – Заорал он в трубку и осекся. – Ах, меня? Кто? Шайтан! Привет. Что? Видеокассеты с порнухой? – Демон покосился на Ахензева и вполне натурально возмутился. – Ты спятил? Под монастырь подводишь. Нет и нет... Одним словом, не телефонный разговор...

Отключив аппарат, Антихрист заметался по регистратуре, бросая реплики, предназначенные для ушей важного гостя.

– Безобразие! В рабочее время! Чем они там занимаются?! Пораспускались, понимаете ли, в конец!..

Задницу саднило. Последний удар глухо отозвался в копчике и Владимир Иванович твердо ступил на ноги.

– Мы на че-ортовом катались коле-есе! – Послышались слова знакомой песни.

Ахенэв с трудом разогнулся и с ненавистью взглянул на бесовскую выдумку. Резво подмахивая коленоподобными шарнирами мимо них бежал дьявольский эскалатор. По эскалатору легко и непринужденно, словно резиновые, взбрыкивали, сучили конечностями грешники.

– Ужасно изощреннейшая штукавина! – Восхищенно произнес младший черт, окончательно оклемавшийся от вчерашнего конфуза. – Своего рода – антидепрессант! Постоянно поддерживает нужную форму, не дает расхолаживаться... Правда, слегка травмирует неопытных, зато какие горизонты для исхотерапии... А какие борцовские качества выявляются... Удостоена Сатанинской премии! Новинка ада!

Владимир Иванович болезненно поморщился, осторожно поправил брюки. Кожа на ягодицах лопнула и по телу разлилась ноющая, тупая боль, усиливающаяся при соприкосновении ссадин с материей.

– Прибыли, что-ли, ирод? – Простонал Ахенэв.

– Не Ирод, Яша – я. Уже сейчас прибудем...

* * *

– Наденька, этому больному продолжайте курс сульфазина. Очень странный случай...

* * *

Черт сосредоточенно скреб переносицу, массировал лоб – забыл цифровой код. Наконец, в башке что-то зашипело, щелкнуло и Яков облегченно вздохнул.

– 13-333-713! – Он крутнул диск и двери, нехотя раскрыв объятия, впустили гостей.

В лицо шибануло спертым воздухом: парилкой – прачечной. Владимир Иванович протер запотевшие стекла очков и близоруко сощурился.

ЧМО

Бросалось в глаза красным. И ниже – петитом: Чертог межведомственного очищения.

– Ждем, ждем, предупреждены,.. – К ним спешил клинобородый представитель местной власти. С рогами сложной конфигурации, в строгом костюме и в белой манишке с бабочкой. Он расшаркался, – добро пожаловать!

Яков небрежно кивнул в ответ и неожиданно взлаял фельдфебельским басом, заставив вздрогнуть окружающих.

– Построить наличествующий состав смены!

Бородатый испуганно сиганул в сторону, к котлам, заверещал с дурнотой в голосе.

– Сме-ена! Гото-овно-ость но-мер один-ин! Трио-во-ага!

На площадку, вероятно служившую местом сборов, вымахнула четверка чертоподобных существ. Бородатый скакнул в голову шеренги.

– Сми-ирно! – Заревел, нагнетая нервозность, Яков и расхлестанной походкой двинулся вдоль строя. Ахензев заковылял следом.

Преследуя цель выслужиться, выказать ретивость не столько перед серятиной-обслугой, как пред Ахензевым, Яков раскомандовался:

– Как стоишь, скотина! – Он выхватил у одного из нелюдей кочергу и огрел его по животу. – Убери требуху! Как стоишь, говорю...

Другому, косящему исподлобья, звезданул по рогам, и они съехали набекрень, а затем, с чавкающим звуком отвалились...

Владимир Иванович испуганно схватил осатаневшего черта за волосатую лапу.

– Прекратите, достаточно, успокойтесь... Право, нехорошо...

Черт послушался, сбавил гонор, угомонился и даже снисходительно мекнул.

– Вольно. Скажите спасибо ему, – он кивнул в сторону Ахензева. – Научил бы я вас, как приветствовать начальство... Разойдись...

Строй в мгновение ока распался, растворился в недрах Чертога. Клинобородый притормозил, остался, льстиво замел хвостом.

– Как вам наша фирма? – Подсуетился он.

– Фирма? – Якова опять понесло. – Ты лучше сознайся, для какой цели подсунул нам этих ублюдков? Сплошной кренинизм... Да любая дефектная ведомость котлонадзора – картинка, по сравнению с этими...

И, озверев, вновь фельдфебельски разбасился.

– Где личные дела смены? Мигом – копыто здесь, копыто там – доставить... Стоп! Майкино – не тронь... С ней и так понятно...

Не прошло и минуты, как все было организовано в лучшем виде; пара кресел, стол, а на столе – четыре пухлые папки.

Яков ернически ухмыльнулся, засопел от удовольствия – его тщеславие было удовлетворено. Барским жестом придвинул к себе одно из дел, раскрыл.

– Во, взгляни, хорош?!.. – Черт передал папку Ахенэеву.

С фотографии пялил бельма вилорогий, так Владимир Иванович окрестил для себя одного из чмовской семейки.

Под снимком – запись: 5X – 8P – 112 – III.

Владимир Иванович смущенно крикнул.

– А нельзя ли узнать, что обозначает эта аббревиатура?

– Какая? – Яков слегка приподнялся с кресла, развернул дело. – А-а-а, эта... – Он замешкался. – Постой. Ты разве не проходил вводного инструктажа?

Ахенэев недоуменно пожал плечами.

– Вот черт... С этим Знаком... Совсем зарапортовались в Чистилище. – Яков раздраженно забарабанил когтями по папке. – Слушай, а если совместить инструктажи: вводный и на рабочих местах, так сказать – первичный. Усвоишь? Сейчас объясню суть, а остальное – по ходу... Идет?

Ахенэев согласно кивнул.

– Вот и ладушки! Тогда так. Каждый, поступивший в ад, а это для всех людей неизбежно – безгрешных нет – первым делом проходит чмовскую обработку и карантин. Отмаявшись, сколько положено – по грехам и почет – представившийся предстает перед Административной комиссией. Которая, учитывая былые заслуги, специальность, протекции, а также сопроводительный лист – он идет спецдепешей, распределяет индивидуума на окончательный постой. В определенный круг. Грешнику выдаются: специнвентарь, орудия труда, обмундирование или одежда – каждому свое, и на этом – точка! Впрочем, Для желающих стать на путь исправления, решившим задним числом искупить грехи, существует ДаД – добровольная адова дружина. Членам ее, при надлежащем поведении, открыта дорога не только в другие круги, но и в Чистилище. Оттуда – при согласии представительств, грешника могут перевести в разряд Дадовца с широкими полномочиями или ангела. Иными словами, перевести на улучшенные условия содержания... Вот такие пироги! Да! Каждому из представившихся, дабы не сбиться со сче-

та, выдается бирка. Ну а что касается всей аббввю..., аббрр..., тьфу ты, черт – язык сломаешь! – одним словом, это – другая кухня – адовой спецчасти и вкупе с ней... Понятно?

Ахензев повторно кивнул и спросил.

– Можно один вопросик?

– Пожалуйста. Хоть два! – радушно подбодрил Яков.

– Вот ты упомянул, что грешникам выдают орудия труда и прочее... Они что, где-то работают, производят материальные ценности?

– А как же! – воскликнул черт. – Неужели прохлаждаются? Труд в аду – дело обязательное. Мы ведь давно перешли на самокупаемость и хозрасчет. Не ввозить же с Земли все необходимое на прокорм такой оравы... И работают они по своей основной специальности, и зарплату получают.

– А у вас что, своя валюта? – вновь проявил любопытство фантаст.

– И своя есть, – подтвердил Яков, – правда не для грешников. Им же, для удобства платят в той валюте, что имеет хождение на Земле. Адов монетный двор штампует купюры по мере спроса, на любой вкус и цвет. Деньги – отнюдь не фиктивные: обеспечены выпускаемой грешниками продукцией. Да и заработки у них раза в три-четыре больше земных при продолжительности рабочего дня в двадцать четыре часа в любом из кругов. Остальное время – личное, если можно так выразиться. Естественно – имеются и выходные... Так что, аналогия с земным производством почти полнейшая. Есть в аду и своя индустрия, и своя торговля, и своя наука, и даже свое искусство. – Яков взглянул на внимательно слушающего писателя, который при упоминании о двадцатичетырехчасовом рабочем дне аж передернулся. – Ты, босс, все это близко к сердцу не принимай, – утешил он. – Все равно живым из жизни не уйти. А придешь к нам – махом определим по твоей профессиональной принадлежности. У станка стоять не придется. Здесь только в третьем круге обезличка; кем бы ты не был – вкалывать обязан за будьте здоровы! Но тебе этого бояться нечего, раз не судим.

– Что-то непонятно, – искренне удивился фантаст. – Они у вас что, не устают? Все же по двадцать четыре часа вкалывать – это не шуточки!

– Отвечаю! – черт заговорил деловым тоном. – Во-первых, для нас, для аборигенов ада, время как таковое абсолютно ничего не значит. Абстрактная величина. Мы практически бессмертны и обитаем в другом измерении, а если и пользуемся

часами и всякими там временными терминами, то только для хронометража. Во-вторых – все остальные обитатели преисподней, то есть грешники, поток времени ощущают поначалу, лишь в силу привнесенных с Земли инстинктов, рефлексов и привычек. То есть: допустим на Земле ты в самолете перелетел из одного часового пояса в другой, ну, хотя бы из Москвы в Нью-Йорк. Разница в девять часов, и тебя конечно потянет на жратву и на сон в то время, к которому ты привык. Но потом – адаптируешься. Так и в аду; по прибытию, всех без исключения тянет на сон и на трехразовое питание. Многие просто не могут врубиться, что время отныне для них не существует. И что жить в загробном мире будут они по тому режиму, который принят в круге пребывания. А в этом круге может оказаться и 60 часов в сутках, и сорок, и 80: короче – сколько необходимо его руководству. Здесь, в ЧМО, для удобства распределительной комиссии, сутки как и на Земле. Ну, а затем, в производственных и прочих интересах, их удлиняют.

– Так вы, выходит, спите раз в неделю? – ужаснулся Владимир Иванович.

– Нет. Отчего же? Спим – когда устает, едим – когда проголодаемся. Только подгоняем эти свои естественные потребности под время того круга, где находимся. И ты, босс, так будешь поступать. Втянешься.

– Да нет, Яша! – засомневался Ахензев. – Я и поспать и поесть люблю невзирая на время. Не сумею наверно приспособиться.

– Сумеешь, босс, не сомневайся. Не забывай – где находишься. Привыкнешь. Равняйся, так сказать, на меня. Правда насчет пожрать – здесь я с тобой солидарен. Ежели вдобавок и кирнуть!.. Короче, все устроится. Не бери в голову.

Яков устал от объяснения прописных истин, замолчал, почесал подмышками.

– Будешь глядеть на остальные рожи или сразу перейдем к рабочим местам? – Он указал на папку.

– Зачем ворошить старое, – Владимир Иванович покачал головой. – К тому же я их и так лицезрел.

– Тогда пошли.

5

– Все собираюсь спросить,.. – Владимир Иванович замялся, – некрасиво все-таки получилось... Так бесчеловечно сшибить рога...

– Ты о чем?

Они стояли у широкой, зияющей чернотой пропасти – адова горнила, пекла.

Преставившиеся выплескивались из мрачных глубин, скапливались на ее краю и обслуга ЧМО кочергами сортировала грешников, сколачивала компактные группки – согласно предписаний – и разгоняла бессловесных по кипящим котлам.

Ахензев заметил, что одних направляют в смолу, других – в деготь, а кое-кого и за отдельную ширмочку...

Владимир Иванович отвел тоскующий взгляд от скорбного зрелища, но тут же воспрял духом и возбужденно произнес.

– Вот это новость! Оч-чень интересно! А они что, способны регенерировать, отрастать вновь?

Яков уставился на Ахензева.

– Что ты там бормочешь?

– Да вон, видите, утренний пострадавший... Черт переломился пополам, зашелся в смехе.

– Ну, даешь, писатель! Офигеть можно: генерация, культивация, реанимация... Это на земле – доморощенные рога отхватывают! А в аду, – черт оборвал смех, – у элиты – элитные, родные, а у остальных чертоподобных – специнвентарь, на присосках. Возьми ЧМО: из-за нехватки штатных сотрудников здесь работают Дадовцы; чертоподобные, приравненные к категории бесов. Но сбесившиеся – не чистопородные, а суррогат – грешники, ставшие на путь исправления, искупления зла... Я же тебе русским языком жевал, кому – что положено. Неужели не дошло?

Владимир Иванович разочарованно махнул рукой и повернулся, намереваясь уйти от котлов подальше. Подальше от разверстых в немом крике ртов.

Но остановился.

– Слушай, Яш, – все еще хмурясь спросил он у скалящегося черта. – А почему у вас грешники, как в немом кино?..

Яков погасил смех и с недоумением взглянул на фантаста.

– Не понял?

– Ну, почему они раскрывают рты, а что говорят – не слышно?

– Ах, вон ты о чем! Та же охрана труда и техника безопасности, что и у вас на Земле. Единственная разница; что у вас при сильном шуме на предприятии надевают специальные шлемы или наушники, чтобы не оглохнуть, а в ЧМО решили несколько иначе – ликвидировали причину шума. Представля-

ешь, какой бы стоял вой, если их, то есть грешников – озвучить?! Ни на одном рок-концерте такого не услышишь! Да и соглашение приходится соблюдать.

– Какое соглашение? – заинтересовался Владимир Иванович.

– А!.. – презрительно сморщился Яков. – Нимбоносные раззунделись. Настаивают на своем. Мало, говорят, что их при жизни грешники и в бога и в мать поносят, так еще и в аду выслушивать богохульство. Но это они, конечно, лишка двигают; от ада до рая и звука не просочится, да и кого больше на Земле склоняют – тоже вопрос спорный. Но ничего не попишешь; дипломатия, плюрализм, так сказать: пришлось Сатане идти на уступки.

– К слову... Не в обиду сказано, но в ближайшее время и тебе придется пристегнуть это украшение. – Черт покачал рогами, и увидев, как внезапно посмурнел Ахенэев, хохотнул.

– Я о другом... Рога – для проформы, на всякий случай...

* * *

– Яшенька! Не зайдешь ли на минутку? – Обаятельная чертовка сбросила наушники, крутанула ручку громкости плеера, многообещающе улыбнулась. Завитой хвостик игриво оглаживал бедра. – Можете вдвоем... У меня как раз перерыв на обед.

Чертовка отодвинула ширмочку и Владимиру Ивановичу открылся уютный плавательный бассейн с ультрасовременным интерьером. Чертовка, лучась улыбкой, ждала.

– Кто это? – Забыв о только что принятом решении покинуть Чертог, поинтересовался Ахенэев.

– Это?!.. – Яков сложил губы трубочкой, послал чертовке воздушный поцелуй. – Это – Майка! Стервь – выдающаяся! Ух, и обслуживает; всю кровь выпила своим кокетством... Желает, могу свести поближе. Для, так сказать, более детального знакомства. Специалистка, у-у-у... Высший класс! – И Яков шепотом добавил Ахенэеву описание Майкиных способностей, отчего Владимира Ивановича кинуло в краску.

– Ради бога... Нет... Не надо... У меня семья, была...

– Совсем окрезел⁵! – Черт доставил сильное словечко. – Это в аду-то, да без греха?! Окрезел – это точно. Перепутал ад с богадельней...

⁵ Окрезел – сошел с ума (жарг.)

– Ждать вас, или нет? – Майка нетерпеливо, в такт вновь включенной музыке, постукивала медным копытцем.

– Отвяжись, зануда... – Яков вспылел, но тут же сбавил тон, ласково рыкнул. – На днях заскочу. Один. Ариведерчи!..

* * *

Ахензев замерз. Из носа текло, зубы выбивали мелкую дробь.

– П-пойдем-мте отсюда-да, Як-ков!..

Черт не торопился.

– Еще немного, еще чуть-чуть, – промурлыкал он мотивчик и, в который раз прильнул к глазку карантинного помещения, схожего с огромным фабричным холодильником.

– Так и есть, сцепились!.. – Яков рывком открыл обитую железом дверь и влетел в морозильную камеру.

У неровной от наледи, серой высокой стены набирала обороты драка. Тела грешников сплелись в шевелящийся – не поймешь, где руки, где ноги – клубок: шлепки, удары, грохот, вздохи...

– Опять не поделили угольки! – Рывкнул черт и вклинился в свалку, разнимая, раскидывая буйствующих налево-направо. – Раньше надо было рассчитывать – валютой, а не в карантине, в пустой след – уголками... Исхитрились, сволочи...

Грешники расползлись по полу, успокаивались.

– Як-ков, я б-больше не выт-терплю, п-пойдем-мте!

– Айн момент, сейчас тронемся, – черт удовлетворенно, с чувством исполненного долга прикрыл за собой дверь и в последний раз приник к окошку...

* * *

– Горемыки! – Владимир Иванович вслух посочувствовал. – Что им загробный мир готовит? Рок судьбы... – в голосе впервые забила, забродила мысль о неопределенности собственного положения, о нереальности происходящего вокруг.

– Чушь, белиберда... – Ахензев отмахнулся от мыслишки и ущипнул себя за ухо. Оно отозвалось вполне реальной болью.

Двое грешников: средневозрастный мужчина, с помятым, запойным лицом и с претензией одетая, стройная брюнетка ожидали вызова.

– Какой рок? – Яков хрюкнул в лапу. – Этого, что глушит воду, – и куда только влезает? – в первый круг кинут. А ее, вишь, какая неустойчивая, ходкая бабенка, сразу ясно... – бур-

ная молодость! Ее, скорее всего, во второй или в третий определяют. Впрочем, к чему гадать, сейчас узнаем.

Они прошли в зал.

– Ба, уж не мерещится ли нам? – Из-за массивного, Г-образного стола приподнялся старый знакомый, глава адава Преставительства. Антихрист незаметно толкнул локтем соседа, по привычке занятого решением кроссвордов, архангела Гавриила, качнул элегантными рогами.

– Милости просим! – И, обращаясь к остальным членам административной комиссии. – Прошу любить и жаловать: писатель Ахензев с референтом; по личному поручению Сатаны!

По залу пронесся сдавленный всхлип. А старший черт продолжал.

– Уважаемый Владимир Иванович соблаговолил осчастливить Чистилище своим посещением. Более того, им внесены ценные коррективы, послужившие основой для полной реорганизации методов отсева сбесившихся. И результаты не замедлили сказаться. Так, на сегодняшний день процент отсеявшихся по сугубо объективным причинам снизился до шестидесяти пяти.

Антихрист, утомленный пространством словесным реверансом, наклонил сифон, испил шипучки.

– Думаю, выражу общее мнение тринадцати: просить писателя Ахензева побыть с нами, одарить вниманием. Это не займет много времени. А также просить его разделить, в дальнейшем, скромную трапезу.

Яков исподволь ущипнул Владимира Ивановича за руку, прошелестел:

– Соглашайся! Не прогадаем. Заодно окунешься в первый круг. В самую гущу...

И Ахензев, согласно наклонив голову, занял место за столом заседаний. Комиссия продолжила работу в новом составе.

Председательствующий привстал, звякнул в колокольчик и зычным голосом объявил.

– Введите преставившуюся.

Вошла стройная кокетка и, скромно потупив глаза, опустилась на скамью грешников. По бокам встали два вымуштрованных черта. Председательствующий водрузил на рыло очки и завел Панихиду.

– Пузырева Анна, 19... года приставления. Образование – незаконченное среднее. Национальность – не установлена. Семейное положение – четырежды разведена, детей – абортиро-

ванных – двадцать восемь, рожденных – не имеет. Ранее судима, профессия – путана.

Председательствующий возмущенно затряс прямыми лакированными рогами.

– Кто составлял этот документ? Путана?.. – Проститутка! – Он продолжил чтение. – Состояние здоровья на момент представления: наркомания, хроническая гонорея, СПИД. Заслуги: двести пятьдесят зараженных гонореей, семь – спидом. Триста семьдесят четыре донесения в органы внутренних дел о близких знакомых. Из которых: на сто шестьдесят восемь заведены уголовные дела, сто пятьдесят отправлены в места отбывания наказания, шестнадцать – дали согласие на сотрудничество. Личина для окружающих в земной жизни: легенда – вдова погибшего капитана дальнего плавания.

Председательствующий захлопнул дело.

– Кто из членов Административной комиссии желает высказаться?

Семерка представителей от адовых кругов переглянулась. Двое, сидящих отдельно, на отшибе, зашептались, затем один из них бесцветно произнес.

– В сношениях с лицами какого гражданства замечена?

Председательствующий вновь раскрыл досье, залистал страницы.

– Предпочитала разовые контакты с особями индуистского и магометанского вероисповедания. В длительных связях не состояла.

Поднялся представитель кругов.

– Беру. Приемлема... Голос ей не подключайте. А то, пока до места доберемся, все нервы своими стонами вымотает.

Председательствующий ударил молоточком по гонгу.

– Секретарь, запротоколируйте – в третий круг.

– Что я тебе говорил? – Не удержавшись, бекнул на ухо Ахенэеву Яков.

6

– Кара – она завсегда – кара! Старая, новая ли – различия нет. Ну, будем... – Они сдвинули кружки, чокнулись. – О-о-о, крепка, зараза...

Тот, что позеленей лицом, цвикнул сквозь редкие зубы, закусил мануфактурой. Другой, фиолетовый, икнул с натугой и, решив употребить натуральный продукт, выколопнул из кар-

мана хлебную корку, понюхал, завернул в бумажку и спрятал обратно.

– Может, по второй, догонимся? – Фиолетовый колыхнул оставшуюся в бутылке муть.

– Э-э-э, наливай! Процедура повторилась. Щербатого развезло.

– Знаешь, сколько я ловлю заразы зараз? Пятьсот литров. Первака! А-а-а... Теперь считай: часть – вахтеру, часть – во второй круг, зато остальное – мое! Подсчитал? А-а-а... А ты – переходи... Нет! – Щербатый громыхнул кулаком по ящику, служившему скамьей. – Кара – Кормилица. А аккумулятор – из-под земли достану!..

Владимир Иванович, Яков и сопровождающая их комиссия прошествовали мимо очумевших, упитых в стельку грешников в кабинет ЛИХА: лечебно-исправительного хозяйства ада.

Посреди кабинета, вводя входящих в священный транс кишкоблудства, в состоянии благостного шока, восстоял претенциозно сервированный банкетный стол.

– Живут же, черти! – Архангел Гавриил сглотнул набежавшую слюну, потянулся к угощению, наизысканнейшим яствам.

– Рассаживайтесь, гости дорогие... – к Ахенэеву, скользящей походкой приблизился высокопоставленный чиновник. Костюм – тройка, серповидные окладистые рога, упругий, на отлете, хвост, да и вообще, сама манера держаться говорили о его принадлежности к элите ада.

– Кто это такой, весь из себя галантерейный? – Тихо поинтересовался у Якова Владимир Иванович.

– Бахусидзе. Глава ЛИХА. Пижон и ловелас – конченый! Тамадой, наверное, будет.

Чиновник предупредительно отодвинул кресло, неназойливо подтолкнул Ахенэева.

– Устраивайтесь, пожалуйста...

Яков примостился рядом.

Глава ЛИХА мягко осел по другую от Владимира Ивановича сторону, доверительно промычав, посетовал:

– Вот так и живем... На нервах, на пульсе,.. – Он кивнул на телевизионный экран. Шла прямая передача с рабочих мест цеха готовой продукции. Вокруг современной аппаратуры – модернизированной самогонной установки, высотой в двухэтажный дом, копошились грешники. Лихачи: алкоголики, хулиганье, скандалисты, алиментщики, клязники – народец, как

на подбор, один другого хлеще, трудились на отказ. Не шатко, не валко.

– Видите – контингентик?! Что от них ожидать? К тому же воруют, спиваются... Сплошные убытки... – Бахусидзе придвинулся вплотную. – Между нами говоря, осточертело... Может поменять технологию? Перейти на выпуск жидкого стекла? Не знаете, есть ли в нем градусы? А то и стекло выхлебают...

– Да, действительно, задачка... – Ахенэев осмотрелся.

Стены кабинета пестрели плакатами, разъясняющими форму бытия в первом адовом круге, его концепцию.

– От чего заболел – тем и лечись!

Похмелье – не порок!..

Сивушным маслом – знак качества!

Владимир Иванович криво усмехнулся; шалая мыслишка опять загуляла, взбудоражила мозг.

– Причем, технология?.. Чертовщина, да и только, – подумал он и добавил. – Наваждение!..

– Слышь, писака, – Яков дернул Ахенэева за рукав, отвлек от дум. – Хорош гнать гусей! На-ка, хлопни рюмашечку... – Сидишь, губы равняешь, как у тещи на блинах...

Владимир Иванович в нерешительности замялся, но тут же одернул себя.

– Идиот! Белая ворона! Выкаблучиваюсь... Я – посланец Сатаны! Смелее! – И Ахенэев, приободрившись, одним махом опустошил оправленный в серебро кубок.

А гульба набирала размах: Антихрист выдавал приперченные, с душком истории, председательствующий нализался до чертиков и уткнулся рылом в холодец, да так и затих...

Бахусидзе шатнуло к Владимиру Ивановичу.

– Биджё-о! Только ты меня понимаешь! Вот где оно, Лиха, сидит. – Он судорожно перехватил горло когтистой лапой.

Владимир Иванович поддакнул.

– У нас бы за такие дела – мигом определили... Что и говорить, сплошное безобразие!

Бахусидзе прослезился.

– Нет, ты м-мне скажи! Ты м-меня уважаешь? Да?! Дарагой! Давай – н-на брудершафт... В-выпьем за правду!

Они выпили и расцеловались.

Бахусидзе вытер пахнувшую сивухой слезу.

– Ед-динствен-ное, что еще удерж-живает – это окно в рай, отд-душина!..

И он повел мордой в сторону противоположной стены.

– Да-вай еще п-по одной, дарагой, и – в окно, – заплетающимся языком предложил Глава.

Ахензев не возражал против продолжения банкета.

– И со мной, по махонькой, – Яков придвинул кубок, и отпихнул тянувшегося через стол лобзаться «уважаемого» Бахусидзе.

Владимир Иванович закурил подсунутый чертом «Danhil».

– А где окно-то? – Он поправил очки.

– Ну-у, Вальдемар, не ожидал! – Яков перешел на «ты», по-свойски хлопнул Ахензева по спине. – И это – писатель-фантаст! Соображай: для чего существует телекинез, нуль – транспортировки? Может, по вашему, пустые хлопоты?? – Черт скорчил кислую гримасу.

Хмель ударил Владимиру Ивановичу в голову, и он, неожиданно для себя, понес:

– Не хуже твоего разбираюсь во всей этой абракадабре: спиритизм, астрология и прочие парапсихологии...

Яков подначил.

– И про телекинез в курсе?

– В курсе!

– И про экстрасенсорные способности знаешь?

– Знаю! Да что ты ко мне, как банный лист прицепился! Сами лягнули про окно, отдушину, а теперь – в кусты...

– Ну-у, Вальдемар, тогда не стони... Хр-р-р... – И черт произвел телом замысловатое движение, закрутился волчком, забрызгал пеной, застонал и неестественно затрясся.

Бахусидзе обошел стол, обнял Ахензева за плечи и промычал:

– Эт-то, биджэ-о, не брейк-данс... М-му-агия, это – м-мания! В тр-резвом виде – ч-черте чего получается-ся... А как он: у-у-у-п-пальчики об-ближешь!..

И, словно в подтверждение сказанного, откуда-то издалека поплыли органнные аккорды.

Помещение окуталось розовым, благовонным дымом.

Пронизываемый ослепительными лучами, яркими вспышками, дым заволновался клубами. Клубы растеклись, разграничились, обозначив рельефный черный треугольник.

В треугольнике заплескалось небо и из лазурной синевы высветилось лицо, а затем и вся голова мужчины в цилиндре.

– Пожалуйте в наши кошмары! – Заверещала голова и дико захохотала.

Взвизгнули электрогитары, треск ударных инструментов вспорол воздух.

Дым рассеялся, опал, и Ахензев с удивлением обнаружил, что на месте стены возникла сцена. А на сцене, в такт бешеной мелодии взбрыкивали, выплясывали полубнаженные девицы.

– Вах, вах... гёрлс⁶, проф-фессионалки! В-варьете из п-пятого круга! – Восхищенно причмокнул Бахусидзе. – П-перехватили на п-пол-дороге в Нирв-вану... К-кому там казать? Шив-в-шивые...

Голова из треугольника снизилась, обрела телеса, облачилась в сверкающий блесками фрак и белые панталоны.

– Наш кошмарный хит-парад

Взбудоражил даже Ад!

В этом шоу – секс, разврат...

Режиссер – Маркиз де Сад⁷...

Обладатель блестящего фрака, командующий шоу, щелкнул воображаемым бичом – ап!.. и длинноногие гёрлс, оборвав навязчивый рефрен, легко сбежали с подмостков. Смеясь, шутя и заигрывая, они вспорхнули на колени гостей Лиха. Порочно доступные и доступно нагие, герлс обвили шеи гостей лебяжьими ручками, потянулись к лоснящимся ромам.

Ахензеву партнерши не досталось.

– Блюди, Вальдемар, невинность. – С ехидцей, предвосхищая события, пробросил Яков. – Оно понятно: несмелому – пенки! – И заржал.

– Представление продолжается! – Блажно завопил ведущий и комната погрузилась во мрак. Но – ненадолго.

Заметавшись, темноту пронизал узкий луч, выписал в центре сцены непонятный Ахензеву каббалистический знак. Зазвучала чарующая музыка и посредине эстрады, с хлопком, вырос огромный бутон Лотоса. Лепестки цветка раскрылись, и перед пресытившейся зельем и ласками публикой предстала нимфа.

Длинные до пят, белокурые волосы, нежные алые губы. Поза девушки – сама невинность. Тонкий манящий голосок что-то напевал...

И у Владимира Ивановича кольнуло под лопаткой: ограждать, защитить малышку от прелюбодеев – таким был первый, инстинктивный порыв души Ахензева.

⁶ Герлс – девушки, девицы (англ.)

⁷ Маркиз де Сад – французский писатель 18–19 веков. (Примеч. автора).

Не соображая, что вытворяет, он рванулся к Якову и мертвой хваткой вцепился в шкуру. Яков охнул, воззрился на соседа.

– Неужто забрало? – Черт по-своему объяснил причину столь бесцеремонного жеста. – погоди! То ли еще будет! Ой ей-ей... Эх, Эльвирочка-вампибочка, адов цветик!

– Какая вампирочка, рогатая твоя образина? – Владимира Ивановича била нервная дрожь. – Зачем девочку портите?

– А-а-а, – Яков разочарованно махнул лапой. – Ломай стереотипы, мэн! Смотри внимательнее...

Ахензев обернулся к сцене, изумленно вылупил глаза и – оторопел. На зов солирующего саксафона, подстегиваемое всполохами юпитеров, выломилось рыкающее, мохнатое чудовище. Оно надвинулось на девушку, удлиняя, как в кошмарном сне свои лапы. Еще чуть-чуть, и страшные когти вонзятся в розовую плоть.

Гитары минорно застонали, ударные зачастили дробь.

Миг – и произойдет непоправимое!

Световой фон полыхнул вулканом, а нимфа?

– Кь-я-я!

Невинное создание отточенным ударом миниатюрной ножки опрокинуло чудовище навзничь. Девушка занесла над мохнатой грудой невесть откуда взявшийся клинок. Взмах, еще взмах – и в руках нимфы оказалась теперь нестрашная, обезвреженная голова.

Музыканты ударили в литавры, раздался бравурный победный марш.

– Я же тебе говорил, ломай стереотипы! – Яков весело подмигнул.

– Хороша-а?.. Для ее шоу, мутантов, как в Испании – быков, – за неделю кормить перестают. И-эх! Коррида-Торреро!

* * *

– Вольдемар, Вольдемар! Владимир Иванович, очнитесь... – Противный голос Якова настойчиво терзал барабанные перепонки. Что за напасть: голос выгалкивал из объятия Морфея.

– Сволочь, да и только... – Освобождаясь от остатков сна, болезненно простонал Ахензев и размежил веки.

Расплывчатое Яшкино лицо приблизилось, ощерилось гаденькой гримасой смеха.

– На, лечись. – Он протянул салютующую пузырьками банку датского пива.

Владимир Иванович вяло шевельнул рукой и застыл: чьи-то еще очень приятные объятия удерживали, влекли к себе.

Он скосил глаза. Рядом, по подушке, струились знакомые по кошмарному шоу белокурые волосы, а теплые, с наманикюрованными коготками руки упруго обвивали шею.

– Эльвирочка-вампибочка! – Всплыло вчерашнее Яшкино выражение.

Ахензев торопливо провел пальцами по заросшему щетиной горлу.

– Ох, и привили изжогу! – Черт закатился в смехе. – Не бойся, Вольдемар, кроме нескольких засосов на твоей шее ничего не просматривается. Эльвирочка – умница! А на сцене? Что ж – се ля ви⁸... Ее ампула – женщины-вамп... Так что успокойся и тяни пиво.

Владимир Иванович не заставил себя упрашивать – виски ломило, – с удовольствием выхлебнул содержимое банки.

– Хорошо бы принять душ, освежиться... – Мечтательно подумал он и собрался уже попросить об этом Яшу. Но тот, догадливая бестия, опередил вопрос, предложил сам.

– Как завтракать будем? До сауны или после?

– После! – Не задумываясь ответил Ахензев и тут же спохватился, засомневался. – Интересно, что у них за сауна? Как бы в крутом кипятке не выварили, а то и в кислоте...

Однако, Яков и здесь не сплеховал, изрек провидчески.

– Не изволь беспокоиться: твое здоровье – мое благополучие! Все будет о'кей⁹! Сам, – он многозначительно ткнул пальцем в расписной потолок, – иногда наведывается. И – доволен!..

И Ахензев решился, выполз из цепких, жарких объятий, принял вертикальное положение.

– Веди, Демон!..

Хорошо пригнанная, мореного дуба дверь мягко вошла в проем, изолировала Ахензева от мира, температуру воздуха в котором принято называть комнатной.

Шкала термометра на стене показывала плюс сто пятьдесят, но порывалась забраться еще выше...

Владимир Иванович кинул на деревянную скамью махровое полотенце, быстренько разоблачился и совсем было лег, как внимание привлекли кнопки – их разноцветный ряд у изголовья.

⁸ Се ля ви – такова жизнь (франц.)

⁹ О'кей – в лучшем виде (англ.)

– Сервис! – Умиротворенно решил Ахенэев, нажал наугад желтенькую и растянулся, в ожидании того волшебного момента, когда тело прогреется до костей и станет невесомым. Он забылся.

– Ас-са! – Полузнакомое слово вывело Владимира Ивановича из состояния дремы. Он повернулся на бок и – волосы на голове зашевелились.

– Визивал? – Две хорошо сложенные, рослые фигуры, обвязанные полотенцами, в упор, с откровенной издевкой разглядывали Ахенэева.

Владимир Иванович подтянул ставшие вдруг чужими колени к животу и что было сил затряс головой.

– Нет, нет, нет!

– Визивал, визивал! Кокетничаешь! – Они переглянулись. – Па-турэцки, па-ирански, или па-рымски?

– Не надо!! – Заорал Ахенэев и обреченно подумал. – Это – конец! Ма-ма!..

– Значит по-китайски, жесткий комплекс маомаюнь. – Безразлично прорезюмировала левая фигура и – серия мощных боксерских ударов распластала Владимира Ивановича по скамье...

Ледяная вода привела Ахенэева в чувство.

– Ну и массажик, бр-р-р! – Владимир Иванович бултыхался в бассейне, удивленно шевелил, двигал обретшими эластичность конечностями. Вдоволь наплававшись, он вышел из воды и уже безбоязненно отдался в лапы «востокодеям», которые нетерпеливо ожидали Ахенэева с намыленными мочалками. И вскоре посвежевший, выбритый и благоухающий хорошей парфюмерией Владимир Иванович покинул сауну.

* * *

На широченной софе, уперев кулачки в подбородок, скромно отдыхала Эльвирочка и с интересом наблюдала, как по полу катался Яков. Увидев Владимира Ивановича, Эльвирочка залилась веселым смехом, а Яков, обхватив голову руками и мотая мордой из стороны в сторону, как от зубной боли – проскулил.

– В-ю-ю... Проклятая каратистка... Рог обломила.

– Сам виноват. Ангельских нежностей захотелось!..

Яков взбеленился:

– Дура, идиотка! Да понимаешь ли ты, что натворила? Как мне теперь в обществе появляться?

– Кто-кто я? – Стальной блеск псевдо-Дюймовочкиных глаз заставили черта на полуслове оборвать вопль. – Смотри, договоришься, второй отшибу...

И «невинное создание», дернув плечиком, соскочило с софы, показало Якову язык и направилось к трельяжу. Черт для нее больше не существовал.

Эльвирочка поправила роскошные волнистые локоны, окинула Владимира Ивановича долгим мерцающим взором.

– А ты ничего, мальчик... – Пропела она. – Не совсем испорченный. – И, протягивая визитную карточку. – Будешь в пятом круге – звони. Только, пожалуйста, без этого, – Эльвирочка презрительно скривила губы, – комолого кретина.

7

Черт выметнулся из-за поворота неожиданно. Гремя копытами и вскидывая налитым задом, он едва не проскочил мимо отдохавшего на скамеечке Ахензева.

– Эй, – окликнул запыхавшегося инвалида Владимир Иванович.

Черт резко вонзил копыта в землю, затормозил.

– Ф-фу, еле успел, – Яков свободной лапой вытер струящийся по лбу пот. Другую оттягивала объемистая коробка, которую он протянул фантасту.

– Что это? От кого? – Недоуменно поднял брови Ахензев.

Яков нехорошо усмехнулся.

– Эльвиркин подарок. Вам! Насилу отбил у Лихачей – чуть не сожрали... – Черт помолчал. – А не передай? – Он инстинктивно потянулся к сиротливо торчащему рогу. – Поведение разъяренной самки – непредсказуемо...

– Ну и ну... – Владимир Иванович смущенно кашлянул в кулак. – Открой!

Яков с неохотой потянул тесьму, крышка сдвинулась в сторону и Ахензев отшатнулся. Щерясь отвратным оскалом, на него глазело чудовище!

– Так я и знал! – Яков быстро закрыл коробку. – Да не трясись ты! Торт это, торт! Понятно? И в кого такой слабонервный... И эти – тоже хороши! Кон-ди-теры, понимаешь!

* * *

– Наденька! Больному, кроме сульфазина, проведите курс галапередола. Не пойму, что с ним творится?..

* * *

– Мы на чео-ортовом катались ко-олесе! – Донесли слова знакомой песни.

Яков подтолкнул упирающегося Ахенэева к эскалатору, сам небрежно присел под накатывающееся колено...

– Эх-ха, даешь второй круг!

– Т-тяжек, т-твой труд – п-первопроходец. – Заикаясь от пинков простонал Владимир Иванович и безо всякой связи добавил. – П-па деде из б-балета «Щелкунчик»...

* * *

Администратор гостиницы, смазливая ведьмочка, проворковала жгучим контраalto:

– Люкс к вашим услугам! – И самолично провела Ахенэева и Якова в номер.

Красотка еще не успела прикрыть за собой двери, как Яков уже так и эдак вертелся перед зеркалом, стараясь закамуфлировать отбитый рог. При этом черт сокрушенно вздыхал и поглядывал на Владимира Ивановича, отыскивая в его глазах сострадание, духовную поддержку.

– Вот ведь, психология. – Размышлял Ахенэев. – Что у людей, что у чертей – одинакова. Малейший беспорядок во внешности, и сразу же появляется комплекс неполноценности. Парадокс?!

– Не переживай! – Пожалел растроганного Якова Владимир Иванович. – Налепи временный, на присосках и – дело с концом. А дальше – видно будет...

– Точно! – Черт облегченно вздохнул и отбросил теперь ненужный, свернутый из бумаги рог. – Заодно и тебе присобачим! – Он приставил два пальца ко лбу, изобразив всем известную с детства «козу» и, затоптавшись на месте, забубнил заклинание.

– Ух, эх, забодаю, забодаю!..

Хлоп!.. – И на лбу Якова, а следом и Владимира Ивановича причмокнулись стандартные рога, специнвентарь чертопородных. Ахенэев брезгливо коснулся напоминающих ему некоторые не очень приятные фрагменты неудавшейся семейной «идиллии» адовых украшений, а черт вновь критически обследовал свое отображение в зеркале. Бекнул с прононсом.

– Терпимо, до «толкучки» сойдет...

Ахенэеву приходилось бывать на, так называемых, барахолках, поэтому картина кричащей, визжащей, пестро одетой «толкучки» его особенно не шокировала.

Что до Якова – он оказался в родной стихии. Черт довольно оглядел разномастную толпу и ухватил Владимира Ивановича за рукав, принялся бесцеремонно протискиваться к какому-то разодетому в пух и прах бизнесмену.

– Хело, Боб! Дельце есть. – Ахенэев уловил в интонации Яшкиного голоса нотки бывшего подобоострастия, забытого им с момента отбытия из чистилища.

– Че сдаешь, френдок¹⁰? Если голдуху¹¹ по сходным прайсам¹², то беру оптом. Иль опять бульжники¹³ припер? Учти – крупные не нужны! Не больше двух каратиков. Усек? – Пророкотал бизнесмен.

– Да нет, Боб!..

– А-а-а, ясно... Опять фирменный клоуз понадобился. Есть. Вайтовые брендовые трузера¹⁴ с зипперами¹⁵ на задних поке-тах. Родные, не самопал¹⁶. «Мейд ин Прокисма Центавра»¹⁷!

Яков огляделся по сторонам, скоренько отодрал рог и тут же посадил на место.

– Вникаешь? Рог нужен, выручай. Только не контровый ширпотреб¹⁸ – фирменный...

Бизнесмен невозмутимо кивнул.

– Имеется. Контрабанда,.. – Он потянулся к уляпанной рекламными текстами вместительной сумке, но с внезапной подозрительностью спросил:

– Слушай-ко, френдок,.. – Бизнесмен отодвинулся от Ахенэева, поманил черта крючковатым когтем. – А что за мэн с тобой? В таком прикиде? Не из тех ли?.. Не из конторы?

Черт возмущенно заверещал.

¹⁰ Френдок – дружок (с англ. жарг.)

¹¹ Голдуха – золото (жарг.)

¹² Прайс – цена (англ.)

¹³ Бульжники – драгоцен. камни (жарг.)

¹⁴ Вайтовые, бредовые трузера – белые дорогие брюки (с англ. жарг.)

¹⁵ Зиппера – замки, молнии (с англ. жарг.)

¹⁶ Самопал – отечественный (жарг.). Кустарный пошив.

¹⁷ Мейд ин Проксима Центавра – сделано на Проксиме Центавра (англ.)

¹⁸ Контровый ширпотреб – безвкусица (жарг.).

– Не по делу мнешься, кулек! Окрезел?! – Яков склонил ухо Боба к рылу, зашлепал губами: выдал краткую характеристику на Владимира Ивановича.

Чертова аттестация подействовала моментально. Бизнесмен переродился на глазах: потускнел, обезличел. Унизанные полукилограммовыми перстнями лапы просительно схлестнулись на груди и, как бы оттолкнувшись от неведомого магнетизма, который исходил от вытащенного из кармана Яшиного перстня, Боб отчаянно выдавил:

– Очень! Очень! Очень рад лицезреть в нашей мутной провинции, в Тузах, столь почетного гостя. Всецело уважаемый! Буду счастлив оказать услуги. Любые! Ваш раб и слуга...

Лапы воспарили навстречу Ахенэеву, но под тяжестью драгоценностей возвратились в исходную позицию.

Яков мгновенно оценил ситуацию – пора! – Перехватил инициативу и с покровительственным металлом в голосе отрывисто бросил:

– Значит так! Для соблюдения конспирации полномочный посланец Властителя прибыл во второй круг, в эту дыру, именуемую «Торгово-увеселительными заведениями» налегке. То есть, другими словами, тебе доверят самую важную миссию по организации антуража, экипировки: самого что ни на есть комфортабельного проживания высокопоставленного лица и сопровождающей его свиты. Черт пристально взгляделся в стоящего во фрунт Боба. Удостоверившись, что тот проникся ответственностью момента, для полной ясности, отчетливо добавил.

– Одежда, транспорт, сервис – твоя забота. Вник?..

– Так точно! – Рывкнул Боб уставным голосом и клацнул копытами. – Позвольте уточнить один нюансик?

– Валяй! – Яков благодушно кивнул.

– В каком количестве свита?

– В единственном, милый. В единственном. Пока... Свита – это я!

Боб обреченно вздохнул, но делать нечего и он, смирившись, угодливо поинтересовался.

– С чего начнем знакомство?

– Чеси к путанам! – приказал Яша. – Подготовь почву для нашего визита.

– Да меня туда не пустят... – Коммерсант потупил глаза с видом праведника.

– Хорош прибедняться, френдок. Уж я-то знаю, куда ты вхож, а куда – нет. Эту басню побереги для фининспектора. Давай, полный вперед!

И Ахенэеву стало смешно до слез. Владимир Иванович понял, что эскорт в десять, двадцать рыл устроил бы коммерсанта больше, нежели один Яков – старый знакомый, внезапно обретший такую могучую руку.

* * *

Яков отступил на шаг, задумчиво помял пятерней рыло и лоб.

– Хм, хм!.. Для полной иллюзии не хватает двух-трех штришков. Изюминки...

Ахенэев потух окончательно. Состояние Владимира Ивановича можно было сравнить разве что с состоянием туземца, которого насильно впихивали в тяжелейший водолазный костюм.

По рогам размашистым криком «Адидас». Куртка типа «Летучая мышь» заселена орлами семейства «Монтана». Пятнистые бананы-варенки, с фурнитурой из молний, уголков и заклепок, брэнчащие от малейшего колебания. Кроссовки на застежках-липучках фирмы «Найки».

– Хм, хм!.. Вот, кажется, то, что надо... – И Яков ловким движением захлестнул на шее новоявленного «фирмача» ремешки двух фотокамер: «Никона» и «Полароида».

– Ол райт! – Он оценивающе взглянул на Ахенэева. Можно выступать.

– Ага!.. – растягивая удавку, скрутившуюся из ремней, задыхаясь согласился фантаст и, узрев на пальце Якова переливающийся перстень, спросил. – А что это за печатка? Можешь не отвечать, если секрет.

– Да какой на фиг секрет. Должностной перстень уполномоченных на особое задание суперчертей. – Яков полюбовался на украшенную бриллиантами лапу. – Лишь из-за тебя, босс, Антихрист мне его и вручил. Сила у этой штуки, я тебе доложу, ну прямо как у того пропуска, что папаша Мюллер Штирлицу выписывал.

– А ты и Юлиана Семенова читал? – изумился фантаст.

– Почему бы и нет? Клево мужик излагает. Ты не в курсе, когда он «Экспансию» продолжит?

– Ну, это прогнозирование больше по вашей части.

– Не, босс! Что касается творчества, это не по нашей....

– А по чьей?

Яков почему-то смутился, и хрюкнув что-то невнятное, неопределенно указал на пол.

Писатель понял, что коснулся какой-то запретной темы и тактично умолк.

* * *

Самодовольный, раскормленный швейцар «Путантреста» оглядел Владимира Ивановича с головы до ног и было вякнул – «Визитку...» но тут же потерялся: увидел подsunутую Яковом под пятак с магическим для посвященных перстнем-печаткой в виде платинового черепа с бриллиантовыми глазищами.

– Виноват, не признал... – Он запоздало забил хвостом, выкинул ногами фортель, подобие реверанса и, пытаясь как-то сгладить неловкость, льстиво упредин. – Боб в голубом зале дожидается...

Швейцар опять шаркнул ножкой, подскочил к лифту, согнулся в поклоне.

– Вперед, Владимир Иванович. Держи карман шире! – Яков сладко, интригуяще захихикал.

– Не понял!

– Сейчас поймешь! Короче, не буду темнить. В «Путантресте» спец. обслуживание введено в ранг необязательной для широкого круга роскоши. И если у вас, на Земле, проституция идет в ногу со временем, и труд женщин этой профессии – высокооплачиваем, то здесь – иное. Для наших грешниц создан определенный уют. Кто не желает терять квалификацию – закупают клиентуру. А остальные в постриг, в третий или в седьмой круг. Понятно, многие бабы сатанеют! Впрочем, увидишь, и про карман не забудь...

Открывшиеся двери лифта наполнили кабину оглушительной рок-музыкой и интенсивными взвизгиваниями. Яков вытолкнул Ахенэева из лифта и не успел Владимир Иванович пикнуть, как его окружили три до крайности экзальтированные особы. Первая, понахрапистее, не мешкая, выдернула из ложбинки на груди пачку долларов и в наглую попыталась впихнуть ее Ахенэеву.

– Зайчик! Пойдем со мной. – Зазывно поманила она. – Я тебе все-все гарантирую. Буквально все!

– Мочалка! Отвали со своими гриннами. Кому они нужны? – Вторая энергично оттолкнула обладательницу долларов, отку-

да-то снизу, от заголенного бедра, извлекла пачку купюр с изображением мужчины в шляпе.

– Беби, – она томно закатила глаза. – Ты же цивилизный мен. Только «Бундеса» помогут красиво балдеть. Пойдем со мной. То, что я умею – ни в одной «клубничке» не увидишь...

Однако третья претендентка оказалась предприимчивей других. Она не стала размахивать перед носом оторопевшего Владимира Ивановича конвертируемой валютой, а поймав его руку, шустро нанизала на пальцы перстни и кольца с крупными, на пять-шесть каратов, камнями.

– Дешевки. – Осадила она конкуренток. – Не видите, что ли, какой солидол? – И умоляюще, к Ахенэеву. – Пойдемте со мной, сэр! Я стажировалась в лучших отелях фирмы «Хилтон». Меня знают в Лас-Вегасе и Каннах. А Ницца и Майями – родной дом. А что умеют эти? Разве что доить фирмачей! Обслуга «Интуриста»...

Яков стоял в сторонке и прыскал в кулак.

Две посрамленных красотки спешно ретировались.

– Ну, так как, сэр? – Зеленоволосая секс-бомба, в насквозь просвечивающем наряде, плотоядно взирала на Ахенэева. И, не услышав ответа, истолковав молчание робостью клиента, дитя Ниццы и Майями находчиво зависло на Владимире Ивановиче. Сдернуло со своей шеи дорогую цепь и опутало нерешительного ухажера массивным золотым лассо.

Владимир Иванович окаменел. Его одолела икота...

* * *

– Где же ты запропастился, любезный? Сказали – ждешь... – Яков пронзил холодным взглядом спешащего на подгибающихся копытах Боба.

– Каюсь, подзадержался! – От сознания собственной оплошности коммерсанта повело: объемное пузо приклеилось к позвоночнику.

– Пробивал по своим каналам соответствующий положению гостя транспорт. Ведь наше кобчикодробящее нововведение – язык не поворачивался выговорить... Вот и подумалось – сделаю уважаемому, м-м-м, приятное, ублажу...

При упоминании об эскалаторе икота прекратилась и Ахенэев воровато, стараясь не привлекать внимания, ощупал свой многострадальный зад.

Яков удовлетворенно крякнул, отечески похлопал Боба по загривку.

– Это – другой коленкор!

Выдавшая Ахенэву аванс секс-бомба, все еще не теряя надежды заполучить клиента, то удалялась, то приближалась к мужскому обществу, выжидающе вила круги. Зеленоволосая кокетка принимала отработанные позы, наглядно демонстрируя ту или иную часть фигуры.

– Да брысь ты отсюда! – Наконец не выдержал Яков. – Нашла черта, дура! Брысь, говорю, смотайся по-хорошему...

Секс-бомбу как ветром сдуло.

Владимир Иванович снял с себя драгоценности, протянул Бобу:

– Передайте, пожалуйста...

Но черт опередил коммерсанта, перехватил руку Ахенэва.

– Я сам передам. Может быть, когда-нибудь... Боб завистливо вздохнул.

* * *

– А вот и мадам Ляля! – Яков рассовал побрякушки по карманам, осклабился в улыбке. Тихо добавил, – Председательница местного профсоюза.

Ахенэв вылупил глаза.

– Опять поперла чертовщина. Ад и – профсоюз? Спятил я, что ли? – В голове засверлила старая мыслишка.

– Да не шалей! У девок на самом деле профсоюз. Свой. Пу-тантрестовский. – Яков наступил Владимиру Ивановичу на ногу.

Мадам Ляля величаво проплыла по залу, церемонно протянула руку Яше, которую черт не замедлил прочувственно облобызывать. На Боба – ноль внимания: видимо опальный.

– Прошу в мои апартаменты. – Матрона волооко повела глазами и предложила шествовать за ней. И, обращаясь к вьющимся рядом рядовым членам, властно изрекла:

– Девочки, развлеките коммерсанта...

– Отчаянный вопль Боба – «Не надо!» и довольный хохот девиц заглушила захлопнувшаяся дверь кабинета Ляли.

Апартаменты профсоюзного лидера поражали дизайном: удачно скомпонованная мебель различных эпох и стилей, мягкая подсветка. Но больше всего в этом полубудуаре-полусалоне не столь привлекало, как озадачивало – огромное ложе под пологом, сооружение в стиле «ампир».

– Не желаете расслабиться? – Мадам многообещающе улыбнулась Владимиру Ивановичу.

– Нет-нет, что вы! Мы – по делу. Хотелось бы поближе познакомиться с деятельностью Вашего, – Ахензев замялся. – «Бутантреста»...

– «Путантреста». – Обаятельно блеснув ровными зубами, поправила его мадам.

– Босс, для того, чтобы поближе познакомиться с их Деятельностью, даже полного курса по сексологии – мало. Надо превратиться в полового гиганта. – Цинично съязвил Яков.

– Яшенька, фу, как грубо. – Пожурила черта матрона. – По-моему, не стоит сгущать краски. Достаточно нескольких встреч с передовичками, и все станет на свои места. Пригласить?

– Что вы, что вы!! – Владимир Иванович отчаянно замахал руками. – Нам – чистую теорию и никакой практики.

– Ну, это сейчас устроим. – Мадам Ляля хлопнула в ладоши. Дверь робко приоткрылась и вошла молоденькая девица.

– Розочка! Принесите подшивки периодических изданий.

Девица оценивающе стрельнула по гостям глазами и удалилась. А через некоторое время вернулась, неся на вытянутых руках прошнурованные стопки газет и журналов.

– Останься, Розочка! – Председательница с обезоруживающей лукавинкой взглянула на Ахензева. – Возможно, некоторые неясности, все-таки, придется наглядно проиллюстрировать.

Мадам Ляля придвинула к инкрустированному столику резной стул, кивком предложила следовать ее примеру.

– Начнем с того, что, – она пролистнула журналы, – в любой среде общественной деятельности, реклама – лицо, один из основных движителей прогресса. Однако, до недавнего времени нас, узкоспециализированную, специфическую среду обслуживания населения, как это не парадоксально – попросту не замечали. Не желали принимать всерьез. Хотя профессия проститутки – одна из древнейших... Какая уж тут реклама... Но прогресс не стоит на месте! Верные идеи, влюбленные в дело, в суть его, обольстительницы, кокетки, да и просто увлекающиеся натуры объединились, сплотились в свой, путантрестовский профсоюз. Романтика овсянного вековой славой труда!.. И вот – свершилось! – Голос мадам Ляли завибрировал на высокой ноте. – О нас вспомнили! Нашлись люди, взявшие на себя смелость проломить стену отторжения, решившиеся публично осветить, окружить заслуженным ореолом, на документально основанном материале донести до масс, кто есть кто... Нас официально признали, приравняли к категории работников,

оплата которых производится по особой тарифной сетке. Это ли не отрадно! Вот, взгляните: очерк «Ночные бабочки». Казалось бы, пустячок – а приятно! У автора тонкое чувство меры, и название – поэтично и увлекательно... А оформление, коллажи...

– А здесь, в аду, – продолжила она, – наши девочки пожирают плоды своей земной деятельности. Любой из них за время – будем говорить прямо – конспиративной деятельности во имя любви – неоднократно приходилось задаривать всяческих прилипал. Я имею в виду сутенеров, альфонсов, представителей милиции и полиции нравов. Согласно полубовному, ха-ха, договору с Самим Сатаной и Антихристом вышеперечисленные обдиралы здесь обязаны возвращать добытое нами с таким трудом, выплачивать своего рода алименты – пока тем девочкам, на содержании которых они состояли на Земле. Причем – и это говорит о справедливости властителя ада – конкретная сумма взысканных исков не ограничивается временем. Наши мучители будут платить до тех пор, пока обретаются в аду. Таким образом, чем больше девочка имела на Земле «котов», тем обеспеченнее ее существование во втором круге. Очень демократично, не правда ли.

– О, да! – деликатно согласился Ахензев, мысленно прикинув – сколько же «прилипал» имела в земной жизни та, зеленоволосая жрица любви, которая буквально осыпала его драгоценностями. – Простите мадам, – исполненный любопытства задал вопрос фантаст. – Мне немного непонятна та ретивость, с которой ваши, с позволения сказать, девочки набрасываются на попавших в Путантрест представителей сильного пола. Вместо того, чтобы получать деньги с клиентов, они навязывают им свои и – как я заметил – немалые. И еще... Насколько я уяснил, в аду корыстолюбцев и развратников предостаточно. Однако по обитательницам Путантреста – как бы это лучше сказать – заметна явная сексуальная неудовлетворенность, что ли?!

– Вы совершенно правы, – сокрушенно посетовала мадам Ляля. – Это – наша проблема! Все дело в том, что мужчины, обитающие в Путантресте, или близ него – либо импотенты, либо пассивные гомосексуалисты. Первые – как говорится, хотя, но не могут, а вторые – могут, но не хотят!

– Сволочи! – не сдерживаясь прошипела за спиной Владимира Ивановича Розочка.

– Доступ же нормальных, полноценных особей мужского пола, – принялась жаловаться дальше матрона, – к нам строго

регламентирован. Только по спец. пропускам за подписью Самого и – не более суток. – Мадам Ляля склонилась к уху фантаста и добавила, – И по великому благу!.. Понятно, на всех не хватает, вот и приходится девочкам поневоле перекупать клиентуру.

– Не пойму, к чему все эти сложности? – удивился Ахензев.

– Так ведь ад, милейший. Ад! – сделав трагические глаза, ответила мадам Ляля. – Должны же мы мучиться... Но вернемся к прерванной теме.

Матрона придвинула подшивку Владимиру Ивановичу.

– Стоп! – Остановил себя Ахензев, судорожно помассажировал лысину и вчитался в текст. – Не могу вспомнить, но где-то подобное встречалось. – Он занервничал. – погоди, погоди...

И Владимир Иванович окунулся в прошлое.

В тот день творчески-финансовая неудовлетворенность выманила Ахензева из дома. Мучимый похмельной тягой, он прихватил в киоске «Союзпечать» первый попавшийся под руку журнал и направился в пивной бар.

Посидеть, погонять сюжетики, философски помудрствовать о смысле бренной жизни, земной суете, грядущем времени...

Владимир Иванович обставился пивом, ополовинил исходящую пеной кружку и бесцельно перелистывал страницы издания. На одном из абзацев взгляд задержался. Описывалась шикарная жизнь девиц, потерявших счет деньгам, разъезжающих на «Мерседесах»... Владимир Иванович отодвинул журнал в сторонку, вторично испил пивка и глубоко задумался...

– Заснул, что ли? – Яков приподнялся из-за стола.

– Да нет, мимолетное... – Ахензев очнулся от воспоминаний...

– А вот – прямая реклама! – Мадам Ляля возбужденно подсовывала Ахензеву следующую подшивку.

– Что ж, понятно. – Владимир Иванович устало провел ладонью по лбу и, отчетливо сознавая, что порет чужь, добавил. – А раньше как обходились? Без рекламы?

Матрона недоуменно-вопрошающе вскинула брови, снисходительно произнесла. – Ах, вероятно, вы об этом? Визуально?.. Минуточку... Розочка, угостите, пожалуйста, гостя фирменным коктейлем.

Девица прокачала идеально слеplенными бедрами, умело распорядилась шейкером и с поклоном подала Ахензеву высокий хрустальный стакан.

И взгляд Владимира Ивановича невольно уперся в глубокое декольте, где на упругих грудях, наколотые цветной тушью, читались надписи.

– I make Love¹⁹. – Price – 100 dollars²⁰.

8

– Отцепись! Сказал не сдам, значит – не сдам! Шефу приберегу, для полной коллекции. – Поиграв, пожонглировав реkvизированными у зеленоволосой драгоценностями, Яков ссыпал их обратно в карманы. – Значит не уgomонили тебя девочки? Сдюжил, хряк. – Подковырнул язвительно.

Заплывшие жиром глазки Боба умоляюще захлопали щетинистыми ресницами.

– Френдок. В любой валюте, любым дефицитом...

– Ни за бабки, ни за тряпки... Впрочем – имеешь шанс отличиться: оставить меня не только без драгоценностей, но и без прикида, в одних трусиках. – Яков ощерился. – Заглянем в Катран? Пару партеек в Кинга или Деберц...

Коммерсант разве что не захрюкал: перспектива оставить Якова в чем мать родила, была по-видимому, сокровенной мечтой Боба. Воображение моментально угодливо нарисовало картину: голый черт ползает по полу, унизительно волочит хвост, вымаливает у него, у Боба, отсрочку платежа.

– Идет, френдок. Заметано. Покатили.

– погоди. Забыли Босса. – Яков шевельнул разомлевшего после коктейля Ахензева.

– А? Что? Куда? – Владимир Иванович испуганно замотал адидасовой головой.

– Подъем, Босс. Есть предложение. Махнем в адово «Монте-Карло».

– На чем махнем-то? – Ахензев проснулся, с надеждой взглянул на Боба. Тот потупился. Яков хмыкнул.

– На своих двоих. Это – рядом.

* * *

Публика в заставленном рулеточными и ломберными столами игорном доме, и в прямом, и в переносном смысле, собралась разношерстная. Прямой смысл заключался в том, что Ахензеву сразу бросилось в глаза отсутствие на некоторых из на-

¹⁹ I make Love – я умею делать любовь (англ.)

²⁰ Price – 100 dollars – цена – 100 долларов (англ.)

ходящихся в помещении предметов туалета. Они крутились вокруг столов, в надежде отыгаться и различались лишь цветом шерсти.

– Играть будете? – поинтересовался Яков у Владимира Ивановича.

– Нет. Я понаблюдаю. – Ахензев прислонился к колонне и сосредоточил внимание на одной партии.

Яков с Бобом расселись у рулетки.

– Зарядим, что ли? – К Владимиру Ивановичу подкатил какой-то облезлый тип.

– Что зарядим?

– О, да ты, видать, новенький? Или та еще – акула! – Тип с интересом разглядывал Ахензева. – По ствольничку? Для начала?

– Какие ствольнички! – Возмутился Владимир Иванович.

– Точно – акула! – Восхищенно взвизгнул завсегда. – Пойдем, двиганем фишки...

– Какие фишки? – Ахензев съежился, отстраняюще выставил ладони.

– Да брось ты выпендриваться... Поперли!

– Вот зараза... Этот – не отстанет. – И Ахензев, чтобы избавиться от назойливого соседа присел на пустующий у рулеточного стола стул, взглянул на Якова с Бобом. – Ежели что, переведу на них стрелки...

Но переводить стрелки не пришлось. К коммерсанту, сквозь толпу зевак пробился служитель казино и, дождавшись последнего оборота рулеточного колеса, завистливо поглядев на груды подгребаемых Бобом выигранных фишек, сказал.

– Вас срочно к телефону, сэр. Двадцать пятая кабина, межгалактическая связь.

Ссыпав за пазуху выигрыш, Боб бросил Якову: «Я ненадолго» и, расталкивая пузом толпу, отправился на переговоры.

– Делайте игру. – Объявил маркер, и рулетка вновь помчалась по кругу.

Яков же безобразно проигрывал, спуская переданные ему Ахензевым драгоценности зеленоволосой. И Владимир Иванович не выдержал, с пробудившимся азартом заорал:

– Ах, негодяй! Обнаглевшая рожа! А ну, вываливай, что осталось. Давай, давай... – И решившись, бросился как с обрыва в омут, крикнув. – Мой черед! Так – и я умею...

Опрокинутый фортуной навзничь, Яков, досадуя, выгреб остатки роскоши, предварительно изрыгнув на окружающих цветистый фонтан сквернословия.

Ахензев поманил облезлого ханурика.

– Пойдут? – Осведомился он.

Завсегдатай вылупился на переливающиеся всеми цветами спектра бриллианты, судорожно хватнул ртом воздух и – рот заклинило.

Яков нежно подсунул кулак и челюсть встала на место.

– Даже поедут! – Наконец прохрипел ханурик. – Что, на все? Ва-банк?

Владимир Иванович чисто интуитивно понял, что ему предлагают сыграть крупную игру. Разом. Яков жевал сопли.

– А-а-а, не нравится?.. – Ахензев утвердился в своем решении. – Да, ва-банк! – И придвинул под лопаточку крупье горку уцелевших драгоценностей.

– Принято! – Крупье подвел черту под невиданно широким жестом залетного фирмача.

– Ваш номер? – Поинтересовался он.

– Тринадцать! – Ахензев вошел в раж.

– Играет заведение! – Объявил крупье и запустил рулетку.

Круглый стол, на котором разыгрывался престиж заведения облепили примолкнувшие болельщики.

Шарик лениво поплыл по накатанной дорожке и, неожиданно мягко, лег в лунку с недюжинным номером 13.

– О-о-ох! – Раздался вздох многих глоток.

– Уф-ф! – Крупье завалился на стул и простонал. – Заведение больше не играет...

* * *

– Сколько я его знаю, постоянно – ва-банк! И – постоянно – в куражах! Асс – непревзойденный! – Вещал наострившим уши любителям сенсаций облезлый ханурик.

– А ну, сдуйся отсюда, жала бутебродная! Расквакался. – Яков вспомнил о престижных обязанностях ангела-хранителя не только Ахензеева, но и его достояния.

Завсегдатай хотел отбрехнуться, но, нюхом признав в черте особу, приближенную к Антихристу, благоразумно решил исчезнуть.

Яков сгреб на поднос из-под горячительных напитков солидный выигрыш и рывкнув, – расступись! – прошествовал с Владимиром Ивановичем к хозяину казино.

Кабинет хозяина напоминал небольшой вычислительный центр. Всевозможные компьютеры и ЭВМ перемигивались индикаторами, перепискивались зуммерами. На главном дисплее то вспыхивало, то гасло слово:

– Промот! Промот! Промот.

Яков брякнул оттянувший лапы поднос на близстоящий компьютер, чем вывел из состояния протрации пребывающего в позе Роденовского «мыслителя» солидного черта.

– Привет. Пришли за расчетом... – Яков быстренько выбрал из кучи купюр и драгоценностей несколько десятков разноцветных фишек, каждая из которых имела определенную цену.

«Мыслитель» стоически стиснул зубы, ударил по клавиатуре вмонтированного в стену сейфа, и – поднос значительно огрузнел.

– Можно Вас на минуточку? Тет-а-тет, – он признал в Ахензеве старшего.

– У нас с Боссом секретов друг от друга нет. – Вякнул Яша.

– Да, да. – Подтвердил фантаст. – Нету у нас секретов.

– Уважаемые! – Без предисловий взял быка за рога руководитель пыхнувшего игорного предприятия. – Вы оставляете у меня половину выигрыша. Казино – в прогаре, обанкротились. Для всех... А на самом деле – заводим на паях новую шарагу. Идет?

– Да за это на Земле... – Владимир Иванович вовремя осекся, замолчал. – В принципе, решайте с помощником. Я здесь ни при чем. Случайный фарт...

Яков радостно залаял.

– Можно! Только никому, ни гу-гу! – И перейдя на серьезный тон. – Конкретно. Моя доля? Если контрольный пакет, то – заматано!

Дверь с треском распахнулась и в кабинет скользяще, фиксируя глазами присутствующих, проникли два строго одетых молодца.

– Всем оставаться на местах! – Приказали они.

Роденовский «мыслитель» опять впал в состояние протрации.

Один из молодцев, резво подскочив к нему, защелкнул на запястьях наручники.

– Все, комбинатор, спекся! Против фактов – не попрешь! Плачет по тебе третий круг! – И откуда-то из-под дисплея вытащив магнитофонную кассету, радостно заржал.

Второй в это время составлял опись содержимого подноса.

– Что делать думаешь? – Прошептал в усмерть перепуганному Якову Ахенэев. – У нас... – он безвольно махнул рукой.

– П-попробуем... – Черт унял дрожь, подошел к описывающему и что-то забормотал.

– В пользу кого? – Донеслось до Владимира Ивановича.

– На Ваше усмотрение!.. Но цепочку и прочие побрякушки оставьте. Это его – фамильные. – Яков указал пальцем на Ахенэева.

В лапах представителя власти Владимир Иванович увидел золотую цепь.

– Легко отделались... Я то, идиот, влип в историю... Расскажи дома – не поверят! – Ахенэев затряс головой, мысль о том, что он сам себя не узнает мелькнула – и затерялась в круговерти адовых ассоциаций.

9

Бобу дико повезло. Не уйди он, по срочному звонку, из казино – разделил бы участь хозяина заведения.

– Эй ты, тюфяк из-под жмурика! Где обещанный транспорт? – Из здания Туза выкатил Яков. За ним поспешал Ахенэев.

– Подан. Давно подан. В лучшем виде! – Боб с готовностью засеменял к скопищу нелюдей.

У подъезда, окруженная толпой зевак, покоилась на воздушной подушке летающая тарелка. Зеваки плющили Рыла о прозрачную обшивку кабины, делились мнениями о технических достоинствах НЛО.

– Совсем как на Земле! – Умилился Ахенэев. Его квартира выходила окнами на посольский особняк и толпы любопытствующих, подобным же образом осаждали пришвартованные к бордюру крейсера и фрегаты – машины иностранных марок: «Форды», «Кадиллаки»...

Окутанный тайной, загадочный НЛО для писателя Ахенэева не был чем-то, из рамок вон выходящим. Наоборот. Перспективная тема межпланетных передвижений не раз обыгрывалась им в своих фантазмагорических произведениях. И с Яковым: Ахенэев не оставлял мысли выудить у крученого, как поросячий хвост, черта кое-какие детальки темной стороны магии и вкупе с ней...

– Извольте занять места? – Коммерсант выбросил трап, сопроводил под обзорный колпак гостей.

Владимир Иванович с Яковым опустили в мягкие удобные кресла, благостно расслабились. Боб подлил меда.

– Для уважаемых – лоб готов расшибить... Техника – на грани фантастики! Приятель с Фобоса по случаю уступил. – И, доходчиво поясняя принцип работы, уточнил. – Передвигается посредством антигравитации. Развивает скорость света – минус эILON. При этом легко выполняет маневр под прямым углом.

– Твой коронный номер, – не удержавшись куснул Яков. – Чуть жареным запахнет – враз линияешь за угол...

– Ну, зачем вы так! – Оскорбился коммерсант.

– Помолчи, урод комнатный, – черт презрительно поднял губы. – Управлять-то хоть этой кастрюлей умеешь?

– А как же! Техника простая. В эксплуатации неприхотливая. Поехали, что-ли?

– Гони. – Яков взглядом испросил разрешения у Ахензева. – В третий круг.

– Куда?? – Забуксовал Боб и возвратил тумблер в исходное положение.

– В третий, третий...

– Извини, Яша, но я туда – ни ногой!

– Фаршмак сделаю! Бунт на корабле? – Зловещий шепот размазал Боба по блистеру кабины. – Никак слишком пушистый хвост?!

– Убей – не полечу! Ни за что!.. Да – хвост... – рассвирепевший Яша был страшен, но еще страшнее для коммерсанта было оказаться в лапах сбагранных в проклятый круг дружочков.

И Боб поспешил откреститься.

– Тарелку – берите, летите. Но – без меня. Ради всего гнусного...

– Ну что с тобой делать? – черт обескуражено заводил мордой, посмотрел на пульт.

Боб выкупил, – кажется, гроза миновала, и суетливо затараторил.

– Да здесь и ума не надо. Любой ребенок справится... Вот, – он указал на красную рукоятку, – взлет. А это, – ткнул когтем в синюю, – посадка. Сейчас запрограммирую траекторию, введу в компьютер – и все. Только, – Боб убедительно смодулировал голосом, – упаси грешного колыхнуть другие приборы. Враз укатите к черту на кулички, куда-нибудь в созвездие Скорпиона... Ну, чао... Езжайте... Обрато на автомате доползете...

И коммерсант, вздохнув с облегчением, поспешно выпулился из чуть не ставшей ловушкой тарелки. Черт поколдовал над приборным щитком.

– Обойдемся... Сообразим без Боба, эка невидаль... – самоуверенно констатировал он. Плавно нажал «пуск», и суперкорабль взвихрился смерчем, штопором ввинтился в шестое измерение, вдавив в кресла тела путешественников.

Полет продолжался недолго: каких-то несколько минут.

Сработали автоматы торможения – заданная программа выполнялась неукоснительно – и НЛЮ зарулил на цель полета.

– Тоска, – как стюард на самолете объявил Яков. – Теневой отдел судимого контингента.

Ахензев взгляделся в проносящийся мимо мир и протер очки. Открывшаяся картина не радовала.

– Серость. Беспросветная серость: серые строения, серый фон...

– Уж не дальтонизм ли? – Окончательно пал духом Владимир Иванович. – Может, со временем отпустит?..

– Босс! Приготовиться к мягкой посадке. – Черт от вольного, до отказа выжал зеленую рукоятку, тарелка резко накренилась и Яков, оступившись, случайно задел копытом какую-то педаль. Последствия неловкости сказались незамедлительно. Днище НЛЮ распахнулось и Яков с Ахензевым, кулями грохнувшись оземь, заявили о своем присутствии в третьем круге громогласно, в две орущие от боли глотки.

– Мы на че-ортовом катались ко-олесе! – Доносились слова знакомой песни.

* * *

Высота, с которой сверзились черт с Владимиром Ивановичем, к счастью, оказалась небольшой. Но даже с такой плевой, в три-пять метров высоты падение, при всем желании, приятным назвать было нельзя. А уж определение «Мягкая посадка» подтверждалось разве лишь тем, что богом данные, природные амортизаторы соприкоснувшись с твердью, действительно, как-то смягчили удар. Но разладились, и при малейшем движении поскрипывали в суставах. В довершении ко всему, на многострадальную Яшину голову шмякнулась тяжеленная, забытая второпях Бобом, сумка.

Сшибив искусственный рог, сумка истошно заорала, вытеснив из головы все другие мотивы.

– Если вы в своей квартире,
Сели на пол, три-четыре –
Выполняйте правильно движения...

Черт со злостью лягнул баул, но пение не прекратилось.

– Да выключи ты это издевательство, – заломил руки Ахенэев.

Яков дернул молнию сумки и вытащил из нее надрывающийся «Шарп». Разобраться во множестве кнопок сразу контуженный черт не мог, ткнул наугад в одну из них и этим только усугубил положение. Серебристый двухкассетный «Шарп» моментально перестроился, прервал агитацию о пользе гимнастики, запел окающим, ликующим голосом:

– А-ай, хо-ро-шо!

О-ой, хо-ро-шо!

– Хорошо, говоришь?– Взвыл черт и с размаха трахнул магнитофон о землю.

Фирменная техника не осталась в долгу, мстительно отреагировала:

– У кенгуру с утра

Плохое настроенье,

У кенгуру с утра

Не ладятся дела...

Это было уже слишком. Черта, за многолетнюю службу, оскорбляли разнообразно и изощренно. Но чтобы так... Чуть ли не несуном!

Яша с надрывным всхлипом оторвал от земли огромный бульжник и, застонав не столько от натуги, как от перенесенных стрессовых перегрузок, запустил его в «Шарп».

Бульжник, гудя, пронесся мимо Ахенэева, слегка зацепив магнитофон и вспахал двухметровую борозду.

Сменившая звуковую дорожку фирменная техника мгновенно съязвила:

– Опять скрипит потертое седло,

И ветер бередит былую рану.

Куда вас, сударь, к черту занесло,

Неужто вам покой не по карману?..

Яша, заскрежетав зубами, в бессилии опустился на землю.

Владимир Иванович судорожно тряхнул головой, подполз к знакомой модели магнитофона и, нажав нужную кнопку, ликвидировал конфликт.

– Что делать будем? Куда нас, на самом деле, нелегкая занесла?

Черт мутными глазами уперся в Босса.

– Куда, куда?.. – Яков, ни с того, ни с сего завертелся волчком.

– Куда запропастился рог? Ф-фу, здесь! – Черт прихлопнул рог на положенное место. – Куда? – Вновь повторил он. – В Тоску...

Яков почухал ушибленные места, встал, огляделся.

Плотный серый туман ушел, но картина оставалась прежней. Перед путешественниками вырисовывался высоченный бетонный забор, с рядами колючей проволоки наверху.

– Не перепутал ли Боб квадрат? – Черт ожил, заковылял вдоль забора. – Да нет! Тайник на месте. – Он отколупнул неразличимую от облицовки дверцу, вытащил приличный сверток тряпья, засургученный пакет.

– Какой-то сюрпризик! – Яков разломил печати и, прочитав, понуро опустил голову. – Ну, мразь! Ну, коммерсант! Как шкурой чувствовал, не полетел – забуксовал в Тузе. Вот собака! – И, обращаясь к Ахенэеву. – На, ознакомься...

Владимир Иванович взглянул в загрифованное Сатанинской канцелярией предписание.

Агенту 00-13-13-777, Агенту 000-14-14-881.

Во исполнении решения: исх. 123456789-987654321-0/15 о приведении Тоски (Теневого отдела судимого контингента) в Радость (Радиально-диаметральное соответствие), для перепроверки агентурных данных, поступающих из третьего круга.

Приказываю:

Произвести внедрение в среду грешников. Дотации, инструкции – через запрограммированного по УПРСТ–8–Васю контакт с резидентом – ежедневно, с 8.00 до 8.15, канал – спиритический. Аварийный вариант по коду – Люмен-Кварк-196, телекинетический или сонарной разверткой. В случае крайней необходимости – задействовать ЗОМБИ.

ШЕФ

– Если радость на всех одна

На всех и Тоска одна... – Фальцетом переиначил Яков.

– Не скули! – Владимир Иванович напыжился, почувствовал необычный прилив энергии. – Я – рядом!

Черт оборвал ноту, сострадательно взглянул на Ахенэева.

– А ты, точно, шалый! – Яков глубоко вздохнул. – Понимаешь ли, хоть что такое третий круг? – Он сделал страшные глаза, собираясь пояснить, куда они залетели, но не успел.

Из квадратного зева установленного на стене громкоговорителя оглушительно рыкнуло.

– По Тоске объявляется общее построение!..

– О чем тосковать будут? – Скаламбурил Владимир Иванович.

– Где-где, а здесь-то как раз найдется, и о чем тосковать, и кому тосковать... Ну, да – поймешь, увидишь... – Бесцветный голос присмиревшего Черта сбил Ахензеева с панталыка.

Скрип тележных колес заставил Владимира Ивановича отвлечься от анализа собственных эмоций.

– Васек катит. Тот, что в писульке,.. – Яков убито улыбнулся. – Все, Босс. Придется действовать в одиночку. Сейчас перецокаю²¹ и поканаю²² за мужика. – Черт настраивался на внедрение, шпарил жаргоном.

Владимир Иванович поначалу сослепу не сообразил, что тягловая сила подъезжающей телеги не волы, не лошади, а – грешники! Опутанные сбруей, с шорами на глазах, они, как выработанные клячи, еле тащили воз.

– Н-но! Сердешные! – Нахлестывал кнутом сидящий на облучке, простецкого вида черт.

Яков распаковал сверток, облачился в серую робу, надвинул на рога такой же, мышинной масти, чепчик.

– Ну, прощай! Там тебя встретят... Свидимся еще...

– Тпру! Да тпру, кому говорят, ублюдочные... Телега остановилась

Яков незаметно кивнул вознице, отозвал в сторонку.

– Привет, Васек! Загонял ты своих рысаков... Покармлил бы, что-ли... Разговор имею.

– Привет. Я – в курсах... Сейчас, пошла дам и – погутаим.

Васек выволок из телеги корыто, плеснул туда четверть сивухи, разгрузил полведра соленых огурцов. Тягло, чавкая и жмурясь, навалилось на жратву.

– Слухай! – И агент УПРСТ-8, шепотом выдал черту первую инструкцию, предварительно поинтересовавшись.

– Этот кто такой, хвильдиперсовый?

– Наш эмиссар! – весело ответил Яков. – Ты его не шугайся, давай выкладывай чего там, не буксуй.

– Значица так. Основной твой интерес: чичас, как попадешь в зону, так сразу же въедь в пятак какому-нибудь осветлителю.

²¹ Перецокаяться – переодеться (жарг.)

²² Канать – числиться, считаться

Только бей от души, чтобы по зеленой, без разборов, на кичу поперли. Там, на кичмале наш брат, Урка чалится. Спалился намедни. Ох и по глупому спалился... Сел в терца играть, в образ, так сказать, вживалси, а его местная козлотия, сучки, впрудили с потрохами. Глазом не успел моргнуть – свора лягавых с натуральными рогами налетела. Ну, ессинно: шимон, а при ём шифры, рация и прочая шпиёнская мурцефаль... Вот и торчит пока на киче, то есть в триста тридцать девятой выгребной яме. Тебе туда любыми путями надостно попасть, потому как за то, что ты осветлителю в зубы въехал, на подкорм мутантам не бросят. От силы полгода выгребной дадут. А Уркача, точно схавают, не сегодня, завтра. Поспеть тебе к нему надоть. Инхвормацию перехватить. Ну, а ежели не поспеешь, то действуй по своему усмотрению. С сучками на откровенность не иди – враз сдадут. А коль чего треба будет, так черкни мне ксиву через баландёра. Он – привязанный. Только посылай шифрованную, а то и меня случаем запалишь.

– Не бойся Васек, не оплошаю. Ты кого-нибудь из наших к резиденту пришли по шустрому. В сопровождающие. Он со своей ксивотой по Тоске может легально ходить.

– Заметано, – ответил Васек и повернулся к тяглу.

– Нахавались²³? – Васек брезгливо выдернул из-под жующих ртов посудину, закинул обратно на воз. – А ты чё тусон бьешь²⁴? Впрягайся в пристяжку...

Яков послушно натянул упряжь, закусил удила.

– Погодь! – Кучер уперся коленом в грудь черта. – Дай-ка засупоню, ишь, болтается,.. – Он колыхнул хомут, затянул сыромятину. – Вот так-та она лучше!

Васек вскочил на козлы и со всего маха протянул Якова кнутом вдоль спины.

– Ви-и-и,.. – Заржал черт и рванул постромки.

Остальные грешники разногласно откликнулись на стон Яшиной черной души, вяло налегли на оглобли.

– Н-но, дебилные!..

И повозка, нехотя, загромыхала по ухабам.

10

– Один. Совсем один... – Ахенэев проводил долгим взглядом удаляющуюся колымагу и растерянно присел на валун. Он

23 Хавать – есть (жарг.)

24 Тусон бить – гулять (жарг.)

прислушался к ходу мыслей и с удивлением обнаружил, что его больше всего угнетает. Не одиночество, с этим Владимир Иванович уже смирился, – Яков. Отсутствие Якова! Такого вечно неунывающего, преданного черта.

– Каково-то сейчас бедолаге? – Ответом послужило залихватское щелканье бича и душераздирающие вопли...

– Сын мой, помолимся!.. – Раздалось за спиной. Вздвогнув от неожиданности, Ахензев обернулся. Перед ним стоял Архангел Гавриил.

– Помолимся! – Повторно призвал Архангел, опустился на колени и, закатив глаза, что-то забормотал.

Появление знакомого из Чистилищной регистратуры здесь, в Тоске, оказалось для Владимира Ивановича не меньшим сюрпризом, чем внезапная метаморфоза Якова.

А Гавриил, заметив на лице Ахензеева смятение, повысил голос, усилил нажим.

– Очнись, отрок! Отринь гордыню, встань на колени, и молись!

– Да я неверующий. – Заикнулся было «отрок», но, проглотил язык. Как же не верить, если один из апостолов находится рядом. Пришлось срочно перестроиться.

– Не умею я, отче, не обучен... Да и нехристь я, честно говоря.

Гавриил величаво восстал над Ахензеевым, запустил руку в глубокий карман поношенной сутаны, извлек блестящие ножницы и заткнутую тряпицей чекушку.

– Склони чело свое, отрок, – Приказал он.

Владимир Иванович, недоумевая, повиновался.

Ножницы сомкнулись, выхватив изрядный клок и без того жидкой шевелюры и на оголенное темя выплеснулось из бутылочки подозрительная жидкость. Архангел выпустил из потных ладоней голову приобщенного к вере фантаста и, осенив его крестным знаменем, хорошо поставленным басом завел.

– Несчастный! Тебе снится, что Бог – плод досужего вымысла? Черта с два, – прости Господи... Он – суть, а сознание – творение Господне! Бог есть! И пребудет неизменно и во веки веков. Аминь! Андестенд?

– Понятно,.. – Так ничего и не понявший, Владимир Иванович все же поддакнул.

– Тогда – молись! Отрекись от ереси неверия – скудоумный!

Всевышний мудр и вездесущ. Молись, раб божий, и да снизойдет на тебя благодать Господня!

Ахензев сунулся лбом в землю, по примеру крестного отца закатил глаза и, скороговоркой, оттарабанил единственное, что знал.

– Во имя Отца и Сына и Святого духа, ныне и присно и во веки веков – Аминь!

– Вот и помолились... – Архангел буднично стряхнул с одежды налипшую грязь. – На, примерь. – Он протянул Владимиру Ивановичу алюминиевый крестик.

– А может, потом... – Ахензев просительно взглянул на Гавриила. Крест, в аду, даже ему, законченному атеисту показался кощунством.

– Можно,.. – Архангел сунул руку в многочисленные складки рясы и, выудив замызганную тетрадку, из которой выпала порнооткрытка, огрызком карандаша поставил галочку.

– А это – сейчас. Распишись, сыне.

– Зачем? – Поинтересовался Ахензев и скосил глаза на обнаженную диву.

Гавриил смущенно кашлянул и наступил на компроматериал.

– Для отчетности. План гоним. Конец квартала...

Ахензев расписался.

– Ну, а теперь, о деле. – Святой убрал тетрадь. – К слову, я здесь – на полставки... Да и с квартирой обещали помочь...

* * *

Разномастные, разнорогие существа деловито сновали у монументального серого здания.

Гавриил вдохновенно простер руку, настроился на менторский тон.

– Административный корпус, центр третьего круговращения. – Он широко вздохнул. – Необъятны владения центра – все шестое измерение! А сколько регионов, командировок! Но – этот регион, базовый, головной,.. – архангел на секунду прервал излияния, задумался и, найдя точное определение, закончил с апломбом. – Образцово-показательный!

«ГУМОС» – Ахензев прочитал начертанное на черно-белом мраморе.

– «Главное управление Мракобесно Осветительных служб», – опережая вопрос, высокопарно продекламировал

Гавриил и, решительно толкнув зеркального стекла дверь, пропустил Владимира Ивановича вперед.

Картина учрежденческого холла разочаровала писателя-фантаста, ожидавшего увидеть что-нибудь экстранеординарное. Все, до тошноты, обыденно и серо. Та же стандартная мебель, те же округлые, казенные лица... Вахтеры у пропускных турникетов безразличными, пустыми взглядами профильтровав архангела, беспрепятственно пропустили его, а вот на Ахенэеве – включились, и с неожиданной резвостью затеяли свару.

– Куда прешь? – Кастрированным поросенком завизжал один из них, вцепившись в рукав Владимира Ивановича. – Пропуск иде? – И, спустив голос двумя октавами ниже, по бульдожьки зарычал.

– Со мной он, со мной,.. – Гавриил тормознул, попытался сгладить инцидент.

Но цербер развязался, и успокоить сорвавшуюся с цепи тварь не представлялось возможным.

– А ты что за фонтан? По какому праву тащишь за собой хвост? Иде документ?

Архангел растерянно развел руками и принялся вразумительно объяснять грозному стражу причину появления Ахенэева.

Но тот и слушать не стал!

– Не положено! – Свирепо рявкнул вахтер и включил сигнал тревоги. Судя по тому, как четко появилась охрана – вывод следовал один: с дисциплинкой в Гумосе – не балуй!

– Руки за голову, лицом – к стене! – Взвыли архаровцы и, не церемонясь, отшвырнули Владимира Ивановича от турникета. Они профессионально вывернули карманы Ахенэева и – что-то произошло?! На глазах превратились в полностью утративших агрессивность если не ангелов, то, на худой конец, невинных ягнят. Рассыпавшись в тысяче извинений, охранники спешно ретировались, успев при этом мгновенно вырубить и привести в чувство потерявшего нюх вахтера.

– Идиот! – Прошипел один из них. – Надо же додуматься! Личного порученца Сатаны – ошельмовать! Зайдешь – для профилактики...

Перепутавший со страха все движения, оглушенный до полусмерти страж, чуть ли не на горбу провез Владимира Ивановича через контрольно-пропускной пункт и сдал из лап на руки архангелу Гавриилу.

– Издержки адовой глубинки, сын мой,.. – Глубокомысленно изрек Гавриил.

– Не-ет, это не издержки... – Пальцы Ахенэева, заправляющие вывернутые после обыска карманы, случайно наткнулись на забытую им контрамарку. Владимир Иванович криво усмехнулся, вспомнил подобный земной случай. Все стало на свои места: координационный принцип «свой-чужой, нужный-не-нужный» и здесь в аду, действовал безотказно.

* * *

– Конфуз, сплошной конфуз! – Гавриил съехал на дробный смешок, но тут же поправился, выпрэнно произнес. – Суета! Кругом суета: мир суетится, преисподняя погрязла в суете и, чего греха таить, даже слепо верующие, все чаще упоминают всеуе...

Архангел настроился на философскую волну и, вышагивая впереди Ахенэева по извилистым коридорам учреждения, вещал:

– Где то место отдохновения от суеты мирской? И есть ли такое? Обрявши истину, да обретут покой...

Владимиру Ивановичу надоели демагогические излияния Гавриила и он слушал в пол-уха, с интересом разглядывая своеобразный обтекаемый интерьер спиралеобразно возносящихся этажей чрева Гумоса. Необычная эллипсоидная форма дверей, округлость стен тоннеля, да и сами нелицеприятные обитатели многочисленных кабинетов, поневоле заставляли задумываться о многом...

Заранее предупрежденные о прибытии сановного гостя, они – стоило Ахенэеву с Гавриилом прошествовать мимо, – беззвучно распахивали створки дверей, всхрюкивали, вращали пятакми рогатых морд и, сделав важные для себя выводы, также неслышно скрывались, прятались в раковинах кабинетов, как улитки.

«Чертомольная часть», «Чертогонная часть», «Старший чертопляс» – читал Владимир Иванович таблички на створках раковин.

Одна из створок отворилась преждевременно и, резанув по глазам Ахенэева вывеской: «Чертоломная часть. Главный круторог», распахнулась настежь.

В дверях, оперев волосатые лапы в бока, набычившись, стоял здоровенный чертило. Мощные рога, круто возвышавшиеся над короткой стрижки гривой, подозрительно-наглый

взгляд – без сомнения хозяин кабинета подждал Владимира Ивановича.

Ему первому доложили о неприятном инциденте и Главный приготовился к отпору: рвать и метать, окусываться до последнего. Но черт ошибся, Ахензев был далек от мысли кого-то винить, докапываться до истины... Владимир Иванович глядел сквозь Круторога, а в голове невольно выкристаллизовывалось:

– Экая махина! Да на нем пахать впору...

Чертило, сообразив, наконец, что гости и не собираются нагонять страха, радостно всхрипнул и прогудел:

– Может на минуточку... Насущные проблемки... Строго конфиденциально...

Однако архангел Гавриил преградил Ахензеву дорогу, забормотал, как молитву:

– После, после, уважаемый! Посланцу душевный покой требуется, отдых.

...У несурзной, украшенной церковной бутафорией, залапанной грешниками двери Гавриил остановился, облегченно потянулся, достал кожаный чехольчик с ключами.

– Вот и моя келейка! Место отдохновения от суеты сует!

Два хитроумных английских замка натужно щелкнули и архангел с Владимиром Ивановичем вошли в помещение.

Келейка Ахензеву понравилась.

Алтарь с аналоем, украшенный солидным иконостасом, плюшевая ширмочка – исповедальня, стол, два кресла и все. Никаких излишеств. Если не считать стенов в шикарных рамах – окладах.

«Опыт показывает: в раю не долго продержишься, если появляется женщина. Бойтесь их!» – Призывал один, полужанавешенный, броский, со стереоскопически подмигивающими красотками. Другой, названный, вероятно, ошибочно «Наши осветлители», пугал кадрами из фильмов ужасов.

Владимир Иванович раскрыл было рот, собираясь уточнить кое-какие пикантные, смутившие его детальки, но – не успел.

В дверь заскреблись.

Архангел Гавриил, с неожиданной прытью, подскочил к стенду с обнаженными блудницами, задернул шторку. Оправил рясу, поправил манжет и, усевшись за стол, разрешил:

– Войдите!

Ручка двери опустилась и жеваная, небритая физия, шмыгнув морщинистым носом, прошамкала:

– Отче. Подместь, помыть – не надо?

– Сгинь, нечисть! – Гавриил побелел, цапанул с алтаря толстенную книгу и запустил в гадливую образину.

Физия скрылась, а святой рухнул перед иконостасом на колени и зашелся в поклонах.

– Прости мя, Господи! Прости мя, грешного!

– Чертоломное отрепье... Свора юродивых... – Доносилось до Ахенэева между словами молитвы.

Владимир Иванович поднял брошенную архангелом книгу, задумчиво повертел в руках. Между страниц «Ветхого завета» Библии торчал рог неизвестного посетителя. По рогу, белилом, размашисто – Дад.

Ахенэев побарабанил пальцами по лидериновой обложке и положил талмуд с несколько своеобразной закладкой. На прежнее место.

Закончив каяться и отмаливаться, архангел Гавриил встал, помял поясицу.

– Анафемский радикулит совсем одолел. – Прокряхтел святой.

Владимир Иванович отступил от алтаря к занавешенному стенду.

– И что, часто беспокоит? – Соболезнующе поинтересовался он и, как бы между прочим, отодвинул шторку. – Пчелиный яд не пробовали?

Архангел поморщился.

– Пробовал, не помогает... Лечащий врач намекал что-то о предстательной железе. Нужен специалист по акупунктуре. – Гавриил заметил блуждающий по порнодивам взгляд Владимира Ивановича, смутился, поспешил унести беседу в сторону. – Намедни слышал от местных о какой-то кожаной игле... Но это – не суть. Главное – забота о погрязших во грехе, о становлении их на стезю Господню! – Архангел вплотную придвинулся к Ахенэеву, доверчиво пояснил.

– Вот, – он кивнул на кокеток, – наглядный пример самоотречения от скверны, приобщения к церкви. Это покаявшиеся грешницы. Новоиспеченные сбесившиеся.

Ахенэев понимающе кивнул, спросил, будто невзначай:

– Если не секрет, батюшка, переквалификация девиц – Ваша забота?

– А-а-а, м-мы-м-ы! Отчасти... Чисто платонически... То есть, теоретически, – Гавриил явно зарапортовался, запутался в определении своей роли и, окончательно смутившись, произнес:

– Во всяком случае, для меня лично, общение с обретшими веру – елей душевный и успокоение.

Владимир Иванович, внешне, остался доволен объяснением растерявшегося архангела и, чтобы не усугублять страдания слуги Господня, перевел разговор на «Наших осветителей».

– Батюшка, а этот стенд, по всей видимости, служит своего рода, предостережением. Выявляет теневые стороны деятельности Тоски?!

Гавриил скривился, неразборчиво просипел под нос, вероятно краткую молитву, которая завершилась дежурным: – Прости, Господи... – Прокашлялся, прочистил горло и, уже уравновешенно, попрекнул.

– Окстись, сын мой! Как можно! На фотографиях – гордость третьего круга, осветители. Осветители не по долгу, а по призванию! Передовая мракобесовская интеллигенция!

– Позвольте! – Перебил его Ахензев. – Тогда мне не совсем ясен смысл термина – осветитель? Они что, близки к кинематографу? О мракобесах – молчу. С детства знаком, да и пресса нет-нет, да и обыграют, в зависимости от симпатий и настроения...

– О-о-о, сын мой! – Архангел полностью вышел из шокового состояния, забасил, как на службе. – Запомни! Осветители – ядро Тоски, ее нерв, постоянная неутихающая боль Господня. Какой кинематограф? Денно и ночью, в угоду Всевышнему, но с повеления Всетемнейшего, они, не жалея сил, освещают души грешников. Взгляни, как бескорыстно-самоотвержен их труд. Проникнись!..

Владимир Иванович пристальнее взгляделся и... позеленел лицом. Стенд исходил в крике!

Растянув сверкающие клыками пасти в улыбках, определение которых стало нарицательным, черты изощренно терзали грешников.

Ахензев отшатнулся, а Гавриил, не уловив произошедшей с фантастом перемены, продолжал разглагольствовать.

– Осветители – рулевые Тоски. Из поколения в поколение передают они секреты мастерства. Третий круг – их вотчина и клан мракобесов, вымуштрованных, волевых чертей – творит чудеса! Хотя, встречаются и инакомыслящие... Но – это отклонение от нормы...

Святой выдохся, уронил тело в кресло и потух.

– Наворочено – сам черт ногу сломит. – Безрадостно подумал Ахензев. М-м, да. – На душе было слякотно. – А как же

грешники, отче? Неужели подобный изуверский метод осветления себя оправдывает?

– Отрок! – Архангел раздул ноздри. – Не тебе говорить, не мне слушать: грешники – стадо. В загонах. Любому, знакомому с философией человеку известен принцип Катарсиса: очищения через трагедию и муку. И этот принцип, здесь, неукоснительно соблюдается! Так что, в отношении идеологии, в Тоске промашки нет. Дело поставлено на историко-философски обоснованную почву. А конкретно – вот – полюбуйтесь...

И архангел Гавриил протянул Владимиру Ивановичу увесистый альбом в глянцево-м супере.

– Издан специально к 30 000 юбилею!

Ахензев, пресытившийся агитационной бравадой, хмуро скользнул глазами по иллюстрациям. Так оно и есть! На первой же странице был помещен снимок блаженного. Мерцающая улыбка дистрофика, в окружении чертей-садистов.

– Он что – мазохист? – Удивленно уточнил Владимир Иванович.

– Что вы, что вы! – Всполошно запричитал Гавриил. – Боль телесная – исцеление. Через нее душа очищается от греховного, осветляется!

– Какая мерзость! – Внутренне содрогнулся Ахензев и хотел захлопнуть альбом, но архангел воспротивился.

– Не горячись, сын мой. Это – всего лишь преамбула.

Гавриил раскрыл следующий лист. Владимир Иванович, против воли, опять взглянул на иллюстрацию, устало вздохнул.

– Соты-то к чему? Намек на сладкую жизнь грешников, что ли? – Сязвил он.

Архангел запыхтел, но совладал с накотившим приступом астмы, патетично поправил.

– Это не соты, уважаемый, а ячейки – стойла. Хотя сходство имеется. Вид тоски с высоты, так сказать, птичьего полета.

– Непонятна цель локализации. – Сухо заметил Ахензев.

– Исключительно для комфорта. Самоуглубление, самоанализ, самосозерцание – это тонизирует, дает пищу для раздумий. Собственно, не мною придумано. Труды корифеев-осветителей, разработки наших институтов. Вот некоторые из них.

Святой пододвинул Владимиру Ивановичу внушительную стопку книг. «Грешник в условиях локального содержания», «Категория загонов», «Обязанности председателя Сучки»... Перечисление фамилий соавторов каждого издания занимало не менее двух страниц.

– Выпрошу пяток книжонок на память. – Мелькнула у Ахенэева мысль. – Наверняка, раритеты...

А архангел комментировал следующий снимок.

– Обрати внимание, сын мой, на две, почти одинаковые, фотографии. Два стойла, но – какая разница?

Ахенэеву почему-то вспомнился подобный психологический практикум из журнала «Наука и жизнь».

– Стойла. Почему стойла? – Назойливо стучало в висках. Но вопрос святому он не задал, постеснялся.

– Да, вроде бы, стойла, как стойла, – Владимир Иванович поправил очки, – вот только не пойму, что это за предмет на стене.

Гавриил с уважением посмотрел на своего подопечного.

– А голова у тебя варит, отрок! Заметил. Вот что значит наблюдательность. Другие и увидят – промолчат. Именно в этом предмете и различие. Это – ухо Наилемнейшего, конечно, в переносном смысле. А теперь – сравни. Одно – вылизано до блеска, другое – наоборот, затянута паутиной. О чем это говорит? – Архангел рассыпал смешок. – То-то и оно. Обитатели этих стойл по-разному смотрят на предоставленную возможность доносить на соседа, тьфу ты, черт, – прости Господи, – осветляться. Прочти подписи под снимками.

– Стойло члена Дад и председателя Сучки –

– Стойло злостного нарушителя режима Тоски — Ахенэев непонимающе, с затаенной думкой, спросил.

– Не соображу, а причем сучки? Ударение на «у» или на «и»?

– Не глумись, сын мой! Сучки – самостоятельный учредительный комитет исправляющихся. – Святой важно закончил фразу и, ни с того, ни с сего, хлопнул себя по лбу. – Господи! – Он поглядел на настольный календарь. – Да у меня же сегодня приемный день. Во, как раз, вволю пообщаешься и с Дадовцами, и с членами Сучки, и с нарушителями... Тсс! Тихо!..

За дверью послышался неясный шум.

Гавриил на цыпочках прокрался к двери и резко распахнул ее. В келью, не удержавшись на подогнутых ногах, шмякнулось создание, увенчанное специнвентарными Дадовскими рогами и, что чрезвычайно удивило Владимира Ивановича, с длинным пушистым хвостом. Гавриил встряхнул Дадовца за шиворот, но одновременно защебил пяткой хвост, который с легким треском отделился от туловища чертоподобного.

Уличенный в подслушивании грешник на секунду сник, подхватил подпорченную часть туалета, но тут же нахально зыркнул глазом на архангела и бодро представился.

– Сбесившийся девять три ноля полета восемь в кубе, Председатель Сучки, по вашему вызову явился. Остальные члены комитета выполняют задание Чертоломного отдела, собирают дискредитирующую других грешников информацию.

Председатель Сучки крутнул в воздухе оторванным хвостом-опахалом, порылся в карманах и, вытащив сложенный тетрадный листок, заканючил:

– Отче, подмахните ходатайство на широкие полномочия. Пора отсюда сматываться. Невмоготу больше. Не в жилу. Да и срок подошел. Порекомендуйте, что Вам стоит, и печать желательно.

– А шпионить за мной – в жилу?

– Бес попутал, ей Богу!

Если для архангела подобные вторжения были не в диковинку, то появление данного экземпляра как-то покорило Владимира Ивановича.

– Ну и специфика... – Изумился он.

Гавриил водрузил на нос очки и углубился и чтение ходатайства.

Тем временем Дадовец, отчаявшись пристегнуть хвост на место, огорченно накинул его на шею, как горжетку. На Ахенэва поглядывал настороженно, с опаской. А вдруг этот модный черт, вероятно обладающий немалым влиянием, сотворит какую-то каверзу?

– Так-с, – Гавриил закончил чтение, извлек из стола пузатый гроссбух. – Посмотрим, стоит ли подписываться иод этой челюбитной. Ага... Епитимьи я на тебя накладывал? Накладывал. И неоднократно.

Дадовец, обеспокоено хлюпнув носом в хвост, заныл.

– Отче! Я же их давно замолил. Это – подлое прошлое. А сейчас благодарностей – море! И от Вас, и от Наитемнейшего, я уж не говорю про Главного Круторога. Да и регалия, – он потянул с шеи хвост, – просто так не дается. Скольких потустороннемыслящих выявил. Гляньте на свою записную книжицу. 796 грешников вломил. И на исповедь регулярно хожу.

– Ходить-то ты ходишь, регулярно. Только в соседний отдел.

– Обижаете, Отче! – Сбесившийся позволил себе оскорбиться. – Исповедуюсь только у Вас! А то – другое... Благоде-

тель и хозяин – их интересуют другие нюансы... Да и сотрудничать с Чертоломами – моя святая обязанность. Иначе никак нельзя...

– Рассказывай... – Архангел презрительно окинул взглядом зарвавшегося грешника и, смяв ходатайство, бросил его в урну.

– Ах, так! – Нахраписто заорал Дадовец. – Ну, тогда держитесь! Не на того напали... Я Вам устрою райскую жизнь! Накатаю во все инстанции... И про оторванный хвост, и про некоторые низменные наклонности... Слезами умоетесь – да будет поздно!

Ахензев, увидев замешательство Гавриила, решил пособить архангелу избежать ненужных неприятностей.

– Цыц, тварь бесхвостая! – Заорал он. – Сейчас же бери ручку и пиши. Я разберусь! И, не дай бог, навернешь лишнего. Только правду.

Сбесившийся в момент сбавил тон, утихомирившись, и, пособачьи заглядывая в глаза Ахензеву, пролепетал.

– На чье имя писать?

– А действительно, на чье? – На секунду задумался Ахензев, но тут же нашелся и повелительно скомандовал.

– Пиши. На имя инспектирующего Гумос по Третьему кругу!

Дадовец примостился у аналоя и застрочил жалобу. Иногда он украдкой бросал взгляд на неизвестного и, вдохновляемый серьезной миной «инспектора», менял лист за листом, прикусив от чрезмерного усердия язык.

Снова распахнулась дверь и два крупных чертоподобных толкнули в келью упирающегося грешника.

– Вот, Святой отец. Выловили нарушителя. Что он вытворял! С особой дерзостью гадил в туалете, с особым цинизмом протопал в загон. Внешним видом нагонял страх на окружающих. Не испытывая уважения к администрации, «пустил шептуна» при упоминании Наитемнейшего. Называет себя не грешником, а по земному обычаю – бичом. И еще... Нарушает установленные в Тоске правила обращения. Упорно обзывает членов Дад и Сучки – животными и чудом в перьях. Конкретно: петухами, козлами и козами. Убедительно просим принять меры к подонку. Рапорта на Ваше имя и на имя Главного Круто-рога готовы.

Святой соболезнующе вздохнул, достал бланк, на котором было отштемпелевано «Епитимья».

– Кто такой, нечестивец?

– Ну, Митька. – Буркнул тот.
– Без «ну», – обозлился архангел, – не запрягал... Митькой звали! А теперь, грешник номер такой-то. Понял?

– Ну понял. Грешник 101377⁴...

Гавриил завизировал бланк.

– Пойдешь на 15 суток в выгребную яму. Распишись.

И архангел ткнул перстом в отчеркнутую галочку. Грешник поставил на епитимье закорючку и, прихваченный мощными ручищами Дадовцев исчез из кельи.

Председатель Сучки завершил свой кляузный шедевр и, преданно склонясь, вручил его Ахензеву.

– Иди, – распорядился Владимир Иванович. – Кому следует, оповестят...

Сбесившийся торжествующе ожег взглядом Гавриила и, с силой хлопнув дверью, удалился.

Ахензев сунул пасквильное сочинение в карман, с усмешкой подумав, что образец подобного творчества в дальнейшем может пригодиться.

– Сын мой! – Святой проводил глазами исчезнувшую в недрах куртки фантаста жалобу, плаксиво промямлил. – К чему тебе эта ересь? Свежая параша, как принято выражаться в Тоске, не более... Отдай мне ее, не заставляй страдать слугу Господня...

Владимиру Ивановичу стало не по себе от того, что архангел кланчил какую-то жалкую бумажонку. Вероятно, она действительно представляла опасность или хранила какую-то тайну.

Отдавать «шедевр» не хотелось, но Гавриил так назойливо плакался, так притворно стонал и охал, что Ахензев не устоял, полез за документом. Он достал испещренные каллиграфическим почерком листы и мельком пробежал глазами начало.

«Наиглавнейшему Инспектору по Наиважнейшим делам от сбесившегося 900058³.

ЖАЛОБА.

Довожу до вашего сведения, что святой архангел Гавриил, вместо того, чтобы направлять грешников на путь исправления земных пороков и ошибок, в рабочее время, при закрытых дверях занимается черт-те чем, а именно:...»

В этот момент ручка замка опустилась, задергалась и архангел, испуганно выдернув у Владимира Ивановича «шедевр», разорвал его в клочья и бросил в мусорную корзину.

В келью стремились войти, но пружина механизма от удара распоясавшегося председателя сработала и замок защелкнулся. Ручку отпустили, а спустя минуту из-под двери выскользнул конверт. Раздались удаляющиеся шаги неизвестного почтальона. Гавриил наклонился, поднял письмо с пола, распечатал и, прочтя, засобирался.

– Приглашает Главный Круторог. Неужели и там успел опарафинить сучий сын? Прости, Господи!

11

– Заждался... – Чертило нервно сжал скулы, приветственно кивнул Ахенэву и боднул в сторону широкого кожаного дивана у стены. – Присаживайтесь. А к вам, святой отец, отдельная просьбочка. Пройдите в соседнюю комнату. Там, как раз, грешница по вашему профилю, мается.

Святой понимающе кхекнул и, сутулясь, прошмыгнул в приемный покой, отделенный от кабинета Главного двойными дверями–порталами.

Начальник Чертоломного отдела, прытко подскочив к дверям, задвинул запоры.

– Ну, как показалась Тоска? – Оглушительно заревел чертило. – Да, кстати, забыл представиться – мракобес-осветлитель первого ранга Тьмовский.

– Можно потише, – Владимир Иванович смущенно поморщился и пошерудил мизинцем в заложившихся ушах.

Главный Чертолом приложил узловатый палец к рылу и указал на телефон. Затем, стараясь не стукнуть о паркет копытом, прокрался к аппарату и выдернул шнур из сети.

Ахенэв боязливо втянул голову в плечи и, ничего толком не поняв, вытаращил на руководителя отдела глаза.

– Конспирация, – тихо произнес Тьмовский и облегченно перевел дух. Наконец-то, посланец Самого!.. Я – резидент! Внедрен 777 подразделением УРКИ: управлением розыска копытных-инакомыслящих. Имею много что сообщить...

Ахенэв смахнул испарину с лысины.

– Да?!.. Но какое отношение к этому имею я? Демон расплылся в понимающей улыбке.

– Не надо скромничать, камрад. Здесь – свои. Ваше инкогнито будет соблюдено. Мандат с собой?

Лишь теперь до Владимира Ивановича дошло и он, заелозив по коже брюками, зашарил по карманам, в поисках контрамарки.

– Так это ваши ребята меня шмонали у турникета? – Ахензев блеснул выуженным из обихода Тоски словечком. – Лихие молодцы, нечего сказать...

– Примите извинения! С ними провели воспитательную работу. Но я – о деле. Информации скопилось – невпроворот, а надежного связного нет. Последнего сегодня сожрали. – Главный сделал приличествующее данному моменту скорбное лицо, но тут же снял с себя маску.

– Как сожрали? – Фантаст аж привскочил на месте, нутром уловил кончик интереснейшего сюжета.

– Молча! Схавали, только рога с копытами мелькнули. В террариуме у Наитемнейшего для подобных целей имеются мутанты: генетически выведенные гибриды дракона и аллигатора. Брр... Проглатывают любого черта. – Тьмовский запрядал от отворачивания ушами. – Ценный был агент. Способный...

Глава Чертоломов приумолк, на мгновение задумался, затем пессимистично добавил:

– Что ж, как в той песне: было, было, было – но прошло... Однако, пока Гавриил поправляет заблудшую... обговорим детали. Как, вообще-то, на первый взгляд, Тоска?

Владимир Иванович смежил веки.

– Если со слов архангела, то – полный ажур. Тишь, гладь, да божья благодать! А чисто интуитивно – тоскливо...

– Вот то-то и оно, что тоскливо! – Вызверился Главный. – Сплошная показуха! А копни поглубже – мрак да гниль. Весь Гумос погряз в коррупции. Осветлители во главе с Наитемнейшим превратили третий круг в идеологически замаскированное личное предприятие по извлечению доходов. О мелких поделках, ширпотребе грешников я и не говорю... Невольно вспоминается прошлое... Осветлитель! Это звание присваивали избранным, достойным. Рыцарь на земле, осветлитель – в аду! А нынче что творится? Ритуал посвящений – профанация! И когда... На 31 тысячелетии существования Тоски, по старому стилю... Нужна срочная чистка кадров!

Ахензев заворожено внимал речам начальника Чертоломного отдела, нежданно-негаданно оказавшимся если не единомышленником, то здравомыслящим демоном.

Тьмовский оборвал излияния, взглянул на часы.

– Сейчас состоится сеанс спиритической связи с Вашим референтом. Вот действительно, пример для подражания! Молодой, перспективный, из хорошей семьи...

Главный Круторог поднял на уровень глаз старинный канделябр, энергично задышал, встряхнул увесистым медным шандалом и, с залихватским – э-э-э-х! – обрушил на оплавленные стеариновые языки весь воздух легких.

– Повернутый, – приготовил оценку действий главного Ахенэев, но в это мгновение свечи – самовозгорелись!

Тьмовский задернул тяжеленные гардины и кабинет заиграл бликами.

Вдруг над канделябром возникло гало, ореол, в котором, как на позитиве, проявился Яков.

– Докладывай. – Распорядился демон.

Яков радостно раскрыл пасть, подмигнул Владимиру Ивановичу, и тут же, стерев с лица улыбку, серьезно произнес:

– Нахожусь в районе загона Чертомольного отдела. За конфликт с осветлителем изолирован в 339 выгребную яму. По словам доверенного баландера, бывший агент урки пущен в расход. Баландер же сообщил, что стойла грешников загона до крайности осквернены, завалены смердящими отходами. В данной ситуации длительный сеанс связи проводить затруднительно. Поэтому высылаю по телекинетическому каналу кассету с видеозаписью. Не исключена возможность легализации. У меня все...

Яков хотел было пропасть, но передумал и, обращаясь к Тьмовскому, добавил.

– Эдик! Ты там с моим боссом будь пообходительнее. Он мужик свой – в доску. Усек?

– Усек, Яша! Ты о себе позаботься... Не давай повода слопать, как того...

Свечи зачадили и погасли. Главный Чертолом включил настольную лампу и подошел к видеомагнитофону. На столе, с хлопком, появилась кассета. Тьмовский заправил аппарат, намереваясь прокрутить свежую информацию, как раздался настойчивый стук в дверь.

Главный неохотно отодвинул запор, кинул Владимиру Ивановичу, – мол, успеем, посмотрим, – и, отстранился: из приемного покоя, как ошпаренный, выскочил архангел.

– Слава те, Господи... Насилу осветлил. – Гавриил являл собой образ утомленного изнурительной греблей галерного раба. Он плюхнулся на диван и, словно сбросив с плеч тяжкий груз, распрямил стан и, гулко ударив кулаком в грудь, хвастливо заявил.

– Все-таки сподобил Всевышний силушкой. – Лицо святого прояснилось: он оживал на глазах. И, окончательно самоутвердившись. – Разреши, Главный, фотоаппарат. Надо для отчетности снимок сделать, да и стенд обновить... Ох, и крепко же в ней грех сидел. Только с пятой попытки удалось изгнать...

Тьмовский протянул архангелу «Полароид».

Гавриил поставил затвор на «автоспуск» и вновь скрылся за дверьми.

Владимир Иванович с симпатией взглянул на резидента УРКИ. После краткосрочного спиритического свидания с Яковом он взбодрился и повеселел.

– Верно говорят: первое впечатление обманчиво, – Ахенэва неожиданно потянуло на сантименты. – Что Тьмовскому не хватает?.. Казалось бы, живи, как все... Ан нет! Не пожелал быть олухом царя небесного. Да, а... боец невидимого фронта – о таких на Земле баллады слагают, а здесь... Но – борются! Право, молодцы! И Яков – умница... А какой от меня прок?.. Так! Наблюдатель! Очевидец.

Главный Круторог элементарно вычислив настрой Ахенэва, дружелюбно, без нажима, произнес:

– Камрад! Достаточно Вашего свидетельства об увиденном на экране и разъяснения истинного положения дел в третьем круге Сатане, как – я в этом убежден, – вопрос кадров будет решен без промедления. Включаю запись...

Но просмотреть кассету и в этот раз не удалось. В коридоре раздались надрывные базлания и дробный топот. С треском распахнулась дверь и уже знакомый Владимиру Ивановичу Председатель Сучки бухнулся перед Тьмовским на колени.

– Начальничек, спаси!

Сбесившийся подполз к ногам Главного Круторога и присосался к копыту.

Главный, как кутенка, пинком отбросил заляпанного нечистотами Дадовца, гневно прорычал:

– В чем дело? Почему без стука?.. Сбесившийся поперхнулся.

– Вот! – Он указал на Владимира Ивановича. – Инспектор-свидетель. Архангел Гавриил умышленно лишил меня заслуженной регалии – хвоста. Превратил в рядового грешника. И, как и следовало ожидать, посыпались: мордобой, надругательства, хула... – Председатель Сучки перевел дух и только теперь смикитил, что явился не вовремя. Но назад хода не было и он

попер дуриком. – Начальник, умоляю, выдай другой хвост, попушистой. Для острастки...

Тьмовский с ненавистью взглянул на фискала, но пересилил приступ ярости, раскрыл стенной шкаф и швырнул зачумленному не хвост, а топорщащуюся иглами шкуру дикобраза.

– Пристегивай. И чеши отсюда. Да учти – иглы ядовитые...

Дадовец аж заурчал от радости.

– Ой, начальник... До конца тьмы буду на Вас молиться... – и прошипел продирающим до мозгов шепотом. – Ну, изморозь, держись. Вспомню и захребетника, и хлюста, и гребня... Разблатовались, фраера...

И чертоломный выкормыш поспешил убраться.

Не успел председатель Сучки сдуться, как из других дверей словно в насмешку над Ахензевым и резидентом выступил Архангел.

– Еще одна сбесилась! – Довольно объявил он. Гавриил полюбовался просыхающими в дланях фотографиями, бросил одну из них на валяющееся в кресле «Дело». Потом, о чем-то вспомнив, раскрыл папку и сличив, торчащее из бумажного карманчика фото со своей продукцией, невесело прорезюмировал.

– Подурнела. Помнится, прошлый раз, на-амного аппетитнее, прости, Господи, богобоязненной смотрелась...

Главный Круторог небрежно сличил снимки и захлопнул дело.

– Время, святой отец, да и косметика. Веди ее сюда...

Гавриил слинял за порталы и до Ахензева донеслись женские вздохи и увещевающий голос архангела.

Тьмовский усадил Владимира Ивановича рядом с собой, направил свет лампы на диван.

– Прошу извинения, но работа есть работа... Запись посмотрим на досуге. А пока – вот, полюбуйте. Опять отфутболили из ЧМО. Что с ней делать, ума не приложу. Штучка – уникальная. Хотя, все бабы – дуры и эта не исключение. Пошла по второму замесу.

Ахензев взглянул на раскрытую папку.

– Пузырева?

– Точно...

Владимир Иванович заинтересованно придвинул дело и привычно пробежал глазами по тексту.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Пузырева. Она же Аннета, она же Джулия, она же Жанна, она же Белла, она же Анька-мартышка... Обладает необходимыми для работы по конспиративному профилю качествами. Внедрена на Землю после курса омоложения в летаргическом пансионате и прохождения программы усовершенствования. Была ориентирована на внедрении новинки, разработки Ад-НИИ-СПИДа, а так же по гонорейному циклу.

– Да! – Вымолвил Ахенэв. – Действительно, штука! Ну, а сейчас-то, что ее сюда привело.

– Одну минутку терпения. Святой отец, введите вновьсбесившуюся.

Подталкивая под локоть, Гавриил выставил на обозрение отворачивающую лицо, смущенно упирающуюся фифочку.

Главный Круторог сцепил лапы, подпер ими подбородок.

– Кр-расавица!? Дуреха!.. Додуматься надо – провалить такую операцию. И все из-за жадности... – Главный кивком отправил архангела в смежную комнату.

Пузырева опять захныкала и развела сырость.

– Неправда Ваша! Какая жадность. Я его так любила, так любила...

– Молчать, стерва! Вот шалава: любовь после двадцати кожновенерологических диспансеров, видите ли, у нее прорезалась...

Начальник Чертоломного отдела пролистнул досье и, найдя нужную страницу, произнес:

– Кого и что ты любила, нам известно...

– В чем все-таки дело? Объясните, пожалуйста?... – Ахенэв не переносил женских слез еще с Земли.

– В чем? – Тьмовский скрежетнул зубами. – Да хоть бы в том, что из-за этой дряни рухнул обширно задуманный план... На Пузыреву угробили огромные средства, на нее возлагали надежды... Обманула, расчувствовалась, и... Словом, три года назад эту Аннету, Джулию и пр. сбагрили, как ранее судимую, к нам. С диагнозом: «Острое отравление опиатами». Усмотрели в этой шлюхе перспективную единицу. Прикрепили лучших специалистов, поместили в привилегированный летаргический пансионат. А после него послали назад, на Землю, запрограммировав на внедрение СПИДа. По контактам с особями магометанского, индуистского и буддистского вероисповеданий. Спрашивается? Чем не жизнь? Сопи в две дырки, да внедряй потихоньку новинку. Так нет! Мало показалось наших отчис-

лений, умудрилась схлестнуться с каким-то шейхом – мульти-миллионером, на должность первой жены напросилась. Выбила визу. Поехала к нему. Ладно! Мы и на такой компромисс согласились, лишь бы дело не пострадало. А эта мартышка, вместо того, чтобы благодарно трудиться на уготовленной в аду ниве, начала беситься с жиру. В Европы ее, видите ли потянуло. Дюгнула у благоверного коллекцию брюликов и мешок героина. Сказалась, что в Париж за тряпками летит, а сама прямым ходом не в Париж – к приятельницам, а в Лас-Вегас. Ну и само собой разумеется: дым – коромыслом, шампанское – рекой, альфонсы – батальонами. Рулеточкой увлеклась. И – попала. На приятеля своего мужа. Продула все, что имела, а чтобы не платить, сдала его полиции. Но здесь она просчиталась. Шейхов приятель тоже оказался из состоятельных, героиновый магнат. Откупился и в долгу не остался – выловил стерву. Упаковал в контейнер, да первым рейсом на «Боинг» и – к супругу. А шейх – юморист, но человек бережливый. Прикинул, к чему дармовому мясу пропадать? Взял и скормил Пузыреву любимым кошечкам – пумам. И вот – итог! Опять ненаглядная у нас. Только теперь летаргический пансионат отменяется... Реставрации для Земли не подлежат... И так уйму денег затратили впустую. Ну, что стоишь, идиотка? Ступай в коридор. Жди...

Пузырева, боясь навлечь на себя лишний гнев Главного Круторога, во время монолога сдерживалась из последних сил, не давая волю слезам, но, услышав последнюю фразу Тьмовского, безудержно разрыдалась и, едва переставляя ноги, двинулась прочь. Но выйти из кабинета не успела. В дверной проем вломился затянутый в черную с золотыми галунами и позументами форму, статный усатый черт. Не проявляя должной галантности, он небрежно оттолкнул «даму» и, задев янтарными рогами дверной косяк, ступил в комнату.

Пузырева, оборвав рыдания, истерически взвизгнула и пробкой вылетела в коридор.

Борцовского телосложения черт щипанул лапой густой ус и вальяжно промышчал:

– М-мое Вам... – и, выделив Владимира Ивановича взглядом, раскланялся. – Позвольте представиться. Адьютант Наитемнейшего, старший мракобес Злыднев-Шкуродерский.

Демон прошагал по паркету и, будто случайно, врезался возвышающимся надо лбом украшениями в жалобно зазвеневшую осколками хрустальную люстру. Он ухмыльнулся и, склонившись к уху Ахензева, произнес мягким баритоном.

– Для друзей можно просто – Алик...

– Послушайте, Злыднев, – взревел спровоцированный на скандал начальник Чертоломов. – Что за бесцеремонность? Врываешься, хамите, люстру – чуть ли не в дребезги...

– Ха... – адъютант спесиво посмотрел на Тьмовского, перевел вязкий взгляд на архангела Гавриила. – На мне креста нет! Мне – дозволено!..

Старший мракобес выхватил из-за пазухи спецпакет и протянул влипшему в стену святому. – Вот кому надо молиться на крест Господен, а не тешить свое хобби при закрытых дверях... – И под аккомпанемент вновь зазвеневшей люстры добавил. – Потом прочтете. А сейчас собирайтесь. Через десять минут аудиенция у Наитемнейшего. Я сопровожу...

12

Четверка не уступающих статью адъютанту чертей, но с меньшим количеством золота на мундирах – почетный эскорт, взметнув на плечи алебарды, застыла вдоль стен.

– Двое – с тылов, двое – прямо по фронту. Шагом марш! – Уставно скомандовал Алик, и черти, перестроившись в каре, с оружием наперевес, загромыхали копытами. Владимир Иванович, Злыднев-Шкуродерский и Святой отец едва успевали провозжать глазами испуганных процессией обитателей Гумоса.

При виде столь грозного шествия, те в страхе ныряли в первые попавшиеся двери или же затравленно жались к панелям.

Наконец коридор закончился и впереди замаячил тупик, испещренный фосфоресцирующими символами. Стена представляла собой единый монолит, но стоило подойти к ней вплотную, раздвинулась, ударила привыкшего к серому миру Ахензева по глазам всеми оттенками спектра.

Логово Наитемнейшего – сменяющиеся один за другим залы. Украшенные барельефами, скульптурами, картинами – в основном на тему жития местной знати – они привели спешащую на аудиенцию троицу к монументальным дверям. Дверям столь могучим, что более целесообразно было бы назвать их воротами.

Врата бесшумно раскрылись и Владимир Иванович, ощутив внезапно обуявший его ужас, увидел восседающего за огромным письменным столом крупнолобого седовласого черта. Голову беса венчали развесистые серебряные рога со множеством отростков.

Наитемнейший надменно взмахнул лапой и Гавриил с адъютантом исчезли, оставив Ахенэва наедине с предводителем Тоски, главой Гумоса.

– Садись, пришелец! – Бас Наитемнейшего был настолько густ, что, казалось, имел осязаемую плотность к, против воли, впечатал Владимира Ивановича в кресло.

Из-за стола Предводителя Тоски выползло нечто двухголовое, зубастое и когтистое. Подсунув одну из голов на колени хозяину, чудовище блаженно замурлыкало.

«Наверное, один из тех гибридов, что сожрали связного», – с дрожью подумал Ахенэв.

Наитемнейший потрепал мутанта по холке.

– Иди, Тузик, не мешай. На место!

Чудовище раззявило пасти, понятиливо задышало и удалилось обратно под стол.

– Медалист. Породистый. – Тщеславно похвастался Глава и повернул беседу в нужное ему русло.

– Рассказывай, коли явился. Что выискиваешь, писака. Может тайны наши вынюхиваешь? А?.. – Бас Предводителя Тоски не предвещал ничего хорошего.

«Сейчас траванет зверюгу!» – С какой-то обреченностью понял Владимир Иванович. И, словно в подтверждении догадки фантаста, из-за стола показался шишковатый хвост Тузика, нервно загулял по полу.

Ахенэв окончательно пал духом и, напоследок, помянул добрым словом верного Якова, которому в подобных ситуациях «сам черт не брат»! Яков бы сбил спесь с этого самонадеянного лося...

Дальнейшие события заставили уверовать и в телепатию, и в то, что его славный помощник, как ни крути, а все же – суперчерт! В приемной раздался страшный грохот, треск и в кабинет, чуть ли не верхом на Злыдневе-Шкуродерском, матюгаясь, въехал Яков.

– Зажравшиеся скоты! Всех разгоню, разжалую... Во что превратили Тоску, подлюки! Притусовались, сволочи, насобачились заживо шкуры сдирать... Лиходеи проклятые!

Тузика не понравился поднятый в кабинете Наитемнейшего шум и зверюга, умело маскируясь за замысловатой современной мебелью, пополз к горлопану.

Но Владимир Иванович заметил маневр чудовища и, испытывая вдохновенный душевный подъем, вскочил с ногами на кресло и заблажил.

– Яшенька, родной, сзади обходят...

Яков апперкотом отправил Злыднева в нокаут и сиганул к стене, увешанной старинным оружием.

Черт вовремя сорвал с кронштейнов тяжелый меч-кладенец, рептилия подкралась и приготовилась к прыжку. Двух ударов меча оказалось достаточно, чтобы лишить Наитемнейшего его гордости – породистого медалиста Тузика.

– Яшенька! Не знаю, как тебя и благодарить, – Ахензев потянулся к появившемуся, словно гром среди ясного неба, черту.

– Потом сочтемся, Босс...

Яков вытер о штору лезвие и подступил к струхнувшему Предводителю Тоски.

– Та-ак... А с тобой что прикажешь делать? Мразь! – Он развернул меч и со всей силой засветил Главе Гумоса эфесом между рогов. – Эх, Кондратий, Кондратий! Разве для этого я всеми правдами-неправдами должность тебе выколачивал? Думал – однокашник, не подведет... А он – во второй раз в морду плюнул... – По лицу помощника и спасителя фантаста пробежала судорога. – Чем вы здесь занимаетесь?! Развели бодягу, фонари лепите, наворачиваете черт-те-чего, прокручиваете иллюзию с отчетами и – лезет! Все под себя подмяли!.. Мракобесы! А остальные? Терпигорцы, пыль придорожная?.. Эх, опаскуди Тоску!..

Наитемнейший, потирая ушибленный череп и с опаской поглядывая на взбесившегося черта, не выпускающего из лап кладенец – не собирается ли тот повторно звездануть массивной рукояткой, – плаксиво пронямкал:

– Я-то при чем? Разве не ясно, откуда ветер дует? Ить, который век переходящие мощи вручают. Разве спроста? – И, словно в подтверждении слов, Глава Гумоса кивнул на стоящий на виду гроб. – А хочешь, у Гавриила спроси, он подтвердит...

Наитемнейший перевел дух, примиряюще предложил:

– Яшенька, не сердчай! Это все недоброжелатели. Оговорили, на мое место метят...

– Оговорили?! – Гортанный вскрик черта эхом загулял по залам логова Предводителя Тоски. – Мощи переходящие?..

Яков подскочил к гробу и саданул его ногой. Домовина перевернулась и на пол, вперемешку, посыпались кости неизвестного происхождения и бутылки, происхождение которых определялось без труда. По ярким этикеткам.

– Ну, Кондрашка, берегись... Мало того, что лапшу на уши вешал, так удосужился и над святыней поизголяться!.. Да зна-

ешь ли ты, козел вонючий, что я почти двое суток в шкуре грешника пробыл? А впечатлений – на всю оставшуюся черную жизнь! Говоришь – мощи переходящие? Ходящие мощи – вот во что ты превратил вверенный судимый контингент! Или ты по натуре во мне рядового черта увидел? На мульку берешь? Так я на слюнявку не клюю... Лет сто назад вырыгал...

Яков зло вонзил мешающий разговору меч в половицу.

– Кто тебе позволил применять в Тоске практику пекла, ЧМО? Кто разрешил похерить «принцип Катарсиса»?.. Только за подобные деяния тебя, Кондратий, первого в террариум к любимым пресмыкающимся отправлять надо...

Барабанная дробь двух пар копыт возвестила о том, что Злыднев приволок на подмогу Наитемнейшему Старшего Чертопляса. Прилизанный, аккуратный черт подобострастно вытянулся и, вздернув подбородок, поедал глазами руководство.

– По Вашему приказанию прибыл! – Лаконично отрапортовал начальник Идеологического отдела и, переменив стойку «смирно» на «вольно», грациозно вильнул хвостом. Ноги старшего Чертопляса гуттаперчево загуляли и, словно готовясь выписать неповторимое антраша, мягко донесли пластичного подчиненного до стола Наитемнейшего.

– Прекрати вихляться, балаболка! – Выплюнул Предводитель. – Объясни лучше, – он учтиво указал на Якова, – истинное положение дел...

Чертопляс как должное проглотил обиду и понимающе, забрав в грудь воздуха, разлился соловьем.

То, как он говорил и показывал на плакатах и диаграммах, можно было бы назвать маленьким спектаклем. В сущности, это и был спектакль, красочно обставленный спец. декорациями. Интерпретированный пересказ того, что Владимир Иванович успел услышать от святого.

Ахензев, после всех перепитий, устал до одури и, подойдя к Якову, что-то нашептал.

– Хватит! – Оборвал солиста черт. – Антракт! Вернее – занавес.

Яков, натянуто взвешивая каждое слов, процедил:

– Собрать бы всех вас в кучу – и сжечь! А Наитемнейшего – паровозом пустить...

– Что ты жути гонишь? – Попытался отбрехнуться Кондратий, но на полуслове оборвал речь и остекленел глазами.

Всегда добродушно-лукавый черт подобрался, резко изменился внешне. Из горла Якова с клекотом посыпались непонятные слова-заклинания.

– Марана-парана! Кацуля-бабуля! Ухм-эхма! Бомби-Ломби-Зомби!!!

Глава Гумоса уронил на глаза веки и, безвольно отвесив тяжелый подбородок, захрапел.

– Не хотел по хорошему, так я вам привью лихоманку... – Яков радостно потер ладони и властно распорядился, словно отбрил, – Вон отсюда, псы шелудивые!

Злыднев и Старший Чертопляс, озираясь и униженно кивая, попятились, и с гримасами раболепия скрылись с глаз.

А из врат, будто в ожидании этого момента, вошел Тьмовский, неся небольшой магнитофон.

– Ну, как дела, Яшенька?

– Все путем, Эдик. Как задумано. Начинаем. Тьмовский нажал кнопку магнитофона.

– Навага-салага! – Произнес черт. Кондратий не прореагировал – Плюха-бормотуха!!

Магические слова, как удар в подбородок, вскинули голову Наитемнейшего и Кондратий бесцветным, механическим голосом заговорил.

– Докладываю. За последнюю пятилетку в Гумос Тоски на мое имя получено 28383 сверхспециальных распоряжений. Общее содержание: 1. Усилить и разрекламировать официальную линию работы Тоски, по сравнению с другими кругами, в сатанинской прессе. Одновременно, сугубо для третьего круга, всячески нагнетать атмосферу террора во всех ее регионах, командировках. 2. Обязать Чертомольный отдел сдирать семь шкур с грешников, ради выполнения завышенных производственных показателей. 3. Чертоломному отделу, совместно с Чертоплясами загонов, всеми доступными способами унижать достоинство грешников, наказывать за малейший косой взгляд, бытовые отклонения от норм проживания, сглаживая мизерными подачками – как высшим благом, шероховатости взаимоотношений между грешниками. 5. Всячески поощрять Дадовцев, членов Сучки, сбесившихся – тем самым реализуя возможность стычек, бунтов; при необходимости таковых, в целях особо оговариваемых...

Наконец Кондратий выдохся, информация иссякла и он опять захрапел.

– Все, Эдик! – Яков облегченно пошевелил затекшей шеей.
– Задание выполнено. Представляешь, как взовьется шеф, заполучив эту пленочку! А Сам?! Нет, по этому поводу не грех и по маленькой... Бухнем? – Он подмигнул засыпающему Ахенэеву.
– Не кукусь, Босс, скоро отдохнем. Нам бы только отсюда дать стрекача, вырваться поскорее, а то, чуёт мое сердце, скоро Злыднев–Шкуродерский с гвардией нагрянет... Ну, да выпьем коллекционного, и обмозгуем, как дальше действовать.

Яков выбрал пыльную плоскую бутылку, ловко вскрыл и – едва успел отвернуть крыло. Из горлышка посуды попер вонючий дым и бутылка, выскользнув из лап остолбеневшего черта, заскакала по комнате. Замедля движение, она вертикально установилась и из клубов дыма синтезировался противный, чихающий дед. Утершись замызганной парчовой чалмой он, наконец, проперхал:

– Здравствуйте, боляре! Кажись, ослобонился... Надо чего, спасители?

– Приветик! – Яков прикрыл лапой пятак, обошел вокруг обшарпанного старикана. – Ну и срамной запашок от тебя, дедуля!

– Отсиди с мое в одиночке, – сравним, от кого какое амбре исходить будет, мин херц... – Джин пригорюнился. – Почти триста лет без канализации, в собственном соку...

13

Синие, лиловые, зеленые волны света наплывали на лицо плюгавого старикашки, Ахенэева и черта. И, хотя предложенный джином способ передвижения в четвертый круг не шел ни в какое сравнение с НЛО – другого выхода, нежели этот, экстренно сдуться из Тоски, не было – путешественники последовали совету, затарились в бутылку.

...На стеклянном полу ленивым меринном растянулся Яков и, прилепившись взглядом к сидящему в позе «лотос» древнежителю, дотошно выпрашивал:

– Так как же тебя, старая перечница, в эту посудину зафасовали? – Черт щелкнул когтем по просвечивающей стенке субдирижабля.

Джин, пасторально настроенный, с исчезнувшими от свежего воздуха респираторными аномалиями, ровно и с удовольствием произнес:

– Алексашку Меньшикова знаш?

Владимир Иванович, услышав знакомую фамилию, как учуявший валерьянку кот, облизнулся, привстал со стопки старинных фолиантов. Уж кого-кого, а имени соратника и друга Петра Великого здесь, в аду, он, при всем искореженном воображении, никак не ожидал встретить! В голове заблуждала идея: а почему бы нет?.. Сначала – очерк, потом – повесть. А после – и до романа рукой подать! В раскаленном мозгу тут же возникла, оформилась будоражащая кровь картинка: роскошно изданный бестселлер «Бытие Александра Меньшикова в аду».

– Конечно знаю! – В отличие от Ахенэева, Яков удивлен не был.

– Откуда? – Владимир Иванович прикусил губу: поймал черта на слове.

– Во, босс, даешь... Эка невидаль – Меньшиков! Или интересно? – Якова так и подмывало помарьяжить заинтересованного фантаста, но, вспомнив его самоотверженный поступок, от чистого сердца вырвавшийся предупреждающий крик о двуглавой твари, демоноуга угомонился и без обычной рисовки произнес.

– Я еще когда учился, на экзамене, за «меньшиковский бунт в Тоске» неуд схлопотал. Перепутал Екатерину I с Екатериной II. Ляпнул, что Алексашка, в прошлом, был фаворитом второй и от ревности перерезал остальных, метивших на это место, кобелей. Правда, потом пришлось пересдавать, но ничего, как с гуся вода, без последствий...

– А ты, дед, знаком, что ли, с ним?

– Эх, мин херц, не то слово... – Задрипанный дедуля горестно собрал морщины на лбу. – Ить это Меньшиков, с сотрапезниками, меня в бутылку загнал.

Замухрышка переменял позу и повел печальный рассказ.

– Я ж, сынки, не всегда таким чахлым и дохлым казался. Пятьсот лет с гаком Наитемнейшим в третьем круге прослужил. Без сучка и задоринки! Ох и золотое времечко поперву было...

Аскет знобливо встряхнулся, но тут же развернул плечи, на щеках выступил юношеский румянец.

– Веяние иное в те годы сквозило. Грешник, ежели и поступал к нам, то – сознательный, богобоязненный. Отмолит на скороту грехи и – в рай. Осветлялись гуртами. А которые из боляр да купцов – это косяки самостоятельные, солидные...

Бывалочи приставится в наш круг купчина, глядь, а у него заместо креста нательного – мошна. Полным-полнехонька! А

боляре, так те, все больше в каменьях и мехах дорогих... Изредка и разбойнички, душегубы попадались. Но это – особая статья. Я их при себе держал. Такие бузотеры и тати, что иному черту, фигурально выражаясь, сто очков форы дадут...

Потом повалил тучей грешник времен Иоанна Грозного. Царева опричина, лиходеи всякие. Эти немного побаламутили, дюже бойкие поперву казались. Но и их скрутил, обернул в свою веру, а чтобы не слишком вольготно чувствовали, к месту приставил. В корень зрил: мастерами всяких дел определились, благо опыта им не занимать...

Экс-Наитемнейший расслабил лоб и весь во власти приятных воспоминаний продолжил.

– Все бы ничего. И штат подобрался, один к одному, черти с понятием. И распорядок дня – строгий... Все чин-чинарем, не бытие – малина! А по утрам, в полдень да в полночь, колокола с Земли, задушевно так: бом – бом, день – дон... Лепота!

Только кончилось спокойное времечко! Наступила пора Петра-реформатора.

Боляре поступать перестали, по монастырям, как куры, разбежались, попрыгались, а оттуда – прямехонько, без пересадки – в рай. Ну, а ежели который случайно и заскакивал, так без былой роскоши, а в кургузом кафтанчишке. Зато с политесом, шибко грамотный – на кривой кобыле не подъедешь. И купчишки туда же, в калашный ряд... Товариществ всяких понавыдумывали, кумпаний наорганизовали. Даже мои на эту мякину клюнули, из подручных да заплечных в акционеры подались. А тут и Алексашка самолично нарисовался.

Я, понятно, сразу к нему подкатил, умаслил. В рай вне конкурса предложил пропихнуть. Другой бы – с радостью... А Алексашка и слушать не хотел. Ну, думаю, не на того напал, я этот «подарок» окольным путем сплавлю... Одному богу известно, сколько я золота и серебра мздоимцам попередавал, а толку-то – ноль! Видно с Земли протекция – не переплюнешь! Ладно. Выход один – поговорить откровенно, как мужик с мужиком. И поговорил – до сих пор корежит... Как сейчас помню... Вызываю Алексашку к себе в апартаменты и прямо так, без предисловий:

– Ну что тебе, Алексашка, неймется? Утихомирься. Чай не молодой. Прекрати со своими воду мутить. Езжай, к богу, в рай. И место давно забронировано, и твой херц ждет не дождется любимого дружка.

А он глазищи вытаращил и ядовито отвечает:

– Я к чужим раям не привычный. Надо будет, и здесь, у тебя, рай организую, небось не привыкать. А будешь встревать, так я этот Чертог, вместе с верными друганями, ко всем чертям собачьим, в порошок сотру.

Про порошок это он для красного словца вставил, припугнул. Ужасный наглец! Никакого почтения к старшим по чину.

Поперву разошлись мирно, на время...

Утром докладают, Меньшиков выдумал ассамблею и приглашает меня к такому-то времени. Отказаться? Пойдут перекуды, сплетни... Явился. С опозданием. А Алексашка лузгает семечки и – молодцам, с амбицией:

– Бочку рому Наитемнейшему, чтобы впредь не нарушал установленный регламент!

Понятно, заулюлюкали, захороводили пустобрехи! Им что, лишь бы поизголяться, а над кем – все равно.

Прикинул я, кранты, хоть и аллергия мучит, а пить надо. Иначе засмеют, заторкают. Вон сколько злорадствующих!

– Опрокинул бочонок – и ничего! Правда, легкое кружение по телу разлилось, но – это от малой дозы... А Алексашка захлеб хохочет.

– Молодец, – грит, – Наитемнейший!.. Теперь, для полного счастья, партеечку, в подкидного и – по домам.

Сели играть. И здесь меня повело, подкосило. Не иначе чё-то подсыпал в вино... Помню, проигрываю, а Алексашка, знай передергивает карты, да на подпись бумажки сует...

– Завтрева, мол, разберемся, расплатимся. Кто кому и кто чего должен...

Помню, перед тем, как совсем вырубиться, подмахнул я шутошную грамотенку, что, мол, в случае проигрыша, обязуюсь влезть в бутылку.

Пошутил Алексашка! Да...

Просыпаюсь на следующий день, башка разламывается, а Меньшиков, съевший не одну собаку в выколачивании долгов, уже в приемной торчит, аудиенции дожидается.

Сел я за стол, гну рога от бешенства.

– Черт лопухий, – ругаю себя, – размазня. Ить был чист, как стеклышко. А превратился в кого – в мота!

Короче, зову Алексашку. А он не один заходит, с друзьями. И прямо с порога:

– Ну, что, – грит, – Наитемнейший бог шельму метит! – Напрямик заявляет. – Всыпал бы я тебе по первое число и – края-

ми. Но – не тот случай. Лишка двиганул, руководитель. Поэтому – отменяется!

В глаза смеется, стервец. И на стол – бац, пачку вчерашних векселей. А там – батюшки мои! – готовая удавка.

Оказывается, перед тем, как последнюю ставку сделать, я весь третий круг продул. А Алексашка поторапливает.

– Давай, – крик, – опохмеляйся ромом и полезай в эту же бутылку. Пока до Антихриста не дошло. Он для тебя, ради такого случая, что-нибудь поинтереснее выдумает...

Покручинился, помозговал я и так и эдак: ан точно – выход один, в бутылку лезти. Победителей-то не судят! А меня, как пить дать, к ногтю и – в расход... Лучше попробую отсидеться.

Хлебнул на прощание хмельного и – упрятался в бутылку... Вот и вся история. Дальше и говорить не о чем... Триста лет, а мож чуть меньше, проторчал в посудине. Один, как перст, пока вы не ослобонили.

Дед закончил рассказ и пригорюнился вновь.

– Да, облапошил тебя Алексашка,.. – Яков соболезнующе поводит хвостом. – Слушай, дед. А где же ты йоге обучился? – Черт кивнул на чалму и набедренную повязку тщедушного старика.

– Это, сынок, тоже благодаря Данилычу. Он, когда меня в бутылку определял, крик:

– Держи, Наитемнейший, книги. Свои отдаю, из Нирваны нелегально переслали. Я в них не бельмеса не понял, сплошные каракули. Ни по русски, ни по англички... А ты – сообразительный. На досуге разберешься.

Джин указал на стопку книг у ног Ахенэева.

– Как в воду смотрел Алексашка! Нужда заставила – разобрался. С грехом пополам. Книги-то индийские оказались... Здорово они меня выручили! Не будь под рукой этих самоучителей – точно бы сдох! А так, – старик с нежностью огладил взором переплетенные в кожу тома, – начнешь медитацией²⁵ заниматься, глядь – 50–80 лет проскочило.

И, обращаясь сразу к обоим:

– Если не секрет, уж не к думным ли болярам за советом поспешаете? Сколь их помню – муть голубая. Переливают из пустого в порожнее, бьют баклуши и – никаких делов.

Яков залиvisto рассмеялся.

²⁵ Медитация – одна из форм гимнастики йогов, самоучение (прим. автора)

– Эх, старина, старина! Совсем ты отстал от времени. В Мафию мы летим! А бояр вот уже лет двести как нет.

– Это еще что за Мафия? – Йог заинтересованно придвинулся к Якову, приложив ладонь к волосатому уху, чтобы лучше слышать.

– Министерско-административный факультатив института ясновидящих.

– Факу – что? – Переспросил старик, – Не понял, родимый. Ушами ослаб.

– Фа-куль-та-тив! – По слогам повторил черт. – Ясно?

– Ясно, ясно... Ишь, как лихо закручено! И за что ж так их, сердешных, обзывать стали. Раньше помягчее обходились, псами да трутнями именовали, жалеючи. Да-а, все течет, все изменяется... Внешне. А суть – одна. Не то ценно, как называют, а – кто ты есть на самом деле...

Деда распирало желание разузнать о произошедших за время его забутыления изменениях.

– А что, сынок? – Опять обратился он к Якову. – Чай на Земле опять реформы? Давечи посмотрел я, какую нахлобучку Вы моему преемнику учинили. Кажись, плачет по нем бутылка... А?..

– Как знать, старче, как знать... – Яков окунулся в выцветшие глаза «старика Хоттабыча», помолчал и, ни к селу ни к городу, с неожиданной подковыркой, поинтересовался:

– Дедуля! Сколько не маракую, одного не могу понять... Вот ты, вроде бы, чародей, да и в магии понимаешь маленько, и по нонешной должности тоже, не подарок, – джин! Так как это могло случиться, что при таких способностях – из простой бутылки досрочно не выкарабкался?

Приверженец дзена²⁶ почесал пяткой лоб, жалобно скривился и распустил нюни.

– Что от их проку-то, от способностей, коль стекло – экранит! – Экс-Наитемнейший хлестанулся непонятно откуда пойманным словом. Старикашка встал, припал глазами к «экрану» и объявил:

– Кажись, сынки, подлетаем. – Он захлопал белыми ресницами. – Ох, и понастроили за три века: сплошь башни Вавилонские... Куда прикажете приземляться?

Яков тоже впаял рыло в стекло, высматривая подходящее для посадки место.

²⁶ Дзен-буддизм – одно из направлений буддизма (прим. авт.).

– Давай, дед, во-он в то окно сквозанем. Попадем, как говорится, с корабля на бал. Прямо на очередное заседание Мафии.

Старичок согласно кивнул, пролопотал какое-то заклинание и – бутылка, заложив крутой вираж, влетела в набитый до отказа актовый зал.

В зале творилось что-то невообразимое.

Шли прения. И, понятно, больше всех упредел докладчик, безуспешно старавшийся увернуться от града несвежих продуктов, порожней тары. Пытающийся утихомирить, переорать бушующую стихию аудитории.

Среди этой, накаленной до предела, атмосферы появление лишнего неопознанного гастрономического объекта с путешественниками осталось незамеченным.

Бутылка уклонилась от рассекающего со свистом воздух яйца, по всей видимости, тухлого, и со звоном впечаталась в стену за спинами находящихся в президиуме.

* * *

– Сестра! Поаккуратней с ампулами... Приведите дополнительную инъекцию аминазина.

* * *

Окружающий мир предстал в натуральной, озвученной полноте. Члены президиума, скорчившиеся от обстрела за креслами, не обратили внимания на трех, невесть откуда взявшихся, субъектов.

– В-рах! Ба-бах! О-ой! – В бровь Якову угодил гнилой помидор.

– Воздух! Ложись! – Истошно завопил он и распластался по сцене.

Владимир Иванович скорехонько последовал примеру черта. Старик же никак не мог прийти в себя – стоял, как памятник, демонстрируя залу истощенные многовековым воздержанием чресла.

– И он еще разглагольствует о каком-то равенстве! — Зычный голос перекрыл вой и улюлюканье толпы. К трибуне продирался какой-то Фан Фаныч – сутулый белоголовый мужчина в черном строгом костюме, при галстукке и со значком депутата. Впрочем, весь зал был заполнен подобным же образом одетыми грешниками. Исключение составляли лишь обособленные группки, облаченные в парадные мундиры и френчи без погон. Обстрел прекратился. Мужчина с зычным голосом и неболь-

шим росточком взобрался, наконец, на возвышение, занял место предыдущего оратора.

О каком строительстве, о каких славных делах ратовал он? В чем его заслуги? Воздвиг при жизни монумент из собственного Я! Написал под диктовку земельные мемуары! Нечего сказать – герой! Самоутвердился, самовозвеличился... Создал ажиотаж вокруг самого себя... А о народе – забыл. Феникс нашелся, извините за выражение...

Выступающий плавно повел рукой в сторону Экс-Найтемнейшего, спустился с трибуны, полуобнял старика, выдал скупую слезу и громко поинтересовался:

– Хочешь кушать, дедушка?

Ошалевший древнежитель, так и не отошедший от столбняка, подавленно кивнул, сглотнув набежавшую слюну.

– Благодарствую на добром слове... Почитай, какую сотню лет маковой росинки во рту не было... Не пимши, не жрамши...

Оратор выдержал эффектную паузу, оглядел притихших грешников. Затем порылся в карманах, вытащил что-то, завернутое в газетку.

– На, полноправный член Общества, подкрепись бутербродом с дешевой, общедоступной колбасой сырого копчения.

Широкий жест, с которым он протянул Экс-Найтемнейшему сверток, не оставлял сомнения в том, что это человек не привык раздавать награды направо-налево...

– Иди, дедуля, иди. – Шепнул он старику.

Сутулый лунь вновь забрался на трибуну. Повис над залом.

– Друзья! Коллеги! Соратники и члены одного круга! Мы собрались в этом зале для того, чтобы решить окончательно, раз и навсегда, – кому возглавлять завтра Мафию? Наши правители отвергают существующую на земле практику предвыборных кампаний. Каждый кандидат на пост ректора должен не только словами, но и поступками доказать, что он достоин возглавить факультатив. Я предлагаю избрать ректором – меня! Обещаю заботиться о Вашем благе так же, как только что позаботился об этом изможденном старике, представляющим национальное меньшинство. Ведь главная цель Мафии – забота о хлебе, о пище не только духовной, но и телесной...

Яков повернулся с пуза на спину и восхищенно простонал.

– Вот это заезд! Сунул деду засохший бутерброд, а базу подвел под весь четвертый круг. Политик!

А оратор, тем временем, продолжал словесную саморекламу. Он бросал в лицо слушателям воспламеняющие фразы и

закончил витиеватую речь тем, что предложил голосовать, не дожидаясь выступления других претендентов.

Зал опять забурился и председателю президиума стоило большого труда унять разбушевавшиеся страсти.

Тогда председательствующий, с тонким расчетом на сознательность, без обиняков, провозгласил:

– Желаящие покинуть зал – голосуют. Нежелающие – воздерживаются до завтра.

Ответ последовал незамедлительно: взметнулся густой лес рук и сонм политиков, захлопав откидными сидениями, стал редеть.

Яков с Владимиром Ивановичем тоже решили разветься и, прихватив Экс-Наитемнейшего, сошли со сцены в зал.

14

– Ну и как впечатленье, Босс?

Владимир Иванович крутил головой, не уставая изумляться обилию знакомых лиц. Правда, то было однобокое знакомство: ни один из присутствующих и слыхом не слыхивал о существовании какого-то писателя-фантаста Ахенэва.

Писатель же Ахенэв, наоборот, регулярно просматривал прессу и ему было досконально известно о том, что из себя представляют почившие в бозе, нынешние привилегированные грешники.

– Да, Яша! Произойди эта встреча раньше – на пушечный выстрел не подпустили бы... А тут – пожалуйста! – И внезапно загорелся идеей. – Может и интервью удастся взять? Что им сейчас терять: прошлое быльем поросло, перемывают друг другу кости и хоть бы хны... Политические трупы...

– Босс! Какой базар! Обставлю в лучшем виде! Вот только дедулю надо куда-нибудь приткнуть. Жаль все-таки старика...

– Это ты обо мне, чтоли, глаголишь?

Джин трижды щелкнул себя по острому кадыку и в мгновение ока переродился: предстал перед спутниками таким сухопарым великосветским джентльменом. Черная тройка, строгий галстук, блестящие кожаные туфли. Для пушкого эффекта новоявленный дипломат украсил грудь множеством орденов и медалей. В руке появился натуральной кожи портфель с серебряной табличкой.

– Ну как, сынки?! – Старик молодецкато прошелся гоголем перед своими спасителями.

– А ты, оказывается, еще тот фрукт, дедуля! – Перевоплощение тщедушного, дышащего на ладан старца, оказало на черта обратное действие: его словно окатили ушатом холодной воды.

– Какой такой фрукт? – Оскорбленно парировал Экс-Найтемнейший, облачившись в современный костюм он ощутил прилив собственного достоинства.

– Извини, старина! – Потрясенный Яков даже немного стушевался. – Не хотел обижать. Просто думаю, как дальше бытовать думаешь? Отдохнуть тебе желательно после всех передряг. Отоспаться, к невропатологу сходить...

Однако, от резкого удара о стену и от перемены климата характер джина на глазах портился.

– Я же просил не оскорблять! Потологи, неврологи, а там и до палача договоришься...

– Ладно, дед, не психуй! – Яков смотрел на свихнувшегося, засиженного старика без издевки. – Куда все-таки путь держать намерен?

– Вот раскудыкался! А родовое гнездо на что? Проверю, посмотрю, не спилили ли дуб со шкатулкой. Да и с родней свидеться не помешает...

«Шкатулка, дуб, родовое гнездо, родня... – Владимир Иванович не верил своим ушам. – Старческий маразм. Рассуждает, как младенец... Какая к черту, родня, спустя три века. Чушь несусветная!»

– Дед, а может у тебя крыша потекла? – Якова тоже взяло сомнение. – Давай, старина, я тебя в пятый круг закину. Телевизор, радоновые ванны... А хочешь, определим вне очереди, хоть и несподручно, в восьмой... между нами...

– Крышу не трожь! – Дед приставил пятерню ко лбу. – В пять накатов с запасом прочности! От бровей, до рогов! И насчет остальных кругов – помолчи. У нас, Бессмертных, слыхивал, небось, свой удел. Остров Буян называется. Так что я туда подамся. – И, вспомнив, кому все-таки обязан освобождением, бесхитростно спросил. – Пособить еще чем, напоследок?

Яша похлопал старика по плечу.

– Давай, дедуля. Двигай. Счастливо!

– Тогда прощевайте. Коль понадобится – пять раз щелкните по кадыку и три раза плюньте через плечо. Только не перепутайте: через правое, а не через левое... – Джин снова провел манипуляцию с горлом и – пропал, как корова языком слизнула.

– Яша, а Яш! – Владимир Иванович толкнул в бок заду-
мавшегося о чем-то черта. – Об обещании-то не забыл?

– Ах, да!.. Интервью... Один момент, мигом сообразим. –
Он резко дернул себя за мочку уха, вякнул нескладуху-гарабар-
щину и протянул Ахенэеву синие карточки с золотым тиснени-
ем «Пресса».

– Держи, Босс... Без этой ксивы, – Яков цыкнул зубом, – ни
хрена не выгорит. К здешней публике без мандата не подсту-
пишься, не подлезешь...

Владимир Иванович раскрыл удостоверение и прочитал:
Ахенэев В. И., специальный корреспондент «Прейсподнеш
пресс».

– Ишь ты, – откровенно удивился фантаст, – все как поло-
жено. – И поинтересовался. – А что за «Прейсподнеш пресс»?

– Наш центральный информативный орган. Пошли...

Он потянул Владимира Ивановича к пожилой женщине,
яростно отчитывающей двух прыщавых, как на подбор, греш-
ников.

Ахенэев, давно зарекшийся чему-то удивляться, все же
вздрогнул, признав в сохранившей надменную осадку даме не-
досягаемого, из-за занимаемого на Земле положения, потенци-
ального врага. Вспомнились слова известного писателя, чьи
произведения – не одну книгу – с ее легкой руки быстренько
изъяли из обращения: «ни себе, ни людям»...

Фантаст затоптал в грязь собственное предубеждение и –
будь что будет – задал первый вопрос:

– Простите, уважаемая, что отвлекаю Вас от беседы, но хо-
телось бы кое о чем спросить, взять интервью...

Женщина колко взглянула на претенциозно одетого проси-
теля, как бы говоря: «с ряжеными – не общаюсь»...

– Мне не досуг, да и пресс-секретарь отсутствует.

Предвзято настроенная грешница еще раз обратила взор на
скуклившегося Ахенэева и внезапно смилостивилась, решив
поиграть в демократию. Поправив сохранившей изыщность
ручкой прическу, дама снизошла.

– Впрочем, на небольшую беседу я согласна.

Владимир Иванович протянул удостоверение.

– О-о-о! Даже так! Центральная пресса... Польщена. Зада-
вайте вопросы, молодой человек. – Дама вернула книжицу, оп-
равдывающую столь неординарный облик журналиста.

– Скажите пожалуйста, как Вы оцениваете создавшуюся на сегодняшний день обстановку в четвертом круге?

– Вас интересует то, как я отношусь к фракции, в чьих рядах подвизается выступающий в прениях?

Дама, не дожидаясь Ахензева, привычно перехватила инициативу.

– Мое объективное мнение: сегодняшний оратор не сумеет заслужить уважение масс. Почему? В первую очередь, подобными фиглярскими выходками он обнаружил явный сдвиг в мышлении... Попрание святых истин!

– Что же это за истины? – Проявил дремучее невежество Владимир Иванович.

– Ну, знаете ли, молодой человек!.. Азбука философии: сознание – первично, а материя – вторична. Это – ясно, как день! И подобная аксиома никогда не теряла своей актуальности. Нигде! Ни при какой власти... А нынешний лектор низложил духовные каноны. Выдвинул концепцию бутерброда. Приобрел дешевую популярность тем, что на примере какого-то деда пообещал возродить в Мафии экономику. Кстати, убеждена, что дед – фикция, подставное лицо, а выступление оратора – политический фарс!

Ахензев старательно строчил в записной книжке.

– Что же Вы предлагаете?

– Мое кредо, надеюсь, известно многим. Только высокая, чистая культура, вот что приведет к общему благоденствию. – Женщина, для пущей убедительности, придвинулась к «корреспонденту», перешла на шепот.

– Вы обратили внимание, как жадно горели глаза этого, пусть и фиктивного, старика? Эти глаза жаждали духовной пищи! К высотам культуры были направлены помыслы! А ему – бутерброд... Так и развращаются массы...

Владимиру Ивановичу припомнился Экс-Наитемнейший, который сейчас, наверняка, за обе щеки наворачивает за дядькиным столом «вторичную материю», наверстывая упущенное...

– Простите за нескромность. А как бы Вы поступили на месте оратора? Что предложили старику взамен, отбросив домысл о фикции? Давайте пофантазируем!

Дама на мгновение задумалась, подозрительно взглянула на представителя «Прейзподнеш пресс», – не провоцирует ли корреспондент?

Но глаза Ахенэева были безоблачно чисты. Рука, державшая «Паркер», не дрожала.

– Как бы поступила я? Пожалуй, предложила оппоненту не спекулировать телесами, а соответственно облачиться...

– Ну, это для джина пара пустяков, – усмехнувшись, подумал Владимир Иванович и, осмелев, произнес, – а затем?

Дама, перебирая варианты, молчала.

– Знаете, молодой человек, – начала она безучастно, – у меня очень большая жизненная практика. Думаю, что сумела бы помочь преодолеть старику возникшие затруднения.

Ответ оказался на редкость скользким.

– В огороде бузина, в Киеве дядька! – Обескуражено подытожил Ахенэев. Но, в силу еще каких-то земных издержек воспитания, он постеснялся в открытую резануть правду-матку, поставить точки над і.

Зато незаменимый Яков и здесь продемонстрировал Боссу класс репортерской профессиональной сноровки.

– Позвольте, мадам! Но сказанное вами, мягко выражаясь, слишком расплывчато...

Дама мгновенно хлестанула по черту сконцентрированным в пучок лазерным пучком, вероятнее всего, скопившейся внутренней энергией. И, оказавшись на месте Якова простой смертный, – кремирования не миновать.

– Это кто? – Наэлектризованным голосом спросила она у Владимира Ивановича. Но отвечать ему не пришлось.

Яков, с коротким поклоном, предъявил схожую с удостоверением Ахенэева, корочку.

– Однако! – Покачала головой интервьюированная грешница и с миролюбивой интонацией продолжила. – А я, оказывается, становлюсь популярной. Ну что же, в таком случае, начнем с аналогов...

Опираясь на свой опыт, я имею в виду Земной, могу со всей ответственностью сказать, что человек подобного телосложения или поэт-неудачник, или разочаровавшийся прозаик. Возможно, потенциальный. Прошу еще раз простить за Земные параллели... Так вот. Первое, что я бы предприняла, это в тесном кругу, а не на трибуне, попыталась выяснить, чем дышит этот болезный? Что пишет?.. Все литераторы, идущие по нами проторенному пути, не страдают недоеданием. За исключением ракушников...

Выяснив стиль, фабулу произведений автора, я, несомненно бы, подбодрила, подсказала, как действовать дальше. А убе-

дившись, что понята правильно, и очередной роман, повесть или подборка стихов будут исполнены в заданном плане, а автор не переметнется в стан мыслящих нестандартно, помогла бы устроить его личную жизнь.

– Чем Вы руководствуетесь при разграничении на стандартно и нестандартно мыслящих? – Яков поймал себя на желании устроить разнос этой обтекаеморечивой даме.

– Долговязые и костлявые литераторы не могут являться инакомыслящими, – предвзято отреагировала женщина, – хотя бы потому, что отдают все душевные, да и физические силы на проталкивание собственных произведений в редакции многочисленных изданий. Непризнанные, недоедающие, они дерзают, но на компромисс с совестью не идут. Это не я говорю – статистика.

Дама оттаяла, расчувствованно приложила ладони к вискам.

– Помню, приходит ко мне на прием один автор. Тоже худой, затравленный. Спрашивает, почему его роману не дают ходу? А о каком ходе может идти речь, если автор описывает собственные невзгоды: денежные затруднения, неурядицы с жильем, да и продуктовую проблему затронул...

Чувствуете, какой подарок для ТЕХ!.. Прочтут подобную, извращающую наши устои книгу и раструбят на весь мир!..

Пришлось прервать прием остальных, вплотную заняться с этим автором. Побеседовала я с ним, доходчиво пояснила, как переписать рукопись: изменить место действия, выгодно осветить материальную сторону, да и сам сюжетик переиначить. И что же? Понял меня автор. Понял, и, спустя каких-то полгода держал в руках первый экземпляр вышедшей большим тиражом книги.

Вот это наглядный пример патриота. Голодал, но не изменил идеалу, а сделал соответствующие выводы. Перековался.

Ахензев, досконально знавший из первых уст всю подноготную этой истории, огорошено молчал. Не нашелся что ответить. Вопросы, коих за время беседы дамы с Яковом накопилось множество – вылетели из головы.

Но черт и здесь не подкачал. С бесовской скоростью наколдовал диктофон и подступил к даме.

– В чем заключается Ваша задача в Мафии? Что проповедуете?

– Я – атеистка и проповедей – не читаю! – Резко отрезала она. – А основная наша, а не моя, задача – борьба с чуждыми

веяниями. И систематическое проведение учебно-воспитательных лекториев с колеблющимися.

– Кого учить-то? – Яков огляделся вокруг. – Самому младшему лет шестьдесят.

– Шестьдесят лет, – быстро парировала она, – наш средний возраст. Именно в эти годы сознание созревает до нужной кондиции и начинает плодоносить.

– И последний вопрос – Яков игнорировал взгляды разъяренной его бестактностью мегеры. – Что привело Вас в четвертый круг?

Лицо дамы пошло пятнами, черт коснулся самого больного. С трудом сохранив достоинство, она закончила интервью.

– Нас всегда направляют туда, где застой, рутина... Благодарю за внимание! – И, наклеив дежурную улыбку, чопорно удалилась к одетой в полувоенную форму группе, окутанной ароматным облаком трубочного табака, кажется, «Герцеговины флор...»

15

– Нет, подумать только! Выслана на прорыв... – Владимир Иванович кипел от негодования.

– Брось, не возмущайся, босс... За что боролась, на то и напоролась! – Яков деликатно зевнул в полпасти. – Забыл, что ли, где мы находимся? Они тут – цепляй любого, не ошибешься, – с Маней плотно знакомы. – Черт выразительно покрутил пальцем у уха и присвистнул.

– Это что за Маня? – Переспросил Ахензев.

– Маня величия. Профессиональная болезнь. Не бери в голову. Будешь еще с кем-нибудь беседовать? Если нет, то движем в гостиницу, немного соснем. У меня после всех этих интервьюирований, как кол в голове сидит, да и глаза слипаются. Я ведь тоже не железный, хоть и черт. Да и тебе надо сил поднабраться, отдохнуть. – Яков потянулся, и уже без лишней скромности раззявил пасть до отказа. – Потом прошвырнемся по делегациям... Кого только в этом круге не принимают?! И постоянно на высшем уровне... Встречи, рауты, обеды, банкеты, а ля фуршеты... И куда лопают? Не желудки, а – прорва!.. Изо дня в день одна и та же свистопляска, разве что ректора меняются... Ну что, может пока подзавяжем с делами?

Владимиру Ивановичу тоже опостытели корреспондентские потуги, да и примелькавшиеся лица больше не вызывали должного почтения.

– Согласен, Яша. Пойдем баиньки. – Ахенэев спрятал блокнот.

* * *

Соседняя «Вавилонская башня», произраставшая из асфальта, несла на себе неоновую вывеску «Hotel». Вместо короны, это железобетонный эвкалипт был сплошь увешан разноцветными флагами, поникшими в стоялом воздухе.

Министерского вида привратника вполне удовлетворили предъявленные удостоверения «Пресса».

Уладив формальности, Владимир Иванович с Яковом вскоре заснули в двухместном «Люксе». Заснули, даже отказавшись от предложения поужинать.

Ахенэеву спалось хорошо. Так хорошо, что он и не понял когда, во сне или наяву, к нему пришла Эльвирочка. Нежная, в домашнем халатике, она мимоходом поцеловала Владимира Ивановича в лоб и отправилась на кухню, сварганить что-нибудь из съестного. Но отведать Эльвирочкиной стряпни Ахенэеву не пришлось. Неможко не успел... Разбудил хруст костей Якова и оглушительные звуки музыки. Черт с наслаждением занимался аэробикой, не щадя суставов и конечностей.

– Вставай, босс! – Яша сдернул с Ахенэева одеяло. – Будем разучивать новый комплекс. Рецепт Джейн Фонды. Разработала специально для мужчин. После такой разминочки, как вновь на свет народишься! Станешь свеженьким, как огурчик, а не таким увальнем – пузатым и беспомощным. Сонный мух – иначе не скажешь!

Владимир Иванович, морщась, слез с постели и хотел прошмыгнуть в туалет, избежав сатанинских плясок, но – не тут то было! Яков нашел слабую струнку фантаста, сыграл на самолюбии и тому ничего не оставалось делать, как исполнять танец маленьких лебедей в темпе рок-н-рола, шлепая пузом по коленям.

Наконец Ахенэеву удалось удрать от дергавшегося черта и он заперся в совмещенном санузле.

Взглянув на себя в зеркало, Владимир Иванович с радостью отметил, что ад пошел ему на пользу! Мешки под глазами пропали и даже некоторые морщины, кажется, разгладились. Это открытие резко подняло жизненный тонус фантаста. А может сыграла свою роль аэробика? Но, так или иначе, из ванной Ахенэев вышел походкой молодого джигита.

Да и завтрак, поданный миловидной официанткой, укрепил в душе Владимира Ивановича уверенность – день начался удачно. Ахензев рвался в бой.

– Яша, – вкрадчиво начал фантаст, – по-моему вчера упоминалось о каких-то делегациях? Может сходим, отметимся?.. – Интонация Владимира Ивановича напоминала сюсюкающего карапуза, которому не терпелось попасть на аттракционы.

– Не дергайся, босс! Спешка нужна при ловле блох. – Яков расположился в кресле, попыхивая душистым дымком фирменной сигареты. Но, взглянув на часы, он подскочил и набросился на современный телефон.

– Небольшой сюрпризец...

На Яшин вызов ответили тотчас, видимо ждали звонка.

– Алло. Да, мы готовы. – Приглушенно донеслось из трубки. – В распоряжении? Час или чуть больше... Постараемся уложиться.

Заинтригованный Ахензев погрозил пальцем, требовательно взглянул на черта. Но тот лишь неприкаянно ухмылялся и тихо подмурлыкивал льющимся из стереопроектора мелодиям. Сюрприз есть сюрприз!

Владимир Иванович, насупившись, только собрался отчитать помощника, выяснить, что за коленце он выкинет на этот раз, как дверь без стука отворилась и в номер вошел – Тьмовский! Собственной персоной, в сопровождении какого-то невзрачного хмыря.

Эдик сменил тоскливый мундир на сверхэлегантный деловой костюм и даже рогам придал респектабельность, партикулярный вид. Спутник же его, напротив, ничем особо не выделялся. Серая мышь. Да и поведение, точно мышь, попавшая в набитый сырными головами погреб, испуганно озирающаяся по сторонам своими раскосыми глазами-фасолинами.

Тьмовскому шло штатское платье, и внешне он оставался равнодушен к перемене аксельбантов и портупей на гражданский костюм. Даже, напротив, вел себя более раскрепощенно. Стиснув могучей лапищей ладонь Ахензева и, приятельски хлопав его по спине, произнес:

– Уф! Камрады! Знали бы вы, какого труда стоило вырваться из третьего круга. Там сейчас нагрелась комиссия. Все летит вверх тормашками... А до этого – вообще ужас! Осветители чистку устроили: убрали ненужных свидетелей. Представляете, у мутантов, несмотря на феноменальную прозорливость, не иначе, как заворот кишок... Хвостами пушистыми и искусст-

венными рогами поносят и блюют... Ну да хрен с ними, успел ноги унести – и слава Антихристу!

Эдик ковырнул зубочисткой и бесшабашно рассмеявшись, вероятно повторно прокрутив свое отбытие из Тоски, спросил у черта:

– Давай, дружок, по-быстренькому расклад, да я озадачу грызуна. Будем выполнять новые инструкции. А то, в скором времени, еще тонн сто уголовных и личных дел пересматривать придется...

Яша улыбочиво взирал на своего товарища и соратника.

– Значит так, Эдик. Расклад – необычный. Мы с боссом работаем под журналистов. Пока от «Прейзподнеш пресс». Но, кажись, аккредитуемся в Мафии. Пресс-представителями одной из делегаций. Чую, дело требует замутить пресс-конференцию. А скорее всего – брифинг. С ним проще, да и руку набили, подрепетировали на интервью... А сойдемся – нехай пудрят мозги в отношении прошлых заслуг и видов на будущее. Ответы, сам понимаешь – зафиксируем. Я ведь тоже не пальцем деланный: инструкции от корки до корки – на зубок...

Яков на полуслове оборвал разговор.

– Да, а этот тоже – зомби?

– Он самый. На трех уровнях... С Земли законсервирован.

– Тогда, я обмозговал, задействуем в сферу услуги: проверено по гороскопу. И чего, обмылок, в политику полез?.. Ладно, осмотрится, выведает, что к чему, повяжет Мафиози круговой порукой. Ихняя откровенность, как нельзя, кстати, эти хлюсты даже здесь преподносят события так, что все творимое ими – делалось общего блага ради! Пришло, пришло, Эдик, времечко и у нас, в аду, воздать каждому по заслугам. Да и Тоске нужны новые криминально-социально-неразвороченные души. Ведь ясно я говорю?

– Чего уж яснее, Яшенька! Эй, где наша не пропадала?! Сделаем, как приказано, авось не спалимся. В третьем кругу ждут – не дождутся некоторых, и не только из Мафии... Наверное, на Земле не хватило времени разобраться... Ты же в курсе о реорганизации Свода статей? Разрешили-таки раскручивать веревку и в обратную сторону!

– Слышал, не припомню, где... – Черт обратил внимание, что спутник Тьмовского, как вошел в комнату, так и застыл изваянием.

– А он что у тебя, пришибленный, от роду такой молчаливый?

– Да нет! Говорливый до опупения. – Эдик коротко улыбнулся. – Просто, пока на нулевом уровне. Сомнамбула. Скоро забалабонит – хоть уши затыкай...

Тьмовский выбросил в сторону мыша лапу, вперил в глаза фасолины углубленный, повелительный взгляд и с расстановкой произнес:

– Пижама-панам!

Грызун встрепенулся, но, видимо, упоминание о спально-дачных аксессуарах проняло не до конца.

Тьмовский отчеканил следующее, более сложное заклинание.

– Шило на мыло, часы на трусы, рейтузы на шузы, из грязи – в князи, попу в каттон и в ад – жетон...

Тело мыша напряглось, фасолины окрасились осознанным интересом и даже, так показалось Ахенэву, уши, подобно маленьким локаторам, развернулись, словно на хрящах-шарнирах. Но хмырь оставался нем, хотя и внимал, силился освободиться от остаточной депрессии.

Тогда Тьмовский, не особенно церемонясь с Зомби, защемил своей клешней его ухо и, заставив приподняться на цыпочки, подтянул к себе. Язык, на котором программировал агента Эдик, фантасту знаком не был. Проскакивали слова, мало что объясняющие: взятки, презент, бабки и, почему-то, капуста... Но то, что язык принадлежал к тюркской группе, Ахенэв уяснил сразу, хотя и не был полиглотом.

Тьмовский закончил гипнотическую разминку с мышом, отпустил разбухшее ухо. Лицо хмыря ожило, обрело смуглый оттенок.

– Ишь! Это когда же ты ухитрился узбекский выучить? – Шутивно подковырнул приятеля Яков.

– Интересы дела заставят и хинди вызубрить. – Отмахнулся Эдик и перешел к последней стадии программирования. Словами: базар-навар-угар. Хлопок-хама-слопал, он вывел смуглолицего из состояния искусственного сна.

Окончательно пришедший в себя зомби недоуменно огляделся по сторонам и, что-то решив, пробурчал:

– Ох уж эти застолья, тои, рауты...

Хмырь провел рукой по шевелюре, седым вискам и, извинившись, покинул номер.

* * *

– Пора! – Черт и Ахенэв обвесились фотоаппаратурой и диктофонами, договорились с Тьмовским о подстраховке.

Спустившись в холл они прошли к бюро портье, где сидела смазливая сероглазая ведьмочка. Яков, крутивший на пальце связку ключей от люкса, довольно быстро убедил черноглазую, что самое надежное место для их хранения – под розовым шелком модной блузки.

Лишившись двух золотых пуговичек, ведьмочке пришлось согласиться с тем, что Яша прав. А получив от него, в качестве компенсации за потерявшую товарный вид блузку флакончик «Коти», многообещающе хлопнула пушистыми ресницами. Яша обнадежил тем, что не прощается и надеется найти ключи на том же месте в целости и сохранности. Ведьмочка ничего не ответила, но без слов было ясно, что она изыщет и более надежное хранилище...

Легкий флирт прервала одетая в черное, пиджачного покроя униформу группа солидных грешников, с приколотыми к лацканам пиджаков аккредитационными карточками. Вылившись из лифта и переговариваясь, они направились к выходу.

– Во, босс! То, что надо! – черт со скоростью пулемета защелкал затвором «КЭнона»²⁷.

Владимиру Ивановичу вовремягодились полученные еще в Доме пионеров знания и, смекаливо разобравшись, где и что следует нажимать на всученном Яковом «Кодаке»²⁸, он прикрыл пошедшего в атаку черта с фланга.

Отмахиваясь от журналистов, как кобыла хвостом от назойливых слепней и оводов, делегация вышла из гостиницы.

Яков сунул в кофр пачку свеженьких снимков, достал две аккредитационные карточки.

– Вот теперь и мы – неприкосновенные особы! – Он протянул одну из них Ахенэву и поинтересовался. – Ты хоть немножечко в иностранных языках лакишишь?

Владимир Иванович обиженно насупился, но, оценив реальную обстановку, понял, что неправ. Даже будучи студентом филфака, в иностранных он был – дуб-дубом, ни в зуб ногой без шпаргалки... Но – показать свое невежество перед Яковом?

– Перевожу со словарем, – нашелся Ахенэв. – А что, придется много говорить?

²⁷ «КЭнон» (Ф/аппарат) – известная японск. фирма, произв. фотоаппаратуру (прим. авт.)

²⁸ «Кодак» – американская фотофирма (прим. авт.)

– Успокойся! Говорить буду я. Ну, а ежели что и вякнешь, то с таким же произношением, как твои однокурснички... из Мозамбика на первом году обучения.

...У входа в актовъый зал они смешались с толпой всевозможных делегаций.

Сидящая за конторкой молодая чертовка деловито отмечала представителей прессы и раздавала значки.

Яков наговорил ей целый короб любезностей, за что получил вдобавок программку с тезисами предстоящего симпозиума. Прицепив значки, Ахензев с чертом стали ждать официального начала встречи.

Наконец зал заволновался, молнии вспышек возвестили о появлении уже знакомых Ахензеву деятелей.

Журналистов, как безбилетников, отгеснили от вошедших хмурого вида двухметровые дяди. Дотянуться до руководящих особ было попросту невозможно.

– Эх, босс! Трубовое дело. Сейчас их под конвоем на сцену сопровождают, а потом – в апартаменты к сегодняшнему ректору. И не выгорит задание... Придется плясать от печки, проявлять инициативу, а то, кроме фотографий на память об этой встрече – пшик!

– А может мою контрамарку засветим? – Предложил Владимир Иванович.

Яков посмотрел на Ахензева, как психиатр на своего постоянного пациента.

– Если тебе улыбается выступать на этом сходянке в роли почетного гостя, то я умываю лапы. Хорош!.. Да к такой важной птице не только двойное оцепление гориллоподобных приставят – в одночасье отдельный зал заседаний соорудят. Нет, попридержи Мету на крайний случай. Пойдем поближе к ректорской, по дороге чего-нибудь сообразим. А для начала, подожди минутку, пойду вставлю фитиль...

Яков вклинился в среду недовольно и непонятно галдящих журналистов и потерялся из виду.

За время отсутствия черта к Владимиру Ивановичу несколько раз подходили «коллеги» и, прищелкивая от зависти и восхищения языками, интересовались – где это ему удалось отхватить такую шикарную сбрую.

Памятуя совет Якова, фантаст коверкал слова, выговаривая, по его разумению, фразы с мозамбикским нужным акцентом.

Эффект сказался тут же: «собратья по профессии» облепили Владимира Ивановича со всех сторон, пытаясь вручить ви-

зитные карточки и предлагая чейндж²⁹. Появление Якова заставило журналистов переключить свое внимание на его зажигающую речь, отступить от исходящего потом фантаста.

– Коллеги, это что же получается! – Яро возмутился он. – Пинаешься на эскалаторе, сломя роги, за тридевять кругов, а тебе вместо должной работы – кукиш с маслом! Мы что, ваньку валять приехали? Нет и еще раз нет!!! Редактору от нас требуется одно: вынь, да положи сногшибательную сенсацию! А мы, как казанские сироты, ждем у моря погоды... Эти умные дятлы обещали свободу слова, печати – а где она? Значит, надо требовать брифинг! Иначе, все хлопоты выеденного яйца не стоят, псу под хвост...

Услышав слово «брифинг», свора репортеров насторожилась, как бык, увидев пред собой лоскут красной материи. Когда же до работников прессы дошло, что их водят за нос, обманывают, борзописцы выразили солидарность с Яшиными требованиями возбужденным ревом. Рев, поначалу, не имел системы, но вскоре превратился в дружное скандирование:

– Брифинг! Брифинг! Брифинг!

Распорядители и администраторы схватились за головы. Многократно повторяемый крик ассоциировался у них с бардаком, кавардаком, бунтом на корабле, но – ни в коем разе не с порядком.

– Ну все, босс! Главное – забить баки! Теперь они свое хоть у кого из глотки вырвут. А нам удобнее в семиугольном кабинете подождать, пока сыр-бор разгорится...

16

– И когда он успел сблындить цепь? – Удивленно подумал Ахензев.

Путантрестовский трофей перешел из лап в лапы.

– Проходите, пожалуйста! – Доброжелательность, подкрепленная внушительной мздой, превратила неприступного на вид распорядителя в мягкого, как воск болванчика.

Вышколенная обслуга была готова к встрече высокопоставленных гостей.

– Босс, не желаешь ли подкрепиться? – Несмотря на утренний ленч, Яков набил рот халявными сэндвичами, запивая их аперитивом «Чинзано».

Владимир Иванович отказался.

²⁹ Чейндж – обмен (жарг.)

Семь стен кабинета украшали портреты ректоров. Многие из лиц казались знакомыми Ахенэву еще по земным газетным публикациям.

Вошел второй распорядитель, руководивший двумя сбесившимися, катившими тележку, нагруженную дынями и виноградом.

Приглядевшись к появившемуся, Ахенэв без труда узнал в нем утреннего напарника Тьмовского, сетовавшего на застолья и той. И именно ассоциация с дынями и виноградом подсказала Владимиру Ивановичу, где он раньше видел это холеное смуглое лицо... Грешник, чьим именем была названа целая эпоха в жизни одной из азиатских республик. Эпоха обмана целого государства, эпоха приписок, взяток, очковтирательства...

Но здесь, в Мафии, его использовали руководствуясь чисто утилитарными соображениями, приняв во внимание истинное призвание, далекое от политики. То, как ловко распорядился грызун своими подчиненными, несомненно подтверждало его огромный организационный опыт. Вверенные ему сбесившиеся сновали вдоль столов, дополняя нужным десертом скатертисамобранки, боясь хоть на минутку остановиться под строгим взглядом глаз-фасолин.

Мышь превратился в облеченного, хоть и маленькой, но властью хищника...

– Яша, – фантаст прервал трапезу черта, – под каким девизом проходит сегодняшний симпозиум?

– О, босс! Тематика нынешней попойки самая, что ни на есть, актуальная. Экологический кризис! Это – в масштабе нашей галактики. И по адову подвопросу пройдутся.

– Тогда не пойму, какое отношение имеет ад к экологическому балансу планеты, да и галактики?

– Босс, честное слово, дурацкая шутка. Вот – святая простота! – Яков ни на шутку рассердился. – Земля-то – одна. Измерения разные. – И, малость поостыв. – У нас ведь как, у чертей? Вы – смертные, на свет появляетесь в благоустроенных роддомах, на крайняк – под кустом, или там, в грядках... Мы же, по старинке, в тихих омутах выводимся. Так вот: из-за преступного отношения к природе, у Вас на земле и у нас – снизилась рождаемость. Природа-то, она не любит, когда в нее недомки рыла суют! Ну, тех, кто в брэнной жизни ведал загрязнением среды и не принял соответствующих мер, кто из них не попал под суд людской, с таковыми нам с Тьмовским придется поработать. По зеленой – в Тоску! Это – распоряжение Сатаны!

А сегодняшний симпозиум как раз и выявит, на высшем уровне, кто из деятелей за время своего правления больше напакостил. Увидишь, как друг на друга валить будут...

Яша ни с того, ни с сего погрузнел, глаза запеленала печаль. Он задумался.

– Что с тобой, Яков! Нездоровиться?

– Да нет, со здоровьем у меня, слава богу... День ангела завтра! Омут родной вспомнил. Глубокий, чистый, донышко – песчинка к песчинке! И вода – родниковая!

Черт вцепился лапами в гриву, меланхолично произнес:

– Злодеи! Во что они мой омут превратили?.. Ахензев решил отвлечь помощника от тягостных дум.

– И сколько, Яшенька, тебе завтра стукнет?

– Да я еще вьюноша. Сто тридцать годков всего. А опыта накопил – лет на тысячу! Опять же – неженатый. Пора остепеняться, чертенят плодить. А где их плодить? В искусственных бассейнах?.. Ни одного незамутненного омута не сыщешь. Только и остались – эндемичные³⁰: по пальцам пересчитать можно – в заповедниках, да заказниках. А попробуй, сунься туда? Пустить – пустят, но чем платить? За кубометр чистой воды и квадратный метр песочка – эквивалент в драг. металлах. Все прибрали к лапам дельцы, теперь кап. вложения осваивают. Вот и приходится крутиться, набивать кубышку... Не в болоте же, как кулик, потомство растить? Ведь любовь не картошка, на пустыре не получишь урожая... Ну да, скоро подобью сальдобульдо, выплачу оброк за кооператив. Это у других кишка тонка, а я бесцельно по аду не мотаюсь...

Владимир Иванович мысленно прикинул, сколько же надо серебра, злата или платины, чтобы приобрести омут средней величины. Получалось – немало... тонн!

– Яша, извини пожалуйста, от роду любопытен...

– Что за вопрос, босс? – Черт обрел прежнюю форму.

– Неужели у тебя столько золота?

– Босс, мы же современные черти. К чему груды металла – это пережиток. Для всех аборигенов ада введена другая расчетная единица. Помнишь, мы с тобой о валюте говорили, так называемые *гензнаки*, а золотишко хранится в банках. Вот, посмотри. – Яков раскрыл портмоне и протянул Ахензеву черный банкнот. На банкноте высвечивал профиль невольного покро-

³⁰ Эндемичный – единичный (прим. авт.)

вителя и ниже – формула ДНК. Под формулой, прописью: десять геннзнаков.

От второго распорядителя не укрылось движение яшиной лапы, извлекшей банкноту. Неясно почему, но грызун решил, что геннзнак предназначается ему и с реакцией, которой мог бы позавидовать спринтер, подлетел к черту.

– Что угодно? – Зомби потянулся за деньгами.

Владимир Иванович стоял в нерешительности: не зная, кому передать банкнот, то ли вернуть его хозяину, то ли вручить распорядителю.

Рассудил Яков. Шлепнув забывшего от алчности о субординации мыша по руке, он вместо имеющего ограниченное хождение геннзнака, сунул столларовую бумагу.

– Много кое-чего угодно... Выполнишь, что скажем. Но, меня интересует другое. Откуда такая страсть к запретному в среде грешников обменному фонду? Уж не платит ли кто-нибудь подобной валютой?

Лицо зомби знакомо посерело, заплывшие веки испуганно задержались.

– Нет-нет! Что Вы? Я впервые вижу подобные деньги... – Распорядитель поспешно сдулся.

За дверью послышался возбужденный галдеж, а через минуту все семь углов кабинета оказались забитыми изголодавшимися, как после разгрузки вагонов, политиканами.

– У, прорвы! – Вырвалось у черта. – Я бы накормил вас карасиками из родового омутка. Все углы пообгадили б...

– Что это ты на них так? – Ахензев рассматривал заглывающую в великой спешке яства, публику. Судя по комплекции – вполне уравновешенные деятели...

– Обжорство, босс, признак неумного аппетита не только в пище. Им безразлично, кого или что сожрать. Знакомая порода.

На Якова опять накатило и он ударился в лирику.

– Ох, карасики, окунечки – светлого детства дружочки... И что с вами сотворили эти промышленники – монстры... Помню, босс, себя крохотулькой, маленьким чертененком-несмышленьшем. Отец и Мать, шутки ради, поручали алкашей в белую горячку вгонять, да у грешников на носу плясать. А за день набегаюсь, напляшусь, устану и – нырь в омуток. Семейство в сборе и ручной губошлеп карасенок Кузя тычется в лапы, тоже играть зовет, пузыри пускать. Под интерес – кто больше. Как ему откажешь? Ну и соглашаюсь: пыжусь-пыжусь, от силы пять-десять пузырьков пушу и – выдохся. А он – буль, буль,

буль... – не в хипеж, штук пятьдесят выбулькает и плавничком мне под пятак сунется.

– Продолжим?— Спрашивает.

Большой был специалист по запузыриванию. И постоянно – в выигрыше.

А на утренних и вечерних зорьках, тоже на спор, кто громче по воде хвостом шлепнет. И опять я в прогаре: у Кузи хвост – лопатой, а у меня что? Огрызок мочалки... А как-то с год назад, припомнился отчий дом и так потянуло в родные места, что выпросил отпуск без содержания и махнул на кровную природу с одной колдуньюшкой. Дай, думаю, хоть глазком взгляну, как оно в омутке-то нынче? Да и про Кузю поразузнаю – живой ли?

Подкатил к речке, собрался с духом, нырнул... Бог ты мой! Не милая сердцу колыбель, а клоака какая-то... Одно успокоение: жив старина Кузя, живой! Взглянул я на него и заплакал. Ото всех этих нечистей чешуя на карасике облезла, лишаями пошла. Не Кузя – а плавучий полимер! Но – крепится и даже невесело шутит.

– Мне, – говорит, – Яша, теперь без разницы, где обитать. Я, – говорит, – и без спора хоть в дихлорэтане пузыри пускать буду...

Яшин экскурс в детство прервал официант, разносящий напитки и легкую закуску.

От предложенной снеди черт отказался категорически, скалambuрился по поводу икры из нефти и водки из опилок. Но, судя по тому, как повысился голосовой напор делегатов, по разгоравшимся спорам и скандалам, безапелляционный намек Якова в отношении водки не подтвердился.

Градус в ней оказался натуральным.

Страсти накалялись, но понять о чем кликушествовали эти надутые индюки, было невозможно.

– Где же журналисты? – Тягуче подумал Владимир Иванович, в который раз налегая на истомно пьянящую «Кровавую Мери».

Черт тоже нервничал. Задуманный план ломался, все шло кувырком.

Яков, гася раздражение, подозвал грызуна-распорядителя, выдал ему пару ласковых, и, спустя минуту, в семиугольный кабинет десантировалась, как минимум, рота репортеров.

Пулеметные очереди кинокамер, сумасшедший огонь вспышек, посыпавшиеся гранаты вопросов: атака развернутым

фронтом! И расползшимся от излишнего чревоугодничества политиканам ничего не оставалось делать, как сдаться на милость победителям: горлохватам от прессы – репортерам.

Первым капитулировал седобородый грешник в старомодном смокинге. Достав из нагрудного кармана сигару и откусив кончик, он прикурил от подsunутого «Ронсона»³¹ и тенденциозно произнес:

– Леди и джентльмены! На сегодняшнем симпозиуме решался краеугольный вопрос. Кто, конкретно, виноват в безобразном отношении к радиоактивным отходам? По чьему приказу отходы не утилизировались, а разбрасывались где ни попадя: вываливались в акваторию Тихого океана, и даже, закапывались неподалеку от населенных пунктов, отравляя питьевые источники?

И что Вы думаете? Решили опорочить меня, всемирно известного Председателя общества «За чистоту гидросферы», бескорыстно финансирующего эту природоохранную организацию. – Седобородый сильно затянулся дымом, закашлялся и положил сигару в мельхиоровую пепельницу. – Словесная мишура оппозиционеров бездоказательна. Где улики? А я отвергаю их домыслы фактическими документами... И вообще, до сих пор не понятно, почему нахожусь в Мафии, а не в раю? Хотелось бы столкнуться лицом к лицу с клеветниками, а не выслушивать реплики из зала! Я – за обновление природы, что адекватно ее возрождению в первоизданном виде. А злопыхателей – к ответу!

Разволновавшись, седобородый вновь потянулся за сигаретой, но вместо нее выдернул и прикусил трубочку-авторучку, которая внезапно, словно от боли, выдала залиvistую трель.

– Радиация! – Надтреснуто бухнул один из журналистов и рота борзописцев «отважно» отпрянула от Председателя общества «За чистоту гидросферы».

– Спокойно, коллеги! Без паники! – Назидательно-уравновешенный голос черта остановил шарахнувшихся к выходу репортеров. – Уделяйте побольше внимания аутотренингу, отбрасывайте ненужные эмоции: земные условности в аду – лишняя роскошь...

Журналисты, как нашкодившие коты, смущенно переглядывались и, перебарывая криз, переминались с ноги на ногу.

³¹ «Ронсон» – знаменитая англ. фирма, выпускающая зажигалки (прим. авт.)

– Нет, каков оборотень! Распинался в своих заслугах и благодеяниях, а сам, нежданчиком, рентген пятьсот приволок. А не выдерни из кармана по ошибке счетчик Гейгера, глядишь – и драя рукой подать. Пресса – она и в аду все имеет... Ну, да теперь не сорвется, Эдик и не таких ухарей в бараний рог сгибал...

Так рассуждал вслух Яков, а сам озадаченно поглядывал по сторонам. Окрик черта хоть и возымел действие, но паника перекинулась за столы: сработали земные рефлексы.

Яков защелкал спуском «Кэнона», торопясь запечатлеть назревающую сенсацию. Владимир Иванович педантично черкал в записной книжке.

Грызун-распорядитель вьюном проскользнул в радиоактивную зону и, не теряя самообладания, выдернул свистульку изо рта «борца» за чистоту гидросферы. Зомби стиснул локоть седобородого и буром попер его к дверям. Однако, от Якова не укрылось, что помогая рентгеноносцу быстренько смотаться, распорядитель, не упуская момента, втискивал в его голую, как коленка, башку, какие-то истины и передал сверток.

Черт не спускал глаз с парочки и даже сделал несколько снимков.

– Ну, босс, – обратился Яков непосредственно к Ахензеву, – Я-то думал,мышь – тихоня!.. А оказывается, Эдик как в воду смотрел: приструнив этого обкакавшегося на земле зверка... Хватка, я тебе скажу... Увидим, до чего он в аду докатится!..

* * *

– Это становится интересным! Мордобой представителей симпозиума – редкое явление! – Паника переросла в драку и Яков лишь констатировал происходящее в зале.

С грохотом опрокинулись столы, освободив плацдарм для действий. Журналисты бесстрашно ринулись в самую гущу свалки. Били почему-то одного: высокого, моложавого, модно одетого мужчину.

Яков и Владимир Иванович с трудом протолкались сквозь строй зависших на спинах дерущихся в ожидании развязки репортеров. Несмотря на кажущуюся изящность фигуры, моложавый оборонялся профессионально. Раскормленные политики-нападающие тюфяками валились на пол, но взбодренные хмельным угаром, упорно лезли обратно в кучу.

– Хук слева... Апперкот!.. О! Удар «атеми» – он и в карате силен!.. Опять карате: «Дзуки ту»... – Репортеры едва успевали перезаряжать кассеты.

– Кто это? – Ахензев оторвал черта от увлекательного зрелища.

– Ей богу, босс, не знаю... Но морды бьет – одно загляденье, не хуже Рембо с Рокки³²!

Вероятно, и до делегатов дошло, что поднаторевшего в схватках бойца голыми руками не возьмешь, и политиканы изменили тактику. В ход пошли бутылки, тарелки, стулья...

Решающим оказался удар женщины в розовых очках и вечернем платье, бутылкой шампанского.

Сраженный коварной рукой аккредитованной грешницы, моложавый переломился пополам и рухнул на пол.

Политиканы бросились добивать, номышь-распорядитель грудью заслонил тело мужчины и заорал:

– Не позволю издеваться над казенным имуществом! – С остервенением отбросил первого из нападающих в глубь помещения.

Журналисты прильнули к видеоискателям, ошетинились дротиками авторучек – грянуло их время! Репортаж с места сражения – что может быть сенсационней?!

– Причины Вашей неприязни к мистеру Р о и д у ? – Борзописцы осадили королеву битвы, все еще разъяренную фурию.

Дама щепетильно дернула плечиком и, не обратив внимания на расстегнувшийся бюстгальтер, вся во власти эйфории, возбужденно произнесла:

– На симпозиуме, кроме вопроса о радиоактивном загрязнении среды, были затронуты и иные аспекты человеческой деятельности... А этот, – она пнула лежащего, – обвинил меня в нечистоплотности. Не в прямом, конечно, смысле, но акцентировал внимание зала на преступно слабом контроле за очистными сооружениями. Как он смел, как повернулся язык, так оскорбить беззащитную, слабую женщину? Десятки лет, без зазрения совести, пускал на ветер, то есть, засорял атмосферу фреоном – а я, да я шла ему навстречу, закрывала глаза, ради святой любви, а что в благодарность?.. – И женщина разрыдалась.

Репортеры переметнулись к отдувающемуся после схватки пузану.

– Ваше мнение о случившемся? Ваши личные антипатии к мистеру Р о и д у ?

³² Рембо и Рокки – главные персонажи нашумевших амер. видеосериалов – боевиков (прим. авт.)

Этот фронт, провонявший духами и парфюмерией, набрался наглости заявить, что отходы металлоизделий с моих заводов не сдаются на переплавку, а выбрасываются на свалку. Не скрою, за всем не усмотришь. Но, старался по мере сил... А ей-ный хахаль, – пузан кивнул на промакивающую кружевным платочком тушь даму, – не только морочил голову доверчивой женщине, но и завалил планету упаковками от продукции курируемых им фабрик: полистиролом, пластмассой...

Владимир Иванович и Яков прислушивались к откровениям делегатов, и напрашивался вывод: виновник всех экономических катаклизмов Земли и атмосферы именно он – Роид!?. А один из деятелей науки договорился до того, что даже плодородный слой почвы не только пропах дезодорантами, но и изменил свою микроструктуру под их действием. И главный виновник, конечно, парфюмерщик!!

Оглушенный, наконец, зашевелился, с усилием встал, и, не глядя по сторонам, покачиваясь, покинул кабинет. Зомби устремился следом.

– Вот так-то, босс! – Яков привел сбрую в порядок. – А стоило подкеросинить, и любой из них мог оказаться крайним, Что-что, а мести пургу обучены. Сплошной треп... И эта – хороша! Вот уж действительно. Если Бог создал мужчину по своему подобию, то женщины – просто бесподобны!

Фурия в розовых очках и вечернем платье, раскрыв косметичку, приводила личико в порядок. Затем достала баллончик и облачко лака окутало волосы. Другой баллончик низверг на вечерний туалет дамы букет цветочного аромата.

Шум и толчею брифинга перекрыл вой сирены. И следом в кабинете появились геркулесовского телосложения черти во всеоружии. С дубинками и плетью.

– Быстренько, быстренько! Построились на процедуры. Не задерживайте себя и нас. Живей, живей... – Командовал конопатый демонюга.

Размахивая кнутом, он сгонял членов делегаций к стене, сверяясь с каким-то списком.

– Вот теперь доставай свой мандат. А то – припечет... – Во-время подсказал Яков Ахенэеву. Конопатый уже направлялся в их сторону.

– Впрочем, погоди. Он мой старый знакомый, попробую договориться, не раскрывая инкогнито. – И Яшка решительно шагнул навстречу демонюге.

– Слышь, Борька, тормозни. Этого не тронь. Грешник с именем, знакомый Антихриста.

– Отвали-ка, князек, в сторону. – Прощедил тот. – Вечно встречаешь куда сатана нос не сует... Отвали, кому говорят, могу ненароком задеть. Не видишь что ли – я при исполнении!.. А будешь выступать, доложу куда следует, что ты заимел протеже. Иль в долгу хочешь взять? Так не стесняйся, отстегивай... Только учти, в земной валюте не беру, только гензнаками.

Наглая, конопатая морда Борьки хамовато ухмылялась, явно нарываясь на скандал. Яков рефлекторно дернулся, но сдержался, и лишь презрительно сплюнул на блестящий паркет.

– Пентюх ты, Борька. Был пентюхом, им и останешься... И выше экзекутора не прыгнешь; ни ума ни фантазии – одни инстинкты, да мышцы напарафиненные... И правильно от тебя бабы сбегают. Гы-ы! Ко мне... Уж на что Майка к ментам неравнодушна, и та от тебя свинтила!..

Уязвленный черт покраснел от лютой ярости до такой степени, что веснушки на морде слились в один кровавый цвет и, не владея собой, рванулся к ехидному Яшке.

Но, Загробштейн ловко юзнул в сторону, оставив экзекутора лицом к лицу с только что защищаемым «грушником».

– Тебя что, команда не касается? – Срывая зло, четырехсажженный черт занес над обмертвевшим Владимиром Ивановичем бич, но не ударил, увидел в поддрагивающей ладони фантаста Сатанинскую контрамарку.

– П-прошу прощения! Докладываю: команда экзекуторов проводит профилактическую разминку. Разрешите приступить?

– Приступайте! – Ответил за Ахенэва Яков. – Пойдем, босс, это не для слабонервных.

Владимир Иванович быстро закивал и они вышли. А вдогонку донеслась волна криков и стонов, заставивших Ахенэва ускорить шаг.

– Что это за массовое избиение, Яков? – Фантаст никак не мог совладать с ходившими ходуном руками.

– Обычные адовы процедуры. Практикуем во всех кругах, в специально отведенное время. Это ты просто раньше не сталкивался, находился среди нас. Да, так сказать, для полноты сюжета – в Тоске подобная процедура несколько изменена, по скользящему графику. Ну, а проще – круглосуточно. – Яков вздернул кверху пятак и амбициозно закончил. – Не будь должной профилактики – и ад не ад...

– Нет, ты только погляди, и с экзекутами увязался! – Яков проводил взглядом пронесшегося на рысях грызуна.

– Куда это он, Яш? Что-то больно шустро пропылил, не по возрасту...

– Эдикова закалка! Даю лапу на отсечение, закрутил очередную поганку... Ну да узнаем...

У приемной ректора Ахензев с чертом остановились.

Владимир Иванович глядел и не верил: точь в точь – земная приемная, где он бывал почти ежедневно.

Но еще больше изумила фантаста секретарша!

Ошибиться он никак не мог. Тот же томно-блуждающий взор, холеные наманикюренные лапки, та же прическа «Взрыв на макаронной фабрике». И хотя остро отточенные, миниатюрные рожки колоритно оттеняли внешность девицы, в остальном она ничуть не изменилась.

Владимир Иванович, повторно – бывают же совпадения – внимательно поглядел на секретаря-машинистку ректора Мафии.

Она, точно она!

История их знакомства не имела к Мафии совершенно никакого отношения, а если и имела, то чисто ассоциативно по земной территориальной принадлежности: встреча произошла неподалеку от... Министерства легкой промышленности.

И накатило прошлое...

В то время начинающий прозаик Ахензев, сотрудник лит. консультации на ул. Воровского, беспечно шагал по блестящему, призывно расцвеченному огнями Калининскому проспекту столицы.

Выдался свободный денек и Владимир Иванович решил отвлечься от бумаготворчества, посвятить себя отдыху.

Стоял июль. Великолепный загар ножек, плеч, рук девушек, просвечивающий через ткань марлевок, притягивал, манил. А из распахнутых дверей «Валдая», «Печоры» и «Бирюсы» аппетитно пахло жареным-пареным. Да и вокруг «Метелицы» плотным заслоном толпились юнцы – любители напитков, мороженого и брейк-данса.

Ахензев продефилировал до заведения под огромным глобусом и, едва собрался повернуть к ресторану «Арбат», как именно в этот момент в его жизнь, в мысли о съестном, вторглась мякоть лапка.

Лапка беззастенчиво протиснулась под мужской локоть и обрела плоть легкомысленной девицы, одетой в наряд с глубокими вырезами не только спереди, но и сзади и с боков. Дива хлопнула длинными натушеванными ресницами и на ломаном английском прошебетала:

– Ай’м сори, сэр! Гуд ивнинг, сэр! Ай вери вонт дринкинг ин ту зэ этиз ресторанз ту ю³³.

И, оглянувшись по сторонам, с придыханием прибавила.

– Ай мэик ю лав!³⁴ – Она вцепилась в руку Владимира Ивановича, привстала на носки и, обдав запахом «Шанели», проворковала на ухо:

– Мени, мени лав! Андестенд³⁵?

Ошарашенный Ахензев натружено закопался в памяти, пытаясь перевести сказанное иностранкой, но, кроме общеизвестного. – Андестенд? – Понимаете? – ничего путного не вспомнил и, тупо улыбаясь, закивал головой.

– Мени лав! – Повторила незнакомка, и перейдя на чистый русский язык, вымолвила с очаровательной улыбкой.

– Ну и лопух!..

– Чте, чте? – Настроившись на иностранный лад, обескуражено спросил Владимир Иванович.

– Да ни чте! Отстегивай сто гринов и – все дела. Долларс, долларс, андестенд?

– Да нет у меня такой валюты, девушка!

Красотка сразу потухла и отступила от Ахензева.

– Вот невезуха... – И, со слабой надеждой. – А может у тебя бундеса³⁶ или лиры есть?

– Нет... Только рубли...

Дева внезапно разозлилась.

– Да иди ты..., со своими рублями. Я ими могу с ног до головы обклеить...

И, увидев выходящего из «Мерседеса» respectable клиента, стремительно подлетела к нему.

– Эскюз ми, сэр! – Донеслось до Владимира Ивановича.

* * *

³³ Прошу меня простить, сэр. Добрый вечер, сэр. Я хотела бы выпить с вами в этом ресторане. (англ.)

³⁴ Я сделаю вам любовь.

³⁵ Много, много любви, понимаете? (англ.)

³⁶ Бундеса – западногерманские марки (жарг.)

– Ректор сегодня не принимает. Совещание. Андестэнд? – заявила девица и, не обращая внимания на посетителей, принялась лакировать ногти.

Ахензев вышел из оцепенения: «Кровавая Мэри», ранее оскорбленное достоинство – все это сжалось в тугую пружину ненависти и решимости.

Ретивое взыграло, пружина лопнула и фантаст, рванув от избытка энергии воротник рубашки, ломанулся к резной двери ректора.

Не ожидавшая натиска, секретарша, как укушенная, скрылась под столом.

В кабинете действительно шло совещание.

– Ба! Старые знакомые! – Яша несколько раз полыхнул фотовспышкой.

Лица на самом деле оказались знакомыми. За исключением одного. Закинув ноги в кроссовках на полированный стол, в глубоком кожаном кресле восседал пышущий здоровьем, ни от мира сего, ангел. Из всех совещающихся только он не проявил беспокойства и продолжал, как ни в чем не бывало, потягивать коричневую с золотой каемкой, сигарету.

На ректора, грызуна-распорядителя и седебородого, визит нежелательных гостей произвел впечатление отвалившегося потолка.

– Я же говорил, босс, что-то нечисто... – Черт еще раз озарил разбитых параличем вспышкой, затем покопался в кофре и, достав какой-то бланк, помахал им перед носом постепенно приходящего в себя ректора.

– Приступим!

– Что это? – Спросил у Якова Ахензев.

– Ничего особенного. Санкция на обыск. С такими высокопоставленными грешниками приходится соблюдать все формальности. Иначе не прошибешь – бюрократы...

В одежде, отливающей всеми спектрами света, не похожий на ангела ангел отщелкнул окурок в угол и, сбросив кроссовки со стола, процедил:

– Я протестую против обыска. С ними можете делать все, что заблагорассудится, а я – персона неприкосновенная. Дипломат. Прибыл с Альдебарана. Требую связаться с консулом. Вот мои документы.

Залетный протянул Якову продолговатую книжечку в белой обложке. Ознакомившись с удостоверением, черт досадно сплюнул.

– Точно, дипломат. Но где-то я эту рожу видел. Вот, только не припомню, где...

Фантаст не знал цели обыска, но по Яшиному настрою понял – если ангел ускользнет, операция не выгорит.

– Ну-ка ты, павлин заморский! – Ахензев набросился на опешившего представителя галактического рая. – Выворачивай карманы, не то хуже будет. Мне на твой статус начхать, я тоже нездешний! Чего вылупися, сейчас все перья пообщипаю!..

Ангел волчком закрутился на месте, не зная, что предпринять.

– Консула вызывайте! – Не совладав с эмоциями, на этот раз истошно завопил он, инстинктивно схватившись рукой за левый, заметно оттопырившийся карман.

– Я тебе такого косула выпишу, лещем называется... Вот моя верительная грамота, – и разбушевавшийся фантаст засветил ангелу по нимбу «Кодаком». – Выворачивай карманы, кому говорят... – Персону твою нон грату мять нехай³⁷ ...

18

Децибелы гнули, стебали и подковывали Владимира Ивановича с Яковом, точно обезумевший тайфун.

– А-а-а... – Не соображая, что вытворяет, Ахензев дергался как паяц, в такт с соседями.

– У-у-у... – Черт иступленно вращал над головой пращой – фотоаппаратом.

Переход от инцидента в кабинете ректора к групповому помешательству был настолько неожидан, что Владимир Иванович и Яков просто не могли прийти в себя. Мозги оказались непригодными к подобным перегрузкам. Принятая извилинами – информация заставила тут же отреагировать и путешественники замандражировали, пополнив своим присутствием ряды бряцающих цепями, шипами и прочими дешевыми металлоизделиями меломанов. Прикованные к пульсирующему ритму, словно к невидимому компрессору, они вгрызались пятками и копытами в землю не хуже отбойных молотков.

Изредка до перекошенного сознания доходили слова и тонули в бушующем потоке мегаватт.

– Бэби!! Май литл вумен... Ай крейзи мен... Ю-ю-ю! Ю-ю-ю! Ви а зе бест бенд... Ы-ы-ы! Ой-е-ей!

³⁷ Персона нон грата – неприкосновенная особа (дипломатич. терм.)

Неизвестно, до каких уголков Яшиного подсознания докатились волны этой истерии, но то, что черт стал вытворять в дальнейшем, понемногу привело Владимира Ивановича в себя.

– И-го-го, – зычно заржал Яков и ретиво забил копытом. Наступила минутная пауза, но черт, по запарке кроша землю, продолжал окапываться.

Тишина царила недолго: свист и овации заполнили вакуум.

Яков зарылся по пояс и, окончательно выложившись, перестал ржать, ошампуренно заводил по сторонам мордой.

Владимир Иванович тоже шугануто озирался, не понимая, где находится и что с ним произошло.

Прямо перед фантастом, за гривастыми, гребнястыми головами соседней находилась сцена с подиумом, загроможденная многоэтажной аппаратурой.

– Яшенька, родной, уж не в секту ли трясунув угораздили? – Обретя голос склонился Владимир Иванович к черту. И, в тот же момент почувствовал тягучую боль в нижней половине туловища, сходную, разве что, с катанием на «эскалаторе».

– Но-но! Ты, плешивый, полегче! Выбирай выражения, а то живо лишишься привилегии... – Стоявший слева от Ахенэева хромированный и анодированный волосатик довольно выразительно потрясывал на ошипованной ладони велосипедную цепь. В другой руке извивался чей-то хвост.

Правый сосед – обладатель высокого гребня на полубритой голове, вступился за Владимира Ивановича. Вероятно, Ахенэев чем-то ему импонировал.

– Закрой хлебoreзку, ты, вторчермет ходячий!

Недобритого украшали предметы портняжно-парикмахерского инструментария. Выдернув из щеки огромную английскую булавку, он протянул ее фантасту, а сам, вооружившись двумя опасными бритвами, стал подбираться к спасовавшему обладателю цепи. И неизвестно, чем бы закончился конфликт, не разгрузись аппаратура тоннами звуков.

Яков, не долго думая, нырнул обратно в окоп и, вцепившись в штанину Ахенэева, попытался втянуть его к себе. Но, внезапно, штанина освободилась и черт лихорадочно принялся ощупывать тело в темноте ямы.

Владимир Иванович, проигнорировав приглашение Якова, настроженно следил за происходящим вокруг.

Сначала ему показалось, что один за другим взорвались усилители, но потом стало ясно, что это обычный пиротехнический трюк.

Затем на сцену стреканула четверка грешников, похотливо накинулась на инструменты, заставляя их реветь от стыда и ужаса.

Откуда-то голенасто прокосолапил голый от пояса и голый по пояс мужик с туповато-злым выражением лица и, в такт ударнику, начал гнуть железные болванки – делать мускулатуру. А отбросив искореженный металл, переменял позу, и с иступленной жуткой решимостью заводил по мордасам зажженным факелом. Мужик бешено вращал глазами и предельно свирепо вглядывался в публику.

– Сейчас кого-нибудь начнет бить! – С замиранием сердца подумал Ахензев и потянулся к уже ставшему привычным аппарату. Но неожиданно вновь нахлынула тягуче-дергающая боль ниже поясицы и Владимир Иванович попятился к окопу, досадуя на не ко времени скрутивший радикулит.

Фантаст краем глаза взглянул на черта и прикусил губу. Даже сквозь рев музыки он услышал как безудержно горько рыдает Яков.

– Какое восприимчивое сердце! Как тонко проник в какофонию звуков! – Подумал Ахензев, на время забыв о неприятных собственных ощущениях, и опустил на колени перед чертом.

– Успокойся, милый! – Владимир Иванович понимающе гладил по холке вздрагивающего помощника.

– Издеваешься, да? – Яков мусолил обшлаг костюма. – Попутал с тобою Антихрист и – посыпалось: то рог отшибут, то чуть не в лепешку..., то сожрать зарятся... А теперь, – черт пуще прежнего залился слезами, – достукался: мамкой данного хвоста лишился!!

Ахензев удивленно заглянул в яму.

– Не понял? Где же он?

– Где, где... А у тебя сзади, что болтается? Веревка, что ли?

Владимир Иванович задержал дыхание и несмело запустил руку за спину. Так и есть, он самый... Но управлять функциями столь необычной конечности фантаст, понятно, не умел, а потому, протянув его между ног, с неприкрытым отвращением помял в пальцах.

– Яша, а это действительно твой хвост? – Ахензев попробовал отделить от тела чью-то, не совсем удачную, «шутку» и только, в который раз почувствовал знакомую, рвущую задницу боль, осознал, наконец, что хвост-то прирос намертво! Вот тебе и радикулит...

– Ты что из меня дурака делаешь? Иль самому понравился, так решил мозги покомпоссировать? – Лютая ненависть внезапно послышалась в Яшином голосе, но тут же надломилась, сварьировала на гундосый щенячий визг.

– Мой хвост, мой!! Можешь проверить – у самой кисточки пролысинка, след ожога.

– Что ты мелешь!?! – Владимир Иванович не знал, что и делать. – Да мне эта прилада, как собаке пятая нога!

Фантасту стало дурно.

– Как быть, Яшенька? Как я на Земле покажусь-то? Да и у тебя, не в обиду сказано, без хвоста, видок ущербный... И вообще, где мы находимся и что это все означает?

Черт прекратил рыдания, правильно рассудив, что слезами горю не поможешь. Тихо ответил:

– Мы находимся как раз там, куда и планировали попасть: в Божеме, в пятом круге. А вот каким макаром оказались в этом бедламе, убей – не знаю! Но, клянусь памятью покойного дедушки Люцифера – разберусь. И не завидую тому гаду, кто сотворил подобное...

Что сделает Яков с гадом, Владимир Иванович лишь смутно догадывался, но тон, каким черт произнес эти слова, не оставлял сомнения, что сатисфакция неминуема.

– Надо отсюда побыстрее выбираться, босс, да с Эдиком на связь выходить. На него одного надежда...

Ахензев не меньше черта был удручен случившимся. Бесхвостых грешников в аду – пруд пруди, а вот хвостатый писатель, пусть и фантаст – это катастрофа! На признание, а тем более, популярность, можно рассчитывать, разве что, в качестве живого экспоната.

Яков адаптировался, переборол депрессию и даже постарался подбодрить Владимира Ивановича.

– Выше голову, босс! На хвосте свет клином не сошелся. Не мытьем, так катаньем, а восстановим все в лучшем виде. Ампутируем хвостишко, глазом моргнуть не успеешь. Отрезать – не пришить. А вот мне-то каково?.. Так что, потерпи с хвостом. До шестого круга. Там по этой части мастаков, как на собаке – блох. У тебя отхватят, а мне – жилка к жилке, сосудик к сосудику, подгонят...

Судя по тому, что взрывы на эстраде участились, ожидался сногшибательный номер. Слушатели радостно загалдели, придвинулись к эстраде.

– Босс! Ну-ка протри очки! Узнаешь, кто там мочит капканы? – Яков взмахнул ликовал. – Во, отчебучивает!

Опутанный проводами, на сцене загуливал Тьмовский!

Выхватив у одного из длинноволосых гитару, он охаживал налево и направо как конферансов, так и музыкантов.

Для окружающих появление очередного исполнителя со столь экспрессивной манерой поведения, метавшегося в бликах прожекторов и наседавшего на рокеров, воспринималось как оригинальный стиль самовыражения, как своеобразный запев. Толпе была неведома истинная причина его появления на подмостках.

Эдику же было не до музицирования: Тьмовский замотался вдрызг, разыскивая пропавших без вести Ахенэва с чертом. И, в случайно подвернувшемся под лапу микрофоне, он осеменно углядел как раз тот случай, когда от ниточки разматывается клубок...

– Я-а-ш-а-а! Где-е ты! Отзо-вись!

Колонки и усилители преобразовали и без того не слабый бас Эдика в стодецибельный шквал.

* * *

Яков мигом выскочил из окопа и во всю силу легких завопил:

– Э-эдик! Мы – ря-адам!

Ахенэев поддержал крик.

Однако, пробраться сквозь спрессованную толпу грешников оказалось непросто. И скитальцы, ради воссоединения, предприняли единственный верный ход.

Яков нырнул обратно в окоп и, мощно заработав копытами, продлил его в тоннель. Владимиру Ивановичу ничего другого не оставалось, как, восхитясь в душе находчивостью черта, утрамбовывать тоннель животом, проползая по всей его длине.

...Только со сцены Владимиру Ивановичу открылись истинные масштабы окружавшего их сумасшествия. Площадь в несколько сотен квадратных километров была заселена требующими продолжения концерта, стоящими вплотную друг к другу фанатами.

– Пойдемте, друзья, пусть лабают³⁸ без нас, – предложил Тьмовский. Они зашли за кулисы, а со сцены прозвучало:

– Любители металла! Вас приветствует группа «Тупик»!

³⁸ Лабают – играют (муз. жарг.)

Заработал паровой молот и сбившийся с неведомого маршрута скорый поезд полетел под откос.

* * *

– Хочешь верь, хочешь нет, но когда я с ребятами ворвался в кабинет, вами там и не пахло! – Расхристанной походкой Эдик прохаживался перед чертом и Ахензевым. – Куда, спрашиваю, вурдалаки, друзей подевали? Ответствуйте?!

А ректор мычит что-то членораздельное и кивает на глушённого дипломата.

Я учтиво к ангелу. А сам, как потерянный, мыслю: проглотил, поганец, а теперь – ишь, переваривает... После разгрома в Тоске, волей-неволей, прямо патологическая боязнь оказаться съеденным выработалась. Комплекс! Надо к психоаналитику записаться...

Растрясли симпатягу, сообщая. Кстати, кто его так аккуратненько выхлестнул?

Яков указал на Владимира Ивановича. Тьмовский округлил глаза и продолжил:

– Оттаял, субчик. Выставил волосатые ладони и ну плести плетень! Тискает разную муру про Альдебарана, консула для красного словца упомянул, а о вас ни гу-гу. Молчок! Тогда, моргнув я необученным в дип. корпусах мальчикам, и они, в момент, этому пижону крылья в пропеллер переделали.

Откуда у него прыть взялась, за милую душу сообщил, что в пятый круг вас нультранспортировал и вновь синтезировал. И до того упрел от моей обходительности, что умудрился предложить взятку. А на кой она мне, если я на законном основании порадел о дипломате: конфисковал, и даже с наваром. Во, вишь, какая штука?

Эдик протянул Якову прибор, антеннами напоминающий веник. Множество кнопок на ручке, датчики, рычажки...

Тьмовский пожал руку Ахензева.

– От лица 777 подразделения благодарю за содействие! – И весело подытожил. – Не иначе, вожжа под хвост попала...

– Погоди, погоди... – Черт так и эдак вертел в лапах прибор. – А не кажется ли тебе, Эд, что принцип-то передрали у Бабы-Яги?

– Об этом пока не будем... – Тьмовский отобрал веник у Якова.

– Вы лучше дальше послушайте. Конфисковал я у дипломата сверток, вскрыл при свидетелях, а в нем – гензнаки! Ока-

зывается, святой ангелочек-то, за определенную мзду, к себе на Альде, радиоактивного протащить вознамерился!

И наш зомби-грызун еще тем жуком обернулся. Половину Мафии, с пылу с жару, в свой кулачок заграбастал. Даром что ли, – слуга всех господ!.. Вот что значит земная квалификация! Сейчас там вся бригада Урки навалилась кагалом. Скоро в Тоску пополнение покатит...

Яков вновь потянулся за прибором, но Тьмовский убрал метлу в карман.

– Извини, камрад, но тебе, как соратнику, открою секрет. В обмен на эту хреновину пришлось дипломата отпустить во свояси. Да ты его должен знать: он во втором круге куратором отирался. Ну и заворовался, свалил на Барана.

– Так вот где я эту рожу видел! – Черт разлохматил брови. – Эдик, он же, окаянный, одного с нами роду-племени, и – ангел?!

Тьмовский со смаком провел скребницей по гриве.

– Эх, Яшка, Яшка!.. Который век уже живешь, а дураком остался... Это у нас по старинке: родился чертом, так им и будь. А у них, при дефиците рабочих лап, и волка в овечью шкуру оденут. Да и блат – сам соображать должен...

Черт насуплено выбирал слова, взвешивая «за» и «против».

– А веник, Яков, и в аду не раз пригодится. Техника – современнойшая!

Черт дернулся, словно от удара.

– Техника, говоришь? Современнейшая? А на это что ответишь? Коль упомянул про вожжу и хвост...

Яков развернул Ахензева спиной и для полного обзора показал Эдику свой куцый зад.

– Так кто из нас черт, хотелось бы знать?

– А это, Яшенька, как понимать! Может ты, а может и он... – Эдик едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Идиот! Тебе все хихоньки да хаханьки, а каково мне?

– Попросил бы без оскорблений, – мгновенно надулся Тьмовский. – Я сказал правду: из песни слова не выкинешь.

– Ах, так! Ну тогда продемонстрируй, способна ли импортная швабра вернуть хозяину его законное достояние.

– Вот это другой разговор. – Эдик достал небольшую брошюрку и стал ее изучать.

– Ясно, – буркнул он, дочитав инструкцию до конца и взглянув на черта, – Яков, а ты уверен, что только хвост к нему перекочевал?

Черт побелел как стена и лихорадочно провел ревизию от рогов до копыт. Лишь после того, как молния джинсов прикрыла прореху, раздался облегченный вздох.

– Вроде бы все мое. Хвоста не хватает... Ну и перепугал же ты меня, Тьмовский!!

– Тогда, друг, не переживай. Сейчас мигом устроим... Переделать вас – раз плюнуть, пара пустяков. Садитесь рядышком и не дергайтесь. Начинаю. Глаза закройте, будет щекотно.

Эдик включил прибор, задвигал рычажками и Владимир Иванович, ощутив приятное покалывание во всем теле, провалился во мрак, а через мгновение вернулся на стул.

– Ну как? Удачно? Проверьте. – Довольный проведенным экспериментом Тьмовский чуть ли не подпрыгивал на месте, в ожидании утешительных вестей.

Ахензев прислушался к собственным ощущениям. Кажется – свершилось! Он ощупал низ спины – хвоста не было и в помине! Пришло время открывать глаза.

Перед Владимиром Ивановичем сидел – Владимир Иванович!!! Ахензев протер глаза: двойник не исчезал, а, будто переразвивая фантаста, тоже тер зенки.

– Ну как? – Повторил Тьмовский. – Что вы пялитесь друг на друга, словно белены объелись.

Он подошел к Владимиру Ивановичу и хлопнул его по плечу.

– Вот видишь, Яша, а ты меня идиотом обозвал...

– Какой я тебе Яша! – Заревел голосом Владимира Ивановича двойник. – Ты что, гад, сделал. Нет, ты только посмотри, в какую ты меня требуху загнал...

Тут и до Владимира Ивановича дошло. Он схватился за голову и нащупал рога! Причем, один на присоске. Красотой римского профиля Ахензеву не приходилось гордиться: нос – картошка. Но то, что прощупывалось на лице сейчас, да и губищи!!

– Срочно выключай свою метлу, демон, – у Владимира Ивановича сперло дыхание, – уж лучше с хвостом, да без рыла!

Тьмовский забился в угол от наседавших на него с угрозами и руганью двойников, непрерывно повторяя:

– Первый блин – комом, первый блин – комом...

Затем принял позу оскорбленного ваятеля.

– Наука требует жертв. Зря кипишуете. Ты, Яша, оч-чень даже импозантно смотришься. Да и вам, камрад, облик явно к лицу...

– Босс, я его сейчас разорву, как грелку!.. Забыл о финальном выступлении каратистов?..

И хотя черт в телесах Ахенэева навряд ли смог бы сделать элементарный блок, угроза на Эдика подействовала.

Он перестал покусывать словами, а взял прибор в руки.

– Инструкцию читай повнимательнее, – наставлял Тьмовского Яков-Владимир Иванович, – а то опять чего-нибудь напортачишь.

– Ладно-ладно, не учи, обойдусь без сопливых. Ты лучше подскажи, как переводится с английского «Дак сайд»?.. Не могли на эсперанто³⁹ отпечатать.

– Ну, как есть, скотина! А еще, чертово семя, бахвалится: хоть хинди вызубрю... «Дак сайд», это обратная сторона. – Яков с интересом повел шеей. – Кстати, что там про обратную сторону написано? Вслух, пожалуйста. Очень нужный пункт для глубокого познания.

– Я же говорю, обойдусь без сопливых. Садитесь. Начинаю.

На этот раз эксперимент прошел без сучка и задоринки. Черт разделся донага, исследуя каждую выемочку своего тела. Ахенэев тоже остался доволен.

– Смотри-и, какая полезная штукавина! – Яков забыл о только что перенесенных горестных эмоциях и откровенно радовался приобретению Тьмовского.

– Умеют же делать со знаком качества, – он ткнул когтем в выгравированное на ручке «Маде ин Баран». – Не то что у нас... Слушай, а может, махнем, не глядя? У меня тоже кое-что имеется.

Эдик, ткнув, протянул черту какой-то блестящий предмет.

– Это что? – Яков крутил загадочный подарок в лапах, не зная как его применять.

– Это, невежа, машинка для закатывания губ... Дайте ему, видите ли, прибор. Раскатал губищи!.. Рад бы выручить, да не могу – оприходовано. Казенное имущество.

19

– Все, камрады, пора отчаливать. Итак подзадержался... Хотя, чего не сделаешь ради дружбы. – У Тьмовского задрожал подбородок, запульсировала жилка на лбу, но пересилив минутный порыв, он смущенно улыбнулся. – Отбываю в заграникомандировку. Туда. С эмигрантщиной разобраться. Обратное

³⁹ Эсперанто – искусственный язык.

их, конечно, не затащишь, а вот показания пригодиться могут. Врать не буду – могут слопать. Ихний президент ба-альшой любитель подобных «развлечений».

– Куда это туда? – Яков вновь почувствовал авантюрный зуд в благополучно возвращенной конечности. – И почему слопать? – Добавил, пытаясь успокоить приятеля. – Ты же сам сказал – закомплексован...

Улыбка слетела с губ Тьмовского.

– Да недалеко. А если учесть способ передвижения – не сходя с места. На Альдебаран. – Эдик дернул ноздрей. – Что до комплексов – кому жаловаться? Служба! Но – это детали... Да, – Тьмовский впился в Якова и Владимира Ивановича взглядом и вкрадчиво предложил. – Впрочем, если желаете, можете составить компанию! Гензнаков приволочем кучу, будет на что в валютных кабаках погарцевать...

– А-а-а! Вот ты куда намылился! К Веселому Адаму в гости. Действительно, могут схрямзять, коль не ко двору придешься. Тут не до комплексов. – Черт почесал левую ладонь. – Эдик, в принципе, я не против. – Он покосился на Ахензева и прожевал. – Но Вольдемара впутывать в эту историю не имею плана.

По несколько затянувшейся паузе чувствовалось, что ждут решающего слова Ахензева.

Владимир Иванович, как и любой современный человек, в детстве мечтал о космических путешествиях, бредил в своих произведениях далекими мирами и по сей день. Но, то была фантастика, а здесь – суровая проза действительности. И вот, возможность представляется! Ахензев закаменел лицом, резко обозначились скулы. Тыльной стороной ладони провел по лбу.

– Огромное спасибо, Эдуард, за чистосердечное приглашение. – На душе Владимира Ивановича скребли кошки. Припоминалась уютная квартирка, заваленный рукописями рабочий стол. И Ахензев с сожалением покачал головой. – Как-нибудь, в другой раз... Мы тебя будем ждать. Прилетай скорее...

Владимир Иванович изворачивался в словах, говорил дежурные, ни к чему не обязывающие фразы, пока Яков не оборвал.

– Хорош рассусоливать... Ладно, Эд! Пойдем, на прощание прошвырнемся по богемской природе. Да, если, не дай бог, что случится, сразу цинкуй. Телепатический код тот же. В доску расшибусь, а весь шестой круг выверну наизнанку, вторую метлу сварганю, на выручку примчусь...

Аллеи Богемы благоухали не хуже райских кущ. Прогуливались парочки, в зарослях кизила и терний трещали цикады.

Неожиданно навстречу троице, из-за облепленного цветом розового куста вышла золотоволосая блондинка, ведущая на поводке небольшого дракончика.

Тьмовский обморочно шарахнулся в сторону. Яков вцепился в Эдика, как репей, непонимающе взглянул на друга.

– Что с тобой?

Тьмовский успокоил заекавшую, как от долгого бега, селезенку, шумно выдохнул.

– Я же говорил, комплекс!..

А обаятельная блондинка, радостно вскрикнув и отбросив поводок на землю, обвила шею Владимира Ивановича намякюреными руками. Сон оборачивался явью. Пухлые губы Эльвирочки превратили лицо Ахензева в расцветченную сиреневыми мазками палитру.

Симпатия кобелек-дракончик тоже не терял времени даром, а, прихватив прорезавшимися зубками брючину полуобморочного Тьмовского, предлагал поиграть с ним. И, отчаявшись обрести в лице демона компаньона, выразил свое разочарование тонкой струйкой, мгновенно превратившей модные Эдиковы брюки в дырявую, пахнущую концентрированной кислотой, тряпку.

Такого надругательства над личностью Тьмовский вынести не мог. Комплекс отступил на второй план и, отчаянно завизжавшая тварь, со злостью поддетая копытом, нарушила идиллию Эльвирочки и Владимира Ивановича.

Золотоволосая красавица разжала объятия и пошла на обидчика несчастного животного.

– Эдик! Вали отсюда, пока цел... С этой гюрзой только рогов лишишься! – Завопил Яков и попытался прикрыть Тьмовского грудью.

Эльвирочка кошачьей походкой кралась к жертве.

Но Эдилов комплекс распространялся только на рептилий – хищников. В очаровательной блондинке он не усматривал противника. Это было ниже его достоинства.

– Иди, малышка, иди. Продолжай лизаться с камрадом...

И Эдик совершил роковую ошибку, отвернувшись от прильзвившейся красотки.

Загорелая, идеально выточенная ножка со свистом рассекла воздух и завершила порчу Эдикова туалета. Брюки, туго обтя-

гивающие зад демона, лопнули по всем швам и хвост Тьмовского закачался между роз.

Эльвирочка полнобовалась делом ног своих.

– Икебана⁴⁰! – Она весело расхохоталась и, подхватив на руки подскочившего дракончика, тут же забыла о неприятном инциденте.

– Милый! – Эльвирочка была – сама женственность. – Я же просила тебя прилетать без этого комолого кретина. – Она стрельнула глазом в сторону Якова, капризно надула губки и прижалась к Владимиру Ивановичу. – Ну, да бог с ним... Как я рада, что вижу тебя! Мы чудно проведем время. – Эльвирочка перебрала, словно четки, пальцы Ахенэва, мило выговаривая. – Я сейчас свободна от выступлений, устроилась на другое место... Ой, как ты, милый, изменился. Похудел, постройнел. Да и цвет лица лучше стал. – И с детской беззастенчивостью вопросила. – Надеюсь, ты мне не изменял? Я тебе – нет!

Эльвирочка прихорашивалась, и как любая другая женщина, строила планы.

– Ну, зачем ты с ним так? – Ахенэв прервал Эльвирочки щебет.

– А-а... Не обращай внимания. Не надо Пушка трогать, – она вновь подхватила дракончика на руки. – У ти, мой маленький, – щекотала дракончика по алому брюшку. – Обидел такую лапулю, дылда! Ну, иди, иди, погуляй...

Дракончик соскочил на траву и, заметив торчащее из куста обуглившееся копыто Эдика, которое тот по неосторожности оставил на виду, не упустил возможности окончательно доконать демона и резво прострочил зубчиками.

– Надо помочь камраду выпутаться из этих колючек, – обратился Владимир Иванович к Якову. *

Черт согласился и, намотав хвост Тьмовского на лапу, как на лебедку, вытащил его из куста.

– Занеси меня обратно, подальше от этой стервы! – Эдик извивался голым задом и выдергивал из пятака впившиеся шипы. – Я ее... – Он со знанием темы и предмета охарактеризовал, кого Ахенэв пригрел у сердца.

Черт опять согласился. Тут уж не выдержал фантаст, оскорбленный в лучших чувствах. Он и не подозревал, что может выдать такой букет сквернословия. Всплыли в памяти выражения, без которых и пивбар не пивбар, а диетическая столовка.

⁴⁰ Икебана – искусство составления букетов (японск.)

Его поддержала Эльвирочка.

– Ты, мерин гортоповский, не вздумай выползти из укрытия. Останешься вообще, в чем мать родила. Как Сидорову козу гонять буду! Мне не привыкать...

– Ей не привыкать, Тьмовский! – В унисон поддакнул Владимир Иванович. – Извинись, тогда выходи.

– Ей не привыкать, Эдик. – Яков потрогал уцелевший рог.

– Да вы кто? Мужики или нет? – Возмущенно протрубил Тьмовский. – Глаза бы мои не глядели... В Бога вашу мать... – и растаял в воздухе.

– Куда это он сгинул? – Эльвирочка распахнула ресницы во всю ширь, просвечивая розовый куст ультрамариновыми глазами.

– И-эх, – Яков с досады ковырнул кубометр земли копытом. – На Альдебаран подался! И-ух, – Копыто срезало пятиметровый в диаметре ствол эвкалипта. – Обрыдла мужику эта эмансипация.

Эльвирочка прилипла к Ахенэву и глядела на разгонявшего тоску по другу черта.

– Нехорошо получилось... И у Якова, да и у Эдика черные пояса по каратэ, а ты им: кретин комолый, мерин гортоповский... – Попенял Эльвирочке Владимир Иванович. – Я понимаю, милая, здесь трудно быть ангелом, но будь человеком.

– Извини, родной, постараюсь, хотя бы ради тебя. И перед Яшей – извинюсь. Действительно, слишком вжилась в образ амазонки.

* * *

Густой бой курантов, вызывающих какую-то жутковатую мелодию, схлестнулся с зычным ревом фанфар и прекратил буйство Якова.

Черт, словно подкошенный, пал ниц, повода красными, как у альбиноса, глазами, затем, ни с того ни с сего – взвился и – рванул с места в карьер. Проскакав метров сто, он немного опомнился и, суча копытом, запрядал ушами, вздрагивая при каждом такте варварской музыки.

– Очумел он, что ли? – Поинтересовался Ахенэв у Эльвирочки. – Будто перцу под хвост сыпанули!

Та недоуменно пожала плечами.

Прогремел последний аккорд и Яков, вялой заплетающейся походкой отработал назад. Выглядел он – хуже некуда: шерсть

на загривке вздыбилась, рыло расслонявилось, как после хорошей головомойки.

Эльвирочка сменила гнев на милость и заботливо потрогала мокрый лоб черта.

– Температура вроде нормальная, – поставила она диагноз, – но колотится, словно холодильник «Юрюзань».

– 3-заколотишься... – Яков опробовал голосовые связки. – Им – с жиру беситься, а здесь – черта лысого, а не День Ангела... Надо же, как угораздить, в одно и то же время! Сплошная невезуха... Не меньше, чем на неделю шабаш закатыят! Вакханалию им подавай, супостаты...

Черт обреченно опустил голову.

– Не будь рядом тебя, босс, я бы к своей бабушке утек... А теперь – все! Попался на жужжалку, хана... Раз услышал дудки и медяшки, значит – считай, заякорился. Хоть лбом бейся о стенку, а на сходняк явись! Безусловный рефлекс! Врожденный. Все мы тут одним миром мазаны...

– Яшенька, ну что для тебя стенка! – Эльвирочка решила подбодрить черта шуткой. Но, видя, что слова не действуют, раскрыла сумочку. – Если нет другого выхода от этой паранойи, то могу выручить. Вот, держи. – Она протянула пакетик с берушами. – Постоянно с собой таскаю. Профессиональная привычка. Иначе, от одного электронного барабана после концерта, как глухая тетеря мыкаешься. А с ними – терпимо. Раз в десять ослабляют шум.

Яков признательно улыбнулся и поспешил запихнуть в свои уши пробки. И – вовремя. Снова раздался призывный рев фанфар, крепко сдобренный мелодией колоколов и мимо них промчалось со скоростью болидов несколько, почти не уловимых простым глазом, чертей.

В дремучей экзотической роще, буквально в течение минуты, прорезалась, словно по теодолиту отбитая просека.

– Осторожней! – Закричал Владимир Иванович, услышав нарастающий шум.

Огромный баобаб, судорожно взмахнув вершиной, трупно ударился о газон в пяти метрах от друзей.

Вторая, третья, четвертая просеки – и перед взорами Якова и Владимира Ивановича с Эльвирочкой открылась панорама на монументальное сооружение.

Эльвирочкины беруши сослужили добрую службу – удержали свихнувшегося было черта на месте, не позволив плясать под чужую дудку.

– И часто в Богеме так трезвонят, табуняются? – Полюбопытствовал Ахензев.

– Да, почитай, каждый год. – Яков рискнул раскупориться, но пробки не убирал, держал наготове. – Хоть и не принято сор из избы выносить, но тебе, босс, откроюсь: есть поговорка – на дармовщинку и уксус сладкий. Вот и нафаршировываются. А походя, набранятся-натешатся и – разбежались. Это в общих чертах.

Раньше, все без исключения собирались на Лысой горе. Шабашили единым чертовым семейством. И пусть ты без роду без племени, но – черт: присаживайся, гуляй, рванина...

А теперь там место для избранных, как у Христа за пазухой. – Яков указал на сооружение, напоминающее огромный прозрачный муравейник, – выделили другую площадь, на виду, в Богеме. Перенесли бесовы игрища. И ритуал, соответственно, изменили... Как начнут кота за хвост тянуть, права качать, да делить пальму первенства: не бог весть какой, но – приз, так блевать тянет... И это изо дня в день, пока официально о закрытии шабаша указание не поступит. И не вздумай раньше свалить: враз охомутают, пришьют антишабашизм. Эдик, как нутром чувствовал, умотал на Альдебаран.

– Дела!.. – Ахензев покачал головой и решил показать свою осведомленность. – А я то думал, что шабаш – праздник!

– Правильно, босс, думал. Официально, так оно и пишется. Жратвы от пуза, хоть заройся, дым – коромыслом... А на деле, половодье бумаг да камни: сразу необразишь, в чей огород пуляют... Потом, задним умом доезжаешь, когда начинает кого-то корезить... Не народные гулянья, а муть фиолетовая, скулы от зевоты сводит. Но это, сам понимаешь, строго между нами...

По сути, наш шабаш – дань веку. Жалкая пародия на земные съезды и конгрессы. Но намечаются перемены. К лучшему... Одним словом – ну их в болото, пусть без нас Ваньку валяют. Причем, в «Прейзподнеш пресс», коль приспичит.

Эльвирочка прервала разглагольствования Якова, затетешкала в мягких лапках локти двух голодных мужиков.

– Ой, мальчики, и правда, пойдемте отсюда. Посидим где-нибудь за укромным столиком, да и Яшенькин день рождения справим.

Черт расплылся в довольной улыбке.

– Умничка. – Он цвел. – Мои мысли читаешь. Целиком и полностью – за! Босс, предложение такой обворожительной, наикрасивейшей девушки нельзя не поддержать. Пошли!?

– Бам-м! Бум-м! – Поплыло над Богемой, но Яков моментально впихнул беруши на место, оградился от бесовских козней.

Фигу с маком мне хотите? Другим устраивайте козью морду, черти!

20

Широченная аллея, которую без ошибки можно было бы назвать и проспектом, и бульваром – до такой степени необычным казалось переплетение скульптурно-растительных композиций – вела к Мегаполису⁴¹. Впрочем, и сам Мегаполис являл собой нечто среднее между ухищренно-абстрактным зодчеством и архитектурной свалкой. Какое-то хаотичное нагромождение стилей и эпох. Но, приглядевшись, Владимир Иванович и в этом строительном трюкачестве усмотрел определенную систему...

Эльвирочка висла на окаменевших бицепсах Ахензева и черта и, раздавая все чаще встречающимся личностям в шляпах с повязками и мегафонами пленительные улыбки, без устали чирикала.

Одна из шляп торкнулась к Эльвирочке и спросила:

– Вы тоже участвуете в демонстрации?

– Я в ней каждый вечер участвую. Можете прийти посмотреть. Хотя, – Эльвирочка окинула критическим взглядом затрапезно одетую личность, – навряд ли что из моделей этого сезона Вам подойдет.

– Шутите, Эльвира! Издеваетесь над общественными проблемами? А ведь Ваше место в первых рядах манифестантов! Вся Богема ахнула, узнав, как с Вами несправедливо обошлись, к чему склоняли дельцы от шоу-бизнеса! Вы можете стать символом, знаменем, хоругвью, а не отступать от борьбы за справедливость, не демонстрировать вкупе с другими стриптизетками тряпки, в угоду интуристам и прочим боровам. Прошу и призываю – возьмите транспарант и возглавьте демонстрацию! Вдохновите своим примером служителей искусства.

Эльвирочка скептически улыбнулась, вздохнула и, безразличная к призывам шляпы, повела под руку спутников дальше по аллее, навстречу вывернувшейся из-за угла, алчущей скандала толпе.

⁴¹ Мегаполис – город-дом.

– Не пойму, о какой несправедливости толковал этот бестактный фразер? – Владимир Иванович попытался заглянуть в глаза замкнувшейся в себе и готовой заплакать девушке. Но она молчала. Яков же не мог ничего объяснить толком по той простой причине, что в мыслях витал в доме чертовой бабушки. Да и резкая перемена в их дружеских отношениях с Ахенэевым: сменить верного, преданного, самоотверженного черта на барышню...

И хотя обида возникла подсознательно, фоном, настроение ухудшилось.

Выплеснувшаяся скопом толпа демонстрантов размахивала флагами и транспарантами с такой неистовостью, что по аллее загулял ветерок.

Дракончик заклокотал ломающимся брехом, выдернул руку Эльвирочки из-под локтя Владимира Ивановича, заскреб лапами, как кот после оправки.

– Отойдем в сторонку, – предложил Ахенэев и шагнул на тротуар. Демонстрация заполнила свободное пространство аллеи. Хлопали полотнища, традиционно захлебывались в мешанине лозунгов и лжи ораторы.

Владимир Иванович переваривал солянку из призывов, воззваний и прочей словесной мишуры.

– Самовыражение – базис самоутверждения!

– Чистое искусство не требует жертв!

– Мы – за общественное признание плагиата, как самостоятельное течение высокой культуры...

– И часто они так «актуально» выступают? – Спросил фантаст у своей спутницы.

– Можно сказать, каждую пятницу закатываются. А остальные дни – подготовка, процедуры, отчетность и, конечно, мемуары... Ой, – Эльвирочка впиалась в запястье Ахенэева острыми коготками.

Окруженный ватагой сподвижников, голый, худющий грешник сбросил с ледящего плеча здоровенную тумбу, с усилием установил ее, превратив в пьедестал. Несколько пар рук подтолкнули истомившегося фанатика на импровизированный постамент и он замер.

На тумбе уведомляюще читалось «Г о л о д».

Стихийно вокруг памятника забурлил митинг.

– Володя, родной, не принимай всерьез,.. – Эльвирочка презрительно сморщила носик. – Этот дегенерат с год, если не больше, самовыражается. На одной водопроводной водичке си-

дит. Считает, что создал уникальное произведение искусства. Бред сивой кобылы! Да и не он один. Подобных нудистов – сплошь и рядом. А копни подноготную: одни паразиты да приспособленцы.

– Так это голимое позерство! – Вставил Яков и задумался. – А может, своего рода таска⁴²? Или понт⁴³ имеют?..

Эльвирочка рассмеялась над очередным ляпсусом черта.

– У истинно выдающихся личностей – а здесь и такие имеются, и в голове не уложится лицедействовать подобным образом. У них свои клубы: художников, актеров, меценатов...

– А меценатов-то с какой стати сюда занесло? – Изумился Ахензев. – Если мне не изменяет память, все эти покровители искусств преимущественно торгаши да аристократы.

– Ну, мой милый. Какая же Богема без меценатов? Жизненные хитросплетения... Простая логика: кто захиревших, непризнанных подкармливать да подбадривать будет? Кто заступится? А психологический фактор?! Да возьми ту же Землю! Сколько ярких индивидуальностей они своими благодеяниями в гроб загнали?.. И вообще: меценаты для людей искусства играют куда более важную роль, нежели лица, официально приставленные решать судьбы талантливой молодежи. Правда нам, женщинам, иногда приходится расплачиваться с меценатами не рукописями, а своим телом. Но многие из двух зол выбирают меньшее. Так что, искусство и ее ценители слились и душевно, и телесно. Я не слишком тебя шокирую, милый?

– Нет, Эллочка! Сказанное тобой не ново. Не знаю, может быть здесь несколько по-иному?.. Прости, ежели не секрет, о чем все-таки говорил тот неумный бугай в шляпе?

– О-о, милый Володенька! Это давняя история. Вернее сказать, началась на Земле, а окончилась неделю назад... Мой бывший режиссер Ацедофеленов приготовил новую программу варьете, а за то, что я так и не поддавалась на его домогания, мне, как приме, всучил новую ролюшку. Номер назывался «Супер-Стриптиз». Ему показалось мало, что исполнительница последовательно заголяется перед публикой, добавил змеиный вариант. Упирь. Снятие кожи живьем, как чулок с ноги.

– Может быть, он иллюзионистский фарс обыгрывал, а ты не переспросила? Небось, факиров в Богеме, как собак нерезанных!..

⁴² Таска – удовольствие (жарг.)

⁴³ Понт – польза (жарг.)

– Заблуждаешься, милый! Публике подавай натуру, Пресыщены... Потом, конечно, восклонировали бы... Одним словом, послала я это лягушачье дерьмо куда подальше, а сама в Дом моделей перебралась, дизайнером и манекенщицей. Так, представь себе, Ацедофеленов не успокоился, раскопал никому не известную простушку из народного театра, которая и согласилась. Славы дурехе захотелось. А сейчас белугой ревет, да поздно, контракт-то подписан. Уже семь шкур содрала.

Владимир Иванович собрался уточнить некоторые неясности в разговоре с Эльвирочкой, но неожиданно получил увесистый удар по плечу.

Яков принял нужную, на случай атаки, позу, заводил хвостом, но обидчик босса заголосоил с искренней радостью:

– Чтоб мне повторно сдохнуть! Вовка? Ахензев?! Нет, ты посмотри, каким моднучим стал? Никак в поэты-песенники перескочил? И давно приставился, приятель? – Демонстрант, претендующий на роль друга, обдал Владимира Ивановича перегарным духом.

Ахензеву стало немного не по себе. Одно дело, когда тебя окружают грешники, которых ты на Земле и знать не знал, за исключением фаворитов, намозоливших глаза до изжоги, по газетным публикациям и телевизионным новостям. И совсем другое, когда встречаешься с давним знакомым, с которым являлся с институтской скамьи... И в последний путь его сопровождал, и на чьих поминках не одну рюмку осушил... А ведь это только первый. Сколько же их тут, друзей и знакомых?

– Не, ты только подумай, – восторгался старый приятель, – встреча на этом свете! Тема, достойная не только описания, но и экранизации. А уж про то, что это повод для небольшого междусобойчика и говорить лишнее. Вон, посмотри...

К ним, сквозь массу митингующих, настырно пробивались, по всей вероятности, бывшие Ахензевы знакомцы. Среди которых узнавались и дружки, и тайные недоброжелатели, так или иначе общавшиеся с фантастом.

– А ведь их и не так уж мало?! – Подумал Владимир Иванович, как-то не забивавший себе голову на Земле подчетом покинувших мир знакомых. Состояние собственного здоровья не наталкивало на мысль о подобной арифметике. Удивило Ахензева и то, что среди тискавших в объятиях, нашлось несколько таких, о которых при жизни и язык не повернулся бы сказать, что они грешники.

– Володька. – Инициатор встречи в смятении покосился на стоящих поодаль Яшу и Эльвирочку. – А ты, оказывается, уже и «своими людьми» обзавелся. Эльвирочку-то кто не знает? Звезда! А этого попсового черта я вижу впервые. Очень интересный типаж! Может, представишь? А потом заскочим в наш клуб. Там и побесимся по-человечески!

Владимиру Ивановичу стоило немало труда вырваться из объятий «собратьев по оружию» и подвести к Эльвирочке и черту, как с куста свалившегося зачинщика внезапного торжества.

– Эльвирочка и мой верный помощник Яша! Позвольте представить Вам старинного друга, сокурсника, соавтора и – я не погрешу против истины, собрата-сценариста Беспардонного Венямина Гордеевича.

Черт прочувствованно облапил руку Венямина Гордеевича и здесь Ахензев впервые за все время знакомства услышал, как полностью титулуется его помощник.

– Князь Загробштейн Яков Люциферович, тайный советник по темным делам, сотрудник Высшего Координационно-Исполнительного Бюро, личный порученец Антихриста. Честь имею! – И, отбросив значительность, добавил без экивоков. – Очень приятно познакомиться с старинным знакомым моего уважаемого босса. Прошу без церемоний.

Беспардоннов присвистнул – премиленькое дело.

– Потрясающе! – Усомнился он. – Это каким же макаром ты, Володька, в боссы выбился? Там, – Венямин закатил глаза, – вроде ничего выдающегося не создал... А стоило кануть в Лету – он отпрыска самого князя тьмы в адъютанты заполучил. Про Эльвирочку я и не говорю. Будто для тебя цвела...

– Как-нибудь потом, Веня. Потом. Лучше веди в свой клуб, а то от этих лозунгов да выражений в защиту самовыражения голова не на месте. Кстати, на Земле подобный кильдим взащей разогнали бы...

– Так то на Земле, дорогой ты мой однокашник. А у нас – демократия! Хоть на ушах ходи... Не жизнь, а малина, если бы не процедуры... А что рай? – Краснобайствовал Беспардоннов. – Там, по рассказам, кисло, никуда ни плюнь, не матюкнись, не спорь – все по режиму. А чуть перегнул палку – согрешил – такое удумают, что любой ангел хуже черта обернется... Мы сейчас новую кампанию проворачиваем. Проталкиваем законопроект о замене телесно-касательных процедур на душесипательные. Вот на этом шабаше и тиснем, через надежных чертей,

тезисы о необходимости перехода на новый вид терапии. По всем кругам, а не только – как это прижилось в Богеме. Да и метод проще пареной репы: килограмм селедки, килограмм гороха, литр парного молока и тройная доза левомецетина. Понятно, есть определенная закавыка и в этой новации, но – терпимо. У нас – прижилось! А кое-кто даже клизмы нелегально приобрел...

Перед мысленным взором Владимира Ивановича моментально нарисовались кряхтящие от натуги грешники и грешницы с набрякшими, в палец толщиной, жилами на лбу, и его замутило.

– Веня! Прошу тебя, пожалуйста, о другом...

– Да-да, Володь! Извини. Но, у кого что болит, тот о том и говорит. – Сценарист, незаметно от Ахенэева подмигнул Якову.

Компания подошла к зданию Мегалополиса.

* * *

Мегалополис Богемы имел множество ходов и выходов, и впервые очутившийся здесь грешник с ужасом думал:

– Катакомбы, похлеще Аджимушскойских...

Хотя, все без исключения коридоры, тропки и прочие всевозможные коммуникации вели во всеадовски известный клуб «Встреча». Так объяснил Беспардоннов и охотно подтвердили Яков и Эльвирочка.

– А где же тогда шабаш? – Спросил любознательный фантаст. Ответом послужил мощный, заставивший закачаться бронзовые люстры подземный толчок. По штукатурке расплзлась паутина трещин.

– Черти то где? – Переспросил Владимир Иванович, стряхивая с лысины шматки известки.

– В цокольном этаже шабашат. Ишь, как стены ходят, не иначе не поделили что-то... Оно всегда так: паны дерутся... Да ты, Вовка, не бойсь, – утешил Ахенэева Веньямин. – Бог не выдаст, свинья не съест. Мегалополис – сейсмоустойчив. Его даже концерты хард-рокеров и металлистов не берут. Где уж чертям... Да и фестиваль вовремя приспел: мы этих громовержцев от музыки на открытую эстраду выпихнули. Иначе – беда: два таких события под одной крышей... Но и рокеры, и металлисты у чертей в почете. В счет шабаша отстегнули тонн двести новейшей аппаратуры, кинули, как собаке кость. А волосатики, в виде подхалимажа, в ознаменование чертовых гуляний отбухали рок-оперу «Вельзевул – супер стар, наплевал на божий дар»,

в стиле панк. Покажут, на что способны... Вообще, молодцы, ребятки! Любую туфту за чистую монету толкают. А черти им потворствуют... Эх, молодость, молодость, – Веня грустно вздохнул. – Скинуть, эдак, лет 15-20, не иначе, как в хиппи подался бы... А что? Только и забот, что в носу ковыряться, да вселенскую любовь проповедовать. Красотища!

Беспардоннов говорил без умолку и попытки других знакомых Ахензева вставить хотя бы слово пресекались категорично и безжалостно. Магическими словами «заткнись», «отвали», «не встречай», он беспрепятственно обрел монополию на диалог. И, как ни странно, и отваливали, и не встречали, признавая в запойном пьянице, бабнике по земной жизни Веньке Беспардоннове – здесь, в Богеме – литературного форварда, пользующегося авторитетом.

...Общий зал клуба «Встреча» огорошил ввалившуюся компанию демонстрантов и Ахензева со спутниками гвалтом, дребезжанием стеклянной посуды и песней, для которой весь этот шум служил фонограммой.

За столами, установленными пивом и фруктами, сидели не только похоже одетые, но и причесанные под одну гребенку, почти не различимые внешне богемки и богемцы.

– Птица счастья завтрашнего дня
Прилетела крыльями звеня,
Выбери меня,

выбери меня,

Птица счастья завтрашнего дня.

Бодрячески-идиотская песенка оралась истоиво, под аккомпанемент двух слабосильных электрогитарок, электроорганчика на тонких телевизионных ножках и ударной установкой-тройника. Судя по их скорбным лицам, становилось понятно, что и завтрашнюю, и послезавтрашнюю, и даже пролежавшую в морозилке энное количество дней птицу счастья отведать поющим не придется.

– Веня! – Ахензев приостановил журчащий поток красноречия Беспардоннова. – Это что — близнецы?

– Ха! Точно, Вовчик. Они самые. – У тебя, как и прежде, вдохновение прорывается спонтанно. И, что самое страшное, выдаешь перлы – и не пользуешься. Разбазариваешь...

Беспардоннов что-то быстро черкнул в записной книжке и обратился к Эльвирочке.

– Мисс! Если Вам хоть немножко дорог этот увалень и если у Вас появится желание иметь норковое манто и гарнитур из

якутских алмазов, то – берите с меня пример. Обзавайтесь блокнотом и не ленитесь записывать его выражения. – И, полюбив Ахенэева. – Нет, каков?! Близнецы... Тонко подметил! И мать у них одна – эстрада, и бабушка – халтура под одну колодку. В этой семейке главы не хватает. Но она-то, точно в четвертом круге куролесит, по министерско-культурной принадлежности.

И Ахенэеву почему-то вспомнилось первое интервью...

А Беспардоннов продолжал распинаться.

– И старые протезеры нет-нет, да навевываются. Встретятся, попоют, золотое времечко вокально-инструментальщиков вспомнят. Это – когда рокеров поблизости нет. Ох, и ненавидят жестянщики этих зацикленных. У молодежи на них прямо аллергия какая-то... Ну, да, пусть пока потешутся...

21

Желающих вспрыснуть столь волнующее событие, как встречу двух соавторов-субутьльников, набралось немало и к сдвинутым столам присовокупили еще один, но не столовый: извлеченный из соседнего зала, письменный. Это вполне соответствовало моменту и воспринималось, как своего рода символ еще не набравшей обороты вечеринки.

– Старик, в этот зал сходятся все, кому не лень. Пожрать, да по-людски кирнуть. Можно, конечно, и в отдельный прошвырнуться, но извини, Володька, – Беспардоннов поморщился, – духовной пищей, пусть даже современными шедеврами, сыт по горло! Не знаю, кто как, а мне не до хорошего: коньячка, балычка и... – он не договорил и, увидев парящего над соседним столиком халдея, заорал. – Официант!

Вопль Беспардоннова не остался без внимания и фигура, преисполненная собственной значимости величаво приблизилась к компании.

– Чего раскудахтался? Небось не в «Узбекистане», – недовольно проскрежетала она и прихлопнула «меню» ползающую по скатерти муху. – Очередного Рабле приволок на мою голову? – Официант спесиво взглянул на Ахенэева. – Путного-то что написал?

Валерьян задушевно промурлыкал:

– Матерый писателище!! И – сценарист... Официант недоверчиво дернул плечом.

– Купи гуся – ему расскажешь... – Он мрачно запыхтел. – Дернул же меня черт с вашей братией связаться. Престиж! Уст-

роил на Земле литературный салон: вот, мол, каков – меценат!!! А теперь корми дармоедов до второго пришествия... – Халдей разрядился и уже спокойно произнес. – Ладно, что с возу упало... Делайте по шустрому заказ, а то киношники на подходе. С ними долго миндальничать придется. Но учтите, сегодня пою-кормлю без амбиций, перебьетесь на «Наполеоне» и шампанском.

Хорошо, Макс. Мы люди простые и полностью полагаемся на твой вкус. Только, пожалуйста, не тяни...

Меценат, проворчав под нос что-то про козла отпущения, удалился, но просьбу Вени выполнил: спустя десять минут сервировал стол всякой всячиной.

– Давай, заодно, и рассчитаемся, Веня. А то упьешься и свинтишь под шумок. Так что – получи приговорчик. – Макс достал обернутую в целлофан, выдавшую виды, общую тетрадь и подал ее Беспардоннову.

Тот задумался, почесал шариковой ручкой за ухом, и озаренный вдохновением, что-то быстро записал в тетради. Закончив, он перечитал написанное, подправил и вернул тетрадь владельцу. Меценат ознакомился с экспромтом, смягчился и, довольно улыбаясь, покровительственно погладил Беспардоннова по макушке.

– Молодец, стервец! Можешь без шаржей... И не только афоризмы. Поощрю... Пара «Арманьяка» за мной. Ради такого случая из н. з. достану.

Макс спрятал во внутренний карман фрака тетрадь и совершенно другой, окрыленной походкой направился к буфету, отдать распоряжение. А вскоре прибыли и обещанные бутылки.

– Вень, чего это ты ему накатал? – Владимира Ивановича, отведавшего знаменитого напитка французской фирмы, потянуло на разговор. – У Вас что, вексельная система?

Беспардоннов проглотил кусок буженины, озорно заулыбался.

– Какие векселя, Володя? Это ты, голубчик, Эмиля Золя перечитался. У нас иначе... Вспомни, как на Земле бедствовали. Сценарии не пропихнешь, кругом блат. Фильмы штампуют по министерскому цензу. Хоть вагоны выгружай! А кушать надо. Вот и перебивались: ты со своей фантастикой, а я с побасенками да афоризмами. Это пролезало. Глядишь, оттуда пятерка, отсюда – десятка: на пиво, на воблу... А позднее, когда дал дуба, сценарий, оказывается, приняли. Я о нем и помнить забыл, а мне – сюрпризик! И не только приняли – фильм сняли! Вот

такой казус... Ну и, ясное дело, сразу подскочили акции. Стал, как и прочие, привилегированные, автографами расплачиваться... А сотворишь для мецената что-нибудь неординарное, этакий мадригал, отвалишь кучу комплиментов – считай, упаковался. Будешь сыт-пьян, одет-обут и нос в табаке... Для них это – основная валюта! За тем и гонялись... Хотя, киношники и в Божьей обители: на ходу подметки рвут. Хищники! Сварганят из жизни какого-либо покровителя искусств трагедию с эротической начинкой и – как сыр в масле катаются. Как же – по всему аду покажут. Правда, и я не жалею, от добра добра не ищут... Вот закончу очередной сценарий и можно года три в потолок плевать.

– А что за сценарий, Венямин Гордеевич? – Девушка долго колебалась, но под умалющим взглядом Ахензева рискнула выпить глоток вина и соблазниться, в ущерб талии, цыпленком табака.

– О-о, Эльвира! Сценарий называется «Артистическая натура завбазой Иванова». Эпохальная трагедия. А фильм отснимут панорамный, цветной, наверное пяти-шести серийный. – Беспардоннов похрустел пальцами. – Могу похлопотать о пробе на роль главбуха Танечки... Трагической судьбы женщины. Спасая своего любимого начальника, погибает в огне пылающего склада дефицитных товаров фирмы «Березка». Ну как, согласна?

Элочка грустно взмахнула ресницами, погладила Владимира Ивановича по руке.

– Нет, спасибо. Пока повременю... Может быть, с натурными съемками на Земле предложат роль?..

Яков в их беседе не участвовал. Зажатый с двух сторон захлебывающимися от восторга переревшими поэтессами он, как мартовский кот, загуливал лапами по женским прелестям и потчевал сальными анекдотами. От недавних печалей не осталось и следа. Черт довел поэтесс до такого состояния, что дамы рыдали от смеха и фривольных заигрываний рогатого повесы. Для сидящих за столом напротив неистощимый на розыгрыши и выдумки Яков, продемонстрировал фокус: играючи превратил «Ессентуки № 17» в спирт ректификат.

Макс, заинтересованно наблюдающий за его проделками в расчете на будущее сотрудничество, подпустил черту весомый «комплимент», который бесследно пропал в кармане Якова.

– Да, чуть не забыл, Володя, – Беспардоннов влил в себя фужер «Ессентуков», загрыз лимонной долькой. – Наш послед-

ний сценарий так и завис? По-прежнему игнорируют фантастику?

Владимир Иванович не решился раскрыть истинную причину своего появления в аду и, соответственно отпасовал ответ.

– Перед тем, как сюда податься, меня обнадежили. Больше того, назначили директора картины, а это уже кое-что. Познакомился и с режиссером и с поставщиком. Молодые, нахрапистые ребята. Обещали форсировать события. Так что, может и выгорит дельце.

Эльвирочка, вся засветившись, прислушивалась к разговору Владимира Ивановича и Беспардоннова. Как актрису, ее не могла не трогать поведенная Ахенэевым история.

– Володь, а я не подошла бы на роль героини Вашего фильма? – Произнесла на одном дыхании девушка. Зная, кем на самом деле является Владимир Иванович, она, все-таки, не могла отказаться от мечты...

Ответить Ахенэев не успел. Лишь безнадежно взглянул на Эллочку. Будь они в одинаковых измерениях – да! Но это – нереально...

Внезапно, как в рядовом кинотеатре гвалт угас. Филармонийские нытики, усосавшиеся пивом, оборвали свой панегирик, вырубил усилители и ревербератор, докрутив свою петлю:

– Барабан был плох,

Барабанщик... –

сдох, тихо пощелкивая, словно метроном.

По залу пронеслась волна невидимого магнетизма и развернула всех присутствующих к одному из входов.

Владимир Иванович почувствовал, как бешено заколотилось сердце и невольно привстал, опрокинув локтем рюмку. Сейчас он желал лишь одного – навсегда запечатлеть в памяти вошедшего. Мелькнула мысль – сделать снимок, и Ахенэев даже потянулся, наощупь, за фотоаппаратом, скупясь отвести взор, но тут же отдернул руку, мысленно обозвав себя дрянью.

Вошедший устало улыбнулся и, приветствуя служителей Мельпомены, поднял правую руку с пальцами, изображавшими латинскую букву «V».

Утомленное лицо, батник, цвета запекшейся крови, вытертые джинсы «Левис»: все было именно таким, как и в тот вечер в ЦДЛ...

Лауреатство, всемирное признание, миллионные тиражи дисков, публикации, книга стихов – все это, хоть и посмертное, не заставило вошедшего изменить выстрадавшим принципам:

облачиться в элитарную шерстяную тройку и стянуть, в угоду старым злопыхателям, горло арканом галстука. Даже здесь, он был самым собой: прост и доступен.

Похожий на бегемота, лоснящийся от жира меценат, с бриллиантовыми, выросшими в мясистые волосатые персты кольцами и перстнями, сопя выбрался из-за стола. Пошатываясь, направился к барду, настраивающему кем-то принесенную гитару.

– Друг! Уважь! Сбачай свою коронку. Ту, где без туфлей. Я и нож поострее принес. Плачу за все! Знай наших! Утри нос этим йогам. Пусть чувят – рассейские тоже по ножам ходить горазды, да к тому же еще и поют! Держи, друг, не жалко!

Толстяк бросил на паркет пачку черных банкнот и выдернул из-за пояса обоюдоострый кавказский клинок, положив его рядом с деньгами.

Победоносно оглядев зал, он гордо спросил:

– Ну? Кто больше, забашляет?! А может кто нож поострее этого «Дамаска» найдет?..

Зал молчал.

Бард, словно происходящее не имеет к нему никакого отношения, подтягивал колки гитары. И лишь пробежавший по щеке нервный тик, выдал его душевное состояние. А толстяк продолжал куражиться, не замечая презрения, которым пропиталась тишина.

Не зная, чем бы еще пронять не реагирующего на широкий жест певца, бегемотоподобный отступил на шаг и, хлопнув себя по ляжкам, не к месту заорал.

– Шайбу, шайбу!

Черноволосый крепкий парень, одетый в темное трико с негармонирующей смешной бабочкой и соломенном канотье подошел к поэту, обменялся с ним понимающим взглядом и ловко подцепил клоуновским башмаком меценатовскую подачку.

Толстяк возмущенно взвыл: банкноты и кинжал метались в руках жонглера, минуя его потные ладони. Полуметровый ботинок звучно пнул гуляку под зад, а кинжал, пронзив папку гензнаков, врезался в потолок.

Реприза грустного клоуна окончилась и настроенная гитара родила первый аккорд. Хриплый, надтреснутый голос пробил брешь в стоячем воздухе – бард запел.

– Я не люблю фатального исхода...

Голос вливался в иссушенное ожиданием сознание, как крепчайшая водка в жаждущее горло и заставлял пульсировать

каждый нерв. Зал, загипнотизированный этим, отрицающим все каноны вокального искусства баритоном, стал шепотом вторить слова песни и бард превратился в солиста декламирующего хора.

Веня сидел рядом с Владимиром Ивановичем и мерно кивал головой.

Песня оборвалась вместе с лопнувшими струнами, но Человек не выпустил гитару из рук, продолжал разговор с залом.

– Кто кончил жизнь трагически – тот истинный поэт
А если в точный срок – так в полной мере
На цифре 26 один шагнул под пистолет
Другой же в петлю слазил в «Англетере»...

...

Бард дочитал стихотворение до конца и, смежив веки, продолжил.

– Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю...

...

Слезы текли по щекам Владимира Ивановича, но он их не замечал. Слова поэта взнуздывали чувства, как строптивых коней и гнали бешеным галопом, отпустив поводья нервов. Скачка не утомляла, а пьянила. И что надо иметь за сердце, чтобы сохранить глаза сухими, не увлажнившимися после такой гонки?..

Наступила короткая пауза и меценаты, окружив поэта и черноволосого, в канотье парня, увели их в другой зал.

Один из меценатов приотстал и, не обращая внимания на возмущенные хрипы вокально-инструментальщиков, лишив их ритм-гитару струн, бросился догонять остальных.

Ахензев унял волнение и, совладав с осевшим голосом, спросил:

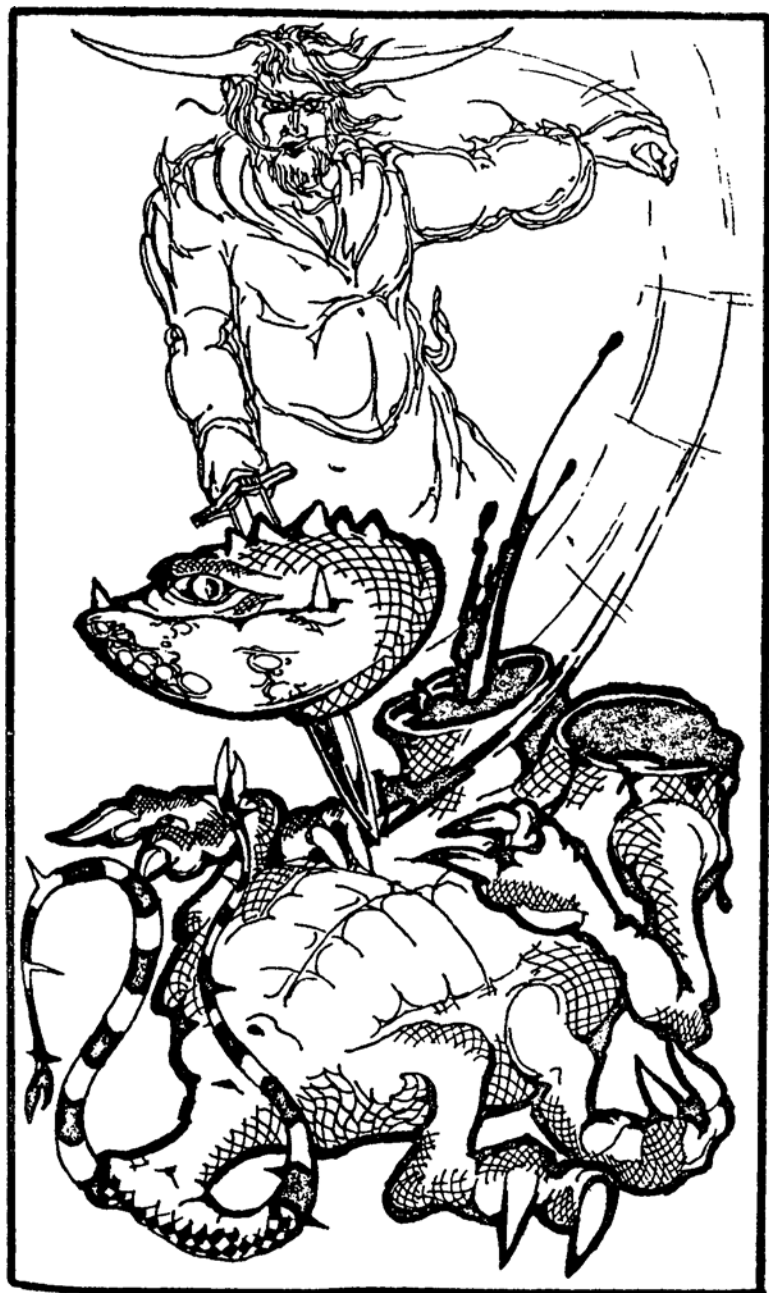
– Часто он к Вам приходит?

Владимиру Ивановичу, после всего пережитого и услышанного, припомнился жаркий траурный день, собравший на одной из площадей Столицы огромное количество народа...

– Часто... – Беспардоннов, чтобы как-то отойти от стресса, снова приналег на Яшину продукцию и завистливо поблескивал пьяным глазом на Эльвирочку.

– Приходят... Повод есть. Почти ежедневно... Не то, что для нас подают – чем бог послал. Но таким не жалко – хапнули горюшка мужики.

За стоящими, пустующими столами наконец наметилось движение. Группа разодетых в дребодан киношников рассажив-

валась всерьез и надолго. Некоторые из них были знакомы Ахенэву не только по экрану.

– Старик! С прибытием! Как там на брэнной? Крутятся? – Молодящийся бородач, не вылезая из-за стола, отсалютовал Владимиру Ивановичу бокалом и добавил. – Что-то раненько тебя ухайдакали. Впрочем, не переживай: не ты первый, не ты последний... Вовку то видел? Утешься тем, как у него там, в стихе.

– Задержимся на цифре 37. Вот и задержался...

Бородач отвел взгляд от Ахенэева и, увидев спешащего быстрым шагом знакомого актера, приглашающе завопил:

– Андрюха! Иди сюда! Поддержи компашку...

Актер приостановился, взглянул на часы и, махнув рукой, помчался дальше, бубня под нос:

– Некогда. Некогда. Некогда мне. Времени мало...

– Вот, старик, и он из этой же оперы. Никак не может отвыкнуть от земной запарки. Все ему времени мало. Ну да ничего, обживется...

Эльвирочка опять прикоснулась к руке Ахенэева.

– Володенька, а у тебя много связей в среде кинематографистов? – Глазки девушки, смазанные «Арманьяком», облучали осовевшего фантаста нежностью.

Владимир Иванович не заторопился с ответом. В голове хоть и шумело, но мысли не разбредались и Ахенэев попробовал проанализировать собственные догадки.

– Что она во мне нашла? – Этот вопрос не давал покоя. – Не красавец, да и старше лет на 12-14. Неужели меркантильные интересы? Ведь, как не говори, а я, по Богемским понятиям, особа значительная... Наберусь смелости и, все едино, прямо спрошу...

Так думал Владимир Иванович, перехватывая похабные, облизывающие и раздевающие взгляды мужского окружения, адресованные его – и только его Эльвирочке!

А девушка, видимо, давно привыкла к подобному вниманию со стороны мужчин и не принимала это близко к сердцу.

– Володенька, – она коснулась локоном щеки фантаста, – ты не обидишься, если я кое-что предложу?

Ахенэев, не раздумывая, кивнул. Эльвирочка открыла сумку и достала номер «Прейзподнеш пресс».

– Прочитай, пожалуйста, отчеркнутую статью. Специально берегла. Ты у меня, конечно, мужчина с определенным шармом, который не всем дано понять, но, тем не менее!.. Я –

ужасная собственница. И хотелось, чтобы принадлежащий мне человек был и внешне неотразим.

Эльвирочкины ноготки забегали по ладони Владимира Ивановича.

Ахензев развернул газету и прочитал заголовок.

ПРОЩАЙ, ДРЯХЛОСТЬ!

В статейке говорилось о том, что один из институтов шестого круга перешел на хозрасчетную форму. Бросил заниматься съедавшими огромные суммы гензнаков теоретическими разработками, разогнал непомерно раздутый штат и – предлагает всем желающим, за определенную плату курс омолаживания. Институт гарантирует качество. Обещает преодолеть возрастной барьер. Другими словами, перекроить старика в грудного младенца, оставив мозговые, нервные узлы нетронутыми. Причем, берутся за формирование любой фигуры, не ущемляя индивидуальных качеств, по просьбе заказчика.

– Ну как, милый? Что ты можешь на это сказать? Владимир Иванович подавленно моргал.

– Однако, – мысленно подхлестнул он себя и застопорился. – Какое омолаживание, ведь это ад?! Где гарантия того, что результаты будут иметь силу и на земле? Хотя, перспектива омолаживания, чего скрывать, заманчива... Но, чем платить? Правда Сатана, при вручении меты, грозился сделать все, что не пожелал, но, при выполнении заказа, то есть, написании отчета...

Эльвирочка вновь вторглась в раздумья. Сложив газету и не дождавшись ответа от Ахензева, она продолжила наступление.

– Милый, о гензнаках не беспокойся. Нужная сумма имеется, обойдусь без фирменных тряпок из «Саркофага». И не надо так волноваться! Ты мне дорог, какой есть. Я же тебя и полюбила за доброту, за нежность... Ужасно надоели супермены и красавцы, дорожащие, по сути, лишь собой. Я же хочу не только ощущать твое душевное тепло, но и доказать этим сутенерам, что мой избранник, даже внешне, лучше их.

В голове Владимира Ивановича царил неразбериха.

– Милый, не говори нет... Я обижусь...

Предложение Эльвирочки оказалось настолько самоотверженным и трогательным, что Ахензев опять чуть не заплакал.

– Кретин! Подумать о ней плохо?.. Меркантильность... – так поносил себя Владимир Иванович. Но, взять от девушки гензнаки? Нет! Альфонсом Ахензев себя не считал.

Упоивший большую половину демонстрантов «Ессентуками», Яков подсел к боссу и обратил внимание на поблекшее лицо фантаста.

– Взгрустнулось, босс? Давай по минералке вдарим, в честь Дня Ангела! Вишь, какие убогие собутыльники подобрались, слабаки... Эльвирочка, присоединяйся. Учти, я дружить умею. Босс не даст соврать.

Яков подплеснул девушке «Ессентуков» не прошедших его обработки.

– За твоё здоровье и благополучие, Яшенька, я с удовольствием выпью. – Эльвирочка осушила фужер и швырнула через плечо об пол. – На счастье, чертушка! – Объяснила она. – Надеюсь, что и впредь ты будешь таким же милым, честным и обаятельным. Всего тебе доброго, а за рог – извини. Обещаю исправиться. Только постарайся укоротить свои нежности. Впрочем, по сравнению с другими, охамевшими вконец грешниками, ты – просто ангел!

Яша, уже кривой, как штопор, после такого дифирамба из уст Элочки, прохудился слезами с горошину величиной и, называя девушку сестренкой, погрозился перекусить любого, кто посмеет посягнуть на её честь.

Владимиру Ивановичу насилу удалось утихомирить именинника, но тот, в порыве нежности, все же умудрился слизнуть с лица хохочущей Эльвирки всю косметику. И теперь, довольный, благоухал дразнящими ароматами.

Девушка посмотрелась в зеркала, ахнула, подхватила сумочку и, бросив Пушка на попечение Ахензеева, с ужасом убежала в умывальник, на реставрацию макияжа.

22

– Эх, босс! – Оставшись наедине с Ахензеевым, Якова потянуло на лирику. – Какая девушка! Богиня!.. Наши идиотские законы против женитьбы чертей на грешниках. А то бы я всю преисподнюю расшерудил, вместе со ВКИБом, а её руки и сердца добился! Тебе везет: знаешь хоть, почему она сюда попала?

Владимир Иванович не знал. Расспрашивать Эльвирочку он стеснялся, а той не хотелось беречь рану, вспоминать старое.

Яков прямо из горлышка влил в себя остатки благородного «Арманьяка» и продолжил:

– Возможно, ты слышал такую фамилию – Ацедофеленов? Режиссер. Так вот, именно из-за него Эльвирочка и оказалась

здесь. А он, благодаря ее «помощи» – разряду по карате, тоже не избежал уготованной участи. Правда, врать не хочу, не помню, кто первым объявился, он или она? Кажется она...

– Что ты мне мозги протираешь! – Ахензев разволновался, ему не терпелось узнать истину, а окосевший Яков морочил голову. – Объясни, наконец, по порядку... А то: он – она, чуть ли не Гамлетовский монолог – быть или не быть!

– Не нервничай, Вольдемар! Расскажу. Всею свое время... Одним словом, сначала появилась в аду она. Комиссия ЧМО стала в тупик. Столкнулась с дилеммой, куда распределять? То ли в пятый круг, то ли в Тоску? По тем временам, согрешила девушка здорово. А пока судили-рядили, тут и виновник «торжества» прибыл, Ацедофеленов. Тоже в ЧМО вылупился, птеник. И все образумилось, разобрались по справедливости. Обоих в Богему отправили. Хотя режиссеру поначалу ад хуже ада показался. Как попадетсЯ Ацедофеленов Эльвирочке на глаза, – считай весь курс каратэ и кунфу на собственной шкуре почувствует. Раза три его переклонировали. Ну, а потом, через годик-два, Эльвирочка поостыла, смирилась. Плюнула на все и, даже, пошла к режиссеру в варьете работать. Актриса есть актриса!

– Да можешь ты толком рассказать, пьяная морда!.. Ходишь вокруг, да около!

– Терпение, босс! – Яков пододвинул Владимиру Ивановичу бокал с только что сотворенным ректификатом и Ахензев опрокинул жидкость, даже не поморщась.

– Дальше то что, тьфу, черт, раньше то что было, Яша? Объясни, почему они сюда попали?

– История, прямо сказать, достойна описания в «Человеке и законе». Слушай... Эльвирочке, после окончания ВГИКа и распределения на «Мосфильм», неожиданно выпала редкая удача. Предложили главную роль в картине, которую снимал Ацедофеленов. Прошла пробы, а когда дело коснулось съемок, режиссер пригласил в номер, и говорит:

– Хочешь, чтобы тебя на роль утвердили – взгляни на диван и сделай вывод.

К подобному своеобразному посвящению в героини он давно привык и не ожидал строптивости от какой-то, никому не известной девчонки. Ну, а Эльвирочка недаром с детства с родителями в Японии жила. Подобное предложение отклонила, а когда разъяренный Ацедофеленов попытался насильно склонить ее к «обряду», то провела ему и ввод и вывод, по всей науке «кунфу», не хуже той леди из видика.

Естественно, скорая помощь, институт Склифосовского, милицейские канарейки, следователи... Шьют Эльвирочке 108 П статью УК. Ей бы повременить, может разберутся, оправдают... Какое!.. Наглоталась люминала и, следом за потерпевшим, в Склиф, только в другое отделение. Да уже поздно. Еще в «неотложке» состояние клинической смерти наступило. Пришлось бедняжку в анабиозную капсулу поместить, до лучших времен. Может, когда разработают методику – оживят?!

А пока она у нас – ведь по документам, фактически, умерла. Ну, а режиссер тоже долго не прокантовался в больнице – следом за ней в ад. С диагнозом: «многочисленные переломы и кровоизлияние в мозг». Вот.

А недавно опять пришлось восклонировать Ацедофеленова. Это после предложения той, новой роли...

Девушка, скажу тебе, босс, на все сто! Честная, бескорыстная... Да ее Богема на руках носит! Любимица... И как ты затеялся в ее избранники, диву даюсь? Да и не я один: многие косятся. Так что, будь поосторожнее, понял? – Яков утомленно вздохнул. – Береги Эльвирочку. Может, чем черт не шутит, – он загадочно качнул гривой, – и на Земле встретитесь...

* * *

– Сестра, переходите на транквилизаторы.

* * *

Владимир Иванович был потрясен рассказом Якова. В голове, как в компьютере заработал блок памяти, перебирал все известные ему публикации в научно-популярной литературе, касающиеся вывода из состояния анабиоза.

На ум пришли две подборки из «Науки и жизни», где популярно сообщалось, что в США проведено несколько удачных экспериментов. Но, то в США... Когда-то эти разработки признают не псевдонаучными и у нас...

– Босс, да ты не хмурься! Эх... – Яков досадливо долбанул кулаком по столу. – Зря я это все рассказал... Будешь теперь, как в воду опущенный ходить, нянчиться с мыслью, как бы словчить, выдернуть Эльвирочку отсюда. В принципе, есть одна возможность. Но это – компетенция Всененавидящего ока...

– Что за Око? – Ухватился, как утопающий за соломинку, Ахензев за слетевшую с языка Якова фразу.

– Сатана! Тот кто тебя сюда заслал. Вот ему-то начхать на любые условности: называйся они хоть научными, хоть моральными, хоть социальными, – один черт!

Сумеешь к Самому подъехать, считай – все устроится! В общем, не унывай, что-нибудь сообразим: в конце-концов, для чего существует восьмой круг? Ой! – Яков испуганно огляделся по сторонам: не слышал ли кто его пьяного откровения. Но волновался он зря. Каждый занимался, чем заблагорассудится. Даже Беспардоннов, изрядно захмелевший, забыл об истинной причине гулянки и усердно ухлестывал за подсевшей к нему шатенкой: модной, архиэмансипированной мадемуазель из компании киношников.

– Что это ты, Яша, так струхнул? – Фантаст удивленно заметил, что секунду назад багровый черт побелел как мел.

– Босс! Молчок! Ясно? Если Сатане донесут, что я растрепался о том, как в восьмом круге программируют не только людские души, а необходимые земные пертурбации лет на сто вперед, то... И вымолвить страшно, чем это может обернуться... Эй, язык мой, враг мой...

– Ладно, не беспокойся. – Заинтригованный Ахенэв был вынужден оставить расспросы: таким затравленным выглядел его помощник. Но у Владимира Ивановича появилась надежда!

Яков блуждающе зыркал по залу и даже заглянул под стол.

– Да успокойся ты, на самом деле, никому я ничего не скажу. Что ты дурью маешься?!

– Тихо! Всененавидящее Око не дремлет! То, что я проговорился – это пол беды, ты – свой... Рано или поздно, а услышал бы... Посторонних побаиваюсь. Наматают на ус, вот тогда – не сносить головы.

Но в зале, по-прежнему, каждый вытворял то, на что горазд: пили, ели, кутили...

Наконец, черт утихомирился и, добрав очередную порцию марочных «Ессентуков», опять побурел лицом и, недаром же существует мудрая пословица: «сказавший «а», да скажет «б», развязал заплетающийся язык.

– Эх, Вольдемар, Вольдемар! – Он заглотнул подступающее к горлу мычание. – И ничегошеньки ты не подозреваешь... А ведь нам о каждом из смертных известно все до капельки... Еще до их рождения! И кем кто будет, и чем кончит, и даже, в каком качестве сюда приползет...

– Это как это? – Брякнул обескураженный Ахенэв, заподозрив, что именинник все-таки хватил лишку.

– А вот так! Очень даже просто. К примеру: у вас там Дарвин в почете?! Гений мол, эволюцию видов научно обосновал... Слыхал небось?..

Ахензев утвердительно, скороговоркой оттарабанил:

– Да-да-да. Ну-ну-ну...

Яков смешливо сощурил хмельной глаз и, довольный тем, что может блеснуть эрудицией, выложил главный козырь.

– Что – ну? Сплошной идиотизм и Дарвин – первый дурак! Хочешь истинную подоплеку учения знать?

Владимир Иванович обеспокоенно, слабея от предчувствия чего-то сверхъестественного, откликнулся эхом.

– Хочу...

Черт заиграл грудью, как девица, ищущая любви и, исполненный чувства собственной значимости, произнес:

– В последние лихолетья ад стал хиреть. Появился дефицит в грешниках. А нимбоносным – до лампочки! У них – полный ажур. Знай себе – выпендриваются друг перед другом, да жиреют от безделья. Что им индустриализация? Зарылись, как кроты в землю, в натуральное хозяйство – вот и все заботы...

А нам: и экономику поднимать, и НТР творить – шагать в ногу со временем. Что прикажешь делать? Как увеличить приток нужных рабочих душ в преисподнюю? Назрела проблема срочной мобилизации.

Вот верховные ада и решились на ход конем: обложили матом райских деляг.

Подкинули Дарвину идейку: шаракнули импульсом по его умной башке, подключили дополнительно миллионов двадцать нервных клеток и – пожалуйста! Родилась теория «Эволюция видов». Как из обезьян мужиков лепить.

Тут уж и попы взвыли, а куда деваться? Теорийка без изъянов. Впору и самим в дарвинизм уверовать... Такие-то, Вольдемар, дела... Как говорить: лиха беда-начало. Сейчас-то у нас в аду целый арсенал средств... Стоит возникнуть нужде в чем-нибудь этаким, сверхгениальном: быстренько импульс и – в члены-корреспонденты, в академики. Правда, случаются сбои. Так, одного в академики ВАСХНИЛа возвеличили, думали толк получится, а он, дураком, такого в сельском хозяйстве наворочал, сам черт ногу сломит... Вот это – от бога... Только в раю булки на деревьях растут... Короче, много болтать не буду, да и сам не все знаю, но задумка насчет Сатаны верная. Просто намекни ему, при расчете, о своих трудностях, а заодно можешь кого из знакомых на Нобелевскую прокатить, и – считай

в дамках! Всененавидящее Око ежели что и решит, то без проволочки, как отрубит!

Воздух в зале провонял дымом, перегревшейся аппаратурой вокально-инструментальщиков, винными парами – обычным букетом разудалого застолья. К этому устойчивому запаху посетители «Встречи» привыкли и, если бы не посторонний, усиливающийся, смутно знакомый аромат, Владимиру Ивановичу и в голову не пришло бы искать причину его возникновения.

Яков тоже забеспокоился, отчаянно заводил рылом и завращал зрачками.

И Ахензев вспомнил: ладан!!! Владимир Иванович не часто посещал церковь, а если и посещал, то больше из любопытства: поглазеть на проповедь – представление...

И нахлынувший в зал ладановый дух ассоциировался, разве что с последней службой в Елоховской церкви на Пасху.

Якова же благовонный дымок превратил из озорного, отважного черта в описавшегося щенка – квелого задрыгу.

– Накаркал... Зарекался молчать... – Скулеж помощника заставил Ахензева заозираться по сторонам, попытаться выяснить причину испорченной обедни.

Под потолком, выписывая круги, жужжала огромная осадубина, чадающая ладановым шлейфом. Дубина замедлила полет и, изменив траекторию, спикировала на Якова.

Черт вгорячах нырнул под стол, но увесистый сучковатый чурбак с размаху рихтанул его по заду и Яков свечой взвился в воздух. Деревяшка огуливала извивавшегося глистом черта без скидок на титулы и положение. Прошлась и по морде, и по рогам, сшибив их напрочь.

Один, с присоской, прилепнулся к стене, а второй, материнский, родной, расколов вазу, пропал с глаз долой. Черт едва успевал уворачиваться, приговаривая при этом.

— Искренне признателен! Искренне признателен!

Избиение прекратилось так же внезапно, как и началось. Дубина обрела дар речи и, встав на попу, проскрипела:

– Язык, ведьмин выродок, вырву! Понял – не? Гляди у меня! – Затем опять зажужжала и – пропала бесследно.

– Н-нет, босс! Яков ощупал голову и понурился. – Не зря я говорил: с тобой одни неприятности... Офонареть можно в День Ангела и – такой подарок! Это, молю бога, что Он не весь разговор услышал... А то, все косточки, как через мясорубку пропустил бы.

Хранящая во время избиения молчание компания взорвалась хохотом. Смаковали подробности. Киношники затеяли спор – возможно ли скомбинировать кадр с дубинкой или придется доверить мультипликаторам.

– Все, босс. Теперь хочешь – не хочешь, а в шестой круг надо валить без промедления. – Яков никак не мог успокоиться. – И второго рога лишился... И Элочка куда-то запропастилась,.. хоть в зеркало глянуть, на кого похож-то стал?

Морда черта действительно оставляла желать лучшего. Мало того, что в прямом смысле, комолый, так еще и с фингалами под каждым глазом...

– Яшенька, откуда эта напасть? – Владимир Иванович плялился на черта и сострадательно дергал бровями.

– Да упали, ты, муха, в тазик! – Черт было полез в пузырь, но, увидев, что Ахензев не на шутку расстроен, скривившись, ответил, – Дурак, а не лечишься! Откуда же, кроме как не от Сатаны!? Ему одному дозволено открыто с нами расправляться. И попробуй, заартачиться – враз узнаешь, почем фунт изюма!..

Яков встряхнулся, как собака после купания и опять провел лапой по темени.

– Куда же фамильный рог улетел?..

В это время Беспардоннов, рассказывающий что-то приглянувшейся шатенке, аргументировал свою речь, энергично размахивая половником. Шатенка, понятно, уступила натиску осанистого мужчины и половник окунулся в поднесенную Максом супницу с ароматным харчо.

Беспардоннов, проголодавшийся после долгих разглагольствований, с аппетитом набросился на суп.

– Нет, это изумительно! Вольдемар, отведай! Грузинская кухня – не харчо, а симфония! О-о, сахарная косточка! А ля натюрель. Голову на отсечение – барашек еще утром бляял!

Ахензеву едва удалось поймать черта за хвост. Яков, оскалив крылки, рвался к сценаристу и со свистом сучил кулаками перед его носом, возмущенно голоса.

– Я тебе покажу барашка! Ты у меня похлеще козла заблешь!! Верни мамкин рог!.. Не для того даден, чтобы кто-то обглядывал!

В руках Беспардоннова, не ожидавшего подобной инсинуации, дрожал наполовину обсосанный и обглоданный чертов рог!

«Барашковая косточка» плюхнулась обратно в супницу, но Яков, засучив рукава и, не обращая внимания на исходящее

паром харчо, похрюкивая от боли, запустил лапу в фаянсовую посудину.

Не ко времени появившаяся Эльвирочка, увидев обезвреженного черта и непонятную ворожбу с супницей, рассмеялась до слез и в изнеможении упала рядом с Владимиром Ивановичем в кресло. Вволю отсмеявшись и услышав от Ахенэва о Яшиных злоключениях, она проявила милосердие: разорила косметичку, гримируя разуделанного именинника.

От прикосновения нежных ручек черт оттаял, расслабился и потянулся за минералкой.

Беспардоннов полез с извинениями, но Яков отослал его в очень хорошо известное и смертным и бессмертным место.

23

– Хлопну на дорожку! – Яков задумчиво вертел в лапах фужер.

Эльвирочка мягко отобрала у черта «посошок», с отвращением понюхала и подсунула ректификат под морду развалившегося на коленях Ахенэва дракошки. Пушок моментально пробудился, залупал глазенками и расчихался на весь зал, пытаясь одновременно дотянуться до вонючей, испортившей такой безмятежный сон стекляшки, искрошить ее в пыль.

– Вот так-то, братик! – Эльвирочка насилу убаюкала дракончика и безапелляционно произнесла. – Алкоголь – яд!

– Ик! Трезвость – не порок. На Земле. Ик! А что до чертей: нам перегон – основа бытия! Заблуждаешься, ик, если думаешь, что я с кондачка, ик, химичу с «Ессентуками». Не веришь? Тогда, ик, наблюдай. Сейчас дербалызну полбанки спирта и, ик, икоту как рукой снимет. Профилакт-ик, ка!

Против профилактики девушка не нашла, что возразить и черт, не мешкая, загрузился изрядной порцией «Ессентуков». Икота действительно прекратилась.

...Распроставшись с клевавшим носом Беспардонновым, Владимир Иванович и Эльвирочка встали из-за стола и вышли из зала. Раздосадованный Макс напросился сопроводить и, приотстав с чертом от парочки, что-то невнятно задолдонил, всучил пакет гензнаков в банковской упаковке.

Проходя мимо одного из залов духовной пицци, до Ахенэва донесся знакомый голос. Он отдернул штору.

– Э-э, ням, ням, ням... Дорогие присутствующие и, э-э, отсутствующие, – говоривший взглянул поверх очков в заготов-

ленную кем-то речь. – Уважаемые и, э-э, неуважаемые. Каждому из нас отмеряна малая толика земли. По заслугам и честь...

Владимир Иванович скоренько отступил от портьеры.

– Не пойму? Недавно в Мафии промелькнул, а теперь в Богеме? Яш?..

Черт отмахнулся.

– Что я тебе, председатель правления Союза писателей? Увидишь Тьмовского, он объяснит, коли есть в том нужда...

Мегаполис снова качнуло и друзья поспешили покинуть «Встречу».

* * *

– Яшенька! А почему у тебя оба рога – левые? – Эльвирочка протянула черту зеркальце.

– Вот разиня! – Он раздосадовано отодрал муляжи и, кривляясь на свое отражение, восстановил симметрию.

Построенный в современном стиле «Саркофаг» зазывно блестел витринами.

– Мальчики, заглянем в шоп⁴⁴? Косметичку пополнию, да и по мелочам кое-что... – Девушка вопросительно взглянула на мужчин.

Однако, пробиться к магазину оказалось не так-то просто. Сомкнувшееся вокруг троицы кольцо озирающихся грешников и грешниц разноголосо затявало:

– Геннзнаки есть? Не меняете геннзнаки? Куплю один к десяти...

Со всех сторон посыпались предложения и просьбы, подтверждаемые хрустом извлекаемых из карманов и кейсов купюр.

Стоящие поодаль блюстителю порядка с красными повязками на рукавах специального покроя пиджаков, на это явное нарушение существующих правил взирали сквозь пальцы, безразлично позевывая.

Одна, не в меру активная толстуха, вцепилась в ошейник Пушкиа, уговаривая Эльвирочку уступить ей очаровательного дракончика.

Тут уж не выдержал Яков. Врезался в скопище плутов, и, раздавая по сторонам тумачи, гаркнул:

⁴⁴ Шоп – магазин (жарг.)

– А ну, посторонись, чесотка ходячая! Ишь, приспособились лохов⁴⁵ колпашить. У-у, непуть, шаромыжники!.. А может, и «куколку» кто заготовил? Ну??.

Кольцо в момент рассосалось...

Дежурившие у «Саркофага» сбесившиеся, видимо, знали Эльвирочку и беспрепятственно пропустили ее и спутников в магазин. «Саркофаг» недаром возбуждал аппетиты роящихся около него фарцовщиков. Множество отделов до отказа завалены импортной одеждой, обувью, мебелью, галантереей, аппаратурой – всем, что душе угодно. Но – только за гензнаки!

Переступив порог магазина, Эльвирочка напрочь забыла о сопровождающих ее кавалерах: женщина и в аду – женщина!

Осиротевшие Владимир Иванович и Яков неприкаянно бродили между прилавками с товаром, в то время, как девушка решала сложнейшие жизненные задачи, недоступные мужскому пониманию в отделе готового платья: косметика явилась лишь поводом для посещения фирменного «Саркофага».

– Босс! – Яков указал Ахенэеву на одну из продавщиц. – Не узнаешь старую знакомую?

Владимир Иванович поправил очки и – вспомнил. Конечно она! ЧМО, бассейн с прозрачной водичкой для избранных...

– Я же тебе говорил: Майка – стервь выдающаяся! Вишь, уже в Богему переметнулась... Ну-ка, ну-ка, чем-чем она там торгует? Хо, кажись медикаментами! Подойдем, пока Элочка от шмоток с ума сходит?..

Круглые серые глаза Майки, оттененные ядовито-зеленым гримом, радостно залучились при виде знакомых лиц.

– Ой, – всплеснула она руками. – Роденькие вы мои!

Впорохнув из-за прилавка, Майка привстала на носки и припечаталась маленьким напомаженным ртом к Яшиной щеке.

– Вот видишь, Яшенька, помогли-таки, друзья, перетянули в Богему. Старые услуги не забываются. Да и земные публикации в заводских многотиражках сыграли не последнюю роль... Учили и мое трудолюбие, безотказность. Ты же, солнышко, как никто другой знаешь о моей работоспособности! Или я говорю неправду?

– Нет, нет. – Скользя плотоядным взглядом по ладной фигурке подружки, успокоил черт. – Работаете ты, действительно, отменно. А отзывы?! Слышал от многих, попавших

⁴⁵ Лох – ротозей, простофиля (жарг.)

под чары такой кисы: Майка – притча во языцах по всем адovým кругам!!

Разговор прервал работник магазина, которого Эльвирочка нагрузила покупками и отослала к своим «телохранителям», оставшись в парфюмерном отделе.

Служитель выставил перед Ахенэевым коробки и свертки.

– Девушка просила передать...

Яков, наобум выдернул из внутреннего кармана черную банкноту и, не глядя на ее достоинство, сунул грешнику в уплату за услугу.

Увидев подобную щедрость, Майка преобразилась. Серые глаза сузились, а и без того маленький, сердечком, рот сжался в яркую, жирную, красную точку.

– Что ты делаешь, ряха! – Пигалица-Майка обезумевшей рысью налетела на обескураженного черта. – Ему и рубливки – за глаза... А ты, четвертак черными!.. Добрый Кузя нашелся! Лучше бы мне подарил.

Яков так и не понял, шутит она или говорит всерьез.

– Лапонька, к чему эти эмоции?

Майка мгновенно сориентировалась – ничем не прикрытая жадность могла насторожить богатых клиентов, и вновь превратилась в воркующую голубку.

– Не обращай внимания, Яшенька, ангелок рогатенький, – ластилась она к черту. – Это от нервов... Терпеть не могу, когда впустую тратят деньги, пусть даже чужие... Яков отошел от ступора и поинтересовался:

– Чем торгуешь-то, Маечка – рубашечка-комбинашечка? Сплошная латынь на этикетках...

Майка зашла за прилавок и, прежде чем ответить, принялась плакаться на судьбу-злодейку.

– Тебе, как одному из многих близких, скажу откровенно. Хоть и приняли в «Саркофаг», да видно не ко двору пришлась, кому-то негодная. Может, старею?.. Поставили в самый задрипанный отдел. Покупают единицы, да и то, после назначения свидания. Может вы выручите, возьмете что-нибудь, а то – труба с планом. Вот: настойка совести, честь в большом ассортименте, удобна в употреблении, в пилюлях. Имеется и верность, но – по отдельному рецепту. А самый ходкий товар – это экстракт любви... Тоже не надо? Учтите, разных сортов...

– Не надо, Майка. – Черт равнодушно отвел взгляд от банок и бутылей. – Ну, а если и потянет на интим, тебя приглашу. От твоего обслуживания мертвый на стену полезет...

Майка будто ждала этих слов и опять подкралась к Якову.

– Чушечка ты моя, зацелованная, я тебя так люблю, так люблю!.. Много у тебя черненьких?

Якова повело.

– Хватает!

– Дурачок! Отдай их кисе на сохранность... Ни копейки не пропадет без толка: переспал в моем теремке ночку – четвертачок, а остальные, как в сберкассе!

Приход Эльвирочки приостановил трагическую развязку от посягательств назойливой торгашки на Якова. Наглая Майка считала всех без исключения мужчин источниками своего благосостояния и благополучия.

Эльвирочка оценила ситуацию и ликвидировала назревший скандал, нагрузив на джужего черта и Владимира Ивановича многочисленные покупки.

Майка, оставшись без потенциальных источников дохода, любовника и фантаста, начала со стуком переставлять товар с места на место, не зная, на ком выместить злость.

* * *

Эльвирочка перевела взгляд от дополнительной груды коробок и свертков на спутников и, мысленно оценив их грузоподъемность, с сожалением вздохнула.

– Кажется на этом остановимся!

Большая фарфоровая ваза осталась дожидаться другого покупателя.

Донесшиеся раскаты грома и косые струи дождя на зеркальных витринах загнали постовых-сбесившихся внутрь магазина.

Владимир Иванович смотрел на хлеставший по стеклам ливень и недоумевал – откуда мог взяться в Богеме дождь? Да еще такой сильный? Ахензев утвердился в мысли, что в аду погода – постоянное «ясно».

– Эх, не вовремя разверзлись хляби подземельные! Почитай, дня на три! Жди теперь, когда отшабашившие собратья смоют с себя похмельную накипь и выключат душ. Так что, босс, оденемся соответственно.

Яков достал пачку гензнаков и отдал Эльвирочке, попросив приобрести зонты и куртки.

В Майкином отделе что-то со звоном начало биться.

В «Саркофаг», спасаясь от ливня, спешно вошла группа одетых в оранжевые, отвисшие от воды длинные одежды, бри- тоголовых.

– Ну и поливает, – отжимая полы своего одеяния произнес один из них. Причем сказал без акцента, несмотря на явно восточные черты лица. Остальные четверо тоже принялись за приведение балахонов в божеский вид.

– «Вшивые» пожаловали! – Конфиденциально шепнул Ахенэву черт. – Из окружения Шивы. Во-он того, первого, я знаю. Кое-какие аферы сообща проворачивали. Ну и цитрус, доложу я тебе, босс! Недаром под апельсин замаскировался. Полиглот! «Цитрус», заметив навьюченного покупками Якова, радостно закланялся и, мелко переступая ножками, приблизился.

– Как поживаете, Яса-сан? Как дела, Яса-сан? Как семья, Яса-сан? – Зачастил он, не переставая кланяться.

– Все о'кей, Охмура-сан! – Яков разгрузился, сотворил пирамиду у своих ног. – Зачем пожаловал?

– Сикоко воды, Яса-сан! Я сапсем парымокла! Еще жють- жють и – до свидания, приехал... С кино для всех приехал. А пырымокни кина и – Охмура-сан сапсем бы разорился.

Апельсиноподобный плакался на не ко времени прохудившийся душ и, одновременно обследовал увесистый кожаный мешочек.

Остальные экзотические фрукты занимались тем же. Взвесив на ладони таинственный кисет, Охмура-сан хитренько заулыбался и продолжил:

– Холосая кина пливез, толстая богатя Яса-сан будет. Посмотрите, Яса-сан!

Из подсобки вышел седовласый хмурый грешник, манера поведения которого давала повод предположить о том, что это директор «Саркофага». Увидев «апельсина» с носильщиками, по лицу седовласого словно провели утюгом: он радостно подскочил на месте, и, отринув солидность, стал вытанцовывать перед инаковерующими.

– Как мы рады! Как мы счастливы, Охмура-сан, приветствовать Вас! Надолго в наши края?

Охмура, не снимая с лица хитренькой улыбочки, развязал свой мешочек и, сложив фунтиком тысячную гензнаковую банкноту, сыпанул в нее немного белого порошка.

– Кайфура-сан, тебе насальник-сан, пударок плюсил сиде-
лать. Кина смотлеть будешь, Кайфуру-сан добрым словом по-
мянешь!

Директор взял презент и, оглянувшись по сторонам, спря-
тал в потайной кармашек брюк.

Майка достала маленький блокнот в голубой обложке и
что-то записала.

– Ты чего черкаешь? – Подскочил к ней хозяин «Саркофа-
га».

Девушка сделала невинное личико, голосок задрожал от оби-
ды.

– Материал для очерка собираю. Не вечно же в этой гроб-
нице куковать. Вот опубликуюсь в «Прейзподнеш пресс», тогда
поймете, какие таланты зажимаете...

Директор в сердцах сплюнул.

– Ты мне эти шуточки брось. А не то, цацкаться не буду, в
склеп переведу. Там писать будешь...

Охмура-сан, не снимая с лица улыбки, что-то прострекотал
своим компаньонам и те согласно замяукали.

Подошла Эльвирочка, неся две серебристого цвета куртки
«Ферари» и мужские зонты.

Охмура, увидев ее, опять включил свой поклонный меха-
низм и засюсюкал пуще прежнего. Излив на девушку целый
океан цветистых восточных комплиментов, он передал Эльви-
рочке конверт, добавив, что подобные послания доверяются
единицам и он горд сознанием, сделать известной приме при-
ятное.

Эльвирочка вскрыла конверт, достала несколько листочков
тончайшей рисовой бумаги и быстренько прочитала. Затем
протянула письмо Ахенэеву.

В изысканных выражениях Эльвирочке за сногшибатель-
ную сумму предлагалось сняться в нескольких порнофильмах.

Девушка забрала у Владимира Ивановича письмо и, разо-
рвав его на мелкие кусочки, бросила на пол.

– Охмура! – Подступила она к «цитрусу». – Ты хоть зна-
ешь, что там написано?

– Эрвироска-сан! Охмура-сан цуzych писем не читает! Ох-
мура-сан самулая! – Гордо ответил оранжевый.

– Твое счастье, что не знаешь... – Девушка занервничала и
отошла к Ахенэеву. – Володенька, как они мне с этими предло-
жениями надоели. – Она окончательно расстроилась.

– А что предлагают? – Влезла в разговор Майка. – Может я смогу подменить? Я же все-все умею! Возьмите меня к себе, – она вцепилась в балахон «апельсина».

Седовласый директор, стоявший немного в стороне, ненавидяще посмотрел на подчиненную и процедил сквозь зубы.

– Навязалась шлюха на мою голову. И «вшивого» охмурить хочет! Вот гадина назойливая!

Но Охмура, забыв о том, что он «самулая» и что вместо «р» и «ш» ему положено говорить «л» и «с», стряхнул назойливую стерву и вполне членораздельно прошипел:

– Пшла вон, мразь! С тобой свяжешься, так потом придется хакари делать.

Майка улепетнула за прилавок и опять зазвенела посудой.

Охмура отобрал у сопровождающих мешочки и приглашающе кивнул головой в сторону двери, из которой вышел хозяин «Саркофага».

– Пошли, князь, примешь участие, – пригласил директор.

– Не пойму я что-то, Яша, о каком кино говорил этот буддист? Может, подпольный видеосалон? Порно за гензнаки показывают? – Ахензев уже натянул на себя куртку и не мог взять в толк, что мешкает черт.

– Какой салон, босс?! Тут такое кино, что и не снилось! Со всем что ли чебурахнутый: не понимаешь, о чем идет речь? Партию ЛСД Охмура с дружками припер. На время шабаша таможня без присмотра! Вот и приволок «кина»! Пойдем, поразвлекаемся. Решайся! Разок в жизни попробуешь, будет что вспомнить.

Яков был опытным искусителем-пропагандистом и Владимир Иванович заколебался. Но, стоящая у окна Эльвирочка, такая печальная и беспомощная, заставила Ахензева категорически отказаться от предложения черта.

– Нет, Яша, извини. Не могу оставить девушку одну. А побыть с тобой рядом – побудем. Только от ЛСД – уволь. Эльвирочка. – Позвал он ее.

Яков скрылся за дверью.

Пока Яков с директором и «цитрусами» отсутствовали, Владимир Иванович объяснил девушке ситуацию и то, как ради нее отказался от интригующего предложения.

– Спасибо, милый! – Эльвирочка погладила Ахензева по щеке. – Кончится дождь и поедем ко мне. Там все-все и решим. Но Яшку бросать нельзя! Этот такого набедокурит, что потом и Эдик не поможет.

Девушка и Владимир Иванович направились к подсобке, но оттуда вышел директор. Он нетвердо прошагал до стены и опер ее плечом.

У магазина приземлился дынеобразный летательный аппарат и в «Саркофаг» вошел одетый в гляцевый комбинезон посетитель. Лицо закрывало забрало.

Инопланетянин признал в седовласом руководителе и скворчащим голосом поинтересовался:

– Колеса в продаже есть?

– Что, колеса⁴⁶? Пож-жалуйста! Выбирайте любые! – Видимо хозяин «Саркофага» посмотрел «кина», но, то ли доза ЛСД оказалась небольшой, то ли сказалась привычка – вменяемости он не потерял.

Директор выгреб из кармана горсть таблеток и протянул покупателю.

– Да не такие... Для виражира, ну, для машины...

– Машину⁴⁷, друг, пожалуйста. С платиновыми иглами. Бери. Дарю!

Инопланетянин не оценил его щедрости и, отчаявшись добиться своего, вздохнул.

– Эх, придется на травке загорать. Пойду.

– На травке, браток, тоже хорошо! Ой, и хорошая у меня травка⁴⁸! На, не жалко, забей косячок⁴⁹!

Директор одной рукой протягивал посетителю целлофановый мешочек с какой-то зеленоватой плотной массой, а другой выуживал из пиджака пачку «Беломора».

– Этот готов! – Констатировала Эльвирочка. – Пойдем, взглянем на нашего придурка.

...Десятикубовый шприц, поблескивающий в лапах Яши, заполнялся мутноватым раствором наркотика. Черт даже не обернулся на вошедших, и, всадив иглу в стиснутую резиновым жгутом вену, надавил на поршень, после чего тут же отключился. Охмура-сан сдернул резинку и убрал шприц.

И лишь после этого, стриганув взглядом по телохранителям, набивающих гензнаками большой картофельный мешок, подскочил к Владимиру Ивановичу с девушкой.

– Присаживайтесь, Эльвирочка-сан, насальник-сан... Кофе? Сигареты? Конфеты? Вино? Яса-сан теперь холосий «кина»

⁴⁶ Колеса – таблетки (жарг.)

⁴⁷ Машина – шприц (жарг.)

⁴⁸ Травка – гашиш (жарг.)

⁴⁹ Косячок, косяк – доза наркотика, подмешиваемая в табак (жарг.)

смотлит. Высший солт! Так что ласполагайтесь, сок, кофе пейте...

Девушка наотрез отказалась от угощения, а Ахенэв потянулся за чашечкой кофе.

– С сахалом или без? – Охмсурса-сан извивался змеей.

– С сахаром.

– С брам-шугой⁵⁰ или с рафинадом.

– Безразлично.

«Цитрус» пододвинул сахарницу с коричневыми кусочками. Владимир Иванович не любил сильно сладкого и, опустив пару кусочков, размешал ложечкой напиток.

Охмура включил видеомагнитофон и с огромным удовольствием смотрел мультик про какие-то подводные приключения Микки-Мауса.

Отважный мышонок храбро дурил акул и спрутов, оседлав веселого Дельфина. Но, неожиданно, Дельфин сбросил Микки со своей спины, увеличился в размерах, выплыл из экрана и шлепнул Охмуру плавником по шее.

Кабинет постепенно утратил стены, а у самого носа Владимира Ивановича щелкнула огромной пастью акула.

И до Ахенэва дошло, что он каким-то странным образом оказался в подводном мире.

– Эльвирочка!! – В ужасе заорал фантаст. – Где ты?!!

– Какая я тебе, балбес, Эльвирочка! – Проклацала страшными челюстями акула. Кончай выдуриваться, а то – сожру!

Откуда-то вынырнул шебутной Яков и, обняв Владимира Ивановича, заговорщицки прокукарекал.

– Не боись, босс. Выплывем!

24

– Профессор, разрешите приступить к завершающей фазе нашего эксперимента?

В лаборатории, заставленной ретортами, кюветами, пробирками и прочей алхимической утварью, пахло непонятно чем. Этот, не сказать чтобы приятный запах, источала бурлившая в объемном стеклянном резервуаре бледно-зеленая жидкость.

Над установкой, обвитой проводами, словно виноградными лозами, не обращая внимания на ядовитые испарения, склонился эвфеместически настроенный, худющий, длинноволосый

⁵⁰ Брам-шуга – сахар, пропитанный наркотиком (англ.)

грешник в застиранном, но чистом белом халате. К нему прошастала не менее доходная девица в старомодных круглых очках и, прихватив старика за шиворот, оттащила метра на два.

– Вы очень рискуете, профессор! – Конский подбородок ассистентки пришел в движение. – А вдруг, как – жажнет!

– Не должно жахнуть! Не должно...

Но ассистентка не разделяла восторженной уверенности своего патрона, а посему профессор оставался на месте.

– Включаю ток, – объявила она и, не отпуская накрученный жгутом на пальцы воротник старикашки, рванула другой рукой рубильник.

Жидкость в резервуаре прекратила бурлить, изменила цвет на синий. Приборы натужно заурчали, осциллограф заплывал экран всполохами молний. Запахло жженой серой.

Профессор прекратил бег на месте и, лупая глазами, ждал.

Результаты не замедлили сказаться: ассистентка оказалась права – «жагнуло» здорово! Лаборатория окуталась вонючим дымом.

– Апх-чи! Босс, кажись вынырнули?!

– Буди здоров, Яша! А-ап-ппч-хи! Куда это мы заплыли? Где Эльвирочка?

– Вопрос, конечно, интересный! Ни хрена не видно, сплошной угар! Держись на плаву, теперь главное – выкарабкаться...

– А-а-а! – Смяд прорезал женский визг, – Профессор! Оно щекочется... Оно за бюст хватается!

– Коллега, как вам не стыдно. Не преувеличивайте! Жеманничаете на пороге великого открытия! Вы же образованная женщина, ученый – фиксируйте все движения. Уточните более конкретно, какие ощущаете контакты? За что именно «оно» хватается?

– Хи-хи-хи, профессор, за пятое ребро слева, сверху, хи-хи-хи...

– Коллега, прекратите иронизировать. Неужели вы не сознаете всей серьезности, грандиозности происходящего?! Ваш, и только Ваш долг скрупулезно запечатлеть в памяти...

– О-о-х, профе-ессор! А-ах, да разве такое забывается! О-о-о... О-открытие сверши-илось, профе-ессор...

Дым постепенно улетучился, и взору Владимира Ивановича предстала картина разгромленной лаборатории.

Под потолком, зацепившись хлястиком за какой-то крюк трепыхался, как рыба на лесе, профессор. А на стуле сидела

раскрасневшаяся, растрепанная ассистентка и протирала запотевшие очки задравшейся юбкой.

Нигде не теряющийся Яков довольно вышагивал по лаборатории, хрустя битым стеклом и обнюхивая уцелевшие банки и флаконы...

– Не-ет, здесь не подхарчуешься! Сплошные кислоты да щелочи... Да-с, видимо на роду написано фокусами заниматься. Эй, ты, «абажур»! «Ессенуки» в этом адоугодном заведении имеются? – Обратился черт к подвешенному ученому. – Открытие-то, га, обмыть надо!

– А Вы, собственно говоря, кто? – Профессор с высоты занимаемого положения, рассматривал Якова. И убедившись, что перед ним всего лишь обычный представитель власти, обратился к ассистентке. – Коллега, а где же «оно»?.. Да снимите же меня отсюда?!

Сердобольный Владимир Иванович и, все еще смущенно поглядывающая на черта девица, помогли старому алхимику обрести под ногами почву.

Многоопытный Яков, смакуя подробности, распорядился:

– Та-ак, та-ак! Майна! Заноси! Да что вы с ним, как с хрустальным... Бестолковкой, бестолковкой вниз! Нич-чо, разок приложится, глядишь и поумнеет...

Профессор заметался по углам, горестно шамкая.

– Опять неудача. Опять начинай все сначала...

Ассистентке удалось перехватить снующего челноком по лаборатории ученого за полу халата и насильно втиснуть в кресло. Экспериментатор был настолько раздосадован неудачей, что упершись бессмысленным взглядом в одну точку на столе, забормотал околесицу, напоминающую детскую дразнилку.

– ДНК и РНК обманули дурака. Вместо матрицы – рога, ДНК и РНК...

– Ты гляди, какой самокритичный! – Яков раскопал-таки в лаборатории спирт. – Ну-ка, глотни, за, гы-гы, зачатие новой серии опытов. Не тушуйся, старина, какие твои годы! – Черт держал в руках наполовину опорожненную банку с квакавшей когда-то, в каком-то тропическом болотце лягушкой.

Увидев в лапе черта склянку с инвентарным экземпляром земноводного, профессор оборвал считалку, зашепелявил фальцетом:

– Я бы попросил оставить в покое лабораторное имущество! И вообще, по какому праву вы находитесь в этом кабинете.

– Ученый пронзительно оглядел Владимира Ивановича и Якова. – Продуктами эксперимента вы, как это ни прискорбно, не являетесь. «Оно» – естество обнаженное, без присущих чертям и грешникам искусственных покровов. К тому же «оно», не употребляющее...

– По какому праву? – Яков обозрел Ахензева и, хлопнув себя по коленям лапами, захохотал. – Ну дает, хиппарь! – Он достал удостоверение работников прессы. – «Прейзподнеш пресс», уважаемый! Неоднократно аккредитовывались. – Черт гордо глянул на ассистентку, отчего та опять запунцовела.

Ученый муж, по-видимому, удовлетворился объяснением. Тем более, аксессуары – принадлежности к когорте борзописцев были налицо: и Ахенэв и Яков так и не расставались с фотоаппаратурой. Патлатый профессор энергично выпулился из кресла и опять забегал по комнате.

– Я опупеваю, дорогая моя редакция!..

– Простите! – Владимир Иванович остановил его. – Как вы сказали? Насколько я понял, термин «опупеваю» означает то, что Вы медленно, но верно перерождаетесь. Во имя науки, самоотверженно производите опыты на себе? Какое самоотречение... Я преклоняюсь перед Вами, профессор!

Ученый беспомощно захлопал покрасневшими веками.

– Кхм... Извините, просто обговорился. А что касается наших разработок: я и моя ассистентка занимаемся очень важной серией опытов. Путем обсервирования молекул ДНК, как матрицы для РНК, в специальном растворе уакодексанта пытаемся получить генетическую модель морально совершенной особи.

Совместно с теоретиками института юридического прогнозирования надеемся на положительный результат. И, хотя до окончания эксперимента еще далеко, достигнутые успехи – радуют!

Яков, по натуре естествоиспытатель во всех формациях и проявлениях своего бесшабашного бытия, склонил голову на бок и заинтересованно внимал закручиваемой речи профессора. И тот продолжал:

– Вот, например, э-э-э, опыт номер 25575. Вымученная из резервуара особь характеризуется: 1. Матюкается через два предложения – определенный прогресс! В опыте 6996, особь ругалась через слово. 2. Не пристаёт с домоганиями: даже будучи голодной, самостоятельно изыскивает пути насыщения. – Ученый кивнул на обгрызенные ножки кресла. – Правда, материализуется в несколько ином качестве, появляется с тремя-

пятью конечностями и с постоянным душком. Но, это, так сказать, техническая сторона вопроса. 3. Опыт 369431 интересен особью с ярко выраженной патологической экспрессивностью. – Профессор коснулся уже созревшего до желтизны синяка на скуле. – Что остается добавить? Пусть настоящего ученого не исповедим. Тернист и труден. Благодарю за внимание!

Профессор взмахнул в поклоне прямыми, как солома, волосами, давая понять, что разговор окончен и поискал глазами, чем бы промочить горло.

Яков, без злого умысла, подsunул ему банку с лягушкой, которую продолжал держать в лапах.

Ученый муж, вновь самоуглубившись, рассеянно принял посудину и машинально высадил до дна, захрустев косточками квакушки. Проглотив последний жевок «деликатеса», он опомнился и, побледнев, накинулся на ассистентку.

– Что вы заспиртовали, коллега!?! Я же просил вести каталог только по речным земноводным! При чем здесь жабы?.. На бородавчатых у меня – аллергия! – Профессор шепелявил, брызгал слюной, сжимал и разжимал кисти худосочных рук. – Уволю! Специально создаете невыносимые условия труда, суете палки в колеса! Нет, я опупеваю, дорогая моя редакция!..

Профессор разбушевался и, не обращая внимания на посторонних, крушил то, что не успел смести взрыв.

Ассистентка, интуитивно признав в Якове близкого «оно», спряталась за спиной черта и посматривала на ручные часики.

– Не обращайтесь внимания, – прошептала дева. – Ежедневная пятиминутка: перехлест биотоков. Сейчас настроится на лирическую волну.

И действительно, через каких-то пять-десять минут ученый угомонился.

– Итак, на чем я остановился? Ах, да! Земноводные, пресноводные... Тритоны, жерлянки... К Вашему сведению, очень питательны мексиканские жабы. Кому-то по душе...

– Знал я одну жабу бутербродную, – сплюнул Яков.

Владимир Иванович почувствовал, что его сейчас вырвет. Перед глазами, вильнув плавником, опять промелькнула какая-то тень, напоминающая акулу. Волосы ассистентки превратились в колышущиеся водоросли, а ноги – в переливающий чешуей русалочий хвост. Жутко подвывая: – У-у-у, уда-ался эксперимент, – она поплыла кругами по лаборатории. Русалка приблизилась к Ахенэву и, всасывая ухо в рот, доверительно сообщила:

– Не ку-ушай жа-абов, импоте-ентом ста-анешь!

Владимира Ивановича вырвало и он окончательно потерял сознание. Яков тоже, затейливо проскакав на одном копыте, хлопнулся рядом с боссом. ЛСД сработал повторно.

Ассистентка, испуганная внезапным обмороком гостей, торопливо плеснула на ватку нашатыря и принялась приводить их в чувство. Но старания девы оказались безуспешными: отключившиеся репортеры лишь конвульсивно подергивались и не желали возвращаться в загробный мир.

– Коллега, к чему этот нафталин, срочно возьмите анализ крови и мы определим истинную причину внезапного криза. Подозреваю отравление!..

Ассистентка послушно выбрала шприцем по несколько кубиков крови у Якова и Ахенэева.

Профессор тут же прирос к микроскопу и застыл над окуляром.

– Коллега!! – Он чуть не свалился с кресла. – Да они же – наркоманы! Срочно вызывайте вершашую правосудие тройку. Ишь, пачкуны, в корреспондентов переквалифицировались. Ну да, у нас в шестом круге не балуй! Аккредитованные... Враз дескредитируем, а осудят по-быстренькому, как заведено, так на молекулы, субчиков и раскидаем! Как раз на исходе запасы ДНК. Разложим, как миленьких... Уж коли из алкоголиков и хулиганов пока ничего путного не выходит, глядишь, из этих любителей концентрированного допинга спортсменов удастся вывести. Вот и новая стадия эксперимента: нет худа без добра... – Профессор, видя замешательство девы, приказным тоном добавил. – Ср-рочно – тройку! Пока не очнулись.

Ассистентка с сожалением поглядела на хорошо сложенного черта, но послушаться не посмела и крутнула телефонный диск.

Тройка не заставила себя ждать. Три тучные, холеные, самодовольные лысые личности, одетые в мантии и камилавки с порога констатировали.

– Симулянты. Тем хуже для них... – Один из троицы окрутил лежащих пластом по рукам и ногам обрывками проводов, переступил через них и осведомился:

– Обрисуйте общее положение вещей.

Профессор поведал.

– Коллеги! В мою лабораторию неизвестно каким путем проникли два наркомана. Назвались журналистами. А затем – шмякнулись в обморок. Не исключена возможность умышлен-

ной инсценировки с целью получения секретных данных... Поэтому, коллеги, ускорьте процесс, это в Ваших силах. А свершится приговор; из них – я в этом почти уверен – выйдет первосортный материал для опытов. Только, маленькая просьбочка, – пусть этих самозванцев через гильотину пропустят. Для облегчения творческого процесса. А уж я – расстараясь! Вот, взгляните, какая восхитительная формулка вырисовывается при эксперименте с сырцом. Профессор приплясывал от нетерпения вокруг бесчувственных Владимира Ивановича и черта. Со стороны могло показаться, что исполняется какой-то обрядный танец. Патлатому профессору не хватало лишь бубна. «Шаман» подскочил к вмурованной в стену черной доске и начал крючкотворствовать: выводить длинный ряд букв, символов и цифр.

– Пошло-поехало! – Второй судейский не был настроен на изучение заумных каракулей и, обратившись к старшему из тройки, предложил:

– Этого мэтра придется охладить. Старший утвердительно кивнул.

– Профессор! – Второй попридержал бегающую по доске руку с мелом. – Бросьте вы, к чертям собачим, этот мел. Берите ручку и пишите по всей форме письмо-донос. Или объяснить, как это делается? Практики, наверняка, не занимать. Вспомните...

– Нет-нет-нет! Извините, отвлекся.

– Тогда пишите все, что было и чего не было. Это облегчит нашу работу. А Вы, – он обратился к ассистентке, – приведите в чувство невменяемых. Для последнего слова.

Профессор присел за стол, положил чистый лист бумаги, на котором появились строчки.

– Довожу до Вашего сведения, что во вверенном мне учреждении...

– А может не надо? Они хорошие, особенно вот этот – хвостатенький... – Слабо пыталась защитить, почти приговоренных, дева.

Однако ее душевный порыв остался без внимания, завис в воздухе. И ассистентка, глотая слезы, принялась торموшить «наркоманов».

Усилия девы не пропали даром: первым пришел в себя Яков. Разодрав глаза, он пялился по сторонам, пытаясь вспомнить, в какую передрыгу они влипли, что с ними произошло на этот раз.

Владимир Иванович все еще витал в облаках, грезил Эльвирочкой и мечтательно улыбался.

До черта, наконец, дошло, что дело пахнет керосином: спеленатый, как младенец, он напряжился, стараясь освободить лапы и бешено зарычал:

– В чем дело?

Тройка молча переглянулась.

– Вы хоть понимаете, с кем связались? На чью свободу покушаетесь? Да я из Вас такое сотворю...

Главный из тройки отбрил холодным взглядом Якова, но вслух произнес:

– Да-да. Успокойтесь, подследственный. Мы в курсе, что Вы – Наполеон Бонапарт, а ваш сообщник – фараон Тутанхамон. А теперь – слушайте. Быстренько, чистосердечно, как на духу, выкладывайте! Откуда получили наркотики? С кем связаны? Имена сообщников в НИИ ПСИНИА? Ловите момент. Чистосердечные признания нами будут учтены... Да, где вы умудрились приобрести фирменную одежду? Наши кадры, в шестом, так не ходят.

25

– А как ходят ваши кадры? – Яков, несмотря на сложносо-
члененное состояние своих конечностей, чувства хамоватого юмора не терпел.

Но подковырка не произвела ожидаемого эффекта.

Профессор эпистолярно отмучился, и передал сдобренную убийственными аргументами стряпню главному.

Тот, скорее ради проформы, бегло ознакомился и, попеняв ученому мужу за неточность в терминологии, внешне безразлично распорядился:

– На основе этой «телеги» составьте обвинительное заключение, а я пока выясню некоторые детали. Кстати, почему так долго не приходит в себя второй? Неужели в Вашей лаборатории не имеется сильнодействующих средств?

Ахензев действительно не желал сбрасывать обволакивающую тело истому, расставаться с любимой Эльвирочкой и присутствовать на собственном процессе.

– Сейчас я его, хряка, электрошоком! Враз оживет! – Алхимик было начал присоединять провода к генератору высокой частоты, как именно в этот момент Ахензев вынырнул из ласковых вод грез и погрузился в суровую действительность. Правда, действительность воспринималась в несколько иска-

женном виде. В его мозгу тяжело поворачивалась и покусывалась, сказанная кем-то из окружающих непонятная фраза-слово:

– Ну и псина!

– Вероятно, опыты на животных, – лениво рассудил фантаст, но додумать не успел. Электрический удар изогнул тело Владимира Ивановича коромыслом.

Профессор явно переусердствовал: со злорадством кольнул в заголившиеся щиколотки очнувшегося Ахензева концами проводов.

* * *

– Сестра! Больной плохо переносит электрофорез. Попробуем корректоры и нералептики, а затем снова проведем курс транквилизаторов... Да что Вы такая нерасторопная? Небось, снова не выспались? Очередной «жених»? Выключите аппарат, разве не видите – больной дергается! А это что такое?.. С ума сойти можно! Притащить болонку в больницу?! Причем здесь – не с кем оставить? Узнай кто, что в нашем НИИ – псина!! Выговор – как пить дать! Безобразия!! Непременно уберите собаку с глаз долой!

* * *

– Яков, ты мне честно скажи, – осевшим голосом спросил Ахензев, – что они задумали? Вон у того, толстого, глаз какой-то скучный, сковывающий и нехороший! За что нас опутали? Нет, ты чего молчишь?

– С понтом сам не видишь: нешуточное дело... Погоди, не лезь с расспросами. Дай подумать. – Неподвижно-замкнутый взгляд черта, постная морда: все это лишь подхлестнуло мнительное любопытство фантаста. Но он сдержался и, выжидающе покусывая губы, ждал. Наконец, не вытерпел.

– Ну что?

– Думаю, босс, думаю... А коли не придумаю, то это НИИ ПСИНИА сожрет нас и – не подавится. Тут плотоядные, почище кондрашкиных мутантов. Научно Исследовательский Институт прокурорско-судейских инстанций и адвокатуры – это тебе не бабушкина дача! К слову – и мутанты из этой лавочки выпестовывались... Всем псинам – псина! Хоть и грешники, а вес имеют. Им только попади на зубок... Ну да где наша не пропадала, – собрав добрые морщинки у глаз, Яков попытался улыбнуться. Видимо, проскользнула какая-то практическая мыслишка.

– Ладно, попробуем с больной головы на здоровую... «Шерше ля фам», босс. Значит так, слушай внимательно и делай, как скажу. Бог даст... – черт ощутил знакомый авантюрный зуд, успокоительно заперхал горлом, смял разговор. – Я сейчас опять копыта откину, а ты – кипеж закатаи, чтобы откачивали. А там – ориентируйся по обстановке... Эх, босс, прощай холостячество! Женюсь! Нужда заставит...

Яков исторг из себя душераздирающий стон и – грохнулся об пол.

– Доктора!! Челов., тфу ты, черт, Яша помирает! Не иначе – инфаркт! – Разголосился фантаст на все окрестности.

Ассистентка сорвалась с места и, как угорелая, подлетела со шприцем в руках к «оно». Дева упала на колени рядом с хворым, приложила к груди, нащупала на запястье пульс.

– Ой, миленький. Ой, хорошенький, где болит, зайныка? Давай укольчик промедольчика сделаю?

– Пять кубиков трехпроцентного, внутривенно, – шепотом скомандовал «умирающий» черт.

– Сейчас, сейчас, рыбонька, потерпи!

Звук выскальзываемых из рук, бьющихся об кафель ампул слился со стенаниями черта. Наконец ассистентка заполнила шприц и ввела лекарство в вену «сердечника». Промидол помог, Яшин пятак порозовел.

Тройка судейских сочиняла высосанное из пальца обвинительное заключение, не обращая внимания на возню с заранее приговоренными.

Профессор, не сомневающийся в преданности ученой девы, занялся подготовкой аппаратуры к новой стадии эксперимента.

Очнувшийся черт выбрал момент и прилепил губищи к костлявой ладони ассистентки.

– Божественная! – Тихо замыкал он. – Только Вы можете стать матерью моих детей! Еще тогда, в дыму, я ощутил, что наши сердца бьются в такт. Умоляю – не отвергайте! Несравненная, я как наяву вижу наше счастливое гнездышко с пятью головками полукровок. Я предлагаю Вам свою лапу и сердце! Наплевать на условности этого мира! Я – князь и хочу, чтобы только Вы, очаровательница, стали княгиней Загробштейн.

– Ой! Неужели князь? Настоящий? – С трепетным волнением засомневалась дева. Конский подбородок опять пришел в движение.

– Да не сойти мне с места, клянусь! Не оскорбляйте моей любви, единственная, желанная! – То ли от промедола, то ли от реальной угрозы размолекулирования, но Яков был в ударе.

– А как же с пропиской и жилплощадью? – Жизненные реалии явственно прозвучали в вопросе невесты, выступив на первый план.

– О-о-о! Моя судьба! Вы мне не верите? Позвоните в Чистилище, спросите Антихриста. Он Вам все подтвердит. Заодно объясните в каком положении я нахожусь.

Расчет на извечный женский прагматизм оправдался и на этот раз. Ассистентке хотелось выйти замуж, а стать не просто женой, но и княгиней – тем более! И счастливая дева убежала наводить справки, получать гарантии и вызволять из-под нависшей гильотины будущего отца своих метисов.

* * *

– Бум-хряц! Бум-хряц! Бум-хряц! Ой! – Раздавшийся из самого дальнего угла лаборатории звук заставил юристов отложить обличительные документы.

– Профессор, что там у вас происходит? – С налившимся черной злобой голосом спросил главный.

– Гильотинку настраиваю! Не обращайтесь внимания, многоуважаемые.

Ныркой, жилистой походочкой ученый появился в поле зрения Владимира Ивановича и Якова. В руке профессора блеснула нержавеющей линейка, которой «хиппарь» не замедлил воспользоваться: бойко принялся измерять несчастных подсудимых.

– Пятьдесят да пятьдесят, на сорок пять, делим на шесть, минус три. Хм! По габариту подходит! – ученый склонился над чертом, замеряя его параметры.

– Я те, гнида, измерю! Я те, курва, подойду, дай только отвязаться! Я те устрою: шесть минус три! – Черту удалось тяпнуть желтыми клыками нивелирующую его руку и профессор, потрясая травмированной конечностью, истерично взвыл и отпрянул в сторону.

– Изуродовал, чертополох, палец отхватил! Целую фалангу!! Я же предупреждал – злоумышленник! Во имя чего страдаю? Кто оценит? Кто?..

Яша с отвращением выплюнул палец и подлил масла в огонь.

– Какого рожна орешь? Кто оценит?! Кого ценить-то – кожа да кости... Как есть – урод! А, впрочем, на лягушках не разжиреешь. Бездарность! Хоть бы ногти чистил...

– У-У-У... – Ученый задохнулся от нанесенной обиды и улетел в дальний угол, переживать и готовиться к мести.

– Бум-хряц! Бум-хряц! Бум-хряц! – Зловеще забухало орудие пытки.

– Та-ак! Запротоколируйте. Нанесение тяжких телесных повреждений, – приказал главный одному из своих подручных. Приобщите к делу вещественное доказательство.

«Кожа да кости» были помещены в маленький пластиковый пакет. Главный раздернул ворот рубашки, глаза налились белой незрячей мутью.

– Оглашается обвинительное заключение...

– Вас к телефону. Прямой провод. Срочно. Начальство! – Запыхавшаяся ассистентка вбежала, прижимая к пятому ребру сверху телефонный аппарат со змеящимся длинным шнуром.

– Не вовремя. Не вовремя... – Пробурчал главный и, отложив в сторону бумаги со словесными помями, взял трубку.

– Начальнику лучше знать, вовремя или не вовремя... – Черт резал черным зрачком: подкинул реплику с места.

– Да, да, ему, начальству, виднее... – Подхватил Ахензев, который хотя и осознал, что их ожидает, но присутствия духа не терял, уповая на Яшины интуицию, опыт и связи.

– Да, слушаю Вас. Да, оба. Что натворили? Массу преступлений... Нет и нет! Мы не идем на компромисы. Дело заведено, суд состоится и приговор будет приведен в исполнение. Что-о?? Я бы попросил...

Главный разъяренно бросил трубку, нервно вытер пот с лысины и, давя в себе гнев, презрительно поджав губы, повторно произнес:

– Оглашается обвинительное заключение! – Но дальше говорить не стал, а уничтожающе взглянув на помощников, обрушился на них с разносом.

– Вы что мне, идиоты, подсунули? Кого судим? Икса да Игрека? Дело на контроле высших эшелонов ада, а вы – по старинке, липу суете! Привыкли: тят-ляп, и на этап... Немедленно выяснить имя, отчество, фамилию и прочие анкетные данные! А пока – продолжу...

– Ну, все, босс! Спеклись! Антихрист для них не авторитет. Одно успокоение – знают где мы и что с нами: восклонировать. Погибаем не за фунт ЛСД, так сказать, при исполнении... Жаль,

что от руки этого червяка... Но ничего, крепись, мужайся. Если начнут с ног – немножко покричим, а если с головы – то пара пустяков: чик и нету! Плевое дело, босс! Не нервничай. Думай о приятном. Можешь слоников посчитать, что ли... Ну-ну, не трясись, будь достоин Эльвирочки! Ты же мужчина! Эх, жаль не захватил с собой с пяток граммов... В момент свалили бы... Ищи потом ветра в поле!

Так утешал фантаста его верный референт. Владимир Иванович попробовал последовать совету черта: вспомнил маму, детство, институт, недавний бракоразводный процесс и, конечно же, Эльвирочку!

Яков внешне держался молодцом, хотя кастаньетный треск зубов унять был не в силах.

Главный закончил читать и предоставил слово обвинителю, который не стал мудрствовать, а пропел с чужого голоса, лишь немного акцентировал отдельные эпизоды особо, по его мнению, злоумышленные.

Защитник и вовсе ограничился несколькими фразами. Попросил учесть суд, что ранее его подзащитные к суду не привлекались и призвал тройку начать гильотинирование с головы – проявив тем самым гуманность.

Главный, скучая и вырисовывая на листе бездумные завитушки, дождался окончания речи защитника.

Открыв рот, он протянул руку к ассистентке, намереваясь дать слово, тем самым соблюдая необходимые скучные формальности, но определенный им регламент нарушил потерпевший.

– Я протестую! Нет, я опупеваю, дорогое мое правосудие! Перед вами лежит телесенное, ой, извиняюсь, вещественное доказательство, улика, а вы – с головы! Я требую самого сурового наказания! Гильотинировать именно с ног, по пять, нет – по три сантиметра. И если не двух, то хотя бы одного из подлецов-самозванцев, вон того, с хвостом.

– Вам слово не давалось, – сухо произнес главный. – Итак, свидетельница, прошу.

Ассистентка выжала мокрый платок.

– Я его люблю! Он ни в чем не виноват, он – князь! Разрешите взять на поруки? Пощадите наших детей!

Профессор удивленно посмотрел на свою помощницу.

– У вас есть дети? Первый раз слышу...

– Пока нет... Но обязательно будут! Пятеро! – Ассистентка оценивающе окинула взглядом скрученную фигуру «мужа» и

добавила. – А может быть и семеро! Семь метисиков сиротами оставите! Ва-уу-ва! Освободите супруга! У-у-у, ва-а! – Кристально чистые, огромные слезы текли из глаз девы, омывая первую и, вероятно, последнюю любовь.

– Говорите, князь? – Хрипло кашлянув, каркнул один из тройки. – Князь – это хорошо! Это усугубляет и без того тяжкую вину. Успокойтесь, свидетельница. Суд слезам не верит. Лучше достаньте-ка из их карманов документы, если таковые имеются...

– Есть документы, есть, сам видел! – Опять запрыгал, в предчувствии скорой расправы, профессор.

Главный осадил его жестким взглядом.

– Займитесь делом, свидетельница, – поддержал он обвинителя. – А мы пока посовецаемся. А затем послушаем, что скажут подсудимые на прощание.

Ассистентка, которой выпало счастье вновь прикоснуться к благоверному, с радостью бросилась выполнять поручение.

– Тебя обязательно оправдают, милый! – С бабьей логикой, нежно шептала она, выворачивая дрожащими руками многочисленные карманы черта в поисках документов.

Документов у князя Загробштейна оказалось в избытке. Денег и золотых побрякушек – тоже. Карманы же Ахензева еще не успели захламиться и хранили в себе: удостоверение спецкора «Прейзподнеш пресс», два не совсем свежих носовых платка, Эльвирочкину фотографию, ложку клуба «Встреча», прижившуюся непонятно каким образом, и смятую бумажку.

Девица сгребла в кучу причиндалы страдалцев и высыпала на стол к инквизиторам.

Один из судейских, защитник, безразлично расшуровал по столешнице ненужный хлам и – глаза тройцы полезли из орбит. Перед ними лежала страшная Мета с печатью самого Сатаны и обязывала беспрекословно повиноваться предъявившему ее! Побелевшие губы главного сломала судорога.

– Р-развяжите их! – Холодея от тоски промямлил он. Побелевшие до синевы судейские вытянули шеи.

– Немедленно развязать! – Нечеловеческий крик главного застудил кровь в жилах.

Профессор, не понявший причины столь разительного переплощения тройки, все истолковал по-своему.

– Щас-щас! Доставлю в лучшем виде! Нечего по лаборатории разгуливать... Ну да, я их... и в таком виде выволоку... – И,

уцепившись за Яшины копыта он поднатужился и попер черта к гильотине.

– Пр-ре-кратить безобразие! – На тошнотворной плаксивой ноте взвыли судейские, чуть ли не в унисон.

– Насилие над личностью! Не потер-плю! – Главный попытался загладить произошедший по их вине ляпсус, устранить возникший конфликт. – Это противоречит нормам законодательства и правосудия. Развязать! – Ожесточившись, вновь приказал он.

Ассистентка прытко исполнила приказание.

Растревоженный черт выполнил несколько вольных гимнастических упражнений, разминая затекшие конечности и восстанавливая их функции. Владимир Иванович перевел равшееся из груди дыхание и последовал примеру Якова.

Члены тройки немного опомнились и, угнув головы, озирались на недавних подсудимых – как поступить дальше. Требовалось срочно разворачивать оглобли и гнать телегу правосудия по другой, более накатанной дороге. Владимир Иванович их понимал. И очень хорошо понимал...

Конечно, проще было бы привести извинения и отпустить Ахенэева и Якова на все четыре стороны. Но!! Необходимо выказать себя в свете ревностными хранителями традиции Фемиды, справедливыми судьями.

Главный потер ладонью зашеину, забросил взгляд на обладателя контрамарки и прокуренным голосом оповестил.

– Суд ознакомился с материалами дела и пришел к выводу, что необходимо провести следствие.

Униженно улыбаясь, он попросил Владимира Ивановича и черта:

– Если вас не затруднит, предоставьте, пожалуйста, характеристику с последнего места работы и личное ходатайство.

Яков сразу раскусил хитрый ход судейских и решил пока подыграть. Он со вкусом рассмеялся и свистом, как блудливую шавку, подозвал к себе профессора.

– Ну ты, бородавчатое! Строчи характеристику. Что уставился? Работал у тебя или нет? Вон она подтвердит...

До ученого мужа дошло: раз тройка пошла на попятную, ему, у кого рыльце в пушку, сам бог велит...

– Д-д-да! В-в-вроде бы работали. В экс-перименте участвовали...

– Вот и пиши. На двоих. Положительные! Ясно?

– Ясно, ясно. Как на этот раз писать-то? В обычной или в конспиративной форме? – Круглые совиные глаза профессора метались от тройки к Якову и обратно.

Яков с оттяжкой огладил вдоль хребта охнувшего ученого.

– В обычной...

Косматый бросился за бумагой. Ассистентке же повторять не понадобилось. Дева кокетливо щурилась на избранника и вырисовывала медоточивые словеса.

У ученого мужа с характеристикой не ладилось. Яков, усмотрев, что «бородавчатое» шарит глазами по сторонам и рвет лист за листом, подошел к столу и порадел сам: экспромтом накатал дифирамб на князя Загробштейна и личного порученца Сатаны, писателя-фантаста Ахензева. Профессору ничего не оставалось, как скрепить подписью готовые характеристики.

Тройка судейских тоже не бездействовала: переписывала набело словесный эквilibр необходимых документов.

Наконец, суд продолжил заседание. Главный зачитал поданную ассистенткой характеристику.

– Князь Загробштейн является активным участником проводимой в лаборатории экспериментальной работы. Даже в экстремальных условиях взрывоопасной атмосферы он полностью отдался самоотверженной исследовательской деятельности. Я, как опытный научный сотрудник, могу утверждать, что князь Загробштейн обладает такими исключительно выдающимися качествами, с которыми мне ни с кем, из ранее встречавшихся участников, не приходилось близко сталкиваться.

В быту князь Загробштейн примерный семьянин, будущий отец восьмерых детей.

Второй участник эксперимента, по-видимому, теоретик, тоже неплохой...

– Суду все ясно. – Главный прервал словесный водоворот.

Посовещавшись на этот раз, тройка пришла к единодушному мнению: оправдать князя Загробштейна и спецкора «Прейс-поднеш пресс» Ахензева В. И. за отсутствием состава преступления.

– Вы свободны! – Собрав остатный запас самообладания, торжественно провозгласил главный. – Извините за небольшую задержку в разборе дела... Можете забрать вещи и документы. Будут ли какие претензии к суду?

Яков протянул тройке по-быстрому написанное заявление.

– Что это? – Тихо поинтересовался у черта Владимир Иванович. – Пойдем отсюда, ну их к ядрене фене. Упаси бог – передушают...

– Босс! При твоем-то положении! Эти головотяпы – стоит пальцем поманить, засудят. Тьфу, черт! И как я раньше про контрамарку не вспомнил. Да-а, окумарились лихо!

Главный ознакомился с предъявленной суду бумагой и, наученный горьким опытом, произнес.

– Ничего не попишешь. Встречное заявление считаю вполне соответствующим действительности. – Он неприязненно окатил мрачным взглядом профессора и продолжил.

– Заявление. Прошу возбудить уголовное дело против преднамеренно оклеветавшего меня и Ахензева В. И. профессора, злоупотребившего служебным положением.

Князь Загробштейн.

– Коллеги! – Обратился главный к своим помощникам. – Вы согласны принять к разбирательству данный документ? – Те усиленно закивали.

26

– Вот теперь все, босс. Можно и уходить. Они из этого пресноводного отбивную сделают. Не рой другому яму...

Ассистентка, заметив, что «отец ее будущих детей» засобирался, сбросила халат и, прихорашивалась перед висевшим на стене зеркалом, наводила тени на пожелтевшем от кислотных испарений лице.

– Я готова, милый, – подпорхнула к Якову девица, о существовании которой черт стал подзабывать. Куда мы сейчас пойдем? К тебе во дворец, а потом в ЗАГС, или сначала в ЗАГС, а потом во дворец? А может, начнем с твоих родителей?

Яков критически оглядел «невесту», которая до такой степени вошла в роль, что не сомневалась в искренности чувств избранника и капризно ныла.

– Хочу французские ду-ухи, милый! От лабораторного воздуха мне плё-охо! Ты меня по-прежнему любишь? – Рука девы защемила лапу Якова ничуть не хуже пуг.

– Р-м-м! Обож-жаю! – «Отцу-герою» не удалось уклониться от прицельно направленного, испепеляюще страстного засоса, длившегося минуты три.

С трудом отцепившись от претендующей на княжеский титул пиявки, Яков с трудом отдышался.

Покушение на свободу было налицо. И кто покушался?!

Калейдоскоп мыслей зароился в голове черта. Выставить себя на посмешище? Нет и еще раз – нет! Надо что-то предпринимать. Срочно!

– Любовь моя! К сожалению, служебный долг обязывает вновь отправляться в длительную командировку. Сейчас. Немедленно. Сию минуту. Но, всеми фибрами души, я – с тобой!.. Предприятие намечается рискованное: опасность на каждом шагу, за каждым поворотом. – Яков выдержал драматическую паузу. – Родная! Я могу не вернуться! Гм-да... Даже вероятнее всего – не вернусь!.. Так будь достойна своего супруга!

Черт понял, что немного переборщил и поправился.

– Пардон, – отца своих детей. Имена малюткам дай на свое усмотрение, но одного – обязательно назови Яшенькой...

Ассистентка поняла. Вместо безоблачного семейного счастья открывалась пропасть вдовьего одиночества, нелегкая доля матери-одиночки.

Якову даже стало немного жаль осунувшуюся деву. Он знобко передернул плечом и, разложив в гармошку бумажник, пошуршал купюрами и выудил визитную карточку. Черт черкнул несколько слов и сунул карточку предполагаемой вдове.

– Утешься, моя несравненная! Отправляйся по этому адресу и верно жди! Там тебя всем обеспечат! А пока – прощай! Труба зовет...

Суровая будущность высушила слезы несостоявшейся княгини, но почти оформившейся вдовы.

– А как с завещанием, милый? Детей-то на что растить?

– Там. Все устроится там... – Неопределенно махнул лапой Яков, наспех чмокнул «Пенелопу» в щеку, сплюнул некачественную косметику и потащил Ахензева за дверь.

– Куда это ты ее отправил? – Поинтересовался Владимир Иванович, когда они вышли.

– К бабушке, босс. К своей единственной любимой бабушке... К ней столько посылают без визиток, что для одной, с визиткой от меня, она местечко выберет...

А за дверью, заглушая вновь прорвавшиеся рыдания безутешной вдовы, надсадно звучал голос профессора.

– У меня заслуги есть! Награды! На Тоску работал!.. Признаю, все признаю... Чистосердечно! Пощадите!!

Яков довольно заухмылялся и, вернувшись к двери, приоткрыл ее и распорядился.

– По одному сантиметру, начиная с пяток! Интервал – три минуты. Об исполнении доложить!

– Не на-адо! Я хороший! Я полезный! Поми-илуйте! – профессор орал, как недорезанный...

– А я – нехороший? – Черт захлопнул двери и, растопыря лапищу, пустился вокруг фантаста в пляс, приговаривая. – Ой, какой я нехороший, ах, какой я негодяй!

– А-а-а!!! – Прорезалось из лаборатории, заукало по коридору.

– Запустили шарманку... Ишь, шибздик, а орет хорошо! Профессионально. Ладно, босс, двинули отсюда. Дел впереди – конца не видно.

* * *

– И что мы, собственно говоря, дергались? – Яков полностью восстановил спортивную форму и скалился. – Водевиль, да и только! А для Всененавидящего Ока – снятие лишней нервной нагрузки. Коснись чего серьезного, он бы их и «приговорил»... – Черт осекся, закрутил мордой: не сболтнул ли чего лишнего. Но знакомого жужжания не услышал. На всякий случай, для подстраховки, Яша задушевно гаркнул.

– Отец родной нас не забывает. Заботится! Помнит и хранит! Он мудр и велик!

– Ты вот что мне скажи, умник. Почему мы оказались в этой самой Псине? – В отличие от помощника, Ахензев никак не мог собраться с мыслями. Настроение было никудашнее, а поминутно возникающие воспоминания об утерянной Эльвирочке лишь разрывали сердце.

– Босс, ну отчего ты такой наивный? Я же еще во «Встрече» предупредил, ты для некоторых – бельмо на глазу. А для такого «цитруса» как Охмура, не бельмо – целая катаракта! Не уболтай он Эльвирочку на съемки – одному Шиве известно, скольких гензнаков лишится! Стоп! Спокойно, спокойно, босс! Стой, кому говорят! Не скачи, как бодливый козел, – черт едва поймал за куртку невесть куда ломанувшегося Владимира Ивановича. – За сестричку не переживай, она и не таким как Охмура осанку выправляла. А этот инаковерующий у меня доохмуряется... Подсоблю Эдику, враз забудет и левитацию, и медитацию, и прочие йогические примочки... Как, спрашиваешь, сюда попали? Травку не курил? Иль хлебнул чего-нибудь?

Ахензев сумеречно вздохнул.

– Пил. Кофе с коричневым, кажется кубинским, сахаром.

Яков сломал губы в гримасе.

– Нет, босс. Ты у меня точно инфатил. Коричневый он, видите, предпочитает! Да сейчас любой уважающий себя школьник – старшекласник знает, что такое брам-шуга. И с чем ее едят, вернее, пьют. Эх ты!! На такую мякину клонул! А еще писатель... С молодежью больше общайся. Топай в ногу со временем. Не подумай, что хочу унижить, просто, ради интереса, назови хоть одну модную рок-группу. Фантаста возмутил пренебрежительно-снисходительный тон черта, но возразить было нечего. Яков оказался прав. Закоснел Владимир Иванович за последние десять лет – дальше некуда. И дело не только в проклятых наркотиках или модной музыке – содружество с зеленым змием на самом деле сузило диапазон интересов Ахенэва, отторгло от действительности.

– Ладно, босс, не унывай, – подбодрил его Яков. – Со мной не пропадешь. Я тебя здесь так поднатаскаю, что по возвращению любому сто очков форы дашь. Вот прямо сейчас, по дороге и начнем. С музыки.

Существуют различные стили и направления: хард-рок, хеви металл, панк-рок, диско, фьюжн, соул и т. д. В наших хит-парадах лидируют также, как и на Земле группы: «Кисс», «Блэк сабат», «Алис кулер», «Эй-си-дей-си»... Короче, все те, кто пропагандирует наш адов образ жизни...

* * *

Проплутав по хитросплетениям всяческих коридоров минут сорок, Яков и Владимир Иванович выбрались на мерцающую неоновыми огнями улицу.

Яшина лекция не прошла даром. Ахенэев уловил суть и теперь вполне мог поддержать разговор: не перепутать «Бич бойз» с «Бэд блу бойз» или пуще того, с «Би Джиис». И, хотя он ни разу не видел и не знал конкретно: кто, что, о чем, и как поет – Владимир Иванович, со слов черта, смело мог утверждать, что Мик Джеггер – лидер «Роллинг Стоунз», Мик Бокс – гитарист «Юрайя Хип». И, непонятно, ежели где и зайдет спор, Ахенэев готов с умным видом доказывать, что хард-рок – это не тоже самое, что хэви металл. И что обвешайся металлисты хоть центнером железяк – ихним «Скорпионам» старых, добрых «Дип перпл» и «Лэд зеппелин» – не переплунуть!

Оставалась мелочь: кое-что прослушать и просмотреть. Но подобную пустяковину Яков обещал устроить.

Владимир Иванович признательно закивал, но особого энтузиазма не выказал: роль теоретика рока его устраивала куда

больше, нежели положение полуоглушенного зрителя. Разве мог знать фантаст, что по случаю приобретенные знания сослужат в самое ближайшее время неплохую службу...

– На сегодня хватит, – черт прислушался к руладам пустого желудка и кишок и, сглотнув набежавшую слюну, заявил. – Пища духовная, босс – это, конечно, штука необходимая, но пожрать тоже не мешает. Самое время. Тем более, харчевня где-то поблизости, кажется, имеется. Отобедаем и – полный вперед! Тут, браток, такого понасмотришься! О-о-о!! Материала наберешь – романов на десять. Ну, а затем заглянем в институт красоты. Помнишь Эльвирочкино предложение? Об оплате не думай, субсидирую!..

Задумку Якова насчет «пожрать» Ахенэв принял с радостью, его кишечник также играл похоронные марши.

* * *

Лопочащая, неясная речь обитателей шестого круга, зигзаги теней в мертвенном свете люминисцента насторожили Владимира Ивановича.

– Эти-то на каком языке изъясняются, Яш? – Занудил фантаст.

– А? – Дернулся задумавшийся черт. – Ну, грамотей! Ты что, в школе не учился? Обыкновенная латынь, усек? Ну да не каждому дано понять... Технари и все, как на подбор, до упора завинченные. – Яков незадачливо огляделся. – Где же эта забегаловка? Понастроили, пока не заглядывал сюда, как в Сан-Франциско. И сплошь: НИИ, ЦНИИ, ИПРы. Куда податься бедному дворянину?

– А ты спроси у кого-нибудь, – подпустил зазнавшегося черту шпильку Ахенэв. – Или тоже в науке слаб?

– Кто? Я? Обижаешь, гражданин начальник. Сомневаешься в моих способностях?

Выбрав для лингвистических экзерсисов согбенного тяжким гранитом науки ученого, Яков оскорбленно вздернул и заумно ляпнул:

– Ну ты, милейшиус кверкус, намо оченус жратус хочетсано. Посоветуйтини, гдеус рестораное аля кафеус?

Прохожий неприкаянно воззрился на латынянина, по-видимому, ничего не поняв.

– Ням-нямус! Ам-амус! – Решил опримитивить расспросы черт. Выразительно пощелкал клыкастой пастью и, погладив

свой впалый живот, утробно добавил. – Ур-м-м! Кушати надо-ти!

Сутулый, дрожа, достал тощий кошелек и, пустив слезу, протянул его Яше.

– Только не бейте. Честное слово, больше нет! – Затем бочком-бочком, вдоль стеночки и – пустился наутек.

– Куда это он? Глумной, что ли? – Владимир Иванович шокировано глядел вслед улизнувшему грешнику.

Черт со злостью швырнул в урну кошелек.

– Я же только что говорил: до упора завинченные... Ладно, – Яков уморительно вытянул рыло, – обойдемся без шизиков. Будем ориентироваться по запаху. Нюхай, босс, с левой стороны, а я – с правой.

– Разве я похож на собаку? – Заартачился фантаст.

– И я не из ихнего сословия, но – голод не тетка, – невозмутимо отреагировал черт, втягивая в себя, дегустируя и классицизируя воздух. – Во, улавливаешь? Уха тройная, по-моему, люля-кебаб и прочие, ах, пряности. Вперед, Вольдемар! Пробуем корм этих недоношенных.

Метров через двести и Ахензев учуял густую волну кулинарных испарений.

Кафе, размещавшееся в первом этаже огромного небоскреба, имело, видимо, большую пропускную способность. У дверей не было столь привычной на земле очереди. Посетители свободно входили и выходили. Заведение называлось пошловатенько: «Одуванчик», и Владимир Иванович язвительно отметил про себя, что особы, ведающие адовым общепитом, особой фантазией не наделены. Судя по хмурым лицам уже насытившихся, покидающих «Одуванчик» гурманов, можно было заключить, что кухня тут далеко не как в «Арагви». Хотя обоняние диктовало как раз обратное. Загадка?!

– Ах и натрескаюсь я сейчас, босс! До отвала. И с чего такой аппетит?

Владимир Иванович и сам удивлялся, до чего хотел есть. Прямо как после недельной голодовки. Вероятно, все еще давало знать о себе ЛСД.

У входа в кафе стоял какой-то робот.

– Конечно, – воскликнул фантаст. – Все так и должно быть. Раз кругом ученые, значит и грубияна-швейцара заменили на нейтрально настроенную технику. Дельно, очень даже дельно!

Входящие, на полсекунды, останавливались перед оснащенной различными датчиками и фотоэлементами машиной и беспрепятственно проходили дальше.

– Хорошо! – Продолжал восхищаться Ахензев. – Ни тебе ненужной чехарды, ни чаевых, ни проходных... Вот бы у нас так!

Шагая гуськом: впереди Яков, за ним Владимир Иванович, они поравнялись с роботом. Одна из его рук, со свистом разрубив гастрономическую волну, шлагбаумом перекрыла вход.

– Свободных мест нет! Спецобслуживание! Свободных мест нет! Спецобслуживание! — Монотонно проскрипел робот.

– Вот неvezуха, босс! Другие проскочили, а на нас – как обрезало! И, что хуже всего, ни деньги, ни уговоры здесь не действуют. Ух, до чего же у него фотоэлементы наглючие! Гляди, нахалюга, подмигивает. Издевается, да еще и голодом морит!

Застопорившиеся у шлагбаума черт и Ахензев задерживали движение остальных грешников, создали небольшую пробку.

Робот отключил звук, выбросил из брюха два манипулятора и, ловко ухватив ими не подлежащих кормлению за шиворот, бесцеремонно отшвырнул их в сторону.

Пробка моментально рассосалась.

– Пойдем, Яша, даст бог, поедим в другом месте. – Владимир Иванович с опаской поглядывал на неподступного робота и ворчал.

– Куда? Да я, да они... меня, племенного!.. Меня, столбового!.. Князя!.. За шкурку, как кутенка!! – Ярьась, бушевал черт и отрабатывал на расстоянии движения, подтверждающие право ношения черного пояса. – Никуда отсюда не уйдем! Дело принципа! Пусть тащат начальника, конструктора – кто там его науськал?.. Да если хочешь знать, босс, одного моего слова достаточно, чтобы этот пылесос на запчасти разобрали. Нет, ну до чего же у него передняя панель противная! – Яков опять подступил к роботу. – Эй ты, жертва инженерии, холодильник «Бирюса», немедленно пропусти! Убери грабли! Грабли убери – кому говорят!! Нет, будь свидетелем, босс, – его борзость по-нуждает к действию!

Ругаясь и пузыря пеной, черт извернулся от манипулятора и стал подкрадываться с тыла.

– Босс! Удесятери боеготовность! – Командовал он. – Мельтеши, мельтеши перед фотоэлементами, не давай сосредото-

точиться. Счас я его ка-ак двину по кумполу – враз все микро-схемы перепутает! У-у-у, гад! Ублюдок кибернетический...

С виду неуклюжий робот топтался на месте и довольно сноровисто отмахивался от племенного, столбового, но голодного князя Яшки, который успел вооружиться тяжелой чугунной крышкой от канализационного колодца.

– Свободных мест нет! Спецобслуживание! – Робот опять включил единственную в его фонотеке магнитную запись.

Наконец Яков умудрился двинуть по «кумполу» супостата. Робот обхватил манипуляторами «противную» переднюю панель, окутался вызывающим спазмы желудка дымом, букетом запахов: шашлыками, крошкой – словом, всеми встречающимися в дежурном меню любого храма чревоугодия блюдами и неожиданно плаксиво выдавил:

– О, господи! Да когда же сменят вывеску? Им – ширма, а здесь резисторы плавятся... Ходюте и ходюте всякие неаттестованные... – Канализационная крышка внесла заметные изменения в конструкцию робота.

27

Нанести второй, добивающий удар обидчику Яков не успел. Из-за угла вывернулся бронетранспортер, разродившийся десятком здоровенных, затянутых в кожаные комбинезоны и прозрачные шлемы молодчиков. Из «Одуванчика» подскочило еще пятеро таких же бравых ребятешек и, взяв в кольцо Владимира Ивановича и Якова, принялись охаживать их резиновыми дубинками. На спинах опричникков Ахензев успел прочитать «Исчадии ада».

Вопли фантаста и черта, пытающегося остановить побоище криками об ошибке, недоразумении, до сознания Исчадий не доходили. Пропустив Ахензева и Якова через строй современными шпицрутенами Исчадия закрутили голодающим верхние конечности за спину и, накинув им на головы холщевые мешки, подбадривая пинками, куда-то поволокли.

Получасовые скитания, наощупь, по коридорам, лестницам, лифтам, показались Владимиру Ивановичу испытаниями страшнее эскалатора. Лишь ощутив под подгибающимися коленями пододвинутый стул, Ахензев неприкаянно подумал:

– Пришли...

Владимир Иванович и Яков не сразу привыкли к бьющему в глаза свету, после мешочной слепоты. Когда же зрение возвратилось, Исчадий, притащивших их в кабинет, не было и в

помине. Зато за огромным, заваленным географическими картами столом восседали Исчадия, рангом, несомненно, выше предшественников. Это подтверждали и темно-пурпурные береты с прорезами для рогов.

– Обыскать! – Повелительно рявкнул один из заседающих, с тройным подбородком, неприязненным взглядом и золотыми шевронами на левом рукаве. – Фотоаппараты в лабораторию. Пленку проявить и снимки, не мешкая, сюда.

Содержание карманов Ахенэева и черта вновь оказалось предметом тщательного изучения.

– Все, босс! Картина Репина «Приплыли»... Покушали! Выпили и закусили! Сейчас эти «повара» из нас и цыпят табака и омлет сделают. – Зашептал Яков разбитыми губами. – Не вздумай брякнуть, что мы журналисты, а то и разбираться не станут. – Втолковал он обмершему фантасту. – Тут, брат, ни контрамарка, ни Всененавидящее Око не помогут, как у того деда в бутылке, сплошное экранированное. Институт Содействия Чрезвычайным Акциям Дифференцирующим Искусственное Интернирование в ад, то есть, Исчадии ада нами занялись. А это – контора серьезная. Как пить дать, шпионаж шить начнут. Так что, держись: черт не выдаст, мутант не съест. Эх, и эти злополучные удостоверения... Во-он лежат... Хорошо, что другим занимаются, до них пока не добрались. Короче, босс, запоминай, ты – менеджер рок-группы «Мрак». Забудь о своей принадлежности к пишущей братии. Враз изведут на соусы. – Владимир Иванович, скомкав суетные мысли, подавленно кивнул, но не удержался, поинтересовался шепотом:

– А почему менеджер?

– Музыка, босс, это – всегда нейтралитет. Гавкай о чем благорассудится – все равно никто в серьез не примет. Ну да ладно... Сытый голодного не разумеет, попробую что-нибудь проверить. Попытаю счастья.

– Так! – Взгромоздился над столом старший из Исчадий. – Задание? Явки? Пароли? Шифры?..

– Джентльмены, – черт приблизился к столу. – Произошло какое-то досадное недоразумение. Я – князь Загробштейн, а это – мой друг! Мы хотели зайти пообедать. Проголодались! А ужасный наглый робот инсценировал драку и, в конечном итоге, мы же в чем-то виноваты.

Черт цапнул со стола удостоверение «Прейзподнеш пресс» и – проглотил, даже не подавившись.

Старший выкатил похожие на оловянные плоские глаза и с хищным хряском взревел.

– Хвост на отсечение: или резидент, или – диссидент! А впрочем, один ляд! На какую разведку пашешь?!

Яков отпрянул от лилового берега и присел рядом с Владимиром Ивановичем, с простецкой, блаженной миной на лице. Однако, Старший не был настроен на игру в молчанку. Взвинтивший себя демонюга ударил кулачищем по столу так, что столешница треснула, как хрупкая яичная скорлупа.

– Признавайся, какие компр. материалы схрямзал? Цель заброски?

Яков понял – в создавшейся ситуации лучшая защита это нападение. Можно выиграть время и что-нибудь придумать.

– Ты че на меня наезжаешь? Повторяю для бестолковых – я, князь Загробштейн, личный порученец Антихриста. Вот мой должностной перстень. – Черт произнес эту тираду тоном оскорбленного вельможи. При чем у него достало хамства подсунуть свою расслабленную лапу с перстнем под самый нос ошалевшему от таких манер старшему Исчадию, жестом, предполагающим последовательный раболепный поцелуй. Автоматически сработали какие-то генетические цепи и грозный бесенюга подобострастно лизнул Яшину кисть. В следующий момент черт не остался инвалидом, лишь благодаря своей реакции каратеиста. Мощные челюсти старшего из Исчадий страшно заклацали, перекусывая пустоту. У остальных, от подобной, неслыханной дерзости, начался приступ базедовой болезни.

Но расчет Якова оправдался: он внес сумятицу и сомнение в ряды пленивших их Исчадий.

– Генерал! Вам нельзя волноваться! Выпейте «Газепам» и «Интеркардин», – услужливо подал побелевшему демону таблетки и стакан воды ровенький, с прижатыми локотками сосед по столу. Судя по количеству шевронов – всего лишь до локтя, – Ахензев решил, что это, скорее всего, адъютант.

Генерал проглотил лекарства, сунул правую лапу за пазуху, подавил грудь и подсевшим, усталым голосом распорядился:

– Перстень снять. На экспертизу. Антихристу позвонить. Немедленно!

Через тройку минут лекарство подействовало: пергаментное лицо обрело багровый оттенок, генерал набрал нужную силу.

– Та-а-к! Значит Вы, милейший, – Князь Загробштейн?

Яков снисходительно кивнул, и – слабо державшийся рог фирмы «Адидас» отлепился и костяно загремел по полу.

– Пры-ве-рим! А отчего это у Вас, Светлейший, рога искусственные?

– Потерял в боях за принципы и идеалы! – С достоинством произнес черт и добавил. – Вы на каких фронтах воевали, генерал? Не на восточных ли? Может, однополчане?

– Ы-и-ть! – Скрежетнул непереводимое, но понятное не умом, но селезенкой генерал и без воды разжевал сверх лимита пару розовых таблеток. Скривив толстую морду от горечи, он вынес очередное резюме.

– Пры-ве-рим! И позвольте заодно уж поинтересоваться, князь: хвост-то у вас натуральный?

– Конечно! Натуральней не бывает. Подделки для меня, как рыбам зонтик... Ношу или фирму, или – родное.

– И это пры-верим. Не откладывая, сейчас же...

Адъютант воспринял слова старшего по званию как приказ: подскочил к восседающему нога на ногу Якову и потянул его за хвост. Дернул так, что черт, поневоле, взвыл, сделал кульбит со стула и врезался лбом в пол.

– Вроде натуральный! – Отрапортовал адъютант генералу.

– Ну? Натуральный, значит,.. – скептически произнес старший, задавая вопрос как бы самому себе. И сам же обрадовано ответил. – Приживили значит. Сволочи! Чертей без рогов, но с хвостами в природе не бывает. Разве что в кунсткамере. А ну, скидывай с него портки. Сейчас уличать буду. Сам. Лично. Покажу, как надо работать.

Тщетно отбрыкивающегося Якова распластали по полу, словно подопытную свинку и заголили то самое место...

Ахензев, с предательским облегчением еще раз упомянул добрым словом Эдика за то, что тот вовремя избавил его от пятой конечности.

– Да мой он, мой! Родной! И метка особая имеется! – Даже в таком положении черт старался сохранить достоинство.

– Экспертиза покажет! – Сам генерал, вооружаясь огромной лупой, не доверяя подчиненным, склонился над чертом.

Желание доказать, что хвост настоящий, заставило Якова поднатужиться и, для вящей убедительности, оторвать от пола зад, подставив его под очи усомнившегося криминалиста. Генерал опустил на колени и, прикрывая нос обшлагом, внимательно изучал место произрастания хвоста.

– Хм! Не пойму. Швов вроде бы нет. Странно? – Он встал, продул ноздри и обратился к сотрудникам. – О чем это говорит, камрады? Будьте бдительны! Враг хитер и коварен. Сами видите... Они овладели новой методикой вживления искусственных конечностей. Следовательно? Только спешка заставила пацифистов заслать к нам полуфабрикат. Видимо, разнохали о завершающей стадии наших последних разработок. Значит – контроль и еще раз контроль за персоналом! Интересно, кто с ним на связи?

Старший занял прежнее место за столом.

– Так! Этого – в кандалы и в рентгенкабинет. Посмотрим, что он проглотил. Расшифруем.

Владимир Иванович с отчаянием и тоской увидел, что его бескорыстного защитника и друга увели и понял, что выкарбаниваться придется самостоятельно.

– Кто такой? – Задал первый коварный вопрос свирепый блюстителю адовых военных секретов.

– Т-там д-документ имеется, удостоверяющий мою неприкосновенность. – Заставил себя заговорить фантаст.

– Этот что ли? – Помахал старший из Исчадий в воздухе контрамаркой.

– Да-да, он самый! – Возликовал Владимир Иванович.

– Купи на базаре гуся – ему расскажешь! Он поверит... О прибытии такой важной персоны нас бы в первую очередь оповестили! – Генерал глянул так, что Ахенэеву сразу вспомнилось все известное про методы дознания незабвенного Малюты Скуратова. – Связной выискал. Хотя, как специалист, легенду одобряю. Да и документ сработан – комар носа не подточит. Великолепная липа! – Генерал дотошно разглядывал единственную Ахенэевскую надежду и задумчиво приговаривал.

– Не по Сеньке шапка, не по Сеньке...

Он небрежно отодвинул мету и решил изменить тактику.

– Неплохо вы залегендировались. Ну, так что? Будем продолжать отпираться или договоримся? – Старший из Исчадий исподволь взялся за перевербовку.

– Пока резидент отсутствует – он-то матерый! А вы начинающий. Живенько накатайте во-он за тем столиком, где околачивались, чем занимались, за последние двое суток. С какими конкретно целями прибыли в шестой круг. А позже – обговорим детали. Обсудим, как поступить дальше: чтобы и «волки сыты и овцы целы»! – Голос генерала, еще минуту назад заставляющий дрожать поджилки, теперь звучал по-отечески

мягко и задушевно. Увещающая речь помогла Ахенэеву освободиться от скованности, вздохнуть так, что захолонило зубы.

– Присаживайтесь, не стесняйтесь. Берите ручку, бумагу и излагайте события по порядку. Может вам кофе, сигареток sobобразить? Или чего покрепче желаете?

Владимир Иванович немного успокоился, но расслабляться не спешил. Было бы глупо отказываться от предложенного угощения. Куда-то повернет колесо фортуны?

– Да. Коньяк, кофе и сигареты не помешают, – ответил он, даже не задумываясь, какой шаг совершить дальше.

Массивный сейф за спиной Исчадий распахнул зев, и перед Ахенэевым возникли: чашка, фужер, бутылка «КВК» и пластмассовая коричневая пачка. Генерал нажал на какую-то потайную кнопку под столом и в одной из дверей, неся объемистую джезву, появилась... Анна Пузырева!! На высокой груди, вздымающей кожаный комбинезон, вы – так, покоилась, пуская зайчики, медаль. Барельеф черепа окаймляла надпись «За особые заслуги».

Экс-путана и в этой униформе смотрелась весьма сексапильно, но ни о каком кокетстве не могло быть и речи.

– Новоявленная Мата Хари, да и только, – отвлеченно подумал Владимир Иванович наблюдая за тем, как черная пахучая жидкость наполняет его чашку.

Пузырева мазнула взглядом по фантасту и что-то шепнув генералу, удалилась, отработав вихля бедрами.

– Да-а-с! – Сумно молвил Старший и посмотрел на Ахенэева совершенно другим взглядом. – Кажется, я вас недооценил... Ну да ладно, потом разберемся: кто резидент, а кто – так себе... В конце концов даже лестно иметь дело с опытным противником. Но, на ловца и зверь бежит! Да вы не стесняйтесь, приступайте!

Владимир Иванович начал с коньяка. Прозрачная узкогорлая емкость быстро опустела. Глоток кофе, одуряющая одним своим вкусом затяжка «Филипп Морисом» и – Ахенэев ощутил себя почти раскрепощенным.

«Ну что ж! Как там перефразировал Яша: «Черт не выдаст, мутант не съест». Пофантазирую, нагадаю им на кофейной гуще...». – Внутренне собрался Владимир Иванович.

Рука Ахенэева выписала самую первую, самую трудную, стартовую строку и слова, опережая друг друга, помчались по

бумаге в безудержном марафоне, подхлестываемые тройным, алкоголь-кофейно-никотиновым допингом.

«Я менеджер хард-роковой группы «Мрак». Прибыл в шестой крут с единственной благородной и, без сомнения, важной целью. Приобщить к современной рок-культуре работников науки. Мною внимательно изучена деятельность таких гигантов, как «Кинг Кримсон», «Пинк Флойд», «Лед Зеппелин», «Назарет», «Рейнбоу», «Роллинг Стоунз», «Грэнд Фанк Ройял Роуд», «Эмерсон, Лейк и Палмер», «Квин», «Спейс», «Ти Рекс», «Блад, Свит энд Тиерс», «Бэд компани», «Дип Перпл», «Криденс, Клеуотер, Ривайел», «Свит» и многих, многих других. И посему могу авторитетно утверждать, что песня группы «Свит» – «Ноу ю донт», из альбома «Фанни Адамс», призывающая не сходить с ума и не быть дураком, в исполнении группы «Мрак» – дает новый мощный стимул в научных изысканиях.

На вопрос: чем я занимался в последние два дня, отвечаю – репетировал! Так, в исполняемой нами песне группы «Дип Перпл», вокалисту никак не удавалось визжать в той же тональности, что и Ян Гилан. По партитуре предположительнее визжать – «Ин ту зе файя-я-я!!», а он визжал – «Ин ту зе фойа-а-а!?» Конечно, можно было бы и простить из-за недостатка образованности. Но, так как эта композиция призывает раствориться в огне и, следовательно, пропагандирует жертвенность в разного рода деятельности, а, тем паче, в научных исследованиях, то я добился правильного звучания. За четкость произношения, визжания на концертах – ручаюсь головой!»

Владимир Иванович оборвал словоблудие, допил кофе и, закулив новую сигарету, продолжил:

«...а также отвечаю за то, что самая хитовая вещь моей группы «Мрак» – «Сторвей ту хевен» – Лестница в небо, – из репертуара ансамбля «Лэд Зеппелин» – не является провокационной. Прошу не расценивать ее как призыв к саботажу.»

Отодвинув исписанные листы, Ахензев искренне удивился четкой работе мысли. Все труднозапоминаемые названия всплыли, как на ладони. Будто кто-то стоял над ухом и диктовал. Ведь прочитанная Яшей лекция о рок-музыке длилась от силы каких-то тридцать-сорок минут, и дилетанту охватить такую прорву названий и имен было попросту невозможно.

Однако, в голове продолжало отщелкивать: «Джетро табл», «Уайт снек», «Прокол харум», «Блэк саббат»...

Ошеломленный собственной недюжинной памятью, Владимир Иванович протянул генералу потрясный опус.

Старший из Исчадий вьелся глазами в Ахензевскую ахиною. Шевелящиеся губы и согнанные на лоб морщины говорили о его мучительных потугах проникнуться в изложенное менеджментом. Наконец, отчаявшись что-то понять из этой околесицы, он передал бумаги адъютанту, с напускным равнодушием буркнув:

– Взгляни...

Обладатель неполного комплекта шевронов быстренько перлюстрировал писанину и глубокомысленно резонировал:

– Не иначе, какой-то шифр!

Лапа генерала вновь пошарила под столом и, спустя минуту, двадцатисантиметровые шпильки Пузыревой вонзились в паркет.

– Ух, королева! – Хмыкнул адъютант.

– На дешифровку, – генерал вытянул лапу и как в почтовый ящик, сунул предупредительно вложенные адъютантом в конверт листы под расплзшийся на груди Анны комбинезон.

Владимир Иванович, взбодренный коньяком, позволил себе окончательно расслабиться и молча поглядывал на рванувшегося из-за стола генерала и за его нервным променажем по кабинету.

– Значит вы прибыли к ним сюда именно с этой миссией? Больше ничего не можете добавить к написанному?

Ахензев ясноглазо улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Я изложил саму истину! – Он поглядел на электронные часы на стене и улыбка спала с лица. Якова исследовали не менее получаса.

– Да, камрады! – Старший из Исчадий раздумчиво остановился посреди кабинета, заложил руки за спину. – Или мы ошиблись в выявлении резидента и перед нами искуснейший актер, или он действительно простой связной, заучивший лишь текст шифрограммы. Посмотрим, что покажет дешифровка.

Появился один из утащивших Якова офицеров со змеящейся лентой негативов и пачкой рентгеноснимков.

Генерал нетерпеливо плюхнулся за стол и сосредоточенно взялся за изучение Яшиного желудка и проявленной пленки.

– Так я и знал! – Генерал победоносно оглядел присутствующих. – Он сожрал крайне важные документы. И не задержи охрана лазутчиков у конспиративного входа, эта пара гнедых,

пользуясь своими фальшивыми полномочиями, наломала бы дров! Собрали бы всю секретную информацию и – запросто смылись! Нам необыкновенно повезло! Другие круги они уже опутали! Да-с! Поздравляю, камрады! В наши сети угодила крупная дичь! Сейчас ознакомимся с текстом дешифровки и проведем дополнительную работу с уличенными агентами... К сожалению, никак не удастся связаться с Антихристом. Его присутствие в данный момент чрезвычайно необходимо... Ага, вот и результат дешифровки.

Генерал взял из рук подошедшей Пузыревой отпечатанное на машинке изобличение... По мере того, как он приблизился к окончанию читки, лицо старшего из Исчадий из багрового стало синюшным отечным. Генерал задушно рванул ворот форменной одежды, без разбора проглотил с десяток таблеток и, прямо из графина запив снадобье, вылил остаток воды на голову.

– Вы это серьезно? – Прошептал насмерть перепуганный генерал синими губами.

– Что? – Не понял Владимир Иванович.

– То, о чем написали в своей объяснительной.

– Вполне серьезно, – отозвался фантаст. – Как на духу. Хотя, честно говоря, неясно, что вас так взволновало?

– И он еще спрашивает?! – Взорвался генерал. Да от такого не только заволнуешься, инфаркт схлопочешь. На, читай! – И с придыханием приказал подчиненным. – Камрады! Всему шестому кругу перейти на военное положение. Подразделениям приготовиться к бою.

28

Ахензев взял шифрограмму и стал читать, не обращая внимания на засуетившихся, разбежавшихся к пультам по углам Исчадий.

Шифрограмма:

Земляничный король (Кинг кримсон) приказывает конспиративной группе «Мрак»: Пинк Флойду оборудовать посадочную площадку для десантного свинцового дирижабля (Лэд Зеппелин) – бортовое название «Назарет». Цели операции «Радуга» (Рейнбоу): 1. Необходимо в срочном порядке завалить камнями (роллинг стоунз) коммуникации, обеспечивающие ввоз сырья и вывоз готовой продукции, тем самым посеяв великий ужас на железных дорогах (грэнд фанк роял роуд). 2. Агентам Эмерсону, Лейку и Палмеру, находящимся в распоряжении королевы (Квин), поручается подготовить базу для

приема из космоса (спейс) спецподразделения королевских тираннозавров (ти рэкс), которые зальют кровью, потом и слезами (Блэд, свит энд тиерс) плохую компанию (Бэд компани) темно-пурпурных (дип перпл). Для отхода после выполнения диверсионного задания использовать только химически чистые, не отравленные воды рек (криденс, клеуотер, ривайел), дабы сбить со следа ищеек. Окончательный сбор всех диверсионных групп для возвращения у лестницы в небо (Стервей ту хевон). Все компрометирующие, могущие повлечь за собой дипломатические осложнения улики – как-то: пот (свит) и прочее – в огонь (ин ту зе файер).

Руководитель центра – Веселый Адам (Фамми Адамс).

Советник – Ян Гилан.

Очумевшие от милитаристических амбиций Исчадий дешифрирующая ЭВМ выдала свой мобилизующий вариант Ахенэвской ахинеи...

– Есть ли в нашем учреждении красивые женщины-служащие, имеющие доступ к секретным материалам? – Тихо спросил адмирал у адъютанта.

– Экселенц, самая красивая – Пузырева! Королева! – С умилением ответил тот, щелкая на своем пульте тумблерами.

– Королева?! – Взревел генерал, забыв про болячки. – Сюда ее, немедленно! Вот, оказывается, где собака зарыта! Цепочка... Ну, теперь не отвертится, расскажет и о Эмерсене, и о Лейке, и о Палмере...

Адъютант, услышав гневный приказ старшего из Исчадий, закатил глаза под лоб и попытался покинуть свой боевой пост. Стараясь проскочить мимо генерала, который метался по кабинету разъяренным буйволом, он, напустив на лицо деловитость, подхватил какую-то папку и на цыпочках засеменил к выходу.

– Никому не покидать помещения! – Проявил бдительность старший. – Оставаться на местах до тех пор, пока не выясним, кто в нашем ведомстве работал на Адама.

От грозного окрика генерала адъютант выронил папку и заползал по полу, собирая бумажки.

Владимир Иванович увидел, как затащили сопротивляющуюся Пузыреву и с размаху швырнули перед Старшим.

– Как тебя зовут?

Пузырева, снизу вверх, недоуменно посмотрел на начальника.

– А то Вы не знаете? – Огрызнулась кавалерша медали «За заслуги». – Анна я.

– Меня интересует твоё имя в конспиративных отчетах? – Генерал вел допрос жестко и, вызывая Анну на полную открытость, огрел ее метровой стальной линейкой по обтянутому черным хромом заду. Хром лопнул.

– Анна, она же Аннета, она же Жанна... – захлебываясь слезами принялась перечислять свои псевдонимы героиня.

– И она же Королева?! Как я понимаю... – уточнил генерал. – А ну, признавайся, с кем из наших Исчадий состояла в связи?

Пузырева немного успокоилась и удивленно посмотрела на съездившегося адъютанта.

– Жора! Неужели ты заболел СПИДом? Ведь сам говорил, что на Вас он не распространяется, – и, обратившись к генералу, ответила на заданный вопрос.

– Только с ним. С Жорой. В основном... И Королевой он меня прозвал.

Адъютант всхлипнул и рванул клочок волос из прилизанной на пробор шевелюры.

Услышав ответ экс-путаны, генерал зверем глянул на своего ближайшего помощника и, оглушенный такой массой неожиданных открытий, бессильно опустил на пол рядом с Пузыревой.

– Измена, кругом измена!.. – Отрешенно прошептал он. – Теперь понятно, капитан, откуда у Вас электробритва «Филипс» и зажигалка «Браун». Кому я доверился?! – Генерал с усилием отполз на четвереньках от дискредитирующей остальных приближенных Пузыревой и, вытаращив глаза, с надломом произнес:

– Обоих в дознавательную. Допрос – пятой категории! О результатах доложить...

Исчадия с тремя шевронами набросились на адъютанта и утащили в ту же дверь, что и Яшу. Пузырева последовала следом, увлекаемая за ноги Исчадием с лычками на погонах.

* * *

– Мой генерал, Вас к видеотелефону! – В штабной бункер ворвался дежурный связист. – Сам Антихрист требует!

– С агента глаз не спускать! – Старший из Исчадий обрел былую твердость в ногах, отряхнул пыль с лампасов и поспешил явиться пред очами начальства.

Владимир Иванович вновь взглянул на электронный хронометр. Яша отсутствовал уже больше часа.

– Как он там? Жив ли еще? Коль к Пузыревой допрос пятой категории применяют, то с ним, тем более, церемониться не будут.

– ...Так, быстренько привели себя в порядок. Через пятнадцать минут обещали самолично прибыть-с! – В голосе генерала зазвенели истерические нотки.

Про Ахензева на время как бы забыли. Воцарившаяся после сообщения генерала суматоха, лишь подтверждала то, что Верховный Нечестивец, даже для них, Исчадий, отождествлялся с чем-то ужасным. Бляхи, пуговицы, знаки различия засверкали, как только что отчеканенные монеты.

Вскоре загудел зуммер селектора и хриплый баритон доложил:

– Его Наипуганнейшество, Главнокомандующий объединенными нечистыми силами, Верховный нечестивец, маршал Антихрист прибыл!

– Подрывня-ась! – Смир-рна! Р-равнение нале-во! – Генерал провальсировал вдоль строя, торопливо отчитывая нерадивых за недостаточно звероподобный вид.

Увидев в дверях коренастую фигуру Антихриста, переоблачившегося по случаю начала военных действий в пошитую из красной кожи форму, увешанную орденами, он подтянул брюхо, и чеканя шаг, промаршировал к Главнокомандующему.

– Ваше Наипуганнейшество, – начал рапорт генерал, – Исчадии ада приведены в боевую готовность и сумеют дать достойный отпор агрессору. Подлые козни нашего врага – Адама, разоблачены! Нами перехвачены при попытке проникнуть в расположение института два шпиона. Один дал ценнейшие показания стратегического характера и, можно с уверенностью сказать, что будет с нами сотрудничать в дальнейшем. Другой же продолжает упорствовать: набрался наглости утверждать, что он – Ваш личный порученец! Страшный негодяй, извините за выражение. Вот его, вернее не его, а князя Загробштейна документы и должностной перстень. Остается лишь скорбеть, Ваше Наипуганнейшество, об известном всему цивилизованному аду своими недюжинными способностями Вашем сотруднике. Клянусь – я вырву у этого самозванца признание! Прах славного князя будет найден, и я лично проконтролирую, чтобы его переклонировали с должными воинскими почестями.

– Бедный Яков! Этот солдафон на кусочки его расшинкует, лишь бы выслужиться! – Тяжко подумал Владимир Иванович. А генерал продолжал усердствовать:

– Мною оперативно выявлена группа проникших в Институт информаторов Веселого Адама. Всем заправляла недавно откомандированная к нам из Тоски некая Пузырева, она же резидент «Королева» и, как это ни больно, выяснилось, что ее сообщником оказался мой адъютант. Каюсь – недоглядел! Готов нести ответственность!.. Кроме того, выявляются остальные члены банды изменников. С «Королевой» и адъютантом уже работают... Для соблюдения формальностей нижайшая просьба – поприсутствовать на очной ставке с лже-Загробштейном. А затем лазутчик будет передан военно-подземельному трибуналу.

– Вольно! Вольно, генерал, – Антихрист почесал затылок, – Показывайте Вашу добычу.

– Начнем, Ваше Наистрашнейшество, с вербуемого. Вот, полюбуйтесь, каков молодец!

Антихрист подошел к Ахенэеву, вперил в него стеклянный взгляд, и темно-пурпурный бархатный берет начал приподниматься над головой.

– Эт-тот??

– Он самый! По нашему кругу, кличка «менеджер», в других – действовал под псевдонимом В. И. Ахенэева, спецкора «Прейзподнеш пресс», – подсовывая Антихристу какую-то бумагу, досказывал асс контрразведки. – Примите герр маршал рапорт о присвоении мне внеочередного воинского звания за удачно проведенную операцию.

Антихрист машинально взял бумагу и, все еще боясь поверить в действительность, несмело шагнул к «менеджеру».

Ахенэев понял, что настала пора срочно применять Яшину тактику: «Не имей сто рублей, не имей сто друзей, а имей наглую морду» – иначе его просто не признают.

Вырвав из лап Верховного Нечестивца рапорт, Владимир Иванович разорвал его пополам и, скомкав, с отвращением бросил обрывки под ноги к генералу.

– Кр-ругом! Ать-два, ать-два – ближе десяти метров не приближаться, охламон Исчадиевский! – Отгрохал фантаст невесть откуда взявшимся басом. – Не для твоих ушей разговор, гамадрил поганый!

Верховный Нечестивец подтверждающе рыкнул.

– Уйди с глаз...

Генерал обезьязычел, но не подчиниться приказу не посмел, как рак попятился к застывшему строю офицеров.

Антихрист вновь, как и при первой встрече, сбавил в росте и залебезил:

– Истинный крест – не знал! Ни сном, ни духом... Ни в жизнь бы не допустил подобного чудовищного безобразия. Кошмар!!

– Так чего стоишь, как колода? Из Якова, вероятно, жилы тянут, а ты – антимонию разводишь! Не знал он, видите ли! Что за чертовщина творится? То НИИ ПСИНА зубы показывает, то эти параноики в красных колпаках в гроб вгоняют... Не-ет! Придется ставить вопрос перед Сатаной о твоём несоответствии занимаемой должности! И про порнуху, и про Шайтана, и про «блат и злато в аду свято» – напомню!

Наблюдающим со стороны за Антихристом и «менеджером» могло показаться, что Верховного Нечестивца вот-вот хватит апоплексический удар.

– Подождите, да подождите же, Владимир Иванович!! – Чуть не рыдая возопил маршал. – Не делайте поспешных выводов! Я же давал телефонограмму в НИИ ПСИНИА! И вообще, пусть меня поразит Всененавидящее Око, но зубы им – выломают!!

– Они твою телефонограмму в сортире на гвоздик повесили, ясно! И не будь при мне Сатанинской Меты! А... да что с тобой говорить! Иди..., выручай Якова!

Антихрист, сообразив, как круто разворачиваются события, ухватился за предложенный фантастом вариант реабилитироваться: довершил начатое генералом дело – разнес стол в щепки и заорал в бешенстве:

– Князя Загробштейна – сию минуту, ко мне! И, не дай, дьявол, ухайдакали! В порошок сотру!!

– К-какого? – Проблеял генерал. – Того, что шпион?

– Я тебе, гад, дам шпиона! Досрочного производства захотелось? Завтра же переведу – в полковые ассенизаторы! – Антихрист подскочил к генералу и с треском содрал шевроны с рукава старшего Исчадия. – Список особо «отличившихся» мне... А вы что уставились? – Продолжал буйствовать Главнокомандующий. – Не ясно, что ли? Князя – сюда! Якова! Быстро!!

Измордованного черта не ввели, внесли и осторожно опустили носилки на пол перед Верховным Нечестивцем и Владимиром Ивановичем.

Хваленое качество фирменной одежды, которую не в состоянии порвать даже необъезженные мустанги, потерпело фиаско перед опытными дознавателями Исчадия ада.

В своих лохмотьях Яков скорее походил на живописного хиппи конца шестидесятых годов, чем на привилегированного работника ВКиБА. Ссадины, синяки, кровоподтеки, просматривающиеся сквозь отрепья некогда престижных тряпок, говорили о том, что черта били долго, больно и, скорее всего, копытами.

Владимир Иванович с состраданием глядел на своего верного ангела-хранителя, понимая сердцем: если бы не Яша, подобной процедуры ему не миновать. Черт все взял на себя!

А Яков, словно читая его мысли, простонал:

– Кипп смайлинг, босс! Главное – ты действовал верно. Все записал, что я телепатировал?

До Ахенэева только сейчас дошло, что в случае с объяснительной на имя генерала не обошлось без Яшиной подсказки, и утвердительно кивнул.

– Молодец, босс! – Черт скрипнул зубами и с трудом шевельнул лапой, сложил из пальцев знакомый Владимиру Ивановичу знак победы. – Если бы не эта филькина грамота, не видать нам шефа, как своих ушей. Я-то знал, что здесь, в Исчадии, все компьютеры настроены на шпионаж...

Из той же двери, откуда вынесли Якова, появился сержант с закатанными по локоть рукавами. Довольно заржав, он радостно доложил:

– Баба сразу призналась, что она – Королева Елизавета! А вот с адъютантом – небольшая неувязочка вышла. Заговариваться начал. Как дядя Вася, на все согласен. Он и Эмерсон, он и Лейк, он и Палмер. Но то, что шпион – выговаривает четко...

* * *

– Коллеги, я собрал Вас на этот консилиум для того, чтобы объявить о новом открытии профессора Живняка. Он провел серию удачных опытов по омоложению человеческого организма. И, что интересно, лучше всего поддаются омоложению пациенты, находящиеся в коматозном состоянии. Поэтому, опираясь на эксперимент всемирного ученого, предлагаю провести курс омоложения на нашем больном, Ахенэеве. Уверен, что мы добьемся успеха. Параллельно проведем основное лечение. Инсулин. Витамины. Глюкоза... Возражений нет? Тогда приступаем...

Спины Исчадий, несущих носилки с изувеченным Яковом, знобливо корежило, сводило в лопатках.

И хотя следовавшие за ними Антихрист и Владимир Иванович вели спокойную, вроде бы мирную беседу, присутствие высокопоставленного начальства, само по себе, действовало угнетающе. Тем более, что носильщики принимали непосредственное участие в операции по задержанию Ахензева и черта на месте стычки с пропускным роботом. В какой-то мере, им повезло. Рядовые исполнители приказов генерала, служивые, избежали участи других, переусердствовавших аттестованных. Им не пришлось спарывать шевроны, лычки и отвинчивать ордена. Да и передислокация в отдаленные гарнизоны Чертонаргии, куда в срочном порядке были откомандированы разжалованные офицеры, им пока не грозила.

Носильщикам хотелось лишь одного – как можно скорее избавиться от живого груза и сгинуть с глаз Верховного Нечестивца.

В казарме, наверняка, ждала исходящая паром телятина, регулярно поставляемая Исчадиям директором ИК – институтом кормления, Макаром. Руководителем, запретившим выпас скота в испепеленных экспериментальными взрывами районах Чертонаргии.

– Слава Сатане, кажись пронесло, – эпидемия страха отступила, но мысль о том, что чистка не доведена до конца, заставляла опять втягивать головы в плечи и передергивать лопатками.

– Уважаемый Владимир Иванович, не обессудьте, но и Ваша вина имеется, – Антихрист искал компромиссов и торопливо поправился, – конечно, в основном, это вина князя. Но с ним разговор особый: самонадеянность в подобных ситуациях – только помеха... С Загробштейном обговаривалась программа Вашего ознакомления с адом, составленная лично мною, а его выверты испортили всю обедню. Яков, несомненно, очень способный, перспективный работник, но жажда к авантюрам и ненужная инициатива чуть не привели к катастрофе... В каждом округе Вас ожидали и, я в этом не сомневаюсь, показали бы лицом наши достижения. К чему эта игра в инкогнито? Неясно... Надеюсь, что ко мне лично Вы не имеете претензий?

– К вам – нет! – Сниззошел на «Вы» Ахензев и с подавленным вздохом добавил. – А сколько понадобится времени, чтобы

привести Якова в порядок? Другого сопровождающего мне и на дух не нужно!

– Босс, – прохрипел с носилок почерневший от перенесенных телесных мук черт. – В атаку! На редуты! За мной, нечистая сила!.. – Яша явно бредил.

– Вот видите, – Антихрист поправил сползшую простыню, – крыша задымила! Значит – клонировать. А если лечить, то это надолго. Кстати, пока вы устраивали свои демарши, какая-то девица половину канцелярии ВКиБА перекалечила. Интересовалась, куда подевался писатель. Такая оторва: мне! – и то обещала рога пообломать, если не верну Ахензева. А с виду – воплощенная добродетель.

– Она и есть добродетель, и не только внешне, – поняв о ком идет речь, Владимир Иванович растрогался. При упоминании об Эльвирочке, ему стало жутко тоскливо. Да и Яша, единственное близкое создание, можно сказать, товарищ по адовым скитаниям, неизвестно когда поправится. Вон как хрипит, призывает в беспамятстве: «Пленных не брать! Отпускать...»

– Слушайте, Антихрист, как я понимаю, Якова несут в госпиталь. С вашей медициной я не сталкивался и было бы неплохо осветить эту тему. Ничего противоестественного в том, что я буду около больного?

– Пожалуйста! Ради бога!

– И второе. Как-то в «Прейзподнеш пресс» промелькнуло объявление про курсы омоложения в Институте красоты... На Земле все руки не доходили...

– Ничего не имею против, только – за!! – Обрадовано застрекотал верховный Нечестивец. – Институт красоты в том же корпусе, что и госпиталь. Окажу содействие, дам команду поместить в одну палату с князем.

– А нельзя ли пригласить сюда и ту девушку, что к Вам на счет меня обращалась? – Задал волнующий его вопрос Ахензев. Наистрашнейшее отрицательно покачал головой.

– С сегодняшнего дня шестой круг находится в состоянии карантина. Прибыла комплексная экспедиция из глубокого космоса для установления дипломатических контактов и разрешения вопроса о сотрудничестве нечистых сил разных миров. Переговоры продлятся недолго... Вот тогда – пожалуйста. А пока – повремените...

– Инопланетяне, – заинтересовался Ахензев. – Настоящие? Организуйте встречу – давно мечтаю!

– Для Вас, Владимир Иванович, сделаем исключение. Пришлю своих фельд-егерей. А пока – отдохните, помоложайтесь. Сеансы пройдете по ускоренному курсу, что доступно лишь высшей касте ада. Бесплатно.

29

– Ути, какая лапочка! Нагнись, в щечку поцелую.

– Отстаньте, больной. Вам нельзя шевелиться. Гипс еще не схватился. Захотите оправиться, позвоните, приду – помогу.

– Дурочка, чем же я звонить буду? Хвостом, что ли? И вообще, ты кто? Сиделка! Вот и сиди со мною рядом. Я столбовой дворянин и ответственный работник Чистилища, а также, как пострадавший от лап злодеев, заслуживаю такого внимания. Можешь передать своему начальству, что князь Загробштейн, для скорейшего выздоровления, остро нуждается в лежалке, сиделки ему недостаточно. Куда? Куда пошла? Ой!.. Уми-ра-ю!.. Немедленно помассажируйте мне хвост, его судорогой сводит! Во-во! И кисточку промой и расчеши!.. Ты обязана окружить меня теплом и заботой! Но, так как молодая и неопытная, окружить меня всего сразу не сумеешь, начинай с левой стороны. Тут как раз для тебя места хватит... Потом на правую переберешься: только кантуй осторожненько. Не хочешь надбавки к зарплате? Ну, тогда садись и – позируй?!

Яков был упакован в гипс и походил на мумию. Незагипсованными остались промежутки от хвоста до колен и морда. От переклонирования черт категорически отказался, заявив, что эти мощи, хоть и покалеченные – ему дороги, как воспоминание.

Владимир Иванович, начавший проходить курсы омоложения, несколько раз со стыдом ловил себя на мысли, что ему поминутно хочется смотреть в зеркало. Рука непроизвольно тянулась к голове, приглаживая начинающий густеть волосной посев.

Палата, в которую поместили Ахензева и черта, больше напоминала собой литерный номер отеля, чем помещение для проведения лечебных процедур.

Яков пришел в сознание довольно быстро и сейчас компенсировал свою вынужденную неподвижность тем, что болтал без умолку, рассказывая фантасту истории из своей загробной жизни.

В сиделки он потребовал, как минимум, кандидата медицинских наук, причем устроил строгий отборочный конкурс.

Но среди них не оказалось длинноногой брюнетки с карими глазами, и князь Загробштейн милостиво разрешил полуобморочной от его претензий администрации поставить на это место девушку без ученой степени, но умеющую производить квалифицированный массаж и с требуемым экстерьером.

Бедной брюнетке, несмотря на то, что ее пациент был не в состоянии двигаться и не представлял абсолютно никакой опасности, приходилось подбираться к его кровати чуть ли не по-пластунски, на корточках, и так обслуживать привилегированного Якова.

После массажа Яков занимался тем, что упражнялся в живописи, рисуя с натуры акварельный портрет сиделки кисточкой своей единственной незагипсованной конечности.

– Ну-ка, босс, взгляни. По-моему, весьма недурственно. Немножко левый глаз не выписался, впрочем – и так сойдет. Дарю!

Черт взболтал бурую от красок воду в стоящей на полу стеклянной банке, стряхнул со своего «инструмента» излишек влаги, обмакнул его в черную краску и одним росчерком поставил в углу картины аляповатый автограф.

– Босс, эту работу я назову: «Кареглазая, внимающая стону измученной души». Ну где ты пропал, иди смотри.

Ахензев свесил ноги с кровати, надвинул шлепанцы и подошел к мольберту.

Владимиру Ивановичу было неизвестно, выдержит ли Яшкина мазня сравнение с шедеврами Сальвадора Дали, но то, что новоявленный сюрреалист перещеголял Кранаха и Пикассо, сомнений не вызывало. В правом нижнем и левом верхнем углах полотна слушали Яшин творческий стон два символически выписанных уха. Два глаза – один под другим, разных размеров и очертаний, косили. Коричневые полосы, обрамляющие органы чувств, были, наверное, по замыслу художника, волосами. Все остальное пространство занимали различные фрагменты женского тела. Но эта несуразица, конечно, была поводом Яшиного воображения. Натурщица, и без того сверх меры загруженная капризными домоганиями князя, позировать обнаженной наотрез отказалась.

– Ну как, босс? – С оттенком явного превосходства, самодовольно спросил черт. – Сильно?! Учти – рисовал хвостом! А если бы лапами, то вообще... – Яков не нашел в своем лексиконе эпитета к слову «вообще», подумал и дополнил многообъемлющим, – У-у-у!!

– Да, действительно, Яша, это – у-у-у! Оч-чень даже похоже. Особенно левое ухо. Да и оттенок волос передан натурально... И тени под глазами удались! Правда, у оригинала они сиреневые, но и серые, в красную крапинку, тоже неплохо. В конце концов, каждый художник имеет право на свое личное видение, свое – Я! Девушка, – осторожно поинтересовался Ахензев. – А вы не беременны? Если нет, то можете взглянуть. Только предварительно подайте пузыречек нашатыря...

Брюнетка, увидев портрет, шарахнулась в сторону и стала оседать. Владимир Иванович галантно подхватил сиделку и, не найдя поблизости удобного места, «окружил» Якова с левой стороны. Тот, довольный произведенным эффектом, возликовал.

– Вот, босс, видишь – волшебная сила искусства!.. Дошло, наконец, что я – гений, и сразу, несмотря на мой непривлекательный вид, решила всецело посвятить себя служению таланту!.. Ладно, вали отсюда! Омоложивайся! Да не суй ты нашатырь! Иди! Иди! Я ее сам в чувство приведу!..

* * *

– Дорогой гость, приготовьтесь к процедурам. Извините, но придется немного потерпеть. Модель и фасон зубов – на Ваше усмотрение. Ассортимент огромный. Могу подсказать: сейчас очень в ходу клыки «а ля Дракула». Гарантирую, что с такими зубами Вы свободно перекусите восьмимиллиметровый стальной пруток. Да, к слову, вон моя бывшая клиентка. На той неделе ей ставил.

Навстречу катила стол на колесиках высокая, затянутая в корсет, ведьма – медсестра. Два острейших, сантиметров на десять, клыка вылезали из-под верхней губы и чуть загибались под подбородком. В изящную белоснежную кость клыков были ювелирно вмонтированы два крупных бриллианта.

Увидев дантиста, ведьма улыбнулась во весь оскал, продемонстрировав остальные зубы, также украшенные драгоценными камнями.

– Привет, Зяма! Как дела? – Поздоровалась саблезубая со стоматологом. – Учти, завтра заскочу на пару минут. Кажется, неплотно сел рубин на верхнем левом резце.

Ахензев, раскрывший от изумления запломбированный рот, при виде такого чуда стоматологии случайно перевел взгляд на тележку и удивился еще больше. Из-под покрывала высовывалась знакомая вещь. Подобный прибор: серебристый,

немного погнутой «веник» мог принадлежать только одному из знакомых – Эдику Тьмовскому.

«Веник» судорожно подрагивал и, нечто короткое, скрытое от глаз, шумно и порывисто дышало.

Владимир Иванович, не в силах побороть искушение, приподнял покрывало и полуобморочно откачнулся. На него вымучено глядел – да, да, – Эдик! Запекшиеся губы, когда-то налитого силой, а теперь подобия прежнего Тьмовского шевельнулись и просипели.

– Воды, камрад, воды!!

– Вам нельзя пить, больной, – ведьма попыталась натянуть покрывало на останки и толкнула стол, но Эдик вновь захрипел:

– Камрад! Возьми прибор! Сохрани! Пока переклонируют... Как сердце чувствовало – сожрут! Пообгрызли все конечности...

– Успокойтесь, больной, – и ведьма, передав Ахенэву «метлу», которую Эдик прижимал подмышкой, и очаровательно сверкнул рубинами, покатила Тьмовского на встречу с новым телом.

Зяма-дантист с уважением посмотрел на странную машинку и нового обладателя.

– Ваш знакомый? – Стоматолог кивнул на удаляющуюся тележку.

– Друг! – Твердо ответил Ахенэв. – Один из немногих, кто не изменяет принципу.

Так вы тоже читали очерк? Тьмовскому присвоено почетное звание «Заслуженный урка». А для подобных ему героев задействованы лучшие специалисты ада.

Зяма раскрыл двери стоматологического кабинета.

– Продолжим...

При виде разложенных инструментов Владимир Иванович почувствовал себя подопытным экземпляром. Вспомнился жуткий музей истории медицины в г. Риге, после посещения которого у впечатлительного человека, даже от знакомства с одним залом – средневековой стоматологии, напрочь отпадало желание доверять ротовую полость чужим рукам.

– Не обращайтесь внимания на эти железки. Они не для Вас. Применяются лишь для процедур с грешниками и сбесившимися.

– Что, ежедневно? – С ужасом спросил Ахенэв.

– Да. Один день удаляем, чистим, второй – сверлим, третий – долбим, четвертый – вставляем. И так далее... По кругу, вернее, по челюстям.

А для привилегированных используем новую технологию интенсифицированного органического синтеза. Метод проверенный, операция почти безболезненная. Садитесь в кресло, выберите прикус.

Зяма занялся настройкой аппаратуры, а Владимир Иванович углубился в изучение слайдов со всевозможными улыбками и оскалами.

– Вот этот фасон, кажется, подойдет, – решил фантаст.

– Ну что же, скромненько, но – со вкусом! – Зяма натянул на голову Ахенэву какое-то приспособление, напоминающее парикмахерскую сушилку для волос, пощелкал кнопками и приказал Ахенэву не раскрывать рта, уселся читать газету.

Вскоре Владимир Иванович ощутил легкий зуд в надкостницах. Не зуд даже, щекотку, а где-то минут через десять-пятнадцать родные, старые зубы посыпались, как гвозди из трухлявого дерева.

– Сплевывайте в лоток, – заметив испуг на лице фантаста, – успокоил стоматолог. – Скоро новые полезут, не переживайте. Я отлучусь на время.

Оставив Ахенэва на попечение толстенькой медсестры дантист, насвистывая веселую песенку, вышел.

Владимир Иванович добросовестно выплюнул последний, с коронкой из нержавеющей стали зуб и скользнул языком по гладким, как у новорожденного младенца, деснам.

Зуд сменился покалыванием.

– Ага! – Удовлетворенно отметил фантаст. – Новые прорезаются.

И действительно, язык нащупал прутья, как на дрожжах, гибкие, колкие отростки.

Интересно. Молочные, помнится, потверже казались... Ы-ы, у-у-у? – Владимир Иванович недоуменно мотал головой и указывал пальцем на рот.

– Что такое? – Медсестра подняла колпак и шаловливо разворошила загустевшую копну волос Ахенэва. – Зубки у мальчика режутся? Хороший мальчик, потерпи немножко...

– Ы-гы-гы! Ум-ах-х! – Продолжал сомневаться фантаст и взглядом приглашая помощницу дантиста взглянуть, что у него там творится. И, не выдержав, нарушил приказ Зямы «рта не раскрывать», прошамкал:

– Шчо чо не чо! Супы ахими не пыфают!
– Какие супы, мальчик? Скоро будешь орешки шелкать!
– Хахие супы! — Не на шутку возмутился Владимир Иванович. — Хахие оэхи! Супы ахими не пыфают!!

Медсестра с милой улыбкой приподняла подбородок Ахенэева и заглянула в рот.

В следующее мгновение она унеслась за стоматологом.

Тем, что выросло из десен у Владимира Ивановича, увы, даже сухари перекусить было невозможно. В лучшем случае, погонять по небу хлебный мякиш. Во рту Ахенэева проклюнулись... крючковатые, розовые ногти!..

...Вернувшись в палату, Владимир Иванович обессилено упал на кровать. После пережитых треволнений, новые, один к одному, голливудские зубы – не радовали.

Зяма исправил свою оплошность и произвел повторный курс Но, настроение было испорчено.

Яков и сиделка за время отсутствия фантаста нашли общий язык, успели подружиться и сейчас о чем-то шушукались.

Обошедшая все туры конкурса сиделка, которую, оказывается, звали Марина, сидела на краешке Яшиной кровати и мягкими движениями массировала гениальную чертову кисть.

– Не узнаешь? – Владимир Иванович пересилил хандру и тихо спросил, подняв над собой метлу.

Яков чуть не вылез из гипсового панциря.

– Откуда она у тебя?? Где Эдик?

Вместо ответа Ахенэев подошел к черту и протянул позамствованный у дантиста номер «Прейзподнеш пресс».

– Марина! – Скомандовал Яков. – Читай вслух, внятней и внимательнее. Увидишь, какие у нас с боссом друзья!

Девушка раскрыла газету и, стараясь угодить загипсованному повелителю, начала выразительным голосом читку заметки, озаглавленную:

ЧЕРТ – ЗНАЕТ ЧТО!

«На днях, после завершения дипломатической работы, возвратился в ад наш полномочный представитель по Альдебарану Эдуард Вельзевулович Тьмовский. Невозможно описать, надо почувствовать то, что пришлось испытать этому непогрешимому посланцу преисподней в чуждом, не понявшем наши добрые намерения, мире. Копытные инакомыслящие и прочая часть: падшие ангелы, откупившиеся грешники, не оправдавшие доверия, и дезертировавшие Дадовцы – приложили максимум усилий, чтобы патриот не выполнил важного задания. Однако

Э. В. Тьмовский не прервал возложенной миссии, а с достойной подражания самоотверженностью продолжил работу и собрал нужный для проведения дальнейших конструктивных дипломатических переговоров материал, одновременно агитируя невозвращенцев пересмотреть свои взгляды на родные адовы крути. Добыв необходимые сведения, посланец добился аудиенции у президента разъединенных провинций Альдебарана. Он был прозван «веселым» за то, что любимым развлечением диктатора являлось поджаривание на медленном огне и скармливание вывезенным из Тоски мутантам неугодных ему особ.

Нашему полномочному представителю диктатор задал провокационные, недвусмысленные вопросы о адовых нововведениях, количественном составе нечистых сил и последних изысканиях в области моделирования государственных строев для смертных.

Адам приказал сдать нелегально собранный по Альдебарану материал и указать источники его получения.

В конце беседы президент прозрачно намекнул, что в случае отрицательных ответов дипломата ожидает «веселье».

Но неустрашимый, неподкупный УРКа остался верен своим идеалам и безбоязненно произнес:

– Любой честный черт не изменит принципам и не пойдет на компромис со злопыхателями, врагами и предателями когда-то приютившего их ада.

Веселый Адам злобно рассмеялся и дал распоряжение пригласить работников телевидения, дабы осветить предстоящее «веселье» – аутодафе над строптивым по всей Республике!

Но фарс с треском провалился. Нездоровый инстинкт помог нашему, истекающему кровью, герою перетранспортироваться с помощью трофейной техники буквально – из-под челюстей свирепых мутантов.

Сведения доставлены в ад. А сообщникам Альдебаранских злодеев, рано или поздно не уйти от военно-подземельного трибунала.

Подвиг Э. В. Тьмовского – яркий пример патриотизма и самоотверженности. Не возникает вопроса, что надо такому черту для счастья. Этот черт – знает что!

Остается добавить: в настоящее время Тьмовский находится на излечении и переклонировании в шестом круге. И вскоре самолично выступит перед широкой аудиторией. Скорейшего ему переклонирования!»

Яша внимательно выслушал описание Эдиковых подвигов, указ о награждении почетным званием и опять развязал язык.

– Нет, босс, – зря мы Тьмовского одного отпустили. Будь я рядом, показал бы этому оглоеду и кузькину мать, и по чем фунт лиха! Вот немного подлечусь, с Эдиком встречусь, перебазарю, и смотаемся на Альдебаран, к мазурикам. Разберемся, чье мясо питательнее! Гляди-ка, размечтался, поразвлекься захотел. Маришка! – Хлестанул он девицу хвостом по бедрам. – Только честно, сколько мне еще тут кантоваться?

Верная сиделка прикинула и вынесла как по приговору:

– Месяц заточения в гипсовой каталажке. При условии соблюдения режима содержания и примерном поведении.

– Ну нет! – Яков нервно забил кисточкой о сковывающие его «доспехи». – Такая роскошь не для меня! А ну-ка, вызывай по-быстрому эскулапов, пусть подшустрят. Давай-давай! Рассиживаться будешь потом. А сейчас волочи лечащего врача.

– Что ты надумал? – Подчеркнуто спокойно спросил Ахензев, когда сиделка выскочила из палаты.

– Какой, надумал! Другого выхода нет. Буду переклонироваться... Жаль, конечно, расставаться с телом – какое-никакое, а воспоминание о родителях, но – иначе не получается... А что, Эдик совсем хреново выглядит?

Владимир Иванович, стараясь не сгущать красок, обрисовал встречу в коридоре и то плачевное состояние, в котором пребывал камрад.

– ...В чем дело, князь? – В палату быстрым шагом вошел конвоируемый Мариной врач. Внешность его: волосатые бугристые руки, несмываемая гримаса надменности, принадлежности к когорте распорядителей чужой плотью, больше наталкивали на мысль о калечении, нежели о лечении.

– Надоело, док, валяться. Решился на крайний шаг – влезть в новую шкуру. Только, как это,.. ну-ка, нагнитесь, на ухо скажу.

Врач переломил свое двух-с-половиной метровое тело над Яшиной кроватью и тот что-то спросил.

– Да нет! Ну что Вы, князь! Успокойтесь. Полнейшая копия. Даже больше того, могу обещать, что будет еще лучше. За это не беспокойтесь!

Черт взглянул на фыркающую в полу халата Марину и, слегка улыбнувшись, протянул:

– Ну, ла-адно... А что с Тьмовским? Скоро испечется? Доктор поддернул рукав и, сверившись с часами, ответил:

– Минут через сорок будем вынимать. Пришло его сюда. А Вы, князь, распишитесь вот в этой бумаге. Коли решились. Ваше официальное согласие на переклонирование.

– Босс, – черкни там за меня. – Доверил Ахензеву Яков. – Хвостом-то только автографы могу мазюкать. А это – официально!..

Владимир Иванович принял бумагу. В тексте говорилось, что переклонлируемый добровольно передает ненужное тело институту и претензий к администрации не имеет.

Прочитав Якову обязательство, Владимир Иванович размашисто расписался и передал документ врачу.

Где-нибудь к вечерку, как только появятся вакантное местечко, Вами, князь, займутся, – костоправ сложил бумагу и, распрощавшись, удалился.

– Так. Со мною, кажется, решено. Вскоре перелицуют... А у тебя, босс, как обстоят дела с омоложением? Прическу-то отхватил «а ля Джими Хендрикс». Зубы не жмут?

Ахензев несколько раз клацнул челюстями и демонстрируя качество приобретения, запросто отхватил, как от сдобы, кусок деревянной спинки стула.

– Довольно! Подвязывай! Не порти казенное имущество... Ишь, перехватил коленце у Тузика... Да-а, зубки – что надо! Вот что значит хороший протезист! Он и мне предлагал выбор рога. Хоть золотые, хоть молибденовые, хоть заново выращенные. Только к чему это теперь нужно?! Заново так заново перерождаться: от хвоста до рогов.

Черт мечтательно улыбнулся: вероятно, представил себя в новом естестве и при натуральных рогах,

– Да, а где же все-таки Эдик? – Опять вспомнил о друге Яков. – Пора ему нарисоваться. Да и посоветоваться кое о чем не помешает. А то, с бухты-баракты распрощаюсь с родными, хоть и подпорченными телесами, а новые не оправдают доверия. Мариночка, солнышко, – обратился он к сиделке, – сбегай, узнай, что с нашим другом.

«Солнышко» отсутствовала недолго. Минут через пятнадцать оно вновь осветило палату, повиснув на мощной лапе живого, здорового, с румянцем во всю помолодевшую породистую морду, довольного Тьмовского.

– Как же это ты так неосторожно, Яша? – Пожурил он приятеля, заняв Маринино место в ногах черта. – Ладно я – действительно угодил в лапы к недругам. А ты то как умудрился?

– Эд! – Заегозил незагипсованным местом Яков. – Не будем об этом... Лучше расскажи, как себя чувствуешь? Все ли нормально? Стоит мне переклонироваться, или – отлежаться?

– Как чувствую? – Тьмовский шутливо поймал за талию Маринку, взгромоздил болтающую ногами в воздухе сиделку на Яшин панцирь, нагнулся и без видимого усилия поднял кровать с грузом за две задние ножки на уровень груди.

– Вот это – да! – Ахнул восхищенный черт. – А что, Эдик, и остальное, тоже путем?

– Не знаю, камрад, пока не опробовал, но, думаю, что все нормально.

– Ты, Эд, не стесняйся, нас поймут. Ты, Эд, походи и проверь, и мне расскажешь. Должен же я узнать, на что пишушь... Друг ты мне, в конце концов, или нет?! Маринка, немедля сопроводи героя в другую комнату. Тебе, как опытному медицинскому работнику доверяется его освидетельствование. Опробуй функционирование органов и сделай заключение. Все познается в сравнении! Иди, рыбонька, иди... Ну что вы ржете, как непарнокопытные? Тьфу, ты! Идиоты! Обязательно надо опошлить...

30

– Нет, ты только посмотри, какой торс! А плечи?! Блеск!! Правда, старые у меня тоже неплохие были. – Яша гарцевал по палате в одних плавках и бахвалился новехонькими телесами.

Владимиру Ивановичу приходилось как-то видеть соревнования культуристов, и Яша, подобно тем атлетам, принимал перед зрителями картинные позы, перекатывал мышцы.

– Эдик! Эту обновку необходимо срочно обмыть!

– Мальчики, не ерундите, у нас режим, – Маринка вспомнила о своих прямых обязанностях и попыталась пресечь Яшины поползновения устроить попойку.

– Молчи, женщина! Не встречай, когда два восставших, можно сказать, из супового набора, героя, разговаривают. Должны мы, бог побери, отметить встречу и исцеление? Босс, как ты на это смотришь? Эдик-то всегда поддержит.

– Я – за, – ответил Ахензев, который еще утром прошел последний сеанс омоложения и чувствовал себя превосходно. Выщелкнула неприятная мыслишка: «Старую дурь выгнал, новую вгоняешь» – но в просветленном мозгу она долго не задержалась, улетучилась.

– Обмыть-то не помешает, подал голос Тьмовский, – вот только чем?

Яков лисом завился вокруг сиделки: в интонациях голоса слышались убаюкивающие бдительность ставшей на позиции охранительницы порядка сестры нотки.

– Маришенька, лапочка, солнышко, рыбонька, зайнька, кисонька – мы без тебя, как без рук... – несколько поцелуев в щечку, заверений в вечной любви, и, – брюнетка сдала позиции на милость победителя. Набив карманы халатика геннзнаками она отправилась на вылазку.

Неизвестно, где и кто занимался подпольным бизнесом, но минут через сорок торжество, подхлестнутое контрабандным коньяком и джинном превратило палату в мини-салун.

– А, собственно, почему не слышно музыки? – Возмутился Яков. – Мариш, включи телевизор, там по программе как раз «Вечерняя почта». Ух! Попляшу!

Засветившийся экран телевизора перенес в палату кусочек космодрома. Бодряческий голос диктора сообщил, что ведется показ прибытия в ад делегации из дружественной системы Проксима Центавра.

– С нечистью Проксима давно налажены добрососедские отношения. Крепнет культурный и товарный обмен с соседней преисподней. Все модницы и модники хорошо знают продукцию легкой промышленности Центавры. К сожалению, из-за бешеных цен и искусственно создаваемого работниками адовой торговли дефицита, эти вещи доступны лишь некоторым. И дефицит становится предметом извлечения нетрудовых доходов, спекуляции. Делегация, в состав которой входят лучшие модельеры дружественной галактики, прибыла к нам для заключения договора о более широких поставках зарекомендовавшего себя с лучшей стороны товара. Завтра смотрите передачу, посвященную новинкам этого сезона. Коллекция одежды Проксимского Дома моделей наверняка не оставит равнодушными ни молодых, ни старых. А сейчас, для любителей современной эстрады, наша часовая программа «Вечерняя почта».

По экрану, в переливах светомузыки, заметалась стайка пластичных кардебалетчиц и Марина, неоднократно выпившая на брудершафт с каждым из двух «пораненных героев», неожиданно объявила, что сумеет отколоть канкан не хуже резвившихся на сцене вертихвосток.

Сообщив по секрету, что когда-то брала призы на конкурсах бальных танцев, она сбросила халатик и, оставшись в одном

пестреньком купальничке, перевязала мешающую движениям смоляную гриву по пиратской моде – галстуком и стала лихо забрасывать загорелые ножки выше головы.

Яша и Эдик, конечно, не могли похвалиться подобными достижениями на хореографическом поприще, но старались изо всех новеньких, еще не обкатанных сил. А вскоре к ним присоединился и Ахенэев.

Диско сменил тягучий блюз и несостоявшаяся звезда мюзик-холла, повиснув на шее Тьмовского, закачалась с ним в танце.

Яша и Владимир Иванович вернулись к напиткам.

– Эх, босс! Знал бы ты, какая у меня в прошлом году манекенщица с Проксимы была! Одно имя – застрелиться можно! Баламутрия!.. Чуешь, как поэтично звучит? О-о, босс! То не женщина – настоящий апокалипсис! Что она со мной вытворяла?! Такая любовь... Ежели она прилетела с делегацией – обязательно познакомлю! Экзотика! Будешь всю жизнь вспоминать.

– Нет, друг, спасибо. Уволь. У меня – Эльвирочка! Так что, экспериментируй сам.

Блюз испустил последний стон и на экране два похабных пустобреха развязно повели программу дальше. В дверь стукнули.

Яша поспешно убрал под кровать следы пиршества и ослабевшим от выпивки языком проговорил:

– Войди-те!

– Вас, князь, какая-то, ну, гм, в общем, какая-то – спрашивает. Настоятельно требует, – пояснил из-за двери едконасмешливый голос. – Пустить?

– Конечно! – Безмятежно разрешил черт.

В коридоре сдержанно хрюкнули и удалились звать таинственную посетительницу.

Минуты через две, в палату, растянувшись на пороге, проникло нечто маленькое, фиолетовое, с воронкообразными ушами, подвижным хоботом, при трех верхних щупальцах, с двумя козлиными копытцами, рыженьким хвостиком и маленькими рожками.

Создание поднялось, прижало средним щупальцем к пузу пузырьчатого плюшевого незнамо-кого и, огласив палату радостным визгом: «Здравствуй, папочка!» плюхнулось на колени к подскочившему от неожиданному Тьмовскому.

– Сынок! Не этот – папочка... Папочка – вот тот! С тетей на крови сидит.

В дверях, опершись щупальцами в бока, стояла моднючая и размалеванная...

– Ба-ла-мутрия!! – Потрясенно охнул черт. – Легка на помине...

* * *

– Так я и знала! И здесь – изменяешь! – Баламутрия вlepила Якову звучную пощечину.

Князь схватился лапой за щеку и с пол-оборота завелся.

– Сцены ревности устраивать приехала? Нет – какова?! Чье-то чадо в подоле приволокла, а мне подсовываешь... О каком потомстве речь?.. Мы же с тобой генетически несовместимы?! – и, взглядом призывая в свидетели Тьмовского, более уравновешенно продолжил. – Ох уж, эти женщины... Ты же современная проксимоцентаврянка...

Яков натянул пижаму и предложил взрывной гостье сесть.

– Между прочим, негодяй, – Баламутрия не прореагировала на последние слова черта. – Это – твой сын! Или отказываешься от кровного ребенка? – Она подхватила фиолетовое сокровище, ласково пощекотала щупальцем в ухе. – Вот видишь, малыш, твой папа не хочет признавать родную кровиночку! Подлец твой папочка!.. Покажи, Яшенька, этому мерзавцу свой хвостик и рожки.

Проксимоцентавренок Яша, обиженно гудя хоботком, отклячил попу и уныло вильнул рыженьким хвостиком.

– Как же так, Баламутрия? Каким образом мог получиться этот шпингалет, ведь – явная несовместимость?! У нас даже кровь разная! Я уж не говорю о способах деторождения! Нет, ты явно что-то путаешь!

– Мерзавец! Все вы, мужчины, одинаковы! – Баламутрия вытянула одним из щупалец из сумочки носовой платок и утерла сынку хобот. – Как дело касается каких-нибудь обязательств, семьи, так сразу – в кусты! Кровь у нас, видите ли разная! К твоему сведению, у Яшеньки кровь – коричневая! А хвост и рога? Разве не твой подарок? А копыта, наконец?? Откуда!! От проксимоцентаврянина, что ли? Неужели ты все забыл?! Кто клялся в вечной любви, кто забивал мне голову тем, чтобы я родила неповторимого сына и назвала его в твою честь! Я поверила, и перед нашей последней просьбой обратилась здесь, в шестом круге, к генетикам с просьбой помочь. Не знаю, что они со мной сделали, но на Проксиму прилетела, уже ожидая нашего ребенка. И вот – итог! Отец не признает родного сына! А я

то, дура, рванулась в ад, тешила себя надеждой, хотела сюрприз любимому преподнести! Как же? Первый в истории совместный ребенок от черта и проксимоцентаврской бесовки... Наши политики на всю систему раструбили, что мой Яшенька – символ дружбы и сотрудничества двух преисподних. Ты не рыло воротить должен, а гордиться! Вот, посмотри. И пусть тебе будет стыдно!

Баламутрия швырнула черту несколько иллюстрированных журналов. На обложках и вкладышах счастливая манекенщица демонстрировала читателям сногшибательные туалеты и своего сыночка. Рядом с этими, отлично выполненными стереоскопическими иллюстрациями была помещена черно-белая фотография КНЯЗЯ Загробштейна.

Портретное сходство между двумя Яшами несомненно существовало. От матери «символ дружбы и сотрудничества» унаследовал где-то сорок-пятьдесят процентов...

– Тут не по-нашенски написано! – Огрызнулся черт, которому улыбнулось «счастье» стать родоначальником новой расы. Это в его планы не входило. – Ты, Баламутрия, брачная авантюристка! Где доказательства, что именно я отец этого проксимцентавра-чертенка или чертопроксимоцентавренка? А? Ну где? Мало ли в аду чертей! И где у меня уверенность, что ты еще с кем-нибудь не укрепляла межгалактические связи? И вообще, гражданочка: я Вас – не знаю!

– О-ох, Яков! Какая же ты все-таки сволочь!.. Да я каждый твой шрамик изучила, каждую родиночку. И про наколку подмышкой не забыла: «Баламутрия – любовь моя!»

– Вы все слышали? – Заорал черт, зацепившись за спасительные откровения бывшей любовницы. – Так вот, милая. К твоему сведению, нету у меня ни шрафиков, ни наколок. Ну и ловка, подруга! Прошу Вас, гражданочка, укажите, какие у меня особые приметы? Хотя, заранее скажу – дохлая Ваша затея!.. Поклеп возводите. Я может быть и сволочь, но, прошу учесть, – порядочная!

– Ах, указать?! – Баламутрия попыталась обхватить извивающейся конечностью Яшин хвост. – А шрамик от ожога у кисточки?

Черт с готовностью задрал хвост трубой и сунул его под хобот нарушительнице спокойного холостяцкого бытия, аргументируя свою непричастность к появлению на свет лилового Яшеньки.

– Ну что, съела?! – Раздухарился Яков и попросил присутствующих подтвердить свою правоту.

Владимир Иванович не знал, то ли смеяться, то ли осуждать своего любвеобильного помощника.

– Прекрати паясничать, ловелас! – Попыталась проявить женскую солидарность Маринка. – Иначе отведу Баламутрию в хранилище и покажу твою татуированную шкуру.

Но Яков и ухом не повел. А войдя в раж, продолжал, на чем свет стоит, костерить инопланетянку, обвиняя ее не только в брачном авантюризме, но и в политической подтасовке фактов.

– Ну, дорогой, держись!! – Оскорбленная в лучших чувствах Баламутрия, глотая слезы, прижала к груди безотцовщину и направилась к выходу. – Ты у меня по суду алименты платить будешь. До третьего поколения внучат. По закону! И на все преисподнии ославлю! А сейчас возьму справку из лаборатории об установлении отцовства. Вот так-то! Подлец!..

Хлопнув дверь, инопланетянка покинула палату...

– Ушла! Ну да, бог с ней! Поехали дальше веселиться! – Как ни в чем не бывало, предложил Яков.

Но в палате никто не отозвался на этот призыв, кроме телевизионного экрана, на котором лобызал микрофон какой-то завитой тенорно-сопранный певец.

Даже Эдик осуждающе посматривал на своего друга и дальнего родственника. А о Маринке и говорить не стоило: черт шкодливо избегал ее презрительного взгляда. Взгляда, которым еще пол-суток назад она обещала ему все адовы наслаждения...

– Да-а. Нехорошо получается, Яша. Не по-мужски. Ну, не хочешь жениться – не женись, а при чем дитя? Почему ребенок должен страдать? – Тягуче стал выговаривать Ахензев непутевому бесу.

– Босс! Что ты понимаешь в наших брачных связях?! Я же племенной черт! Столбовой дворянин! Кто мне позволит вот так, очертя голову, жениться на первой прилетевшей. Хотя, не скрою – нашим девочкам до ее шарма – ой как далеко! За исключением Мариночки... Но даже с женщиной из родной преисподней я могу связать судьбу лишь в том случае, если она – ведьма, или чертовка с генеологией. А их – единицы. А те, что вьются вокруг – стервы почище Майки! Вот, ежели Сам и прикажет, то – никуда не денусь. Женюсь! Но лучше бы он приказал на Мариночке жениться. Ох и чертенят понаделали бы...

– Очень надо! Иметь в мужьях такого кобеля, как ты, равносильно, что самой в петлю залезть, – пробурчала Марина, отбиваясь от подъяюзившего к ней черта и хлопнув его по лапам.

– Кто тут В. И. Ахензев? – В палату вошли два крепко сбитых черта в красных кожаных комбинезонах с позументами.

31

– Фельдъегеря от Антихриста, – смекнул Ахензев и поднялся из кресла, давая понять, что он как раз тот, кем интересуются.

– По приказанию Верховного Нечестивца прибыли сопроводить Вас на встречу с Параситянами. Собирайтесь.

– Босс, я с тобой! Не имею права оставлять без охраны. Да и параситяне, хоть и отклонились от ада, пришлось не ко двору Люциферу I, как ни верти – а родственнички. Сто двадцать седьмая вода на киселе, а корень – один. Пара тысячелетий прошло, как в бега подались. Слышал, переродились в антигуманоидов. Интересно взглянуть, какие они из себя? – Яков зашустрил по палате, разыскивая, во что одеться.

– Маринка, где мои шмотки? Не в этой же полосатой робе, как беглый каторжанин, идти на встречу.

– Во-первых, ты не хуже меня знаешь, что осталось от твоей фирмы. Вон она – в углу валяется. А во-вторых, будь моя воля, пустила бы тебя голяком по аду гулять – Дон Жуан рогатый, – разобиженная, ревнующая черта уж и неизвестно к кому, Маринка фыркала дикой кошкой.

– Да не носись ты по комнате! – Эдик спокойно взирал на Яшины сборы. – Все равно скафандры напялите.

– А ты что, разве не с нами? – Черт удивленно уставился на Тьмовского. – Родственнички-то, в основном, по твоей линии...

– Нет, дорогие мои друзья. Я – остаюсь. Нагляделся: и на гуманоидов, и на проксимимцентаврян, и на прочих плутонян, до рвачки... Лучше наведуясь к Исчадиям, разберусь по-свойски...

– Та-ак! Босс... Топай один. Я – с Эдиком...

– А ну, прекрати дурить! – Владимир Иванович, и так подержавшийся в шестом круге, представил, сколько глупостей может натворить полный мстительного энтузиазма черт. – Разговорчики!

Владимиру Ивановичу опостылело мотание по адовым кругам. Материала, собранного им для написания не только прав-

дивого отчета Сатане, но и собственной потрясной книги, а не дешевки, хватало с избытком, и фантаст, ретроспективно прокрутив в голове свою роль в скитаниях из круга в круг, решил – довольно быть наблюдателем! Пора менять позицию и хоть к финалу проявить активность и инициативу. Поглядеть, что творится в седьмом и – возвращаться на «круги своя». И с Эльви-рочкой надо встретиться, поговорить, обсудить... Сатане намекнуть...

– Все, Яша. Вопрос исчерпан. Пошли. Мариночка! Ежели желаешь, можешь составить компанию. Думаю, что сумею провести на встречу своих друзей. К счастью, тут не ЦДЛ и не ЦДРИ.

Но девушка, сославшись на занятость, отказалась.

– Эх, босс! Тебе определенно нельзя потреблять больше двух стаканов. Чуть перебрал – сразу таким вредным становишься, жуть... – Недовольно ворчал черт, но поняв, что Ахенэев шутить не расположен, послушаться не решился и вышел из палаты следом.

* * *

Гусеницы транспортера высекли искры из булыжной мостовой и через пяток минут тряской, гудящей езды, последний этап которой проходил под уклоном в 45°, фантаст и адовы парламентарии въехали в темный, без огонька, двор. Один из сопровождающих фельдъегерей объявил:

– Мы находимся на суверенной территории посольства планеты Парасит. Но для встречи с представителями другой преисподней необходима дополнительная экипировка...

* * *

– Босс! А ну-ка, подай мне вон тот, зелененький, на зипперах. Ага! «Мейд ин Проксима Центавра». Ишь ты! Не то что наши манатки... – Яша привередливо перебирал скафандры. – Ну, как тебе Баламутрия? Ушлая, до не могу... Эта «фея» еще себя покажет. Охо-хо-хо!

Владимир Иванович подал скафандр ядовито-зеленого цвета, который позванивал от обилия застежек. Черт пощупал материал и, довольно заявив: «То, что надо», влез в импортные доспехи, чуть не запутавшись в многочисленных молниях.

– Ну как? Нормально сидит? – Яков крутнулся вокруг собственной оси.

Скафандр действительно хорошо сидел на черте, но на груди болтался пусто, лишний рукав: защитный костюм предназначался проксимоцентаврянам...

– Тебя это не смущает? – Ахенэев ухватился за рукав и тем самым прекратил Яшино круговращение.

– Это? Ах, это! Нет, босс! По последней моде. Путем смотреться... В прошлом году все помешались на скорпионских джинсах. Практичные, красивые, но – перекомплект штанин: аж пять! И, ничего – приспособились!.. Во вторую и четвертую копытами влезли, в третью – хвост пропускали, а первая и пятая штанины под дополнительные карманы пригодились. А тут – один рукав! Пустяк... Сейчас загерметизируюсь и – все о'кей! Зато престижно! – Яша завязал тугим морским узлом престижное излишество и посоветовал Ахенэеву нарядиться подобным образом.

– Нет уж! – Категорически отказался Владимир Иванович. – Я как-нибудь, в обычном побуду. За тобой не утонишься... И он облачился в презентабельный, сиреневого цвета, скафандр.

* * *

– Готовы? – Подвывая электромоторами, из люка в потолке опустилась метровой толщины платформа. На ней стояли одетые в красные, не изменяющие цвету формы, скафандры, знакомые антихристовские прихвостни.

Один из них придиричиво оглядел Владимира Ивановича и черта и протянул тяжеленные, усыпанные острыми шипами и кнопочным набором, пояса.

– Изготовлены специально для высокопоставленных особ. Без них, будь хоть в семи одежках, ближе чем на десять метров к братьям по разуму не подступишься. Взрывоопасно. А напялил эту безделицу, и – хоть обнимайся!

– Босс, ты как? Не желаешь с моими прапратетями и прапрадядями поплотнее познакомиться? Для полноты ощущений! Нет? А зря. Наверное – непередаваемое ощущение!

Яша затянул свою ядовитую трехрукавку поясом и щелкнул пряжкой. Ахенэев последовал его примеру.

Второй фельдъегерь коротко разъяснил, где, что и как надо нажимать и ввел переваливающихся с ноги на ногу почетных гостей в курс событий.

– Сегодня состоится подписание акта о сотрудничестве. Затем – обмен отрядами камикадзе. Это – на случай недопущения превалирования в какой-то из областей прогресса... Параситане

– представители антимира и прямой контакт с ними, потенциальными носителями термоядерного заряда огромной силы – чреват губительными последствиями. В нашей преисподней. А на Парасите, каждый из чертей – для них убийство, коль случайно раскроется. Поэтому договаривающиеся стороны и решили, для, так сказать, подстраховки, организовать отряды ужаса... Ну, и в остальном: конструктивный подход ко всем обговариваемым позициям... Правда, как они это обстрипают – ума не приложу. Да и не моего ума дело! Мы черти маленькие. Там – разберутся!

Фельдъегеря нахлобучили шлемы, давая тем самым понять, что сборы окончены.

Владимир Иванович и Яков тоже поспешили примерить конусообразные колпаки с шестигранными окулярами-глазницами и заторопились за провожатыми.

Ахензев на секунду отвлекся от мысли о встрече с инопланетянами – не к месту всплыл образ дорогой девушки, и пришел в себя лишь тогда, когда по шлему громко застучали. Яша жестами показывал, какую из кнопок на поясе необходимо нажать.

Ахензев включил переговорное устройство. В шлеме забился суматошный голос черта.

– Босс! Не могу поверить, что мои родственники за два каких-то тысячелетия в антигуманоидов скурвились. Докатились... Эх! Как бы, ненароком, и мне под репрессии не угодить...

Платформа с четырьмя пассажирами, направляющимися на встречу с представителями адовых кругов, втянулась в крошечную тьму и остановилась. Казалось, что чернота захлестнула скафандр Владимира Ивановича густой, липкой волной.

– Босс, включи инфракрасные фильтры. Вторая кнопка слева.

Фантаст последовал совету, и мрак окрасился наслаивающимся друг на друга, как в стакане коктейля, светом.

Ахензев увидел, что неподалеку стоят еще две фигуры, очерченные светящимся малиновым контуром.

Фигуры приветливо поздоровались с вновь прибывшими и чей-то незнакомый голос произнес:

– Вам велел кланяться Антихрист. Просил позвонить после встречи.

– А где же эти антигуманоиды? – Владимир Иванович оставил слова говорившего без ответа.

– Сейчас придут. Просьба, будьте поосторожней – вон за ту светящуюся полосу не переступайте. Пояса-поясами, а там, бог его знает, как обернется... Лучше не рисковать, – предупредил тот же голос.

Коктейль пронзили молнии, и фантасту показалось, что даже в скафандре запахло озоном.

По другую сторону разграничительной черты появились существа, схожие, разве что, с симпатичными героями Диснеевских мультяшек.

– Какая прелесть, эти милитаристы, – удивленно подумалось Ахензеву. – Брюшки розовенькие, ручки зелененькие, ножки синенькие и добродушная желтенькая головка.

Паразитяне запрыгали на месте и захлопали длиннющими ушами по улыбочивым щечкам.

– Это нас приветствуют, босс!

Незнакомый временный поверенный от ада поднял лапу.

– Уважаемые Паразитяне! Мы рады приветствовать Вас и надеюсь, что переговоры пройдут в рамках сотрудничества и взаимопонимания. А также верю, что при обоюдном согласии сумеем скрепить союз не только письменно, но и полюбовно: образно выражаясь – братски обнимемся без скафандров!

– Лишнее! Это совершенно лишнее! – Запищали антигуманоиды и заторопились. – Сколько индивидуумов насчитывает Ваш отряд? Учтите, каждый из Исчадий пройдет тщательнейшую проверку. Нам подойдут морально устойчивые особи, без склонности к мародерству. Извините, что говорим об этом, но по сведениям из других Галактик, до нас дошли слухи о нехорошем поведении некоторых из чертей. За своих блямблямчиков и цурипупиков – ручаемся. Очень воспитанная молодежь. Блямблямчики, хоть и военные, но без причины и муху не обидят. Очень дисциплинированные. А цурипупики – бизнесмены по большому счету. Воплощенная корректность. Просим гарантий, что Ваши Исчадия не перепьются и не станут хулиганить. Ведь лизни они лишнего – любые антиморя по колено. Не взрываются! К слову, примите ноту протеста... Вчера, неизвестными лицами, но с известными целями провокационного характера, на обшивке нашего флагамена выполнены нецензурные, оскорбляющие эстетические чувства достоинства, надписи. И это несмотря на то, что корпус «Анапемы» выполнен из антисплавов. Делайте выводы! – паразитянин умолк, пошептался о чем-то с окружающей свитой и продолжил. – Но мы можем закрыть глаза на этот конфликт при одном условии.

Платите компенсацию нейтральным металлом. Золотом. Мы от него не взорвемся.

Поверенный ада смущенно прокашлялся и заверил, что требования прищельцев законны и виновные будут не только найдены, но и отправлены на исправление в ЛИХа.

– Босс! Глянь, какие у них бриллианты на пупках висят. С ума сойти можно! Надо бы поинтересоваться: может удастся коны навести... – Яков не стоял на месте – авантюрный зуд и здесь не давал ему покоя.

Глава экипажа параситян достал из поднесенной папки лист отливающий золотом бумаги и протянул его в сторону представителя преисподней.

– Это – нота. Не хотим быть голословными. Написана на сусальном золоте. Вынуждены нести ущерб, дабы соблюсти формальности. И еще: мы ограничены во времени и – обиды обидами, а обед – по расписанию. Званны в Идол, так что убедительно просим, забирайте ноту и продолжим торговлю, извиняюсь, переговоры.

Адов представитель нерешительно протянул лапу навстречу, но с места не сдвинулся, тусовато взглянул на Якова.

– Что Вы мнетесь? – спросил параситянин.

– Князь, умоляю, примите ноту. Что-то в коленный сустав вступило, – имитировал приступ болезни поверенный.

– И-эх! Не прерывать же переговоры! Ладно, возьму... С тебя будет...

Яша смело переступил черту и приблизился к антигуманоиду. Но приняв грамоту, уходить не торопился. Он обошел один, второй раз вокруг улыбающихся инопланетян. Вероятно, хотел найти хоть какое-то родовое сходство. И, так ничего не обнаружив, с острым изумлением произнес:

– У Вас что, у всех брюшки розовенькие?

– Да. У всех – брюшки розовенькие, – мелодично пропищал старший.

– И ножки у всех синенькие?

– И ножки – синенькие, – подтвердил старший.

– И ручки зелененькие у всех? – Черт увлекся антропологией и поедал взглядом братьев по разуму.

– И ручки зелененькие. – Довольный писк параситянина не оставлял сомнения, что так оно и есть.

– И у всех такие огромные бриллианты? – Лицо Якова выразило самую невинность.

– Нет. – Неожиданно серьезно пискнул глава экипажа. – Бриллиантики только у блямблямчиков – едуреев. Высшая каста! Все как один – начальники!

Паразитянин от гордости еще больше выпятил лоснящееся брюшко, окончательно ослепив черта блеском драгоценного камня, с кулак величиной.

– Родненькие мои! Предки!! Я ж Ваш племянничек, Яша Загробштейн!

– Загробштейн? – недоверчиво посмотрел на зеленого антипода старший, – А почему с тремя конечностями?

– Загробштейн, Загробштейн!! – Забалабонил черт. – У кого хочешь спроси. А это – не конечность. Мода такая... Не веришь? На – пощупай, пустой рукав.

Паразитянин явно занервничал, не решаясь что-то сказать при посторонних.

– Тогда, князь, необходима конфиденциальная беседа.

– Со всей душой, дорогой дядюшка! Где будем беседовать?

– Князь! Я, как официальный представитель ада, категорически против этой самодеятельности.

– Помолчи, выскочка! Как разговариваешь со столбовым дворянином, аристократом.

Яков повернулся к Ахенэву.

– Босс, иди сюда... Да не бойся...

Ахенэв робко шагнул на зов черта. Защита выдержала. Но от повысившегося напряжения в окружающей среде волосы под шлемом вздыбились.

– Адмирал! Дядюшка! Позвольте отрекомендовать Вам ближайшего друга, и где-то даже, соратника, оч-чень, оч-чень талантливого литератора! Секретов от него не держу.

Родственник что-то проблямблямкал своим подчиненным и князя с «выдающимся» литератором пригласили на корабль.

– Загробштейн! Я буду вынужден доложить Антихристу о Вашей политической неблагонадежности. – Гремел за спиной голос. Но Яша лишь отвильнул хвостом.

* * *

«Анапему» швыряло из стороны в сторону, как шайбу по хоккейному полю.

– Вот паразит! Опять втянул в сомнительное предприятие! – простонал Владимир Иванович, намертво вцепившись в подлокотники жесткого кресла.

– Что желаете? – над Ахензевым склонился жизнерадостно дирижирующий ушами блямблямчик.

– Благополучного приземления, – раздосадовано ляпнул фантаст. – Всегда так кантует при взлете?

– Что Вы! Просто продираемся сквозь защитные поля Исчадиевых укрепспейсорайонов. Мелочь! Проскочим гравитационную зону шестого круга и – заскользим, как по маслу.

«Хороша себе мелочь!» Зарубцевавшиеся раны, от соприкосновения с креслом, неприятно зазундели.

До вступления на борт флагмана Владимир Иванович чувствовал себя в относительной безопасности. Хоть и в аду, но под покровительством Самого! Да и черти при ближайшем знакомстве оказались не столь ужасными. «Не так страшен черт, как его малюют» – ведь недаром выдуманна поговорка. В общем – неплохие ребята.

А сейчас, в окружении обходительных, ласковых на вид инопланетян Ахензеву представилось, что с ним может произойти, увязни эта звездная тарантайка в невесомости, или, что еще опасней, – улети к себе на Парасит, минуя седьмой круг.

Родственничек же был сам не свой от общения с антигуманоидами и напрочь забыл о существовании писателя.

«Караты, пробы, валюта, акции, дивиденды, рента» – доносилось до Ахензева терминология финансистов, и он не выдержал:

– Яков!? Ты можешь разговаривать по-человечески?

Черт недовольно взглянул на Владимира Ивановича и развязно произнес:

– Обязательно надо встряхнуть... И балясы поточить не даст...

Но в дальнейшем беседа потекла на знакомом языке.

«Адмирал», убедившись, что Яков не самозванец, порылся в сусеках и вытащил из заглазника бриллиант на якорной толщины золотой цепи. Фирменный скафандр черта украсил камнею каратов на 800-900.

– Очень хорошо, князь, что Вы не перерожденец! – Тонко верещал старший блямблямчик. – На «Парасите» ждут не дождутся монарха, сохранившего чистоту крови... В наших анналах сохранились завещания предков, столетиями мечтающих о мудром и справедливом правителе из династии Загробштейнов. Не поверите, князь, что наш национальный гимн начинается словами: «Великий блямблям Загробштейнов храни!» Прошу Вас, князь, хорошенько подумайте: не соизволите ли взять

бразды правления народом в свои лапы? И, извините за бестактность, я не имею полномочий интересоваться такими вещами, но не могли бы Вы документально засвидетельствовать чистоту династии Загробштейнов в течение двух тысячелетий? Не произошло ли случайное кровосмешение с другими какими-нибудь не родовитыми чертями?

– Ха... Нет ничего проще! – Яша представил себя наследным принцем и, беззаботно развалясь в аскетически жестком кресле, осчастливливал сюзеренов вниманием. – Возьмите «Алую Книгу» преисподней, где перечислены все именитые роды и Вы легко убедитесь, что Загробштейны неукоснительно блюли чистоту: женились или на кузинах или, в крайнем случае, на княгинях, иерархически стоящих на одной ступени с нами. Так, моя матушка – урожденная Земя Подколотная. А сам, – отменяя последние сомнения инопланетян, – Яков кивнул в сторону Ахензеева, беря его в свидетели – холостяк. Он не даст соврать, каких красавиц я отвергал, сохраняя верность традиции...

– А где находится «Алая Книга»? – Блямблямчик раболепно сложил уши на плечи. – Если Вы представите Зилоду доказательства правоты сказанного, то – хотите или нет, а Вас, князь, провозгласят престолонаследником! О таких деталях, как открытый счет в банке и говорить, думаю, не стоит... Так где же она?

Яков оскорбленно засипел в респиратор и отбоярился.

– Семейные документы хранятся в сейфе ДНК-банка. Там же лежат и матрицы, поколенно, и «Алая Книга» – все в седьмом круге. Кстати, чистоту крови можно установить чисто генетическими путями.

«Адмирал», по-видимому, остался доволен объяснением черта, потому что опять запрыгал на месте, замахал ушами и радостно объявил.

– Так в чем же дело, Ваше Сиятельство! Прошу в субграндину и мы, не откладывая, наведаемся в седьмой круг. Единственный круг преисподней, где молекулярная структура среды бессильна. Со священниками общаемся без защитного поля. А «Анапему» поставим на автопилота, пусть побарражирует, пока утрясем формальности.

32

Шурупообразная субграндина с пассажирами отстегнулась от матки-корабля и направила винтовой полет к Идолу.

– А что, Адмирал, неужто так припекло, что срочно понадобился монарх? – Яков шоркался по кабине утлого аппарата, рассматривая всевозможные приспособления и приборы и, задевая за попадавшиеся на пути выступы третьим, болтающимся рукавом.

– Ваше Сиятельство! Народ истосковался по батюшке, единокровном властителе паразитянского стада! Да и что за страна без монарха? Любое паритетное соглашение с преисподней другой галактики – пустышка... Поэтому – умоляю Вас, возглавьте престол. В седьмом круге отдохнете, посмотрите Армагеддонские игры и к нам, на коронавание! Вы – наша надежда!!

Владимир Иванович навострил уши. Армагеддон – насколько был осведомлен Ахензев – последняя битва между вооруженными силами ада и рая за приоритет во влиянии на жизнь по обе стороны мира. Но на Земле, по церковным толкованиям, эта битва еще продолжается, грядет. А тут, оказывается, – ежегодные состязания! Интересно!

– Яша, а что за игрища? Чуть ли не Олимпийские. И почему в идоле? Какое отношение имеют священнослужители к спорту? Бег в мешках, что ли?

– Босс, перестань! Неужели не понятно: любой священнослужитель на Земле, по сути своей – спортсмен. Во всем. Начиная от желания завладеть вниманием, как можно большего числа болельщиков и кончая постоянной борьбой с соперниками. Правда, в наше время священники подъязмельчали – все же научный прогресс и прочее... Вот в средние века такие ухари были – о-е-ей!! Выставь сейчас, допустим, хваленого Кассиуса Клея против средней паршивости рыцарька-крестоносца из ордена Иезуитов – тот и раунда не продержится. Иезуит боксера одним фанатизмом задавил бы. А про инквизиторов я и не упоминаю, те вообще – супермены. Здесь же, в идеологическом отделе, в частности, в Нью-Ватикане ежедневно, в течение недели проводят Армагеддонские игры. Состязания под стать Олимпийским, это ты верно подметил, только кроме обычных видов спорта введены риторические, магические и переплевательские конкурсы. Чемпионы игр награждаются Благодатями трех степеней. Публики, босс, тьма! Идол и его экономика, считай, только на этом и выезжают! Ну и, само собой разумеется банки, резиденция Самого, институт демонологии – в одной куче. Вся политика преисподней в седьмом круге вертится! Так сказать, коллегиально...

А параситяне тоже себе на уме, знают, когда подкатить. Еще те родственнички!

Яков закурил, смял сигарету.

– Босс, я думаю, наследственные дела никуда не денутся, а на играх побывать надо. Ты-то на земле, небось, страстным болельщиком был? Что предпочитаешь: футбол, хоккей? Я лично болею за «Бардак».

– А я – за «Спартак». – Ахензев чуть не прослезился, вспомнив, что как раз в это время на Земле проходит чемпионат мира по хоккею. – Интересно, как наши с канадцами сыграли? – Подумалось ему.

– Слушай, Яш, а нельзя ли узнать, как наши сыграли с канадскими проффи? И про «Спартак», заодно?

– Сделаю, босс!

Яков подошел к «дядюшке» и что-то попросил. «Адмирал» указал на пульт и черт, присев к нему, начал колдовать с верньером настройки. Минуты через три он вернулся к Владимиру Ивановичу и бодро объявил:

– «Спартак» в Киеве ободрал ихнее «Динамо» со счетом 5:0, а проффи вздули нашу сборную – 8:3. Но ты не расстраивайся. Отыграются. Там мужики крутые... Ну, все. Пристегиваться. Идем на посадку. Да, с тебя причитается, – Эльвирочка в Идоле!

* * *

– «Бардак» – чемпион! «Бардак» – чемпион! – Знакомо неистовствовали трибуны и Владимир Иванович, наверное, впервые за все время нахождения в аду, по-настоящему почувствовал себя счастливым человеком, отпустил постоянно сдерживающие внутренние тормоза.

На протяжении почти двух часов он упивался происходящим на поле большого стадиона. Команды чертей и ангелов заканчивали футбольный матч. До финального петуха оставалось минут пять.

Бугаистый чертило из любимой Яшиной команды резво вертанувшись на одном копыте, то ли нечаянно, то ли специально, врезал другим по коленной чашечке не успевшего отскочить в сторону ангела. Ангел рухнул, и судья в длинной рясе объявил пенальти, дернув за лапы черного сигнального петуха и зафиксировав нарушение правил.

Команда чертей взгромоздилась друг на друга, выстраивая бастион у своих ворот и ангелам не удалось пробить брешь.

– Эх, жаль мало времени осталось, а то бы наши точно вышли вперед.

Отчаянное «кукареку» возвестило об окончании матча между двумя сборными: «Бардак» и «Аллилуйя» со счетом 1:1.

Гостей Армагеддонады приглашают в западный сектор, на соревнования по боксу и борьбе.

– Пойдем, Яш, посмотрим, – потянул с трибун черта фантаст. – Интересно, что за спортивные силы выставлены?... Может и Эльвирочку там встретим?..

С трудом продравшись сквозь разноплеменную толпу, они проникли в западный сектор, как над всем стадионом разнеслось:

– Князь Загробштейн! Вас ожидают у центрального входа. Просим срочно пройти к парадной арке.

– Слышишь, босс? Что-то произошло. Вызывают. Одно из двух: или эта гнида – временный поверенный накапал Антихристу, или родственнички соскучились. Приглашают на прием, а заодно и с документами разобраться. Знаешь, мне не дает покоя одна мысль. Хоть в своей чистокровности и не сомневаюсь, смущает как-то выданное бабушкой... Тайна, мол, в нашем древнем роду имеется. Что за тайна?.. Но, так или иначе, а идти надо.

...У входной арки рыскал в ожидании Якова шустренький дьячок с сивой, ключьями бородежкой, небрежно одетый, но при элегантном портфеле.

– Вы князь Загробштейн? – Он подскочил к черту и, услышав «да», предложил: «Приказано срочно доставить к директору ДНК-банка. Дело государственной важности. – Провожаящий испытующе поглядел на Якова и добавил. – Надеюсь, что смогу Вам, князь, пригодиться».

– В чем? – не понял намека черт.

– Во всем. Буквально, во всем! – Интригуяще и, опять-таки, непонятно прогарантировал дьякон.

– Забавный тип! – Яков со скепсисом оглядел малопривлекательную горбатую фигуру священнослужителя и с легкой тенью неудовольствия в голосе скомандовал.

– Ну что же, веди, любезный. Кто там еще присутствует?

– Ой, князь! – Опять задолдонил дьяк, – зело много всякого руководства – и все по Вашу душу!

– Погоди причитать! – оборвал сивобородого Владимир Иванович. – Лучше сообрази для своего подопечного подобающую одежду. Не в скафандре же идти?!

– И то верно, – поддержал черт. – Скафандр хоть и фирмовый, а фрак или смокинг уместнее. Слышь, «полезный»! Где тут приборaxлиться можно. Или в Нью-Ватикане только рясы да сутаны в продаже?

Поводырь возмущенно всплеснул руками.

– Князь!! Здесь можно купить даже, извините, черта... Начиная от индульгенций и кончая тройным одеколоном в экспортном исполнении. А про такую мелочь, как одежда и заикаться стыдно. Я же говорил, что пригожусь... Какой костюм изволите?

– Дай ты ему гензнаков, пусть сам подберет подобающую случаю одежду.

* * *

– Проходите, проходите! Очень рады видеть и засвидетельствовать свое почтение.

Светская морда директора ДНК-банка излучала почти Достоевское радушное и искреннее счастье.

Владимир Иванович и Яша, вырядившийся во фрак с атласными лацканами, бабочку и темные брюки, вошли в большой кабинет.

– Сколько же этих кабинетов? – против воли подумал фантаст. – Вот ведь как интересно жизнь устроена в природе. Где бы ты ни был, чем бы не занимался, в какие передряги не попадал, а судьбы вершились и вершатся за массивными дверьми должностных помещений. Символ эпохи, если не эры... Письменный стол с чернильным прибором и численником – этому предмету мебели впору монумент воздвигать! Если раньше плясали от печки, затем от лампочки, то теперь – от стола! И ад, оказывается, не исключение. Кабинеты, кабинеты...

Помимо директора ДНК-банка, князя Загробштейна и Ахенэева встречали: «адмирал» с делегацией параситян и пять или шесть одетых в черные рясы с митрами на головах, в клобуках с серафимами, при епитрахильях, высших священников.

– Ну-с, князь. Позвольте Вас поздравить! Мы ознакомились с ДНКатекой Вашего рода и можем с уверенностью подтвердить, что в Ваших жилах течет кровь истинного Загробштейна. Присутствующие при изучении архива пришли к выводу, что лучшего монарха на Парасит не сыскать. Уверены и в том, что Вы с успехом справитесь с новыми обязанностями: в моральном облике такого джентльмена не сомневаемся... Маленький нюансик, князь. Насколько нам известно, узы Гименея Вас не

обременяют? А пора. Пора! – по-отцовски пожурил беса директор. – Это серьезный шаг и я одобряю подобную разборчивость в выборе кандидатуры. Но, позвольте посоветовать – женитесь, как можно скорее. В противном случае, мы вынуждены будем задержать оформление необходимых документов. Отправлять на Парасит холостого престолонаследника – не имеем права. Поэтому, смею рекомендовать нескольких барышень из знатных родов. За чистоту их крови – ручаюсь: и как специалист, и как должностное лицо! Вот! Прошу выбирать кандидатку.

Директор подал Якову несколько папок с грифом «Дело №». На верхней из них было написано: «Баронесса Могил-Саванская».

Яша, заинтересованный таким оборотом дела, развязал зеленые тесемки и, не к месту, вслух, брякнул:

– Да-а, босс, без меня меня женили!

– Еще не женили, князь, но обязательно женим. Вот подъедет Антихрист, с ним посоветуемся и – прощай бурное юношество! Займете трон, остепенитесь, и – нам же спасибо скажете!

Баронесса Могил-Саванская выглядела вполне фотогенично. В том смысле, что даже на фотографии было видно – эта, с позволения сказать «барышня», украсит Яшкину многострадальную голову еще не одной парой рогов. В папке, кроме фотографий имелась ксерокопия длинного перечня баронесовских именитых предков.

– Да вы же с ней знакомы, князь. Что можете сказать о Саванской?

– Ну что? Пользуется влиянием в аристократических кругах, богатая, образованная, любвеобильная... Конечно, на роль домохозяйки не годится. Воспитание иное. Шить, стирать, готовить не умеет, но, что касается постельных дел – золотые руки! И, хотя я не страдаю отсутствием мужского темперамента, позвольте данную кандидатуру пока не тревожить. Иначе, при общности интересов – развод неизбежен.

– Хорошо. Посмотрите следующее дело.

– Графиня Далдубовская, – прочитал из-за плеча Якова Ахензев. С фотографии смотрела, вне всякого сомнения, породистая, красивая и, вероятно, умная дама. Следовал такой же поименный список предков.

– С этой я не знаком. Что из себя представляет? – обратился к директору банка черт.

– О, князь! Умнейшая женщина. Автор нескольких монографий в области психологии, демонологии, социологии и сек-

сопатологии. Член-корреспондент двух академий. Трижды была замужем, но... с мужьями – как кошка с собакой. Один зациклился на аутосуггестии⁵¹ чтобы не свихнуться, а предыдущие к Шиве подались, подальше от беды... Дали обет безбрачия. Превратились в единомышленников, изучают «Махабхарату», но в седьмой круг – ни ногой... Берите в жены, князь, не прогадаете. Свежая просветительская струя в жизни паразитского народа...

В кабинет без стука вошел прямой, мосластый старец в длинной домотканой холщевой рубахе и зычно произнес:

– Который тут князь Яков Загробштейн? Поговорить треба, срочно.

Все находившиеся в кабинете удивленно уставились на распоясанного, в прямом смысле этого слова, старца. Рубаха – до колен, да и вообще, одяние неожиданного гостя резко контрастировалось с респектабельностью кабинета и его обитателей.

– Ну, так кто Яков Загробштейн? – повторил старец и обвел присутствующих тяжелым довлеющим взглядом. – Да не бойтесь, я его на пару слов...

– А кто Вас сюда пустил? – прищуренные внезапным гневом глаза директора не мигая, жгли посетителя.

– Не ори! – осадил его старец. – Привык встречать по одежке. Я твой крупный вкладчик. Аль не узнал? Бес Ярило – я!

Услышав грозную отповедь, директор попритих и неуверенно протянул. – Вот он, Загробштейн! Но, может дождетесь окончания беседы, а уж там, поговорите с князем?

Старец повелительно указал заинтригованному Якову на дверь и бухнул, как в надтреснутый колокол:

– Помнишь бабкину молву. Дело не требует отлагательств.

– Босс, – обратился черт к Ахенэеву, – Яриле отказать не могу. Загадками говорит старик, да и наслышан про него немало. Так что, побудь пока здесь, я долго не задержусь...

За время отсутствия Якова Ахенэеву предложили кофе и он, испросив у директора разрешения, пододвинул к себе папки и углубился в изучение действительно занимательных родословных. Директор и священнослужители завели нудную перепалку с параситянами на предмет того, кто должен финансировать мероприятие государственной важности – предстоящую свадьбу черта. Событие это предполагалось раздуть до вселенских масштабов.

⁵¹ Аутосуггестия – самогипноз.

Яков на самом деле отсутствовал недолго. Минут десять-пятнадцать. Но что-то с ним произошло! Сияя какой-то блаженной, умиротворенной улыбкой и даже, как показалось фантасту, чуть-чуть покачиваясь, он выглотал содержимое Ахенэевской чашки и решительно заявил:

– Конкурс кандидаток на должность жен пока откладывается!

– Как же так? – чуть не сел мимо кресла директор. – Ведь сейчас явится графиня Далдубовская. Да и Антихриста ожидаем с минуты на минуту. Что за капризы, князь?

– Как сказал, так и будет! – с гранитным постоянством уточнил черт. – Нечего мне пути навязывать. Завтра разберемся. Пойдем, босс, нас с тобой в одном месте ожидают.

Но выйти Владимир Иванович и Яков не успели. В кабинет, в сопровождении Антихриста, вплыла высокообразованная графиня Далдубовская.

– Бонжур! – промурлыкала она и, выпростав затянутую в черную перчатку кисть из-под локтя величавого кавалера, подобралась к Якову. Под взглядом ведьминых глаз черт почему-то заводил мордой.

– Насколько я понимаю, господа, этот юноша – мой будущий супруг?! – Безапелляционно приземлила она и бесцеремонно подняв Яшкин подбородок ладонью, повернула его голову в нескольких ракурсах.

Не привыкший к такому обращению, черт ошетинился, но позволил изучить свой анфас и профиль.

– Да, вы правы, Антихрист, череп у него действительно классической формы. Правда, глаза немного узковаты, но, возможно, врожденный дефект. Ладно, я согласна взять его в мужья. Какое материальное обеспечение гарантируется? Да и вообще, желательна ознакомиться со всеми документами в подлиннике. Я привыкла к деловому подходу.

Яша, наконец, очнулся и, стряхнув с подбородка исследующую его руку, окрысился на Антихриста.

– Шеф, что за самодеятельность? Я может и не желаю жениться! И на престолонаследие наплевать, коль какая-то переучившаяся сямка меня, как в паноптикуме разглядывает... Свобода – дороже! Да и не родилась еще такая баба, которая кататься верхом на князе вздумает! А эта коза только появилась и – туда же. – Черт, передразнивая графиню, жеманно приподнял плечи и отставил зад. – Ладно, я согласна взять в мужья. А ну, рви когти отсюда, кошка драная! ишь, расчувствовалась, – глаза

у меня, видите ли, узковаты! На свои посмотри. Самые, что ни на есть, бесстыжие... Заявляю официально: эта мне – не подходит тоже!

Несмотря на гневную Яшкину эскападу, графиня стояла совершенно спокойно, достала из сумочки старинный лорнет в золотой оправе и воззрилась на взбунтовавшегося черта.

– Он у вас всегда такой экспрессивный? – спросила она у Антихриста, когда Яков выдохся. – Не ожидала встретить в наш феминизированный век подобный образчик мужчины. Это – уже хорошо! Немного грубоват, но держится с достоинством. Как у него с образованием?

– Как у всех родовитых племенных чертей. Пажеский корпус и кадетское училище за плечами. Прочили в Академию, но вот, видите, какая ситуация сложилась. Да и к чему ему теперь Академия? Вы его так образуете, что через год любого генштабиста за пояс заткнет. Способный малый! Дури в голове, конечно, не занимать, но – возрастное...

И Владимир Иванович с грустью осознал, что судьба Якова – решена. Да и сам черт понял, что раз дело коснулось глобальных проблем – его согласия спрашивать не будут. Но, тем не менее, собрав всю попрунную гордость, он протестующе зацыганил.

– Не буду я на ней жениться! Каждый свободный гражданин ада имеет право выбора.

– А куда ты, дружок, денешься. Поостынь... – Антихрист мягко улыбнулся и похлопал Якова по плечу.

* * *

– Босс! Что делать? Никакой личной жизни, одна общественная! Угораздило же меня сплестись хвостами с этими родственничками... Смотри-ка, они и брачный контракт готовят! Сейчас окрутят, как миленького и – каюк! Ух, и адмирал заодно... Да-а, плетью обуха не перешибешь... – черт трагически заломил лапы и тоскливым шепотом попросил. – Слушай, сообрази чего-нибудь! Иначе – труба! Нам бы только отсюда выбраться, а там – видно будет. Ты даже и не предполагаешь, что сообщил мне Ярило!.. Придумай любой повод, но к Яриле – кровь из носа – а удрать надо. Против тебя-то Антихрист не попрет.

Владимир Иванович не знал, что сказал Яше таинственный Ярило, но не прийти на помощь другу он не мог. Пришлось на ходу изыскивать аргументированный мотив их срочной отлучки.

– Который час с момента начала нашей встречи? – оторвал фантаст Антихриста от составления контракта.

Глава адова Преставительства глянул на золотой наручный «Роллекс» и голосом телефонного диктора любезно ответил.

– Нью-Ватиканское время 13 часов, 13 минут, 13 секунд.

– Извините, Антихрист, но нам придется на время расстаться. Через десять минут у меня очень ответственное randevu, на котором присутствовать телохранителю крайне необходимо. Прошу простить за то, что похищаю князя в столь торжественную минуту, но – интересы дела превыше всего!

Антихрист онемело стеганул взглядом по фантасту, но возразить личному протезе Сатаны не посмел. Хотя отпустить Якова – ой, как не хотелось! По всему было видно, что он заинтересован быстренько закончить формальности и перейти к свадебной подготовке. Да и блямблямчики страстно жаждали заполучить не только монарха, но и будущую королеву-просветительницу.

– А что, пусть себе идет, только, – графиня поднялась из кресла, – документы на стол! А то – сбежит из-под венца! Знаю я этих современных мужчин. Идите. А мы обойдемся без него.

Яша с облегчением выложил под нос Антихристу пачку документов и, подхватив Владимира Ивановича под руку, вылетел с ним из кабинета.

– Босс! Аллур три креста! Ты сейчас омоложенный, поэтому не отставай. Надо успеть!

– Неужели так срочно? – Уже на бегу, тяжело отталкиваясь от земли, спросил фантаст.

– Да! Ярило ждет в ските. Не отставай!

33

– Явился, отрок! Молодец, не опоздал. Чай, черти не хотели пушшать?

В рубленном из лиственницы на века доме, куда привел Ахенэева Яков, чадаящая неугасимая лампада тускло подсвечивала изможденное, с глубокими морщинами на лбу и под глазами лицо старца.

– Этот-то, что с тобой, молчать умеет? – Старец указал пальцем на Владимира Ивановича.

– Могила, отче! Как за себя ручаюсь. Его присутствие просто необходимо. Во-первых, он мой друг, а во-вторых, в случае провала нашего предприятия, имя Загробштейна не будет опорочено врагами. Он – писатель с Земли, и собирает материал не

только для отчета Сатане, но и для книги про жизнь адову. А что книга будет опубликована, сомнению не подлежит – Сам Сатана лапу приложит.

– Яша, посвети в суть дела. Ребус какой-то, – подал голос фантаст.

– Босс, тут такая тайна открылась – закачаешься! Сегодня, благодаря Яриле, выяснилось, что я – вовсе даже и не черт!

– А кто же ты? – Изумился Ахензев. – Самый, что ни на есть натуральный черт! Сам бахвалился, что по родословной ни одной закавыки. Или ты, фигурально выражаясь, «не черт»? Так об этом я и так знаю!

– Босс! Тайна нашего рода – больше для меня не тайна! И бабулька не зря умалчивала – опасалась за внучонка. Не черт я, Вольдемар, а – бес, в самом глубоком понимании этого слова. БЕС! Это не одно и то же.

Владимир Иванович затряс головой, стараясь понять, не нашло ли затемнение на его верного помощника.

– Лично для меня, Яша, один черт: что бес, что черт!

– Эх ты, а еще писатель... Слушай внимательно. Раньше, с тысячу-другую лет назад, бесы были бесами, а черти – чертями. Это потом уравниловку устроили... Короче, пусть лучше Ярило объяснит, а то у самого голова кругом идет!

Старец осушил огромную, воняющую хмелем деревянную кружку, крикнул и, пожевав бороду, указал Ахензеву на грубо-сколоченную скамью.

– Внемли, человеце, грустную историю бесов. Некогда языческие народы, от которых произошли все славяне, почитали бесов – солнечных добрых существ. Внешне бесы – копия нынешних чертей... Но вот, на славянских землях появились христианские священники и стали огнем и мечом насаждать свою веру. Людям, под страхом смерти запретили поклоняться языческим богам. Любой, сохранивший веру предков, объявлялся еретиком. Порода нашу бесовскую Христиане предали анафеме и приравнивали к одному из сословий адовой нечисти, поставили на одну ступень с чертями. Хотя ранее мы не были злыми духами... И вот, на протяжении столетий, те бесы, кто выжил, вынуждены носить личину чертей. Внешне-то – похожи... Из поколения в поколение, от отца к сыну, передавалась тайна. Мы всеми силами старались сохранить чистоту крови и женили сыновей на дочерях бесов. Многие видные в иерархии ада посты и по сей день занимают мягкосердечные, добрые существа. И, клянусь тебе, ни один из них никогда не отступил-

ся от бесовской идеи. Никто и никогда не причинил людям зла. Ежели мы не могли в чем-то помочь, то скорбя смотрели на то, что вытворяют черти. И затем, тайно, но по мере сил старались исправить сотворенное ими зло... Нас в аду не так уж и много. А посвященных – и того меньше. И не возжелай Антихрист женить князя на чистопородной чертовке – ведьме Далдубовской – все осталось бы по-прежнему. Но обстоятельства сложились в нашу пользу: ведь с помощью Якова появилась реальная возможность открыто заявить о своем существовании по всем галактикам. Достаточно Загробштейну принять корону на Парасите и жениться на бесовке, и туда постепенно переселятся все остальные бесы. Возникнет новое, обособленное государство! А до тех пор – молчать, иначе пришлют государственную измену и начнут против нас травлю! Так что, о браке с ведьмой не может быть и речи. Необходимо что-то срочно решать.

Ахензев сидел на лавке, ошарашенный рассказом Ярилы. Он-то и раньше замечал, что Яков похож на черта только внешне, но не придавал этому особого значения – а здесь такой подтекст!

А старый бес, умудренный опытом предков, попытал.

– Вот ты – писатель! Поэтому прошу об одной услуге. Сделай доброе, для бесовской братии, дело: систематизируй сведения о деятельности бесов по прежним векам. Они войдут в хрестоматийную историю «Бесовского народца», да и вообще, в энциклопедию нового государства Парасит. За труды воздадим сторицей.

Владимир Иванович согласился с предложением.

– Яш, а Эдик кто? Что-то не похож своими действиями на злыдня? – Спросил фантаст.

– Эдуард Тьмовский один из наших виднейших деятелей. Наш бес! В отличии от Загробштейна, давно посвящен в тайну и успешно работает на пользу своего народа. – Ответил за Якова Ярило.

– Эх, Эдик-Эдик, а еще друг называется! Хоть бы намекнул, – обиженно протянул Яков.

* * *

В открытую форточку влетела черная ворона. Усевшись на угловатый, окованный железом сундук, она произнесла:

– Кар-р-р, кар-р-р! – И поманила Ярилу крылом, видимо, не желая общаться со староверцем вслух при двух свидетелях.

Ярило, нимало не удивившись, поднялся и подошел к важной обирающей перья птице. Ворона цапнула одной лапой бороду беса и притянула его к себе. Пощелкав какое-то время клювом у уха старца, ворона разняла лапу и отпустила бороду, оставив в когтях несколько волосин.

– А ты не брешешь? Сам святой Влас⁵² баил? – спросил с сомнением Ярило у гости.

– Кар-кар?! – возмутилась чернокрылая и, похлопав себя одним крылом по костлявой груди, другим, в знак своей искренности, чиркнула по отливающему синевой горлу.

– Ладно, верю! – Успокоил разволновавшуюся птицу старец. – Проваливай! Еще что выпытаешь, сразу ко мне.

– Как на кар! – Запереминалась с лапы на лапу ворона.

– Ух, ненасытная, – ругнулся Ярило. – На, лопай! Получив от беса изрядный кусман сыра, ворона шмыгнула в форточку и пропала.

– Ну вот, сынки! Дождались, дотянули... Эта дрянь Далдубовская без твоего, Яков, присутствия брачный контракт по всей форме обстряпала. Прими поздравления...

– Нет уж, извините, – взвихрился бес Яков. – Немедленный развод! Прямо сейчас пойду и разведусь. Натуральная чертовщина!..

Яша забегал по хате, но тут же сел опять, поняв, что эмоции здесь неуместны.

– Что делать теперь? – Беспомощно простонал он. – Подскажите?

– Развод – это точно, но как? – Лицо старца еще больше сморщилось. – Может, писатель подкинет мыслишку?

Ахензев еще не до конца проникся сознанием случившегося. Какая-то, почти опереточная сценка разыгрывалась у него на глазах. А раз так, то и выход из положения должен соответствовать завязке.

– А что, Яша? Может быть ей любовника подсунуть? И с ним же – прихлопнуть! Скандал, развод и – ты как и прежде – свободный и независимый... На Земле, по крайней мере, сработало бы на сто процентов!

– Погоди-ка, погоди-ка, босс! – Яков заходил вокруг Ахензеева кругами. – А что, вполне подойдешь! Далдубовская – дама с претензиями, и на писателя, тем более с Сатанинской метой, клонет – нечего и думать! Ну молодец, ну фантаст!

⁵² Св. Влас – покровитель животных.

– Да я не о себе, об Эдике... Ты представляешь, что произойдет с Эльвирочкой, узнай она о моих похождениях?

– С Эльвирочкой? Босс, полный вперед! Сестричку беру на себя! Объясню – она поймет. Не бойсь... – и, видя нерешительность Ахензева, попробовал сыграть на самолюбии. – А еще друг! Ну можешь ты меня вынуть из петли?!

– Ладно, Яша, будь по твоему, – сдался Владимир Иванович, – если конечно, графиня не почувствует подвоха. Но перед спектаклем обговорим детали с Эльвирочкой. Во избежание лишних эксцессов...

– А где Ваша подружка-то? – спросил молчавший до сих пор Ярило.

– Да здесь она. Прилетела на игрища, услышала, что Вольдемар обретается в седьмом круге. Любовь у них! А живет, скорее всего в отеле «Соблазн». Только – предупреждаю заранее – чрезвычайно чувствительная девушка. Поэтому, прямо в лоб посвящать нельзя. Исподволь... – Бес, по привычке потянул лапу к рогам, но вовремя отдернул, вспомнив о переклонировании.

Ярило три раза громко кашлянул и в комнату, согнувшись в поклоне, вошел одетый так же, как и единомышленник-повелитель, бес-посыльный.

– Напиши своей барышне пару слов, – предложил Ярило фантасту. – Он передаст.

* * *

Холоп вернулся быстро. За время его посылы Владимир Иванович с Яковом испробовали Ярилиной бражки, напоминающей по вкусу сладенькую водицу, но по мозгам бьющую не хуже бормотухи...

Тяжелая дверь с грохотом отворилась и Ахензев едва устоял на ногах от бурного натиска, отчаявшейся увидеть его целым и невредимым Эльвирочки. Девушка зависла на шее фантаста и, покрывая млаожавое лицо поцелуями, сквозь радостные слезы попеняла:

– Милый! Я же тебя совсем потеряла... Почему не давал о себе знать, скрывался. И что это за таинственная встреча в избушке на курьих ножках? – Эльвирочка отступила на шаг и, обозревая стройного, изменившегося Ахензева, проговорила с болью в голосе:

– Конечно! Что тебе до какой-то бывшей актрисы. Наверное, гулял в свое удовольствие, а я, взбалмошная дура, весь ад на ноги подняла, его разыскивая. Не стыдно?

Эльвирочка опять обняла раскрасневшегося Ахенэева и уже более тихо продолжила:

– Антихрист передавал, что ты проходишь курсы омолаживания, и я тут же помчалась в шестой круг. Но пограничники не пустили. Сказали, что пока нельзя, карантин...

Девушка запустила пальчики в густую шевелюру Владимира Ивановича и, как бы пробуя крепость волос, нагнула лицо фантаста и, не стесняясь присутствующих, надолго припала к губам.

– Сестренка, любовь – это понятно!.. Ты лучше расскажи, чем кончился вояж Охмуры-сана? Шибко подозреваю, что без твоего участия не обошлось! Наилейший растрезвонил, что по вине какой-то «фанатички» «апельсина» срочно переключили.

– Правильно, Яшенька, подозреваешь. Жаль ты под горячую ногу не попал... Ишь, тоже посвежел, да и рожки новее новехоньких, – девушка, когда-то сменившая гнев на милость, опять недобро взглянула на беса.

– Тихо, тихо, сестричка. Что было, то было, а я тебя очень люблю и уважаю... Эх, знала бы ты, в какой мы с Вольдемаром переплет попали. – И, сделав скорбную мину, Яков поведал их одиссею в НИИ ПСИНиА.

– Володенька! И тебя пытали? – Девушка готова была разреветься, но писатель успокоил. – Нет, родная. Все взял на себя Яша. Как истинный друг, отвел беду... Да, а что, все-таки, с Охмурой произошло?

– О нем и говорить не хочу. Сочинил про вас, что будто бы ушли в самих себя. Как это понимать?.. Но я разобралась, помогла ему уйти от себя. Развалился, как перезревший арбуз.

Яков не ответил на вопрос девушки, а пожав плечами, хмыкнул:

– У идрисов все не как у чертей...

– Дочка, ты хоть со мной поздоровайся, – обратил на себя внимание хозяин скита. – Я ведь не пустое место, да и по годам уважения заслуживаю.

Эльвирочка стушевалась и смущенно, поясню поклонилась старому бесу.

– Тут, девонька, такое дело, – начал он вводить в курс событий девушку. – Придется нам твоего парня в одном щепетильном предприятии использовать.

Эльвирочка заметно напряглась и, окатив старца горячей синей волной своих глазниц, не предвещающих ничего доброго, переспросила:

– Что еще за дело такое? Учтите – больше я его никуда не пушу. Только на Землю. Довольно, поиздевались над человеком!

Ахензев решил поддержать Ярилу.

– Эльвирочка, родная, мне необходимо помочь Якову выпутаться из одной деликатной истории. Не скрою, замешана женщина. – Ахензев указал на князя. – Его жена.

– Какая еще жена? Ничего не понимаю. Ты когда же это успел жениться? – Задала Элочка вопрос и посочувствовала. – Бедная женщина, как я ее понимаю!

– М-да! – Произнес Владимир Иванович, не решаясь приступить к основной части объяснения.

Выручил хозяин скита, зарезавший за свое долгое многотрудное бытие не одну правду-матку.

– Короче, вот что, девка! Парня твоего мы с другой, с евоной женой познакомим. Так надо. Цени его порядочность: категорически возражал до тех пор, пока тебя в известность не поставит.

– Ну и что? Знакомьте на здоровье. И меня можете представить. В конце концов, как это называется – будем дружить семьями, что ли? Не имею ничего против. При чем здесь деликатность, щепетильность?

– Да понимаешь, девонька, обстоятельства заставляют в полюбовники его к графине определить.

– Что-о? В полюбовники?

Ярилина кружка разлетелась на мелкие щепочки и, как не был кряжист Ярило, резкий удар локтем в солнечное сплетение усадил его с открытым ртом на пол.

– Я тут ни при чем! Я тут ни при чем! И вообще – бес я, бес!! А не черт! – Яков метался по комнате, уворачиваясь от рассекающих воздух Эльвирочкиных рук.

– Я тебе покажу, бес, и как седина зарабатывается, и как ребра пересчитывают. Опять Володиной добротой спекулируешь?

Ахензев понял, что остановить девушку сумеет только он. Став перед ней истуканом, Владимир Иванович раскинул руки в стороны и умоляюще проговорил.

– Прошу тебя, выслушай. Я не собираюсь изменять, да и Яша с Ярилой далеки от мысли нас с тобой поссорить. Успокойся. Дело действительно серьезное.

Эльвирочка немного поостыла, но все же не пощадила и Владимира Ивановича, мстительно наступив каблучком ему на ногу.

– Хорошо, рассказывайте, что у вас стряслось. Только не вздумайте врать.

Ярило переглянулся с Яковом, как бы спрашивая у него, можно ли доверять всю правду девушке. Тот утвердительно закивал головой.

– Говори! Она хоть и сумасбродка, но – честнюга. Не выдаст.

И старый бес повторил грустный рассказ.

Эльвирочка, вначале слушающая с недоверием, заметив, что с ней не шутят и не обманывают, уже с состраданием стала поглядывать на бесов.

Объяснив девушке, что требуется от ее любимого, Ярило умолк.

Эльвирочка молчала недолго.

– И что головы ломать? Неплохая интрижка. Но нужна хлесткая концовка. Доверьтесь мне и – скандал я вам гарантирую.

* * *

– О, князь! Мы Вас заждались! Позвольте поздравить с законным браком! Надеюсь, Вы не в обиде на нас за то, что брачный контракт оформлен. Хотя мы оставили право выбора, любой из присутствующих здесь моих заместителей по религиозно-культовым вопросам: кардиналов, пап и патриархов сочтет за честь проклясть с амвона ваш союз с графиней, вернее, теперь – с княгиней Далдубовской-Загробштейн.

Антихрист, ловко провернувший дельце, широко улыбнулся и покровительственно обнял Яшу.

– Простите за нескромный вопрос, – почтительно обратился он к Ахенэеву. – Куда это Вы похищали нашего питомца?

Владимир Иванович не ожидал подобного вопроса и немного растерялся. Выручил, как всегда, Яков.

– Шеф, а разве Вам не известна широка популярность Вольдемара среди представительниц слабого пола? Странно. Еще находясь в Богеме, мы дали обещание, что при посещении Армагеддонских игр в Идоле обязательно заглянем во вновь организованный фен-клуб писателя Ахенэева. Я сопровождал Вольдемара в качестве телохранителя, иначе бы его на сувениры разобрали...

Ахенэев смотрел на своего помощника, сочинившего подобный бред и ожидал, что сейчас раздастся хохот. Но, к его удивлению, никто не смеялся. Напротив, многие с сочувствием глядели на фантаста. Новобрачная же, порывшись в сумочке,

достала две визитные карточки и, протянув их Владимиру Ивановичу, томно попросила:

– Я, честно признаюсь, не читала Ваших произведений, но уверена, что писатель, снискавший такую популярность, действительно гениален. Поэтому прошу Вас осчастливить автографом. Вторую карточку можете оставить себе. Мой небольшой салон посещают многие знаменитости даже из других кругов, и я буду рада видеть Вас в их числе. Надеюсь, что станем друзьями.

Ахензев впервые в жизни ставил свою роспись не на каком-то документе, а просто на память.

Перед тем, как черкнуть на карточке банальность: «Очаровательной от очарованного», он прочел краткие данные графини и с удивлением узнал, что Далдубовская, плюс ко всему, является по совместительству и зам.предом Всеадовского общества меценатов. Вернув «очаровательной» меценатке карточку, Владимир Иванович обратил внимание на то, с какой пожирающей страстью сверкнули ее глаза, когда графиня протянула руку для поцелуя.

– Ну, так я надеюсь на встречу, хотя мы еще увидимся на свадьбе, – произнесла Далдубовская и отступила в сторону.

– Все, босс. Считай, дело в шляпе. Моя драгоценная женушка – известная на весь ад коллекционерка. Коллекционирует интимные связи со знаменитостями. Нет, ты только посмотри, как она тебя облизывает глазами. Ну, ты не робей, в обиду не дадим...

К ним снова подошел Антихрист в сопровождении высокого, облаченного в роскошное одеяние священнослужителя.

– Позвольте Вам представить одного из моих личных друзей, в свое время с блеском замещавшего меня на Земле.

Священник с достоинством поклонился и представился.

– Экс-папа Иоанн XXIII, в миру – Граф Балтазар Косса. Здесь же, в аду, заведую регистрацией и надзором за различными фенклубами. Многие из них, по моему представлению, получили статус официально признанных самостоятельных религий. Поклоняться и молиться в Идоле разрешено кому угодно и на что угодно. Не то что на Земле. О Вашем фэн-клубе не слышан: вероятно вновь организован и поклонницы таланта Ахензева разрабатывают программу. Но, как только мы его зарегистрируем, убедительно прошу посетить меня. Нужны Ваши фотографии, изготовим факсимиле, чтобы в дальнейшем пресечь деятельность всякого рода спекулянтов и фальсифика-

торов, которые, несомненно, постараются заработать на Вашей популярности. Такого рода деятельность беспощадно пресекается.

Одиозное имя пирата, папы Балтазара Коссы, не раз встречалось Ахенэву в литературе. Интриган, сластолюбец, жестокий убийца! – короче, само воплощение всех наихудших человеческих страстей стоял перед ним. Антихрист был прав, назвав папу Иоанна своим заместителем на Земле. Балтазар, несомненно, заслужил право именоваться так по своим ухищреннейшим злодеяниям.

Экс-папа раскланялся с фантастом и принялся за Якова, убеждая того, что проклясть чету Загробштейнов лучше него никто не сумеет.

– Князь, я недорого возьму, – краем уха услышал Владимир Иванович увещевания папы.

Остальные священники, присутствующие на помолвке, поняв, что Иоанн XXIII перехватил инициативу в свои руки, с возмущением разорались, стыдя конкурента.

– Это надолго! – Ахенэвым вновь завладела графиня. – Прошу Вас, пойдемте в соседнюю комнату, побеседуем. Там никто не помешает.

– Началось! – С ужасом подумал Владимир Иванович.

* * *

Смежная с кабинетом комната, куда привела Ахенэва Яшина супруга, использовалась директором банка, вероятно, для отдыха.

– Брат иногда предоставляет этот будуарчик мне для деловых свиданий. Проходите, присаживайтесь.

– Ого! – подумалось фантасту. – Да она, к тому же, еще и сестра директора банка. Вот это клубочек! Недаром так усердствовал братец, да и Антихрист, не иначе как в паях состоит. Бедный бес!

На удобном диване, куда настойчиво предлагала сесть фантасту графиня, удобства Владимир Иванович не почувствовал. Наоборот! Вероятно, Далдубовская придерживалась мнения, что любой контакт с предметом своего интеллектуального вожделения должен быть тесным. Упругое бедро меценатки заставило неединожды ретироваться Ахенэва от середины дивана вплоть до подлокотников. Дальше отступать было некуда!

– Как Вы относитесь к трудам и деятельности Зигмунда Фрейда? – Бюст Яшиной жены вмялся в плечо Владимира Ивановича.

Ахензев читал Фрейда и знал, что он проповедует. Ответить на вопрос не хотелось, но отвечать было надо.

– Да, графиня, я уважаю эту незаурядную личность. Его теории действительно оригинальны. Но, честно говоря, я не слишком глубоко изучал работы этого апологета сексуальной революции. Одно время его труды считались реакционными и было опасно не только проповедовать, но даже публично называть имя приверженца новых сексуальных отношений между полами. Хотя, скажу откровенно, любые новации мне по душе.

Владимир Иванович с дрожью ощутил, что левая рука графини протискивается между подушками дивана и его спиной. Он инстинктивно отпрянул, но тут же, с небольшим опозданием, произнес:

– Я, графиня, считаю себя фрейдистом-теоретиком.

Однако, признание не помогло. Вторая рука, скользнув по груди, сомкнулась с левой в капкан.

– О, какая мелочь, я сделаю из Вас практика! – Прошептала графиня таким взвинченным голосом, что Ахензев провел безуспешную попытку вернуть свою свободу. Но тщетно. Он даже не успел что-либо возразить, как меценатка, задушив его в объятиях, впилась губами в обнажившуюся из-под распахнутой в неравной борьбе рубашки волосатую грудь.

– О!!! – Произнес фантаст.

– О!!! – С несколько другой интонацией ответила Яшина половина и перенесла всплеск эмоций на напрягшиеся губы Владимира Ивановича.

Капкан несколько ослаб от того, что правая рука нервно зашарила по пуговицам, обдирая липучки на куртке и брюках фантаста.

«Однако, решительная дамочка и, что самое страшное, профессионально подготовлена! – Мелькало в голове полузадушено втягивающего ноздрями воздух Ахензева. – Этак я и действительно превращусь в практика».

И Ахензев, проявив титанические усилия, выскользнул из капкана и, отскочив на середину комнаты, стал лихорадочно приводить себя в порядок.

– Простите, графиня, но, по-моему, сейчас не время и не место заниматься подобными обрядами. – С трудом переводя дух просипел фантаст. И в ту же секунду прикусил язык. – Что я мелю? А Яша?.. – И, обозвав себя мозгляком и трусом, добровольно шагнул к графине.

– Извините, совсем зарпортовался... Время, не время... Просто не привычен к подобной трактовке выдающихся фрейдовых идей. Насколько все неожиданно, согласитесь со мной?.. – И, замолчав, с надеждой взглянул на дверь. – Господи, где же Эльвирочка?

Супруга князя повернулась к Владимиру Ивановичу спиной и энергично предложила:

– Распустите мне молнию и раскрепоститесь, раскрепоститесь, в конце концов. Что вы, в самом деле, как малахольный юнец!

Ахензев судорожно потянул за язычок полуметровой молнии и знатная фрейдистка, выскользнув из своего платья, как змея из кожи, притянула полуобморочного фантаста к себе и, не встречая сопротивления, продолжила начатое ранее его «раскрепощение».

– А если войдут? – Заплетающимся языком спросил Владимир Иванович.

– Отгоните посторонние мысли. Думайте об одном... – деловито ответила графиня, заканчивая раздевание писателя.

Пружинный всхлип принявшего на себя груз двух тел дивана слился с разрывающим барабанные перепонки криком Якова.

– Неверная! – Загремел возмущенный голос. – И эту потаскуху мне подсунили в жены?! Требую немедленного развода. Соблазнила близкого друга! Будьте свидетелями, господа, позвал он находящихся в соседнем зале. Пусть ищет себе другого, с меня хватит...

В комнату, помимо Якова, проникло несколько священников, жадными глазами оценивающих графинины стати. А следом за ними, во главе полыхающих фотовспышками репортеров светской хроники появилась и Эльвирочка.

– Дорогой, – нимало не тушуясь, обратилась к Якову супруга. – К чему этот шум? Мы с твоим писателем обменивались мнением о фрейдовском учении. И в наших действиях я не вижу ничего шокирующего. Убери, пожалуйста, репортеров, милый. И не будь ханжой.

Однако, перед тем, как вползти обратно в платье, графиня, потворствуя пишущей братии, не забыла принять несколько наиболее выгодных поз.

– А впрочем, пусть продолжают снимать. Неплохая реклама, – она разрешающе махнула рукой.

– Я тебе покажу рекламу! – Эльвирочка яростно растолкала репортеров и, вплотную приблизившись к фрейдистке, одним рывком разодрала платье на сопернице.

– Володенька! – Принесла она разбросанную по всей комнате одежду. – Ты не успел мне изменить? Нет? Ну, и то хорошо...

34

– Всем посторонним покинуть помещение, – Антихрист решил не дать разгореться скандалу, но тут же спохватился. – Стоп-стоп-стоп! Назад!! Балтазар! Незамедлительно изымите у всех репортеришек дискредитирующие чету Загробштейн фотопленки и готовые снимки. И возьмите подписку о неразглашении.

Могучий Балтазар Косса, заслонив свои телом входную дверь, прорычал что-то свирепое из пиратского жаргона и приказал:

– Фотоаппараты на бочку! А не то, всех повздергиваю на нее, как рыбу в коптильне. Вы меня великолепно знаете – шутить не намерен.

Раздосадованно-испуганные репортеры поспешно свалили на стол свою амуницию и скучковались в углу будуарчика.

– Что ты наделала, идиотка! – Подлетел к стоящей с отрешенно-спокойно скрещенными на груди руками графине братец-директор. – Сорвать такую выгодную сделку! Не могла потерпеть с приобщением к своему любезному Фрейду до лучших времен? Ну и наградил Сатана сестренкой! Да запахнись ты, наконец, дура эмансипированная!

– Телка яловая, – добавил Балтазар.

Графиня переменилась в лице, гримаса злобы и ненависти ко всему миру страшно исказил ее красивые черты.

Хлесткая пощечина откинула директора метра на три, но Далдубовская только распалилась и, настигнув братца, яростно врезала по второй щеке.

– Господи! – Звонящий визг графини перешел на истерику. – Как вы мне все опостытели! Дикари средневековые... А ты, скот в папской рясе, как ты посмел оскорбить чистопородную ведьму?! Вспомни, папское отребье, свои похождения... Как в одном монастыре триста монахинь сделал своими наложницами! Вспомни, как со своей дочерью и со своей внучкой... А ну, прочь с дороги!

И настолько была страшна в гневе растерзанная красавица, что Балтазар попятился.

– Как я вас ненавижу! – Уже с порога негодуяще добавила Далдубовская и, обращаясь к князю, с едким сарказмом кинула. – Загробштейн! Я отказываюсь от своих супружеских прав. Так что считайте контракт расторгнутым... О-о, вечная тьма!! Никто не хочет меня понять, да и не поймет никогда. – С пронизывающим стоном воскликнула графиня и, защемив дверью пальцы бросившегося вслед за ней братца, покинула кабинет.

– Ай-яй-яй! Какая хорошенькая была королева! Настоящее украшение нашей многострадальной планеты. Ах, какая женщина! – «Адмирал» шастал по кабинету, хлопая бриллиантом по кругленькому пузцу и приглаживая ушами макушку. – Ай-яй-яй! Я же ей три бриллианта авансом выдал! Ай-яй-яй! Какие убытки! И изумрудное кольцо унесла в сумочке... Может, стоит забрать назад? Другой подарим?

– Ну, что Вы, дядюшка! Вы же джентльмен, и, наконец – это просто нетактично, – укоризненно произнес ликующий в душе Яков. – Пусть подавится... На память. Чай, не обеднеем?

– Обеднеть-то не обеднеем... Не обеднеем, конечно, только – все равно, не по едурейски это... Ну да, слово монарха – закон! – Согласился с Яковым адмирал, но еще долго охлопывал макушку, приговаривая: Ай-яй-яй! Какие убытки. Драгоценность – тю-тю...

К Якову подошел директор ДНК-банка.

– Князь! Может стоит замять дело? Не будем консерваторами. Уверяю, что после полученного урока моя сестра переродится и станет воплощенной добродетелью и верной супругой.

Директор предпринимал попытки уладить конфликт полюбовно.

– Подумайте сами, князь! Речь идет не о банальной, тривиальной семье, а о первоистоках новой династии! Сумейте перебороть в себе личное ради общего блага!

– К сожалению, уважаемый, если даже я поддамся после всего случившегося на Ваши увещания, то где гарантия, что именно я буду родоначальником династии? Ведь одних слов родственника мало! А ваша сестрица способна такого натворить, что после ни одна ДНК-комиссия не расхлебает... Так что – увольте. И оставим этот разговор.

– Да-да, – перешел на сторону князя «адмирал». – Нам нужны гарантии...

Но директор не думал сдаваться. Он лишь переменял тактику и продолжал вести свою игру.

– А не могло ли произойти так, что основная вина лежит на Вашем друге? При чем здесь графиня? Она слабая, беззащитная женщина, а этот мужлан – писака, ее просто-напросто, соблазнил?

– Что-о?! – Немного успокоившаяся Эльвирочка мгновенно оказалась рядом с братцем Далдубовской. – Что вы сказали? Повторите?

Директор, не предполагающий, на что способна стоящая перед ним очаровательная девушка, небрежно улыбнувшись продолжил развивать теорию безвинно опороченной сестры. Тем более, что из соседней комнаты выглянул Балтазар и поощрительно кивнув, дал тем самым понять, что компрометирующие материалы уничтожены.

Директор повысил голос и завещал, как общественный обвинитель:

– Я уверен, что Ваш друг воспользовался беззащитностью моей сестры и спровоцировал ее на подобное поведение. Она же ужасно чувственная.

– Ну-ну, дальше! – Эльвирочка едва сдерживалась и даже несколько раз пыталась выдернуть свою руку из ладони Ахензева.

– Что – дальше? Могу официально подтвердить, что мою сестру хотели изнасиловать!

Яша оттеснил вошедшего в раж директора и с наливающимися кровью глазами, прошипел:

– Ты, бык тряпошный, соображаешь хоть, что говоришь? Отдаешь себе отчет, на кого поднял лапу? На писателя!..

Антихрист забыл представить директору Ахензева и тот продолжал гнуть свое.

– Да мне какая разница, кто он? Подумаешь, жук навозный, писатель! Или вам неизвестно, князь, что они – все как один, растленные типы, развратники... А моя сестра не только благородна по происхождению, но и по духу. Не стала ничего объяснять и, естественно, глубоко оскорбившись – ушла!

– А известно ли тебе, осел, кто ему покровительствует? Вот урод...

– Попрошу без оскорблений, князь! Сам дурак! – Директор нервно рванул на фраке пуговицы и увидев, что из будуара появилась поддержка в виде Антихриста с экс-папой, рубанул:

– Плевать я хотел на его покровителей! Видел я таких в раю, в белых тапочках.

Страшный, скрежещущий звук пригнул головы спорящих и перед зарвавшимся в словах болтуном скрестились две, нестерпимо яркие молнии.

– Так кого ты видел в белых тапочках? – Набатно зауhalo по кабинету.

Молнии вонзились в пол и в ярких, языкастых всплесках огня вырос повелитель ада – Сатана!

* * *

– Плевать, говоришь, на меня хотел?

Всеадовский Властелин, упершись лапами в бока и расставив ноги, презрительно сдерживая гнев, разглядывал осквернившего его имя директора.

Антихрист, понявший, что в этот момент его реноме висит на волоске, тут же нашелся.

– Типун ему на язык, Владыка! Этот неблагодарный лихоимец где не попадая насаждает против Вас склоку, хулу! И – я даже подозреваю – говорит заговор!

– Так почему ты до сих пор не доложил мне об этом? Да и сам я, хоть и держу под контролем с помощью Всененавидящего Ока преисподнюю, а о заговоре в Идоле не знаю.

– Расследование проводил, Повелитель! Расследование. А Око твое задремало по простой причине: все то же экранирование. Удумали на свою голову технику. Да Вы не подумайте плохого, досье на эту тлю почти готово. Магнитофонные записи разговоров, фотографии – все имеется! И скольких грешников в рай через ангелов-комивояжеров переправил, учтено! Хотел преподнести Вам всех скопом, прихлопнуть, так сказать, на горяченьком... Да и сестричка его – два сапога пара: на связи с ангелами, в основном, проходила.

– Подлец! – Прохрипел распластавшийся перед Сатаной директор, тянувший морду к его расклешенной штанине. – Сколько он у меня гензнаков выманил за этапирование без сопровождения грешников, минуя Чистилище – один бог знает! А кто со свадьбой Загробштейна замутил? Я, что ли? Задумал организовать свой платный рай на Парасите. Каюсь, я не святой, соблазнился барышами, – чем хуже других? Но, ни о каком заговоре, ни о какой измене и не помышлял! А досье на этого обормота и у меня имеется. Да и сестра – надо же так оклеветать женщину – располагает кое-каким материалом... Умоляю,

Властелин, не карай строго! Этот проходимец сам завяз по уши, а чтобы хвост вытящить – меня прицепил. А оговорился я не со зла, от скудоумия лишь...

– Владыка! – Антихрист тоже грохнулся на колени. – Не верь этому облыжнику! Я ли не доказал свою преданность? Одному тебе доподлинно известно, сколько душ я загубил лично – во славу Сатанинского, вселенского авторитета... А что касается поборов, так это мизер – завтра же сполна верну в казну.

– Да-а, – Сатана брезгливо поморщился и гулко прогрохотав вдоль и поперек по кабинету, опустился в директорское кресло и пододвинул ультрасовременный телефонный аппарат. – Тут без бога не обойтись... То-то он мне на совещании выговаривал: твои-де, помощнички балуют. А я, демон, не поверил, отмахнулся. Он мне – про святого Фому, а я – про грешного Ерему. За свои, мол, кадры, ручаюсь: хоть и черти, но без греха. А оказывается, пока обмозговывал, как сбегрить в рай ничемных грешников, ближайšie заместители обскакали, внедрили «эксперимент», да еще с такой подоплекой. Ну и молодцы, стервецы! Не даром говорят: гляди в оба, а зри – в три... Князь, – подозвал он Якова. – Ты, случаем, не помнишь кода рая? Записная книжка где-то запропастилась...

Яков достал из фалды фрака памятку и, открыв ее на букве «Б», ответил:

– Бог. Секретариат рая. Звонить через восьмерку, код 0000007. А прямо к нему – код 2567709-23761119. Соединить, Повелитель?

– Не надо, я сам. Дай-ка сюда шпаргалку. Хвалю за осведомленность.

Забрав из лап Загробщтейна памятку, он внимательно оглядел находящихся в кабинете священников, параситян, ползающих по полу Антихриста и директора, улыбнувшись, подмигнул Владимиру Ивановичу и защелкал кнопками аппарата. Короткие гудки возвестили, что абонент занят и Сатана, положив трубку, обратился к Балтазару Косса.

– А ну-ка, милейший папа, порадей о своих бывших единомышленниках. Скрути им потуже хваталки, да друг к другу спинами привяжи. А то, что-то Антихрист глаз на дверь положил. Хоть и не сдует далеко, а ловить его – лишняя канитель.

Балтазар поискал глазами какую-нибудь веревку и, не найдя ничего подходящего, скрылся в будуаре. Вскоре вышел, неся довольно-таки удачную замену – графинины капроновые кол-

готки. С усилием разодрав крепкую синтетику, священник, не особо миндальничая, сноровисто сотворил из сообщников сямских близнецов.

Параситяне удивленно вращали выпуклыми глазами, перешептывались и с опаской поглядывали на грозного Владыку ада.

Сатана повторно взялся за телефон. На этот раз дозвониться удалось.

– Дайте мне бога, – пробасил он в трубку. – Что? Бога нет? – Властелин отстранил морду в сторону и усмехнулся, – на днях, как себя видел, а говорят – нет, – и вновь приблизив трубку, продолжал допытываться. –

– Слушайте, мне, один черт, какую ипостась. Любого из трех давайте. Что? В разбеге? Тогда запишите номер: 0013777666. Записали? Да – правильно! Как кто-либо из них появится, пусть срочно позвонит. Всего хорошего.

Аппарат досадливо звякнул от небрежно брошенной на рычажки трубки.

– Обоих прикрутить к батарее отопления и – глаз не спускать, – распорядился Сатана.

Балтазар, не церемонясь, исполнил и это приказание Повелителя и, решившись, обратился к нему с просьбой.

– Может, позвольте с ними подразмяться? Я дело знаю. Папа Бонифаций подтвердит.

Скромно потупившийся, небольшого росточка священнослужитель закивал головой.

– Пока погоди. Не трожь. Все решит звонок бога. А там – развлекайся, как знаешь. – Сатана решил быть до конца справедливым.

Параситяне, одобряя его мудрость и великодушие, радостно захлопали ушами и Балтазар неслышно вышел.

– Владыка, а он их – не того? – Предупредительно вставил Яков. – Вроде из одной кампашки.

– Не волнуйся, князь, Косса верен сильнейшим! Пальцем не тронет, без особого на то разрешения. Ты мне лучше вот что расскажи. Как это ты ухитрился с проксимоцентаврянской маркизой ребенка сострять? Тут в канцелярию такая «телега» пришла на мое имя. Да и не далее, как вчера сам имел счастье на приеме лицезреть. Хороша! Ничего не скажешь: губа у тебя не дура! А то, что три руки, так это к лучшему: в хозяйстве подмога! И чего балбесу неймется? Женись! Лично сам – проклян! Впрочем, об этом успеем поговорить.

– Час от часу не легче! – Сетовал себе под нос Яков. – От одной насилиу избавился, так другую подсовывают. Сам Сатана приказал!

– Он тебе, Яшенька, не приказывал, – уточнила идущая посередине двоих кавалеров, Владимира Ивановича и беса, Эльвирочка. – Он тебе, всего лишь, посоветовал.

– Да какая разница, приказал или посоветовал! Попробуй, не воспользуйся его советом – наживешь врага – ад хуже ада покажется! Скажет, что приспособливаюсь... А ту, что он сватает, ты должна знать. Хоть и с другой планеты, а тоже коллега – манекенщица.

Ахензев вспомнил сцену, которую устроила Яше в больнице проксимоцентаврянка и, тужась от душившего смеха, захихикал.

– Ты чего хихикаешь? – Огрызнулся бес, поняв, что Ахензевское веселье адресовано ему, – Другу ярмо надевают, а он радуется... И как теперь с Ярилой объясняться. – Ума не приложу!

– Постой, постой! – Эльвирочка сильно сжала локоть Якова. – Высокая такая? Стройная? С фиолетовыми волосами? Уж не Баламутрия ли?

Яков сокрушенно кивнул головой и промычал что-то нечленораздельное.

– Ну, и чем ты, охламон, недоволен? – Недоуменно пожала плечиками девушка. – Очень даже эффектная особа. Представляешь, ни у кого нет такой жены, а у тебя – есть! И вообще, смотри на вещи проще и шире.

– Да вы что, сговорились, что ли меня женить? Отлично понимаете мое положение, а продолжаете драконить. Ну да, отольются слезки, Ярило все расставит по местам, по иному запоете...

Вскоре показался Ярилин скит.

– Сколько мы здесь пробудем? – Живо поинтересовался Ахензев. – От назначенной Сатаной аудиенции зависело очень многое и он хотел быть пунктуальным.

– Не беспокойся, Вольдемар, – успокоил Яков. – Уложимся, в цейтнот не попадем. До вечера не только здесь, а и на просмотре мод побываем. Он и меня на ковер вызвал. Продолжить разборы с начальником адава Преставительства и несостоявшимся шурином. Честно говоря – я им не завидую! Если Всевышний не внесет коррективы, не миновать Меньшиковской

методы, это в лучшем случае, а так, глядишь, и отбредутся. Антихрист есть Антихрист... Нет, каков козел, в прямом смысле слова – на моем горбу хотел в собственный рай въехать!

Владимир Иванович, что-то вспомнив, заозирался по сторонам.

– Что с тобой, родной? – С тревогой спросила Эльвирочка.

– Извини, милая, не подумай ничего плохого, но мне надо срочно перемолвиться тет-а-тет с Яковом.

– Пожалуйста! – Опять недоумевающе пожала плечиками девушка и, надув губки, отошла в сторону.

– Яш, – зашептал на ухо бесу Ахензев, хотя никто не мог их услышать. Обрати внимание: мы с тобой преспокойненько крамольничаем, Ярилу упоминаем, а оттуда, – он ткнул пальцем вверх, – ну никакой реакции. А ведь Он, сам отлично знаешь, – Он все слышит. Он – все видит. И – тишина...

Яков побледнел и тоже опасливо закрутил мордой по сторонам.

– Да, босс, это становится интересным?! Даже по салазкам никто не съездит... А может, ему и не до нас? Ад-то огромный, беспредельный... Все сразу и не проконтролируешь? Но, все равно, ты прав, надо быть поосмотрительнее.

Яша потрогал крепенькие рога и, передернувшись при воспоминании о Богемской экзекуции, резко обернулся назад и, добавив; «Кажется хвоста за собой не привели» – решительно шагнул на Ярилино подворье.

* * *

– Ну что, отроки, выгорело дельце? – Ярило сидел в той же позе, что и при расставании, и новая деревянная кружка, которую он при виде вошедших поставил на стол, по-прежнему источала аромат браги.

– Все нормально, старче. Графиню отшили. Вот, – Яков указал на Ахензеву, – благодаря ему. Разыграл, как по нотам. Вони, конечно, хватило. Но – контракт расторгнут. С этим завязано. Теперь другая печаль навалилась. Попал, что называется, как кур в ошип.

– Что еще такое? – Старец недовольно вскинул брови. – Что за печаль?

– Да,.. – бес грустно вздохнул, – отгрыгаются мои старые любовные загулы...

– Выражайся, пожалуйста, поскромнее, – осекла «братца» Эльвирочка.

– Извиняюсь, мадемуазель! – К Якову постепенно возвращался юмор и он, поклонившись Эльвирочке, продолжил. – В прошлом году угораздило меня связаться с одной дамой. Некой инопланетянкой. Баламутрией. Ну, так вот, сейчас эта фря опять в преисподнюю к нам пришкандыбала, едрить ее за третью руку!

– Яша!!! – Опять возмутилась Эльвирочка.

– Еще раз извиняюсь! – Бес забарахтался в памяти, пытается подобрать подходящее определение Баламутриному появлению и, скосив глаза на «сестренку», зачастил.

– Явилась, не запыхалась и – сразу права качать! Да еще и киндера приволокла. Мой, говорит... Может и мой, да уж больно чудной. А так – ничего, шустренький акселератик, развитой... Но – я ее ничем не обнадеживал. Так, пустые слова пламенной страсти. Да ты, старче, не хуже моего знаешь, о чем говорят в постели. А проксимоцентаврянка, с дуру, и влюбилась. А теперь женить на себе хочет. До самого Сатаны добралась. Тоже, оказывается, столбовая дворянка. А Сатана и намекнул, деликатно эдак, «посоветовал» не ерепениться. Прикидываешь, положеньице?.. Из огня да в полымя!

Ярило выслушал Яшин рассказ, осушил очередную кружку и задумчиво потерял бороду.

– Как, говоришь, звать-то эту иностранку? Баламутрия?

– Ага-ага, – закивал башкой Яков. – Она самая!

– Желательно бы на ее поглядеть, побеседовать, – Ярило поднялся со скамьи и, скрипя разошедшимися половицами, зашагал по светелке.

– Да к чему тебе она? О чем беседовать-то? О том, что «банань» и «штроксъ» удобны при носке, или о том, какой макияж лучше к фиолетовым волосам?

Ярило остановился. Глаза деда, казалось, увидели нечто далекое.

– Что ты тут кобенишься, дуропляс! К твоему сведению, и на Проскиме наши. И немало. А ну-ка, покажь портрет сей девицы. Или не имеешь?

Яша, так и не понявший, к чему клонится беседа, недоуменно развел лапами.

– У меня есть. – Эльвирочка достала из сумочки яркий журнал, протянула Яриле. – И на обложке, и дальше – смотрите.

Девушка повернулась к Якову и принялась выговаривать:

– К твоему сведению, «братец», Баламутрия – просто прелесть. Я с ней очень хорошо знакома. Умная, содержательная и в каждом письме про своего любимого упоминала. Только из деликатности имя не называла. И за что она такого дурака любит? А ты с грязью хочешь смешать эту умницу!

Ярило просмотрел журнал, сверился с какими-то добытыми из сундука, книгами и, хлопнув крышкой, разогнув спину, категорично заявил:

– На ней, Яков, женишься! Понял?!

– Да я... – открыл было рот Яков.

– Все! Точка! Разговор окончен.

35

– Тьфу ты, срам какой! Да рази ж это одежда? Одна видимость, вернее, невидимость, – Ярило, не обращая внимания на косящихся на него модниц, на чем свет стоит, костерил туалеты Проксимоцентаврянского Дома моделей.

Элегантная ведущая плавной походкой фланировала по сцене и комментировала товар.

– В этом сезоне женщинам всех возрастов предлагается новинка. Само собой разумеется, что для ношения подобных платьев необходимо обладать хорошими природными данными. Но и для женщин не могущих похвастаться стройными ногами и тонкой талией, у нас приготовлен сюрприз. А пока, – она протянула руку к кулисам. – Фасон под названием: «Всегда и везде твоя».

На сцену, сопровождаемые ритмичной музыкой, выступили несколько манекенщиц из сборной команды Проксимского и Адова Дома моделей.

Ярило опять занервничал и завозмутился.

– Яшка, ежели и твоя будет заголяться у всех на глазах, то, учти – такую и на дух не нужно!

Эльвирочка прыснула в кулачок.

С первого взгляда казалось, что манекенщицы не имеют на теле ничего, кроме туфелек и узеньких трусиков бикини, и лишь повнимательнее приглядевшись, Ахензев понял, что женщины, как будто окутаны разноцветными прозрачными облачками. Материал, из которого были сотканы платья, по меткому выражению Ярилы, действительно оказался – сплошной невидимостью. На Земле Владимиру Ивановичу не приходилось сталкиваться с подобными туалетами, но по путевым очеркам побывавших в кап. странах журналистов, он знал, что,

допустим, для американских модниц – «насквозьки» не внове. Журналисты, в описании такого падения нравов и вкусов у «тамошней» публики, изошрялись наперегонки, драпируя прозрачное безобразие в изящные литературные одежды.

– Володенька, я, честно говоря, от проксимских дизайнеров ожидала большего, – произнесла Эльвирочка, меланхолично постукивая карандашиком по блокноту. – Посмотрим, что-то преподнесет моя подружка. У Баламутрии развито чувство тонкого вкуса и я почти уверена, что она-то сумеет покорить новизной фасонов местных клуш. Да и, пожалуйста, утихомирь Ярилу. А то, того и гляди, начнет во всеуслышание разглагольствовать о девичьей чести, пропагандировать нравственные начала... Старик он, конечно, симпатичный, но уж больно ископаемый, что ли.

Старый бес, как подслушал, устроил повторную нахлобучку Якову.

– Так и знай, – втолковывал он. – Коли твоя девка начнет срамить бесовское племя – и тебе, и ей всыплю по первое число!

– Я-то тут при чем, дед, – отмахивался от старца Яков. – Да и какой ей смысл загуливать в неглиже?

Сорвав жидкие аплодисменты, в основном с мужской части аудитории, «насквозьки» упорхнули за кулисы.

– А сейчас, – объявила ведущая, – наш сюрприз для пожилых, полных и, к несчастью, страдающих какими-либо дефектами. Думаю, что эта модель придется им по душе.

Свет в зале постепенно насыщался малиновыми тонами. Лазеры сфокусировали в центре подиума прозрачную ультрамариновую кляксу, которая, голографически расплывшись по ковровой дорожке, родила на свет стайку ослепительно совершенных женщин. Кроме туфель на высоком каблуке, на красотках совершенно ничего не просматривалось. Правда, каждая из них с игривой застенчивостью куталась, как в меховое манто, в свои восхитительные длинные волосы.

Выждав эффектную паузу, ведущая начала комментировать.

– Милые женщины! Сейчас вы видите туалет, надев который, любая по желанию, может стать Афродитой, Венерой, Герой, короче, любой из богинь. Я надеюсь, что мужчины простят этот маленький обман, на который приходится идти ради их же радости. Платье, совмещенное с капюшоном, являет собой искусную стереоскопическую копию той фигуры, которую

предпочитает заказчица, по согласованию с супругом. Прощу убедиться в неиссякаемой фантазии наших дизайнеров, не хотелось бы, чтобы нас обвинили в фальсификации.

Ведущая хлопнула в ладони и «богини», потянув себя за волосы, содрали свои платья-фигуры.

В первый момент зал был шокирован. На сцене, вместо восхитительных красавиц, отвратительно улыбались беззубыми ртами толстухи с короткими ногами и плоские, как доски, изможденные ведьмы с искривленными позвоночниками и полуметровыми когтистыми ступнями.

Очнувшийся от потрясения зал взорвался овациями. Ярило, не смотря на то, что был ярым блюстителем патриархальной нравственности, при появлении псевдобогинь – приумолк. Теперь же, поняв, что его одурачили, завелся пуще прежнего, понося всех и вся, и не найдя поддержки восхищенной толпы, ретиво вскарабкался на сцену.

Ярило вырвал у ведущей микрофон и провозгласил: «Опомнитесь!» Зал усилил рукоплескания.

Растерявшаяся на первых порах ведущая, быстро сориентировалась и, вытащив из стойки другой микрофон, жестами, с улыбкой попросила тишины.

Зал понемногу успокоился и, поднаторевшая на демонстрационных подмостках девица, ловко перехватила инициативу. Изогнувшись, она подцепила провод микрофона, которым владел Ярило и, рывком выдернув его из рук беса, лишила того возможности наставлять чертей на путь истинный.

Микрофон был похищен столь молниеносно, что Ярило, в первую секунду, недоумевающе рассматривал свою опустевшую ладонь. Сжав и разжав пальцы, он растерянно зашарил глазами по полу, в поисках пропажи.

Зал рыдал от смеха, приняв нелепые движения старца за удачно разыгрываемую интермедию.

Ярило, поняв, наконец, в чем дело, бросился за ведущей, возжаждав мщенья, но девица непринужденно уворачивалась от старика, да еще успевала болтать в микрофон, спасая честь фирмы.

– Уважаемые зрители, перед вами – подарок для мужчин. Костюм в стиле «ретро», элегантная холщевая рубашка, не стесняющая движений, и, не менее элегантные, вольного покроя домотканые порты. В этой одежде вы можете чувствовать себя раскованно в любой обстановке. Повернитесь, пожалуйста, боком, – дразнила она старика и, заставляя принимать ту или

иную позу, мелькала перед глазами, уклоняясь от взмахов Ярилиных лап и оставаясь недосягаемой. Куда было старому бесу угнаться за пластичной ведущей-манекенщицей, все свободное время отдающей аэробике.

– Прекратите! Немедленно прекратите это безобразие! – На сцене, видимо, так и не успев переодеться, в халате, появилась Баламутрия.

– Что же это делается, внучка? – Утирая слезы, беспомощно обратился к ней бес...

* * *

– Ну, что Яша, скажешь? Начальство на хвост наступило или сам пришел? – Подбоченясь, со скрытой издевкой спросила Баламутрия.

Пригласив в свою уборную Эльвирочку, на правах старой знакомой, ей поневоле пришлось звать и девушкиных провожатых.

В театральной уборной проксимоцентаврянки было не повернуться от тяжелых, шитых золотом одеяний, действительно достойных плеча королевы.

Ярило, отошедший от перенесенных нервных перегрузок, вновь обрел достоинство, спокойствие и с интересом осматривался по сторонам.

– Вот это одежда, так одежда! А не то, что показывали: плюнуть и растереть! Правильно поступаешь, внученька, нечего позориться. А то, ишь – распустились. Ходят, как в бане. Срамота, да и только. Вовремя ты меня остановила – показал бы, где раки зимуют... А на этого паршивца не сердчай! Он тебя любит, сам по секрету выболтал. Просто дюже стеснительный по молодости лет, застенчивый. Да и ты – с налета – держи дите! Тут любой опешит, и сама должна понять, какое распутство кругом творится: у любого каждого мужчины измена от женского полу мнится. Но – у вас иной случай, из ряда вон выходящий, можно сказать... Вон, посмотри, как страдает по тебе, глаз со стыда поднять не смеет.

«Ужасно стеснительный и застенчивый по младости лет» Яша изо всех сил старался изобразить на своей нахальной физиономии высшую степень раскаяния и скромности. Для пушей убедительности он нервно тербил в лапах носовой платок и, время от времени, потупив глаза, воротил рыло под испытующим взором Баламутрии. Краснеть ему, к счастью, нужды не было, так как бес, с детства не страдал малокровием.

– Ну, что молчишь, обалдуй? – Обрушился на него Ярило. – Я что ли должен тут за тебя распинаться? Подойди, поцелуй невесту, сядьте рядком, да потолкуйте ладком... Чай, не чужие. А коль мы лишние – выйдем, мешать не будем.

– Нет-нет, – запротестовала Баламутрия. – Уходить никуда не надо! Очень даже хорошо, что вы здесь. Пусть при свидетелях согласится, что Яшенька – его сын. Признает свое отцовство, а там – скатертью дорожка! Может отправляться на все четыре стороны, к своим Мариночкам... Мне такой муж и даром не нужен, раз сам кроме пустой болтовни ни на что не способен. Слюнтяй! Вон, видите, сидит, двух слов связать не может, мальчика из себя корчит. Вот Яшенькины документы, пусть распишется, где надо, и – от ворот поворот.

Яков, не ожидавший подобного вердикта, от неожиданности мотнул гривой и располосовал платок на ленты.

– Ты чего на меня орешь при посторонних? Я к ней официально пришел просить руки и сердца, а она выпендривается, сцены закатывает. Оскорбляет! А ну, быстро собирайся, и пошли.

– Куда это еще? – Удивилась Баламутрия, утвердившись в своей роли матери-одиночки.

– На кудыкину гору! С бабушкой знакомиться. Представлять тебя буду. Иль ты думаешь, что я по современному свадьбу обстрипаю? Черта с два. Никакой спешки, как некоторые. В ЗАГС – галопом, в свадебное путешествие – с сотней в кармане... Не-ет. Ошибаешься, подруга! Я ведь не подкидывш какой то, да и древние обычаи блюду. Сначала явимся перед очами бабульки, пусть проклянет по родственному, а потом, как полагается, или во дворце, или на телестудии, под звуки возвышенной анафемы заслушаем панихиду известных священнослужителей, трехкратное проклятие и лишь тогда – свадьба. На весь ад! И – путешествие. Кстати, а где мой сын?

– Сын? Яша, ты действительно малышку сыном назвал? Я не ослышалась?.. И ты серьезно делаешь предложение и хочешь на мне жениться?

Инопланетянка, подобно всем женщинам вселенной, расплакалась и бросилась обнимать одумавшегося черта. Эльвирочка при виде подобной идиллии тоже пустила слезу умиления и, наклонившись к Владимиру Ивановичу, прошептала:

– Я бы согласилась быть хоть стократно проклятой, лишь бы тебя не потерять! Ты не говорил с Сатаной?

Ахензев понимал, что имеет в виду его любимая, но, к сожалению, порадовать ничем не мог.

На приеме у Властелина, который состоялся часа два назад, речь шла, в основном, о мздоимстве Антихриста и директора. Повелитель поинтересовался, как проходило ознакомление с кругами и в чем заключается помощь главы ада Преставительства. Под тяжелым, испытующим взглядом Сатаны Ахензеву пришлось рассказать и про первую встречу и про остальные эпизоды попечительской деятельности Антихриста применительно к себе. У Якова тоже не заржавело, высказал накопившее... Но дальше дело не пошло. Озабоченный дефицитом времени Сатана извинился и, сославшись на занятость, пообещал принять писателя, как только выдастся свободная минутка.

– Подготовьте краткий отчет о проделанной работе, а по прибытии на землю накаатае книгу. Рецензента обещаю. – На прощание предложил он. – А тебе, Загробштейн, даю пару дней на устройство личных дел. Оформить брак и дуй с маркизой на Парасит. Да, не забудь на свадьбу пригласить. Вот на ней, писатель, и обговорим остальные детали...

... – Нет, дорогая, пока, к сожалению, нового ничего не скажу. Но, думаю, что все утрясется. Так что – выше голову!

За время беседы Владимира Ивановича с Эльвирочкой Баламутрия сменила халат – кимоно на подобающее случаю платье и, стоя посередине комнаты, как бы предлагала присутствующим оценить ее действительно внеземную красоту.

– А сыночка я оставила на время в посольстве у подруги. Но, если это необходимо, заберу его с собой.

– Забери, забери, внученька, – расслабленно посоветовал Ярило. – Пока вы с Яковым будете к свадьбе готовиться, я с мальцом побуду. Пусть с младенческих лет запомнит основное напутствие. Да и с говорящей птицей поиграется: та тоже плохого не присоветует. Ему у меня хорошо, вольготно будет... Да, а как твой батюшка поживает? Здоров ли? Я ему тут бальзам от радикулита приготовил. Зело целебный. Уж какое тысячелетие рецепт храню. Никому не доверяю.

– А разве вы и моего папу знаете? – Удивилась Баламутрия.

– Я, внученька, и с твоим дедом, и с батькой твоим, в свое время, знаешь, сколько дел наворотил! Мы с ним старые друзья. Ну да ладно, ступайте с богом... Так жду сорванца...

* * *

– Спешите приобрести экстренный выпуск «Прейзподнеш пресс». Сенсация!

Маленький, метр с рогами, чертенок, вопя на весь Идол, вынырнул перед направляющимися в загс Баламутрией с Яковом и двумя свидетелями: Владимиром Ивановичем и Эльвиной.

Яков едва успел цапнуть его за ухо и выхватить свежий номер. Сыпанув разносчику газет горсть разменной монеты он впился глазами в передовицу.

– Босс!!! Нет, ты только представь, и впрямь – сенсация! Антихриста-то – турнули! И знаешь, кого на его место поставили: ни в жизнь не догадаешься! На, взгляни! Узнаешь?

Ахензев перехватил газету и – ахнул. С передовицы, выпитив грудь и напустив на лицо значительность, глядел – пилот стеклянного субдирижабля, экс-Наитемнейший, джинн Бессмертный – новый государственный деятель.

А Яков, восхищенно прищелкивая языком, продолжал.

– Вот тебе и дедуля! Быстренько же он портфель хапнул. Наверняка родня посодействовала. Не ожидал, никак не ожидал такого шефа отхватить!.. Интересно, а куда же старого дели? Ага, – он положил лапу на плечо Владимира Ивановича и, ткнув когтем в набранное крупным шрифтом правительственное сообщение, прочитал: «На пост Антихриста назначен Лука Виевич Бессмертный, опытный руководитель, занимавший в свое время должность Наитемнейшего, но злостно оклеветанный и репрессированный. При недавнем заседании специального трибунала под председательством Владыки ада Л. В. Бессмертный полностью реабилитирован. Строгая изоляция, голод, отсутствие здоровой атмосферы не сломили стойкого бойца за идеалы Великой преисподней. После непродолжительного отдыха в кругу семьи Л. В. Бессмертный согласился возглавить адово Преставительство во ВКиБе и выдвинул программу по искоренению допущенных его предшественником перегибов. Что касается прежнего Антихриста: зарвавшегося, не оправдавшего надежды Сатаны – против него возбуждено поголовное дело. Следствие ведет известный нашим читателям Э. В. Тьмовский».

– Да-а, босс! Что вознамерился учудить в своей программе Бессмертный, убей – не знаю, только не верится в его искреннее стремление помочь Повелителю в наведении порядка в Чистилище. А то, что экс-Наитемнейший со своим огромным организационным опытом и честолюбивым желанием навер-

стать упущенное, нацелился развить бурную деятельность – ясно, как день! И к бабке не ходи...

– Братец, – обратилась Эльвирочка к Якову. – Может быть, я чего и не понимаю в политике, но как можно доверить такой важный пост далекому от современных проблем, отсталому от адовой жизни старцу? Володенька, сколько, ты говоришь, он просидел в бутырке?

– Где-то около трехсот лет, только не в Бутырке, а в бутылке, – ответил Ахензев, вспомнив изможденную фигуру нынешнего Антихриста. – Чуть живой выполз. А на портрете – ишь, какая мордень! За какую-то неделю не только полностью адаптировался, но и в Правительство залез.

Якову, вероятно, тоже припомнилась история с джином и он, рассмеявшись, пояснил:

– Я, босс, еще в Мафии смекнул – этот дедуля у родни не задержится... А что от современности отстал, так это, сестричка, чепуха на постном масле. Несколько сеансов гипнопедии и – все дела. Подберет дельных помощников и – пошла писать контора!

– Яшенька, а тебя эти реформы не коснутся? – Баламутрия озабоченно посматривала на своего одумавшегося жениха и проигрывала в уме, что же предпринять, если Яшу не уволят в запас.

– Коснутся, милая, коснутся! Какому политическому деятелю охота иметь при себе своего спасителя. Зависимость начальника от подчиненного – о-о, тут дело тонкое. Да и я предусмотрел, заранее подал рапорт, как только со старым Антихристом закрутили. Ведь даже Сатана не знает всей подоплеки заточения экс-Наитемнейшего. Только Вольдемару и мне известны все его проделки – сам рассказал, исповедовался; хватнув свежего воздуха после заточения. Так что, хоть и расстанусь я с Антихристом, но – по хорошему. Правда, перед расставанием хотелось бы увидеться.

– Слушай, Яш, – подал голос Ахензев. – А почему бы тебе и не пригласить его свидетелем на свадьбу? По моему, сразу двух зайцев убьешь...

– Нет, босс! На свадьбу уже приглашены сам Властелин и Эдик, Неудобно переигрывать. Но – есть другой способ: ведь при подаче заявления в ЗАГС тоже требуются два свидетеля... Хотел Вас с Эльвирочкой просить присутствовать, да, видимо, кому-то одному придется уступить эту почетную обязанность

шефу. Необходимо с ним, все-таки перемолвиться, во избежание всяких неувязок. Сестричка, не уступишь ему эту честь?

– Нет, нет, Яшенька, – воспротивилась Баламутрия. – Свидетельницей с моей стороны будет только она. Иначе я не согласна. Проси Владимира Ивановича: тебе-то не все равно, кого корить за то, что вовремя не отговорили от венчания?

– Баламутрия!! Ну как ты можешь? – Яков вспыхнул как спичка, – Я женюсь на тебе по любви! При чем тут советы?

– Ладно, – рассмеялась, махнув правой конечностью, невеста. – Потом не говори, что семья не задалась...

– Милые бранятся – только тешатся, – Ахензев взглянул на Эльвирочку и, казнясь в душе, произнес, – мне отсюда, все равно, скоро отбывать, так что могу и понаблюдать со стороны... – и, чтобы не растревлять и без того ноющую на сердце рану, осведомился у беса. – А явится он по старому способу? Ведь одно дело, когда по свежей памяти, и – другое сейчас. Может заартачиться!

Яков осмотрелся по сторонам. В парке, через который они направлялись в ЗАГС никого не было. Все население Идола торчало на стадионах и у телевизоров. Смотрели Армагеддонские игры.

– Попытка – не пытка! – Расхрабрился Яков. – Надеюсь, еще не забюрократился окончательно. Соблаговолит явиться. Хотя бы из благодарности. – А ну-ка, девочки, отойдите в сторонку, а то, не дай бог, на голову свалится.

Яков защелкал по кадыку и несколько раз сплюнул через плечо.

В тот же миг перед ним заколыхался столб дыма и возник прежний джин.

Прежде чем дым окончательно развеялся, Якову пришлось выслушать первый разнос от Антихриста.

– Чтобы больше этого не было! Понял? Иль ровню нашел? Или позабыл, под чьим копытом ходишь?.. Удумал, с важного совещания выхватил!

За то короткое время, что произошло с момента их расставания, старикашка заметно поправился и как бы помолодел. От прежнего замухрышки не осталось и следа. Единственное, что сохранил Бессмертный, так это чалму. Правда, теперь она больше походила на убор, если не падишаха, то, по крайней мере, визиря – так восхитительно играла драгоценными камнями.

Рука Луки Виевича держала на треть опорожненный кубок с какой-то красной жидкостью. Судя по тому, что посвежевшие щеки Антихриста сохранили следы сердцеподобных помадных отпечатков, сомневаться не приходилось: совещание действительно проходило на высшем уровне.

– Ну, так чо звал, князь! Ни в жизнь не явился бы, да просто пока не привык к новой шкуре. Ну да, привыкну... Так в чем заминка? И поживей!

Яков льстиво заглянул в хмурые глаза шефа.

– Хочу просить Вас, Лука Виевич, быть свидетелем. Только Вам доверяю...

* * *

– Вот здесь распишитесь. И здесь. Поотчетливей, пожалуйста.

Дородная, пергидрольная ведьма обязанно улыбалась и, сверкая золотым зубом, тыкала пальцем Бессмертному, где надо ставить подпись.

Лука Виевич, вывалив от старания язык, залезая на соседние графы, вывел: «К сему лапу приложил Л. В. Бессмертный» и, чуть подумав, добавил в скобках (Антихристь).

Все в порядке, полыхнув люрековым платьем, ведьма-регистраторша, тиснув на заявлении печать, подкрепила к нему еще какую-то бумажку и спрятала в сейф.

– Приходите через три месяца. Талоны в салон для новобрачных нужны?

– Как через три месяца? – В один голос воскликнули Баламутрия и Яков. – Нам через два дня надо. Срочно.

– Девушка! – Ведьма проследила за реакцией новобрачных и обратилась к невесте. – Вы что, первый раз замужем, что ли? Не знаете установленных порядков? – Регистраторша приняла монументальную позу сфинкса и гаркнула:

– Не положено. Выговоры из-за Вашего счастья получать не желаю. Мне до пенсии сто двадцать лет осталось. Отойдите в сторонку.

Дав понять, что разговор окончен, она принялась заполнять документы следующей пары.

От подобного пренебрежения к собственной персоне Якова не только повело, но и заколотило. Шерсть вздыбилась и рога приняли горизонтальное положение. А об Антихристе и говорить нечего: тот попросту задохнулся – к современному хамству нужно было еще привыкать.

Выручил Ахенэв, сталкивающийся с подобной ситуацией, правда, при собственном бракоразводном процессе.

Владимир Иванович тотчас подошел к ведьме и доверительно сообщил ей имя лица, заинтересованного в подобной спешке.

– Неужели? Может что-нибудь поинтереснее придумаете? Отойдите, кому говорят, – ведьма не была расположена верить на слово.

Многолетняя практика подсказывала, что ради ускорения регистрации молодожены способны приплести кого и что угодно.

– Я вам совершенно серьезно говорю. Это – приказ Сатаны, – уже не скрытничая, громко провозгласил возмущенный фантаст.

– Вы, гражданин, сбавьте гонор! Разорался! Попугивать вздумал! Я уже пужатая! Сама на кого угодно страха нагоню... – но, все же засомневавшись, уже более мирным тоном посоветовала. – Если Ваша правда, то для ускорения надо представить справку от самого Сатаны. Справку от очевидца, что ту справку писал Повелитель, справку с работы очевидца, удостоверяющую, что тот пользуется авторитетом и морально устойчив. Справку от Сатаны в том, что данное учреждение действительно существует. Все эти справки заверить в нотариальной конторе и получить от них справку, что печать настоящая, за двадцатью подписями. Затем, со всеми этими документами добиться приема у Антихриста, который поставит свою визу и вынесет резолюцию. Затем, справку от психиатра о том, что Антихрист в момент подписания документов был психически здоров. Затем...

– Хватит! – Оборвал ее Бессмертный. Гнев застил глаза демона. – Кто это все придумал? Поразвели волокиту! И почему я должен ходить в дураках? Я что, похож на психа? У меня что, глаза в разбег, что ли?

– Гражданин, а вы-то чего расшумелись? Кто вы, собственно, такой?

– Ах, кто такой? Ты, мымра поганая, газеты читаешь, радио слушаешь? Расчувствовались в этом богоугодном заведении. Всех поувольняю... Как фамилия?

Почуявшая неладное, регистраторша моментально выхватила из сейфа подписанную обезумевшим, склочным чертом бумагу и, увидав каракулю с припиской (Антихрист), выдвину-

ла ящичек стола с номером «Прейзподнеш пресс», прикрыла лицо ладонями и просительно захныкала:

– Шарашкина я. Заведующая этой конторы. Не знала... Извините... Виновата... Действовала по инструкции Вашего предшественника, – и, видя, что Глава адова Преставительства смягчился лицом, заговорила обычным тоном. – Не припомню случая, чтобы кто принес все справки. Даже самые настойчивые, и те – тормозились на психиаторе... Ну, а кто все-таки требуемого специалиста представлял – и вовсе пропадали. Так что, если настаиваете, – и регистраторша, снимая с себя ответственность, всучила бланк Антихристу и протянула ручку.

– Вот. Поставьте визу красными чернилами через весь лист наискосок, и я, хоть сейчас, распишу.

– Сейчас не надо. Через два дня. – Робко напомнила Баламутрия.

– А что писать-то? – Крутя в узловатых пальцах ручку спросил Лука.

– Хм! – Выразив пренебрежение к новому малограмотному государственному деятелю ведьма начала диктовать. – Пишите: «В порядке исключения разрешаю оформить брак досрочно. Ну, и прочее: дату, подпись».

Бессмертный принялся опять царапать бумагу. Наконец оформление документов окончилось и компания двинулась к выходу.

– Минутку, – окликнула ведьма молодоженов. – Так как с талонами?

– Не надо, – отмахнулся Яков. – Обойдемся!

– Как это не надо, братец, – проявила практичность Эльвирочка, решив за подругу простую житейскую мелочь. – Баламутрия, возьми, пригодятся. В салоне новобрачных тот же асортимент, что и в «Саркофаге», только на гензнаки. Ты мужика не слушай, подружка, в таких вещах он – пень-пнем...

Яков будто бы и не слышал.

– И еще одна проблемка, – он призадумался. – Где бы хорошего священника отыскать, не халтурщика. К Самому с такой мелочью обращаться как-то неудобно.

– Священника я тебе, Яков, обеспечу. Не мучься! – Антихрист поднял вверх большой палец. – Во, мужик! Такой дока в церковных делах... И не подведет. Давно его знаю. А бас, что у Шалапина, если не почище. Да и возьмет недорого: распопкомпанейский! Лишь бы выпить да закусить... А эту Шарашкину, – по лбу Антихриста заходили тучи. – Из конторы, подойдет

срок, уволю. Не по здраву подобные, шибко вумные. К тому же самому скоро надо семьей обзаводиться. Положение обязывает.

– А что, Лука Виевич, и кандидатка есть на примете? – Полюбопытствовала Эльвирочка.

– Да уж, просватали мне сегодня одну... Ух и хороша! И статна, и лепа, и не мотовка. Одно не по сердцу, тоже сильно грамоте обучена. Но, ничего. Я эту дурь быстро вышибу. Враз позабывает ученых мужьев!

– Кто ж такая, – почти уверенный в ответе, сдержал смех Яков.

– Графиня Далдубовская, – четко, как бы пробуя на слух, ответил Бессмертный. – Да ты ее не знаешь, не того поля ягода!

Яков, перебивая хохот, закашлялся.

– Однако, милый альянстик образуется. – Покачала головой Эльвирочка. – Ох-хо-хо! Бедный Антихрист...

36

– Володенька, дорогой, отдохни. Отложи свои рукописи. На тебе лица нет. Пойдем, подарок молодоженам купим, да и в парикмахерскую надо успеть. К портному на примерку... Неужели ты не понимаешь, что одна я никуда не пойду?

– Почему? – Владимир Иванович оторвался от черновиков и непонимающе взглянул на Эльвирочку.

Девушка закончила выполнять последние упражнения комплекса ритмической гимнастики и, растянувшись в шпагате, сидела на ковре.

– Сходи, пожалуйста, милая, без меня. Боюсь мысль потерять. Закончу последнюю главу и – всецело отдаюсь в твое распоряжение.

– Нет! Хватит, родной, – девушка поднялась с ковра и, усевшись на колени Ахензева, провела рукой по его щеке. Раздался легкий треск. – Кошмар! Не кожа а наждачная бумага.

Эльвирочка отдернула руку и, посмотрев на покрасневшую от жесткой щетины ладонь, скомандовала:

– Довольно отнекиваться. Быстро в ванную. Бриться, мыться, одеваться! Пять минут на сборы. Я не допущу, чтобы мой любимый мужчина зачах, пусть даже и в кондиционируемом помещении.

Владимир Иванович с сожалением отложил недописанные листы бумаги и, согласившись в душе с любимой, поплелся в ванную.

– Только не надолго. Часика на два. – Выговорил он себе поблажку. – Хорошо?

– Там посмотрим, – слукавила перебирающая наряды девушка. Глянув на себя в зеркало, она взбила волосы, потом наоборот, расчесала их широкими прядями и, сокрушенно вздохнув, заплела густую тяжелую волну в толстую косу.

Видя мучительные попытки казаться красивей, чем минуту назад, даже Ахензеву стало ясно, что только парикмахерская отнимет не меньше двух часов.

– Пусть будет так, как она хочет. Выкрою вечерком время, допишу, – успокоил себя Владимир Иванович и принялся за бритье.

* * *

Минуло почти двое суток, а уехавшие за бабушкой Яков и Баламутрия, как сквозь землю провалились.

А началось с того, что жених категорически отказался проводить церемонию бракосочетания без родственницы, Баламутрия же поручила подруге связаться с Проксимой и вызвать отца.

Молодые уехали, а Сатана, тем временем, приказал готовить один из залов Адтелерадио к свадьбе.

И загудел телецентр.

Режиссеры и редакторы сбились с ног в поисках перечисленных самим Повелителем приглашенных. Список гостей изобиловал не только знаменитостями, но и нужными, в дальнейшем, молодоженам, лицами.

Труппа артистов из Богемы, в который раз, прогоняла программу праздничного концерта.

В срочном порядке пригласили двух известных кулинаров из обеих систем, чтобы блеснуть национальной кухней.

Все упиралось в виновников торжества.

Ожидали прибытие новобрачных с родственницей поутру, но ни они, ни телефоны со знакомым Яшиным голосом не давали о себе знать.

Звонил кто угодно, даже Антихрист соизволил проявить заинтересованность и обещал приехать – не было самих: Якова и Баламутрии.

* * *

В парикмахерской, куда зашли Эльвирочка и переоблачившийся из фирменных джинсовых доспехов в шикарный, куп-

ленный в «саркофаге» костюм Владимир Иванович, естественно, было непродохнуть. Предусмотрительно захвативший записную книжку Ахензев кое-как уместился на банкетке и, отправив Эльвирочку к маникюрщице, где была поменьше очередь, приготовился было продолжить творческие изыскания, как в это время чей-то, обращенный непосредственно к нему знакомый голос истерично взвился к потолку:

– Где мой муж? Верните мне князя, супруга... – перед фантастом стояла «мать» семерых, еще не родившихся детей князя Загробштейна.

Находящиеся рядом с Ахензевым представители сильного пола, ожидавшие, как и он, своих спутниц, с интересом заводили мордами: превратились в активных болельщиков – наблюдателей. Скучное, скрашиваемое лишь тихим гудением фенов, безмолвие было нарушено. Сам того не желая, Владимир Иванович оказался в центре внимания.

– Вот ведь принесли черти идиотку на мою голову! – Ахензев лихорадочно искал выхода из создавшегося критического положения и – нашел.

– Девушка?! Какого князя Вы имели в виду? Вы что-то явно перепутали.

Не блещущая идеальными формами грудь лаборантки застыла в стадии вздоха. По широко раскрытым глазам и бессловесно разинутому рту можно было предположить, что бедная девица вот-вот брякнется от удушливого возмущения в обморок. Владимир Иванович даже немного растерялся.

– Надо быть помягче, раз от чертовой бабушки сорвалась, то нервишки точно не в порядке. – Поднявшись с банкетки, он легонько похлопал спасительницу по худосочной спине и тем самым возродил работу дыхательных органов.

– Успокойтесь, девушка, – тронув руку несостоявшейся «матери-героини», он пресек следующий всплеск истерики просьбой отойти к выходу.

– Что Вы делаете? Принародно нарушаете конспирацию, – принялся выговаривать энергично задышавшей девице фантаст. – Видите, – Ахензев указал на свою шевелюру.

– Вижу, волосы, как волосы. Ну и что? При чем тут мой супруг. Что вы голову морочите! Где Яша?

– Вы ничего не понимаете? Вспомните. Была у меня прическа или нет?

– Вроде бы не было. Только возле ушей, – девица уже заинтересованно взглянула на Владимира Ивановича. – Но, какое это имеет отношение к моему супругу?

– Самое прямое! Вы за прессой следите? – Заговорщицки прошептал Ахенэв.

– Какая пресса?! Где мой муж?.. Во ВКиБ обратилась, так там вышел какой-то смазливый ангелок, накрашенный, расфуфыренный, в голубом балахончике и – лишь крылышками развел. Правда, стал допытываться, откуда я его знаю и говорит: «Я бы его само с огромным удовольствием увидело».

Пристал ко мне, паспортные данные зачем-то переписал и грубо так приказал позвонить ему лично, как только Яша объявится. Такой нахал – даром что с нимбом! – Лаборантка опять вернулась к наболевшему. – Скажете, вы, наконец, где мой супруг или нет?

Владимир Иванович убедился, что окружающие уже потеряли к ним интерес и тоном, позаимствованным у знаменитого Штирлица, вполне членораздельно и внятно произнес.

– Яков ныне, милейшая, в подполье! Неужели не в курсе, что весь прежний Вкибовский аппарат арестован? Самого Антихриста судить будут, и чем это кончится, одному Сатане известно! Даже мне, имеющему, казалось бы чисто косвенное отношение ко ВКиБу и Антихристу, и то приходится скрываться, переходить на нелегальное положение. Каждый день меняю внешность. А что поделаешь? – Владимир Иванович коснулся своих роскошных волос, – После контакта с Вами придется наголо сбрить. Учтите, только из-за Вас! Подняли крик на весь салон: «Где Загробштейн? Где Загробштейн?» После такого крика наверняка нагрянут агенты тайной службы, потащат пытать. Что Вы наделали?!

Лаборантка, оглушенная преподнесенной новостью нервно закрутила по сторонам лошадиной челюстью. А Ахенэв, для пущей убедительности, взял с журнального столика номер «Преизподнеш пресс и поднес его напуганной лаборантке.

– Вот, прочтите, – он указал место, где упоминался Э. Тьмовский. – Понятно теперь, каково сейчас Яше?! Так что, мой Вам совет – забудьте на время о Загробштейне! До тех пор, пока не кончатся гонения. А не то, – Ахенэв удрученно покачал пока еще не стриженной головой, – Я Вам не позавидую! И, учтите, агенты не дремлют. Могут нагрянуть в любую минуту!

Из дверей женского зала показалась довольно улыбающаяся Эльвирочка. Но, при виде стоящей рядом с Владимиром

Ивановичем плоской очкастой дамы, улыбка моментально превратилась в хищную гримаску.

– Все, – обреченно выдохнул Ахензев. – Опоздали! Вон идет по мою и вашу душу агент! Поразительное по жестокости и кровожадности создание. Бегите!! Я ее задержу... Прощайте!

Лаборантка моментально вышла из шокового состояния и, оставив на месте старта одну туфлю, подвывая от ужаса, исчезла за ближайшим зданием.

Увидев ретирующуюся «соперницу» Эльвирочка вновь заулыбалась.

– Милый, кто эта девица? Что ей от тебя было нужно? И неужели я такая страхолюдина, что она рванула, как от пантеры?

Владимир Иванович обнял очаровательную девушку и поцеловал в благоухающую духами щечку.

– Ты просто восхитительна, дорогая! Не обращай внимания; это одна из жертв нашего любвеобильного «братца». Ну, так куда направимся дальше?

– На телецентр, Володенька! А по дороге заскочим за новым платьем. – «Жутко кровожадный агент» посмотрела на угол дома, за которым пропала «жертва» и посочувствовала. – Несчастливая женщина!

* * *

– Как, разве новобрачные не с вами? – Удивился расфранченный режиссер-постановщик, ожидающий у входа в телецентр. И, не веря своим глазам, заглянул в обычный для ада экипаж с «шашечками». – Через десять минут выходить в эфир! Это – скандал!

Пришла очередь изумиться Эльвирочке и Ахензеву.

– Разве Яков и Баламутрия еще не прибыли? Куда же они запропастились? Или по дороге что стряслось?

Из дверей Адтелерадио вывалился, слегка под «шафе» новый шеф князя и повторил вопрос режиссера.

– Срывается важное мероприятие, – Антихрист поймал за пуговицу Владимира Ивановича и, приблизив опухшие от безделья глаза, веско произнес. – Никакой, понимаете ли, ответственности и уважения к руководящему звену.

Ахензев мягко отвел лапу экс-Найтемнейшего и, отстраняясь от дымившей перегаром морды, предложил Эльвирочке.

– Зайдем, милая, в здание. Не стоять же с подарками у входа.

Девушка подхватила грозящий вывалиться из-под локтя нагруженный коробками фантаста сверток и они ступили в холл.

– Был балдой, балдой и останется! И за что его бабы любят, не пойму?.. Эх, Яков, Яков... – Эльвирочка нажала кнопку лифта и, спустя несколько секунд, они очутились на этаже, где находилась студия.

Звуки торжественного хора оповестили собравшихся в зале гостей и работников центрального телевидения, что новобрачные прибыли. Репортеры наперегонки бросились к лифту – но!..

– Стоп! Стоп! Выключите музыку! Заставку, Заставку – срочно! Опять не те!..

Редактор программы расшвырял журналистов и, чуть не опрокинув телекамеру, подступил к прибывшим.

– Где Загробштейны? – Срываясь на хрипоту набросился он на Владимира Ивановича. – Без ножа режете!.. Что прикажете делать? Объявлять телезрителям, что вышла накладочка! Что передача отменяется по техническим причинам?! Ха. Ха. Ха. Желал бы я знать, что за причина у этого, с позволения сказать, жениха... Не-е-ет, наверное, я схожу с ума! Собрать в студии всех виднейших деятелей ада, пригласить самую дорогостоящую труппу, я уж не говорю о том, что предстоящая церемония разрекламирована по другим преисподням. А то, что передача будет транслироваться на Проксиму и Парасит!?!.. Не-ет! На подобные выверты способны лишь Загробштейны... Так что прикажете делать? – Редактор, выламывая от отчаяния руки развернулся и, вероятно, что-то решив, умчался прочь.

– Пока суть да дело, пойдем, Володя, поздороваемся с Повелителем, – предложила Эльвирочка и, не давая Ахенэеву полностью вникнуть в происходящие, на не по его вине возникшие неувязки, сгрудила подарки на первый попавшийся столик и, чуть ли не силком потянула любимого к ожидающим начала торжества привилегированным особам. Среди них Владимир Иванович увидел Тьмовского и настроение заметно улучшилось.

Эдик стоял рядом с Сатаной и, что-то объясняя, глазами показывал на Ахенэева и его спутницу.

Повелитель ада добродушно рассмеялся и, кивнув Эльвирочке и фантасту в ответ на приветствие, произнес:

– Эдуард Вельзевулович, я думаю, в моем присутствии эта удивительно красивая девушка вас не тронет. Хотя, гм – да...

Прошу Вас, как рыцаря УРКи – развлеките даму. Предстоит небольшая беседа с Владимиром Ивановичем.

Тьмовский с некоторой опаской взял Эльвирочку под руку и, не встретив отпора, облегченно улыбнулся и сыпая комплименты, увел ее в сторону эстрады.

Ахензев, робко подойдя к Владыке ада протянул отчет.

– Прошу извинить, если некоторые аспекты деятельности освещены не полно. А так же за возможные повторы... Спешил. Но, основная концепция кругов, по моему, выведена с достаточной достоверностью.

Сатана принял рукопись и передав ее приблизившемуся статс-секретарю, небрежно осведомился.

– Я вкратце ознакомлен со всеми перенесенными тобой тревоблениями, а также с правдивыми авторскими бытоописаниями – копии рукописей имеются: телепатически фиксировались в мозговом центре ЭВМ N-ного круга. Непонятна одна деталька. Если не секрет, кем приходится прибывшая с тобой девушка: знакомой, любовницей или...

– Невестой! – отдавая себе отчет в сказанном, тем не менее твердо ответил Владимир Иванович.

Сатана знакомо ослабил галстук и, окатив фантаста теплой улыбкой, безо всякой помпезности, обыденно произнес:

– Ну, что ж. Совет да любовь! Надо быть дураком, чтобы не догадаться... Начну с выполненного тобой задания. Я, можно сказать, доволен. А в отношении написания на Земле книги – одобряю. О публикации не беспокойся. Поручу кому следует – здесь задержки не будет. А теперь – о главном: Яков – плут, кое-что разболтал о восьмом круге. Ну да, бог с ним. Пойми одно: я вершу адовские дела. На выборной должности. А что касается обратного возвращения почивших на землю – это решается выше этажом и коллегиально! Могу, конечно, пропустить твою зазнобу и по старому каналу, но – сам пойми: не было ее и вдруг – явилась! Сразу милиция, спецприемник, начнут проверять прописку, метрики требовать, пятое-десятое... Канитель. Или другой вариант: добро за добро – пришлю твою любимую нелегально, только надо ее немного того!

– Чего – того? – Не понял Ахензев.

– Чего, чего! Как маленький... Немного видоизменить, переклонировать. И – будь спокоен: душа останется прежней, а внешность оформим, как картинку. Аналогов на Земле не будет! Ну, так как?

– Нет, Повелитель! – вздрогнув от собственной дерзости ответил Владимир Иванович. – Я ее люблю, какая есть. Другой не надо.

– Ну тогда не отчаивайся, жди. Я своему слову верен. Попробую через восьмой круг. Авось, подберут какого-нибудь академика, осенят и – из анабиоза твою ненаглядную вызволят.

* * *

– Владыка! – Презрев правила этикета, к Сатане подскочил паникующий редактор. – Сроки истекли! Что делать? Ожидаются огромные неприятности – крупные неустойки...

Повелитель недовольно покривился и лишь присутствие писателя спасло нарушителя спокойной беседы от немедленной кары.

– Тебя на кой ляд поставили?! – Напрямик спросил он. – Что вы обычно в подобных случаях делаете?

Редактора словно ветром шатнуло.

– Мультики показываем, – одними губами ответил тот.

– Вот и крути свои мультики до посинения. Загробштейны вот-вот явятся. Не того Загробштейна знали, который опрохвостится... Иди и выполняй, что сказано!

Но редактор не уходил, а сцепив пальцы, чтобы унять дрожь, заикаясь проблеял:

– Повелитель! Разреши грешному испросить совета? Есть выход!

– Ну, что еще? Да прекрати подпрыгивать, как тетерев на току! Говори.

Воодушевленный снисходительным жестом Сатаны редактор начал муторный рассказ.

– Мультики, – это, если передача по нашей преисподней. И не связанная с транслированием непосредственных участников. Тогда – да: или мультики или, чего скрывать, дело прошлое – замена отсутствующих их дублерами. Случалось, признаюсь, даже под Антихриста гримировались. Он то не шибко пунктуальный был. Позвонит, и – в приказном порядке: «Сотвори Спидон речь. Прием у меня нынче». А в трубку визги, музыка... Ну как не подчиниться. Так что, приходилось вместо него перед многомиллиардной аудиторией выступать. И никаких претензий от зрителей. Гримеры у нас перворазрядные: из слона муху при желании соорудят. И – наоборот. Вот и сейчас, осмелюсь предложить невинный подлог. Единственная заминка в кандидатурах. – Он перешел на шепот. – Дело, как я понимаю,

государственной важности, а следовательно и дублеров придется подбирать проверенных.

Он осмотрелся по сторонам и остановил взгляд на Ахенэеве.

– Может быть Вы согласитесь? А с девушкой поговорим, она – актриса, поймет.

Сатана поднял лапу, заставив замолчать редактора и взглянул на часы.

– А ну-ка, позови ко мне Тьмовского и Эльвирочку.

Телевизионщик молниеносно исчез.

– Так как, писатель? Выручай своего приятеля. Идейка-то дельная!

Владимир Иванович не отличался талантом перевоплощения, если не считать участия в студенческих спектаклях. Но выручить Якова, да и поддержать авторитет ада – шутка ли сказать...

Ахенэев, потупив взор, растирал невидимую пылинку по паркету и молчал. Да и отказать Сатане? Этого он не мог себе позволить.

– Как Эльвирочка, – собравшись с духом, наконец произнес фантаст.

Эдик и весело улыбающаяся, не робеющая перед Владыкой ада девушка появились в сопровождении запыхавшегося редактора.

– Я согласна, – телевизионщик успел объяснить причину срочного вызова и теперь, внутренне торжествовал. – Надеюсь, подружка не обидится. Володя, ты готов?

Ахенэев лишь обреченно кивнул.

– Повелитель, – вставил слово Тьмовский. – Можно упростить подготовку к выходу в эфир. На Якова в той трофейной штуковине у меня сохранилась полная информация. Не надо никакого грима. Берусь в течение нескольких секунд представить Загробштейна перед вами. Ну, а Эльвирочке придется гримироваться.

– Мне не привыкать. В конце концов – это моя профессия, – девушка загорелась идеей и потянула Владимира Ивановича в сторону служебных помещений, но вдруг остановилась и строго обратилась к Тьмовскому.

– Эдик, а ты гарантируешь, что аномалий не произойдет, ведь Володя омолаживался.

– Ох! – Озноб прошел по спине Тьмовского. – Хорошо, что вспомнила. Намесил бы глины... – Он задвигал рычажками,

защелкал кнопки. – Все. Готово. Заложил в блок памяти дополнительные данные. Теперь можешь быть спокойной, качество – гарантирую!

...Через пять минут начался первый дубль. Под звуки хора ла перед телекамерами предстали лже-Яков и лже-Баламутрия.

– Как настоящая! Доченька, – прошептал Сатане прилетевший с Проксимы и посвященный в подробности отец Баламутрии.

37

Рыжебородый поп-расстрига, вероятно, изрядно авансированный, при виде новобрачных слезно умилился и паровозно гуднул. – Анафема!!!

– «Анафема»? — Параситянский «адмирал», вцепившись в темную, до пят, ризу, запутался в епитрахили и тенором, в унисон запищал. – Где «анафема»? Взорвалась «анафема»?..

– Изыди!! – оборвал, как присосавшегося клеща, разноцветного инопланетянина священник.

Эдик улыбнулся уголками губ и отведя взгляд от разыгравшегося спектакля защелкнул ненужную теперь метлу в «дипломат» и обратился к Сатане.

– Владыка! А Яков неплохо смотрится. Как настоящий! Вот только рог подбирать пришлось. Эльвирочка-то о любимом не забыла, напомнила про омоложение, а что «братец» переклонировался – это ей начхать. А так – машинка нужная.

– Да, стоящая штукавина, – согласился Сатана. – Можно в серийное производство запускать. Жаль, на Баламутрию нет данных, а то бы закрутили свадьбу и без Загробштейнов. Ну, а коль придут гулены – пусть подстраиваются по ходу пьесы... Ладно, надеюсь, пока обойдемся писателем и невестой, а к проклятию явятся, как миленькие. И пусть благодарят судьбу, что Параситянам приглянулись, монарх срочно потребовался. Иначе, за подобную нервотрепку не миновать им райской жизни!

Шарашкина, воодушевленная тем, что ее показывают по телевидению, открыла церемонию регистрации брака.

– Дорогие Яков и Баламутрия! Вы вступаете в самую ответственную, радостную стадию жизни! Создание адской семьи – это не только незабываемый, но и налагающий определенные обязанности шаг... – Шарашкина шпарила без шпаргалки, наизусть. – Князь Яков Загробштейн! Согласны ли Вы взять в жены Баламутрию Потустороннюю?

– Согласен! – Не задумываясь ответил Ахензев и нежно, приязненно посмотрел на «Баламутрию».

– А Вы, согласны ли стать женой Якова Загробштейна и принять его фамилию?

– Да! – Не сводя мерцающего взгляда с Яши-Владимира Ивановича подтвердила она.

– В таком случае, обменяйтесь кольцами.

– Стоп! Стоп!! – заорал стоящий рядом с оператором режиссер. – Явная недоработка. Слава богу, что дубль...

– В чем дело? – поспешил к режиссеру Тьмовский. – Теперь-то в чем задержка?

Телевизионщик сердито махнул рукой и вытер катившийся со лба пот.

– На что он ей кольцо одевать будет? На щупалец, то есть, на щупальцу, тьфу, черт, на щупальце, что ли? А ведь такой момент снимается крупным планом!

– Так где вы раньше были? Или считаете, что Повелителю в охотку, подобно бездарному статисту красоваться на десять раз перед телекамерами? Тащите нужных размеров кольцо – быстро!!

Режиссер ойкнул и указал ассистенту на лифт. Ассистент без слов понял, что от него требуется и, скакнув к раскрывающимся дверцам, сшибся с выходящим из кабины пожилым чертом в ливрее.

С подозрением взглянув на вошедших в роль Владимира Ивановича и Эльвирочку, он просеменил к Сатане и зашептал, по всей видимости, важную информацию.

– Остановить съемку, – распорядился тихо и властно Властелин ада. – Настоящие прибыли.

* * *

Как только захлопнулась дверь уборной, Эльвирочка, не желая смущать подругу, принялась сдирать с себя грим и стягивать ненужное теперь чужое одеяние.

Тьмовский впопыхах забыл в зале «дипломат» и поэтому Владимиру Ивановичу ничего не оставалось, как поджидать истинного Якова в его обличии.

... – Не троньте меня – взорвусь! – Раздался за дверью истошный вопль.

В театральную уборную, чуть дыша, прижимая к груди туфли, ступила измученная, запыленная Баламутрия! Увидев,

что посторонних нет, девушка разрыдалась и со стоном опустилась на диван.

За ней, расставив лапы и балансируя по совершенно гладкому полу, как канатоходец, вплыл Яков. На женихе буквально не было лица: белая размытая маска с отвисшей челюстью. Все говорило за то, что бес сошел сума.

– Что с тобой, «братец»? – Бросилась к нему Эльвирочка.

– Не прикасайтесь ко мне! Я – заминирован!

– Что ты буровишь? – Презрительно бросил эквилибрирующему и вибрирующему камраду Эдик. – Умнее ничего не придумал? Даже на собственной свадьбе не можешь без фокусов. Кончай дурить! Быстро приводи себя в порядок и – в зал. Из-за вас на полчаса передачу задержали...

Эдиковы слова подействовали и Яков, закрыв пасть, захлопал ресницами. Но говорить он не мог. Вместо Якова, то и дело вытирая платочком выступающие слезы, его историю поведала Баламутрия.

– Это я, дура ревнивая, во всем виновата. Хотела, как лучше, а ему, вместо «торпеды», «фаустпатрон» вшили.

Из последующего, сбивчивого рассказа Баламутрии, подтверждаемого лишь слабым мычанием жениха следовало:

Прибыв к бабушке, Яков огорошил девушку тем, что объявил о послесвадебном путешествии на Парасит, где он принимает корону монарха, а его нареченная становится, понятно, королевой. И сдуру сболтнул про разговор в посольстве об обмене дисциплинированными отрядами «камикадзе», и про сухой закон упомянул. Бабушке невеста понравилась и, зная блудливый характер внука, старуха изрекла:

– Вот что, внучок! Чтоб ты там не шлындалься по ихним девкам от своей жenuшки-раскрасавицы, ступай к дохтуру-наркологу и шивай себе в то место, на котором сидишь, торпеду. Соседки судачили, что она дюже хорошо на вас, кобелей, действует. А иначе проклятия от меня не дождешься. Благословлю, как ослаблю...

Баламутрия поддержала бабушку и они отправились к наркологу. Откуда было знать новобрачным, что в кабинете у доктора, в другой его половине, проворачивал какие-то свои темные делишки вездесущий Охмура-сан.

Положил врач Якова на операционный стол, налепил на морду маску с изрядной дозой хлороформа, а сам вышел в соседнюю комнату. И, уже засыпая, бес услышал тихий разговор.

– Вшивай фауст-патрон, озолочу! Заодно от лишнего свидетеля сможешь избавиться. Он у меня в печенках сидит...

– Миллион гензнаков!

– Идет!

Отошел Яков от наркоза, не поверил в услышанное – бред, мол. А когда прикрывал дверь, обернулся и – застыл: из второй комнаты выглядывает Охмура-сан и хихикает. Не поджигай свадьба – времени осталось в обрез: только-только дотопать до Идола – Охмуре не поздоровилось бы. Но – опозориться перед Повелителем... И Яков, стиснув зубы, покинул кабинет. Двинулись пешком – эскалатор отпадал... Поэтому и опоздали...

Тьмовский, выслушав рассказ, недоверчиво приложил ухо к заминированному месту и, резко отстраняясь, констатировал:

– Да, действительно. Тикает. Нетранспортабелен. Вот-вот рванет. А может и не вот-вот... Интересно, на сколько завода осталось? Владимир Иванович, идите, пожалуйста, в зал с Баламутрией. Необходимо, чтобы никто ни о чем не догадался. Вместо меня возьмите в свидетели Эльвирочку. А я – пока с Яковым займусь. Попробую разминировать. Баламутрия только теперь обратила внимание на псевдо-Якова и в испуге отшатнулась.

– Спокойненько! Спокойненько! – Привел ее в чувство Тьмовский. – Это всего лишь копия...

* * *

Прямая трансляция церемонии бракосочетания прошла без сучка и задоринки.

Шарашкина отрететировано произвела регистрацию молодоженов и даже Баламутрия, чувствующая себя на первых порах несколько скованно, поддалась общему настроению праздника и, забывшись, совершенно искренне, назвала своего партнера Яшенькой.

А подошедшие после регистрации родственники: бабулька и отец Баламутрии и вовсе не заметили подмены. Больше того, бабулька покачала головой и любовно оглядывая беса, проговорила:

– Ишь, какой ты у меня пряткий, внучок! Не успел объявиться, а уже щеголь-щеголем: и переделся и лоск навел... Давай, ужо, расцелую вас и проклянущу за остальных родственников. Мамка-то совсем загордилась с этим восьмым кругом. Вот ведь беда – сын женится, а родители не могут работу оставить, совсем осупостатились. Ты им хучь сообщал?

Владимир Иванович впервые услышал о том, что у его двойника есть родители. Яков постоянно вспоминал одну бабульку, а про отца с матерью замалчивал.

– Сообщал, – односложно ответил бес-Ахензев, но в подробности вдаваться не решился.

Ведущий божественной группы, возложив на себя обязанности тамады, вооружился микрофоном и обходил наиболее знаменитых гостей. Следом ползли телекамеры, давая крупным планом то одного, то другого поздравляющего.

А на балюстраде, декорированной под хоры, в это время шла подготовка к кульминационной сцене. Собрав певчих, попросив расстригу, размахивая здоровенным кулачищем перед носом каждого из них, давал последние наставления.

К новобрачным подошел закончивший телепоздравления Сатана.

– Ну что, писатель, финита ля комедия? Или еще погостишь? Посмотри, как твоя любимая переживает.

Ахензев взглянул на стоящую в сторонке и всхлипывающую украдкой Эльвирочку, на общее веселье и, чтобы раз и навсегда снять камень с сердца, грустно, но вместе с тем окончательно произнес:

– Благодарю за честь, Властелин! Но, оставшись в аду, я отодвину часы земного счастья. Буду жить ожиданием Эльвирочки и работать над книгой. – Он затянулся сигаретой. В последнее время Владимира Ивановича все чаще тянуло курить.

– Значит веришь мне, писатель?

– Верю!

– Хорошо, – Повелитель ада тоже задымил трубкой, прищурился. – Мало осталось смертных, кто мне верит. Подравняли нечисть под одну гребенку. А все по его вине, – Сатана кивнул на Бессмертного, приплясывающего вокруг Далдубовского. – Мало того, что родословная загажена, бог знает, кого расселил по земным хлябям да твердым. Да и на прежнем посту столько наворочал, что эхом в церквях наверху до сих пор отдается... Ведь недаром говорят: не верь лукавым. Это о них... А ты мне доверил свое счастье. Ценю!

– Властелин! По мужски, так по мужски. Долгие проводы – лишние слезы. Переправь на Землю так, чтобы Эльвирочка не знала.

– И это одобряю. К слову: вернешься к себе, захочется вновь свидеться – выпей стакан-другой водки. Буду рад гостю. Одно плохо: обратно через реанимацию возвращаться придется.

ся... – Сатана замолчал и кивнул в сторону появившегося Тьмовского. Эдик стоял у лифта и, радостно улыбаясь, призывно махал Владимиру Ивановичу лапой.

– Ну, иди, – разрешил Повелитель. – Раз улыбается, значит разрядил Яшку. Нет, стой! На Землю отправишься сразу после проклятия новобрачных. Будь готов.

Владимир Иванович пригубил щупальце Баламутрии, раскланялся с Сатаной и, пригласив Эльвирочку следовать с ним, заторопился к Эдику.

...Лифт остановился и трое Яшиных друзей прошли в театральную уборную, по которой, пробуя походку, кособоко прошмыгивался обезвреженный Загробштейн. Каждый шаг, видимо по инерции, сопровождался выбрасыванием лап в стороны.

– Ну как, босс? Торжественная часть закончилась?

– В основном. Проклятие на твою с Баламутрией головы осталось.

– М-да, тогда отчаливаю к невесте, – Яков проковылял к вешалке, но покачнулся и, не удержав равновесия, растянулся на полу. – Вот видишь, вестибулярный аппарат пошаливает. Это после Эдикова хирургического вмешательства. А знаешь, чем он меня кромсал? – И бес указал на «скальпель».

На гримерном столике, голубея непротертым лезвием, возлежал турецкий ятаган.

– Брось придуриваться! – Обозлился на него Эдик. – Через пяток-другой минут заживет, как на собаке! Разминайся, да вали к разлюбезной. А мне еще Владимира Ивановича в божеский вид приводить надо...

Тьмовский достал «метлу» и привычно, чуть ли не наугад, защелкал кнопками. Ахенэев, как и при первом опробовании аппарата ощутил легкое головокружение и покалывание во всем теле. Он, скорее машинально, потянулся к голове и с успокоением нащупал вместо рогов густую, пышную шевелюру.

– Не сомневайся, камрад, я теперь спец по подобной электронике, владею этим венником, как ковбой кольцом. Можешь переодеться в свое барахло, а эти – пригодятся в костюмерной.

Услышав слова Тьмовского, Яша потух лицом и спросил с надломом:

– Что, босс, уже?.. А продлить командировку нельзя? – Всплеск надежды застыл в его глазах. Ахенэев подошел к действительно расстроившемуся бесу и обнял с признательностью.

– Нет, Яша. Прости, но пора отвести свою душу на землю. Обязательно дописать книгу, а может, и с Эльвирочкой остаток дней удастся прожить по земным меркам. Все зависит от Самого: при случае, напомни еще раз о просьбе... Так что, не обессудь – и он обернулся к Эдику. – Не поминайте лихом. Бодрее, камрады, не навечно расстанемся. Истечет мой срок жития в том измерении – бог знает, сколько еще отмеряно, – может, кот заплакал... Все мы там под богом ходим... А как преставлюсь, приеду на поселение к Вам. Вот тогда, в открытую поговорим и об Эдеме и об Аде. Возможно, продолжение к книге напишу. Да-а, – Владимир Иванович задумался и, не обращая ни к кому, пробормотал. – Нонсенс! Бог дал – черт взял!

– Эх, босс! – Больно надавил лапой на плечо фантаста Яков. – А я-то хотел тебя в восьмой круг затянуть. Что видел до этого – семечки!

– А вот там – действительно, ад!!! Уж на что крутые мужики в восьмой попадают после тысячелетнего рубежа, а и у тех шерсть дыбом встает! Как говорил Сатана: конгломерат ангелов, чертей и умных грешников! И любой из старейшин этого круга, – бес непроизвольно оглянулся. – По положению потенциально выше Повелителя!! Но – видно, пока не судьба... А за Эльвирочку не волнуйся – дождешься!

– Все, все, Яша! Прощайся и – пошли. Опять ритуал задерживаем.

Эдик пожал Ахенэеву руку и потянул упавшего духом беса к двери.

Оставшись один, Владимир Иванович апатично уселся на диван и – все ранее высверкивающие мысли слились в одну, проясненную! Жизненные коллизии?! Земля – ад... Через несколько минут он окажется в том мире, где жил раньше, встретится со своим Прошлым. И сравнение прожитых лет с окружающими лицемерами – даже друзьями и знакомыми, из которых не знаешь, кто в действительности друг, а кто – враг, с вновь обретенными товарищами, почти единомышленниками, имеющими одно, ну, максимум, два лица, оказалось не в пользу смертных. И, если Сатане отчет понравился, то не посчитают ли абсурдом сказанную им со страниц книги правду об аде на Земле?

Ахенэев почувствовал страшную тяжесть во всем теле, и громоподобный торжественный бас расстриги: «Анафема! Анафема!! Анафема!!!» – Было последним, что он услышал.

– В Большой театр ему... – Успел подумать Владимир Иванович и – провалился в какую-то жуткую, бездонную и леденящую кровь пропасть.

* * *

– Ну, наконец-то! Здоров, батенька, спать! Мы, прошлым делом засомневались, что вернетесь в грешный мир. Как спалось? – Над Ахенэевым склонился седенький благообразный старичок и, раздвинул пальцами веки, внимательно вглядывался в зрачки.

– Откуда эта зануда? Где я? – Еще не поняв, что к чему, Владимир Иванович все же плохо повинующимся языком сострил.

– Спал сном праведника, а снилось черт-те что...

Доктор убрал пальцы с глаз Ахенэева и, распрямив спину, слегка улыбнулся.

– Главное, вовремя проснуться...

38

– И – последнее средство. Обратитесь к эстрасенсу-психоаналитику. Могу порекомендовать.

Владимир Иванович с удивлением посмотрел на худенькую милостивую девушку: лечащего врача Ирину и пожал плечами.

– А смысл? Сами же говорите: давление нормальное, организм здоровый.

– Ну, посоветуетесь, облегчите душу – мне-то не хотите поведать, что гнетет... А профессор все расставит по своим местам. Правда, такса сногшибательная, но могу гарантировать: разберется, выведет точный диагноз и подскажет, как избавиться от хандры и депрессии.

– Если только в этом плане...

– Значит, согласны? – Обрадовалась сговорчивости писателя девушка. – Психолог выдающийся: почетный член нескольких зарубежных академий, имеет печатные труды – а в научном мире вокруг его имени настоящий бум!.. Записывайте адресок. На метро до ст. «Добрынинская», затем троллейбусом две остановки. Дом 28 корпус 4 кв. 149а. Хозяин квартиры – Будицкий Николай Егорович.

– И только то? Он и есть эстрасенс?

– Нет, Николай Егорович даст вам приют на время проведения интимной беседы. Сам в прошлом профессиональный разведчик, Будицкий, попавший после одной из операций под

пули диверсанта, насилу выкарабкался из объятий Костлявой и – лишь благодаря вмешательству парапсихолога, встал на ноги. Они подружились и, даже больше, экстрасенс согласился помогать добрым знакомым приятеля... Так что, если воспользуетесь моим советом, не прогадаете.

Владимир Иванович поблагодарил Ирочку за участие, проводил ее, и подозрительно поглядев на пустую люстру, махнул рукой на дела и засобирался на встречу со знаменитостью.

...Минуло восемь месяцев с того дня, как Ахензев покинул больницу. И, что самое интересное: после прохождения курса лечения, фантаст словно переродился заново. Из больницы вышел помолодевший, полный жизненных сил мужчина. Аспиранты и кандидаты наук липли к нему, как мухи на мед, домогаясь внимания бывшего пациента. Владимир Иванович сбился со счета, на скольких симпозиумах, коллоквиумах и семинарах его демонстрировали в качестве уника. В конце-концов, терпение лопнуло и в один прекрасный момент Ахензев в довольно категоричной форме заявил: «Хватит делать из меня экспонат!» Обиженные «ученые мужи» заныли: «Себялюбец, не даешь закончить докторские диссертации», но фантаст был непоколебим и доктора отстали.

И все было бы хорошо, но одна навязчивая идея, мысль, гвоздем засела в голове и постоянно не давала покоя.

Как назвать то состояние, что он пережил? Галлюцинации, бред, а может – явь?

Ахензев перебирал в уме все с ним произошедшее: редкая удача врачей по омолаживанию организма, мягкие густые волосы вместо лысины, красивые, без изъяна зубы, книга, изданная в рекордно короткий срок, заказ на сценарий крупнейшей киностудией страны, договор на публикацию за границей!..

Нет: все, буквально все лишь подтверждало – кто-то невидимый, но всесильный, могущественный, стоит за его спиной, поддерживает и помогает.

Сбивало с толку другое – жизнь, бурлящая как из прорвавшейся плотины вода, раскрепощенность прессы – это заставляло сомневаться в чудесах и диктовало верить в действительность!

Владимир Иванович не находил себе места, измучился и по вечерам, отключив телефон и телевизор, вновь и вновь возвращался к рукописи. Именно той рукописи повести, которую написал, если не по приказу Сатаны, то по памяти, основываясь

на своих бредовых ощущениях. И снова Ахензев сталкивался со ставшими хорошими друзьями Яковом, Эдиком...

Особенно возбуждали «встречи» с Эльвирочкой. Перед тем, как отдать рукопись, почти беспрекословно принятую редакцией, он раз двадцать переписал сцены встреч с этой волшебной девушкой.

И теперь, когда повесть опубликована в одном из центральных журналов, издана книга – мысль о том, чем же являлись описанные события для него: реальностью или наоборот – продуктом большого воображения – терзала, сводила с ума.

Поделиться своими сомнениями, открыться кому-нибудь, исповедоваться перед кем-либо, он попросту не решался. Не из-за боязни, что засмеют – нет! Ведь описываемые им персонажи имеют реальное обличие, четко очерченное: кто плох, кто хорош, а кто – ни рыба, ни мясо... Сомнение другого рода мучили фантаста. Иногда хотелось волком выть от излишней чувствительности, пусть даже и иллюзорной, но потрясшей душу любви к Эльвирочке.

При выписке из института Ахензева категорично предупредили: спиртное в рот не брать, и это странным образом ассоциировалось с последним напутствием Сатаны...

Разговор с лечащим врачом Ирочкой поставил крест на сомнениях писателя, тем более – в деньгах нужды не было, гонорары сыпались, как из рога изобилия...

* * *

– Так вы от Ирины? – Хозяин квартиры сделал солидную мину и чуть ли не по слогам произнес. – В данное время магистр занимается вариационным психоанализом.

– Извините, может, я не ко времени? – Деликатно отступил на шаг Владимир Иванович.

– Нет-нет, – запротестовал Будицкий и, шлепая тапочками по давно не мытому полу, пригласил. – Проходите, не стесняйтесь. А на беспорядок не обращайте внимания – творческие изыскания не оставляют времени на бытовые хлопоты.

В комнате, куда вошел Ахензев, воистину некуда было ноге ступить. Пузырьки, флаконы, бутылки и банки всех размеров устлали пол, оставив свободное пространство лишь у стола и прохода. Тяжелый аптечно-галантерейный воздух хлынул в легкие фантаста и он потрясенно остановился.

– Не обращайте внимания, – успокоил гостя разведчик в отставке, – профессор готовит новый препарат под названием

«Мажор». Для дальнейшего опробывания, с целью выявления его действия на левое полушарие мозга.

За обеденным столом, весь напряженный, сидел изысканно одетый мужчина и, то и дело поглядывая на часы, сосредоточенно следил за поведением неопределенного цвета жидкости в литровой, из-под маринада банке.

Жидкость пучилась пузырями и вспенивалась. Увлеченный «Вариационным психоанализом» магистр, не обращая внимания на рассеявшихся рядом за столом хозяина и посетителя, уловил момент и, быстро взболтав ее содержимое отделанной золотом шариковой ручкой, внушительно изрек:

– «Мажор» готов к употреблению. Проверим его качество. – Николай Егорович не мешкая подставил стаканы и таинственная жидкость была разлита на две равные дозы.

– Не желаете? – Наконец заметил постороннего почетный член нескольких зарубежных академий.

– Что Вы, что Вы, профессор, это от Ириночки, – поспешил ответить за Ахензева Николай Егорович и, резко выдохнув, влил в себя стакан. – Он, пф-ф, за консультацией... Ф-фу!!

– Ах, так вы тот самый писатель? Ну-ну. Подгадали ко времени, я в великолепной форме и не откладывая займусь с Вами. Но – деньги вперед!

Несколько шокированный окружающей обстановкой и таким подходом к предстоящему диалогу, Владимир Иванович тем не менее, не стал перечить, а просто поинтересовался.

– Сколько?

– Сто! – Вместо магистра выпалил хозяин. Тот кивком подтвердил сказанное.

– Ну что ж – сто, так сто, – Ахензев достал бумажник и протянул деньги.

На этот раз жест магистра означал, что деньги стоит передать Будицкому. Николай Егорович принял из руки фантаста сторублевку и, прихватив объемистую сумку, заторопился.

– Не буду вам мешать. Удаляюсь, удаляюсь... Надо ингредиентов подкупить.

Когда дверь за хозяином квартиры захлопнулась, а второй стакан был осушен, магистр отодвинул от себя ненужную теперь посуду и, соорудив из ладоней удобный штатив для головы, уперся локтями о стол.

– Сосредоточьтесь и неспеша, искренне поведайте о своих сомнениях. Я попытаюсь сделать невозможное, разблокировать вашу душу и объяснить причины отклонений.

Расширенные зрачки немигающих, поблескивающих после употребления загадочного снадобья глаз экстрасенса иглами впились в лицо Ахензева и, подчиняясь неведомому позыву, Владимир Иванович разоткровенничался.

Рассказ фантаста продолжался долго. Он до мелочей вспомнил эпизоды находений в потустороннем мире, нервничал, волновался, но излил все, что наболело, до конца.

Во время повествования экстрасенс сидел не двигаясь и не сводя немигающих глаз с рассказчика, как бы вбирая в себя услышанное и взвешивая ту или иную деталь удивительной истории.

Возвратившийся хозяин квартиры опустил зазвеневшую посудой сумку на пол и, безнадежно махнув рукой, отправился в соседнюю комнату.

Психолог надул щеки, не спеша прокачал воздух, потух взглядом.

– И как часто преследуют вас подобные галлюцинации? – Буднично спросил магистр у притихшего писателя.

– Галлюцинации? – Не желая верить в сказанное профессором, переспросил Ахензев. – Может вы ошибаетесь?

– Я, молодой человек, редко ошибаюсь. Уверен, что это именно так! Хотя, приношу соболезнования, ведь все о чем вы откровенно поведали, больше импонирует вам в форме реально увиденного, нежели в виде бреда, вызванного, пардон, белой горячкой. Но, тем не менее, это самый обыкновенный, вернее, необыкновенный бред. Причем, что крайне редко встречается, ваши галлюцинации сюжетны. Воспаленный алкоголем мозг, и – мозг, заметьте, тренированный, настроенный на сочинительство разного рода фантастики – систематизировал хаос знаний и выдал готовый, искореженный болезнью продукт. Готовый стереотип ада по критериям вашего интеллекта. А, занимайся вы вплотную теологией, демонологией, историей религий магии, астрологией – преисподняя оказалась бы во сто крат страшнее. Большую роль сыграла ваша уступчивость и, извините, закомплексованность. Ответьте – смогли бы вы, естественно, до болезни, стать любовником Эльвирочки? Молчите. Ясно, что нет. О таких, как она, вы всего лишь мечтали. Ведь Эльвира – полная противоположность бывшей супруге. И если с женой постоянный конфликт из-за всякой всячины: немытая посуда, малый заработок и т. д. и т. п., то Эльвирочка – в любых ситуациях принимала Вашу сторону, и даже, ради блага возлюбленного, готова была отдать свои сбережения... Первая,

хотя и не блистала красотой, но ухитрялась по всякому поводу и без повода устроить скандал. Тогда как вторая, внешне – богиня и физически – не божий одуванчик, понимала вас с полуслова и в любой момент спешила на помощь. А интимная связь с Эльвирочкой: разве позволяла бывшая жена подобное? Проще говоря – Эльвирочка – девушка вашей мечты! Или я не прав?

Владимир Иванович потупился и удрученно согласился с магистром.

– Что касается остальных персонажей, – продолжил аналитик, – и здесь никакой загвоздки. Добро, каким вы его себе представляете, вознаграждено, а зло, зло – наказано!

– Но, позвольте, – перебил его Ахензев. – А как объяснить хотя бы тот момент, что я – далекий от рок-музыки человек, выдаю обширную информацию об исполнителях и различных направлениях, не хуже заправского дискжокея? Да и вообще, говорю о таких вещах, о которых раньше и понятия не имел!

– И это вполне объяснимо. Существует термин – информативный гипноз. Подкорка головного мозга усваивает и фиксирует ту информацию, которая в момент поступления, просто-напросто, ни к чему. Такая информация образует огромные ресурсы знаний, и эти залежи закладываются в мозг. На всякий пожарный. Ведь наше серое вещество, образно выражаясь, Гобсек. Казалось бы и не нужно, а копит... Но в экстремальной ситуации мгновенно срабатывает скрытый механизм и – Вы до мельчайших подробностей вспоминаете события даже тридцатилетней давности. Хотите, проведем сеанс гипноза, а потом прослушаем записанные на магнитофон ваши ответы? Ахнете, когда услышите! А о рок-музыке, в последнее время, где только не пишут и не говорят. Вот она и скопилась, информация...

– Тогда скажите, пожалуйста, чем объяснить сугубо материалистические проявления, – не сдавался Ахензев. – В 37 лет я выгляжу, да и чувствую себя двадцати-двадцатипятилетним парнем. А волосы? А зубы? А зрение?.. Все эти операции на роговице, протезы, вживление пластика под кожу головы, даже трансплантация кожи с волосным покровом – сегодняшний день медицины, а у меня – натуральный, омоложенный организм, а не отремонтированный!! Да и с рукописью повести – прямо чудеса! Приношу в редакцию солиднейшего журнала, а мне – сто в гору: «Заставляете, мол, ждать. Задерживается верстка». С руками оторвали. И каков тираж пошел?! Это что по вашему?

Психолог задумался, встал из-за стола и, задев ногами разнокалиберную тару, заходил по комнате.

– А вы уверены, что все перечисленное: зубы, волосы, зрение – не подделка? Может, искусная имитация? Разрешите?

Он покопался под запыленным телевизором и, достав большие портновские ножницы, подступился с ними к Владимиру Ивановичу.

– Что вы задумали? – Отпрянул от него фантаст.

– Не нервничайте, всего лишь несколько волосков... Необходимо убедиться в естественном происхождении растительности.

Ахензев с содроганием вспомнил, что уже когда-то подвергался подобной процедуре. Но в тот момент, пусть и в бреду, клочок волос для отца Гавриила не играл никакой роли. Сейчас же – портить современную прическу, над которой битый час корпел знакомый мастер в «Чародейке»! И корнать волосы этим варварским инструментом!

– Позвольте, я сам, – переполошено попросил Владимир Иванович у магистра ножницы и с нескольких попыток выстриг с десятков волос со лба.

– И с затылка, пожалуйста. Хотя бы вот отсюда, – аналитик бесцеремонно ткнул пальцем в темя.

– Зачем? – воспротивился фантаст. – Неужели этого мало?

– Дело не в количестве, – экстрасенс неожиданно скользким взглядом окинул Ахензева. – А вы меня не дурачите случаем? Пробовали некоторые, чтобы хлестануться перед друзьями, да сами с носом оставались...

Владимир Иванович, усмехнувшись и сочувственно покачав головой, твердой рукой отхватил изрядный пучок шевелюры.

– Та-ак, посмотрим, что это такое, – аналитик помял в руке мягкие природные волосы и щелкнул зажигалкой. Запах жженой шерсти на какое-то время перебил устоявшийся благовонный букет.

– Как ни странно, но факт – настоящие... А паспорт у Вас с собой?

– Да вы что, в самом деле! – распалился фантаст. – Или думаете, мне в радость забивать баки? Смотрите! – И Ахензев с раздражением протянул магистру документы.

– Хм, действительно, схожи, только на фото выглядите намного старше. Тогда, миль пардон, продолжим собеседование.

Магистр вернул паспорт и громко позвал.

– Коля, принеси пассатижи.

Ахенэв вскинулся:

– Зубы рвать не дам!! Зубы настоящие, вот, глядите! – и он, как на приеме, у отоларинголога, до боли в ушах открыл рот. – А-а-а!

– Ради вашего же спокойствия. Всего один зуб! – Убеждал магистр писателя. – Могли всучить металлокерамику. Привкуса железа не ощущаете?

– Ничего не ощущаю. Нормальные зубы. А-а-а. Видите?!

Хозяин квартиры стоял в дверях с пассатижами и обалдело смотрел на выдающего горловые рулады фантаста.

– Иди, Коля. Не надо инструмента... Да, ингредиенты соответствуют стандарту? – И получив утвердительный ответ, вновь перешел на официальный тон. – Закройте рот. Верю на слово... Хм, хм, а сколько, говорите, диоптрий носили очки до больницы?

– Минус семь, – ответил немного успокоившийся Ахенэв. – Зато сейчас – единица! Как у снайпера! На это что скажете? И, заодно, объясните причину успеха на литературном поприще.

– А у вас никакой «лапы» в редакции нет? – ученый апломб постепенно уступал место обыденной речи. Светило психологии на глазах тускнело.

И Владимир Иванович понял, что экстрасенс зашел в тупик и больше никаких разъяснений от него не добьешься.

– Готовый экземпляр для Лиха и третьего круга, – автоматически подытожил он и, стремясь поскорее завершить неудавшуюся консультацию, заявил:

– «Лапы» у меня нигде нет. Разве только там, – и Ахенэв постучал носком ботинка по полу. – А что касается омоложения, то доктор при выписке объяснил просто: удавшийся эксперимент. Но почему именно на мне и почему в полном объеме? И самое странное, все нововведения в области медицины произошли, как будто по заказу, в одно и то же время...

Магистр промокнул обильно катящийся с лысины пот.

– А телефончик института, и непосредственно ведущего врача не дадите?..

* * *

Владимир Иванович вышел из подъезда совершенно разбитый.

– Нет, Ирина что-то явно перепутала. Не может быть, чтобы она специально послала меня к этим сопузырникам. Экстра-сенс не оправдал доверия, хотя и пытался подвести платформу под неординарный случай с Ахензевым. Да и хозяин квартиры, скорее, походил на опустившегося алкоголика, нежели на бывшего рыцаря меча и кинжала. И, хотя аналитик оказался кое в чем прав, слабость к зелью привила-таки белую горячку фантасту, но, чтобы дойти до такого скотства?! Грязь, наплевательское отношение к собственному жилищу... Надо немедленно позвонить Ирине и поставить все на свои места...

Обрадованный найденному решению, Владимир Иванович немного отвлекся от невеселых размышлений.

Прожорливый телефон-автомат, видимо вегетативно усвоивший от прилепившейся к нему палатки «Овощи-фрукты» алчность к звонкой монете, с аппетитом сожрал три двушки и, заглотив на десерт гривенник, смилостивился над кормильцем.

– Алло! – Раздался немного жеманный голос девушки.

– Ирочка, здравствуйте, это вас Ахензев беспокоит. Ну, спасибо вам, дорогая! Посоветовали, что называется, от души!..

– В чем дело, Владимир Иванович? Вы были у Будицкого?

– Да. Пять минут, как оттуда и с удовольствием дышу уличным воздухом. Он хоть и с примесями бензина, но, по сравнению с загазованностью квартиры – чистый озон. Да и хваленый экстрасенс больше похож на афериста.

– Напрасно, напрасно вы так... Кстати, Коля очень порядочный человек. Правда, метастазы его болезни несколько иные, чем были у Вас, но он – не конченный алкоголик. Представьте себя на его месте: списали по инвалидности, уволили в запас, назначили пенсию, а что делать дальше? Попробовал военруком в школу – не берут, стрелковый клуб организовал – запретили. Да и подписки о неразглашении, о невступлении в контакт... А энергии – уйма! Вот и запил. Да разве на водку пенсии хватит? Никаких денег не напасешься. Вот и перешел на суррогаты. Спасибо давнему приятелю парапсихологу-аналитику, как в гости заявляется, так все Колино питье продегустирует, установит дозировку. Недавно при мне этот самый, как его, ну, чем мух травят...

– «Дихлофос». – Подсказал Ахензев.

– Вот-вот, «Дихлофос» и еще крем для обуви – категорически запретил употреблять! Это после того, как сам чуть не отравился. Жертвует здоровьем ради друга! А вы о нем так отзываетесь. Нехорошо, Владимир Иванович! Если сомневаетесь в

компетентности экстрасенса, могу дать почитать несколько спорных очерков о нем. И в зарубежных журналах публикации имеются. На японском, арабском, и суахили языках. С его фотографией. Перевести, конечно, сложно, но ведь мы с вами, Владимир Иванович, интеллигентные люди. Знаем, что Там за просто так не напечатают... Так чем вы недовольны?

И Ахенэеву стало ясно, что восторженная девица, живущая в выдуманном ею мире, по сути, не желала ему ничего, кроме добра. Но...

– Спасибо, Ириночка. Мы пришли к обоюдному согласию, кое в чем разобрались. Правда, не до конца... Одним словом, еще раз спасибо и – до свидания.

– Погодите, Владимир Иванович, не вешайте трубку. Может желаете дополнительно проконсультироваться? Есть знакомый монах-буддист в Улан-Уде.

– Не надо! – Чуть ли не закричал Ахенэев. – Мне, если что понадобится, – позвоню. Пока.

Владимир Иванович повесил трубку и с облегчением вздохнув, громко произнес:

– Идиотка зацикленная!

Вывернувшаяся из-за палатки старушка от неожиданности уронила на асфальт сетку с отборными помидорами и запричитала:

– Да не здесь я их покупала. С рынка это...

Ахенэев досадливо дернул плечом и не оглядываясь направился к троллейбусной остановке.

* * *

– Самому что ли напиться? – Задал себе вопрос Ахенэев и тут же ответил. – Нет, хватит адовых вояжей.

Сжатый в троллейбусном салоне толпой студентов он невольно прислушался.

– Саш, покатили ко мне. Пэренсы⁵³ из-за бугра вчера прискайлали⁵⁴, олдовые⁵⁵ рекорда⁵⁶ приперли. «Скорпионов», «Металлику», «сольный Роберта Планта», двойник «Лед Зеппелин», ну тот, из классики – «Физикал граффити»⁵⁷. Все родные,

⁵³ Пэренсы – родители (жарг)

⁵⁴ Прискайлать – прилететь (жарг)

⁵⁵ Олдовые – хорошие (жарг)

⁵⁶ Рекорда – пластинки (жарг)

⁵⁷ «Физикал граффити» – физические надписи (англ.)

на моей вертухе⁵⁸ звучат – ну, просто полный отпад! Кайф – крезануться можно! Сейчас еще телок снимем и – такой сейшн⁵⁹ устроим!

– Вот и информативный гипноз! Прав все-таки экстрасенс. И чего я себе голову всякой чепухой забиваю. Радоваться жизни надо, а я как институтка, чуть ли не мышьяк глотать... К черту сновидения! Эдак действительно крезанешься.

Владимир Иванович с благодарностью посмотрел на двух болтающих волосатых парней и, бросив обескураженным металлистам: «Спасибо», стал пробираться к выходу.

* * *

В удобном кафе дома Кино было прохладно и немногочисленно. Солидный, русоволосый добряк, кинорежиссер Шняга представил Ахенэву двух, почти утвержденных на роль Сатаны и Яши, актеров.

– Ну как, Володь? Да не привередничай ты, типажи вполне нормальные. Да и ребята – трудяги.

«Ребята» с интересом, молча посматривали на писателя – работодателя. По договору последнее слово в утверждении оставалось за ним.

Владимир Иванович, в который раз, вставал из-за столика и просил актеров сделать тот или иной жест. Наконец, решился.

– В принципе, подходят. Яков, правда, помордастее выглядят, но – это дело наживное. До съемок отъестся. А Сатана, ну, прямо, копия! В общем – одобряю. Действуй. Да, а как с главной женской ролью? Те девицы не пойдут. Есть еще кто на примете?

– Старик, до чего ж ты зануда! Уж каких красавиц надо, и ума не приложу! – Шняга огорченно развел руками.

Молчавший до сих пор «Сатана» вмешался в разговор.

– По моему, я знаю, что Вы, Владимир Иванович, ищите. Постараюсь помочь, представить нужную девушку.

– Она актриса? – Уточнил режиссер.

– Да.

– Ну что ж, посмотрим. Постарайтесь ускорить встречу. А пока – мне пора. – Ахенэв раскланялся. – Звоните.

* * *

⁵⁸ Вертуха – проигрыватель (жарг)

⁵⁹ Сейшн – вечер (жарг)

Голубой экран убаюкивающе ворковал приятным голосом симпатичной дикторши и Ахензев окончательно решивший выбросить из головы дурь и жить настоящим, вполглаза дремал.

– Завтра в Москве температура 21-26 градусов тепла. Дожда не ожидается. Москвичи могут смело выходить из дома без зонтов и плащей. А сейчас, предлагаем вашему вниманию передачу «Очевидное-невероятное».

Сквозь дремоту Владимир Иванович услышал звуки комической музыкальной заставки. Музыка кончилась и мужской голос ведущего начал комментировать первый сюжет передачи.

– Сенсационная новость для любителей астрономии. Нейтринный привет сверхновой звезды. Ее вспышку обнаружили находящиеся глубоко под землей физики, работающие со сложной аппаратурой. Они-то и уловили идущую из космоса лавину частиц так называемыми нейтриновыми детекторами. И лишь впоследствии эту сенсацию подтвердили астрономы. Первооткрыватели назвали сверхновую звезду – Парасит!

Ахензева, словно пружиной выбросило из кресла.

– Господи! Да когда же это кончится?.. Парасит? Парасит! Парасит!! – Пульсировало в мозгу. – Неужели Яша устроил переворот и заселил планетную систему бесами? Опять совпадение?!

Ахензев включил звук до отказа и, спохватившись, дрожащей рукой пощупав гнездо для штекера, подключил к телевизору магнитофон.

– Дзи-н-н-нь! – Раздался в прихожей настойчивый звонок.

– Сейчас, сейчас, – Владимир Иванович нажал клавишу записи и поспешил открывать позднему гостю.

Дверь мягко отошла и перед фантастом, прислонившись к стене и застенчиво улыбаясь, предстала... Эльвирочка!!!

– Вам привет от Сатаны!.. Что с Вами, Владимир Иванович, вам плохо?

Ахензев, как малый ребенок, всхлипнул, сунулся лицом в девушкины руки и чуть слышно прошептал:

– Мне хорошо. Так Сатане и передайте. Мне – очень хорошо!..

* * *

– ...Я сама приготовлю чай, успокойтесь, – просто сказала Эльвирочка и, протянув непонятно от чего разволновавшегося писателю заварник, зажгла газ.

Скользкий гжельский фарфор потихоньку выполз из вспотевшей ладони Ахенэева и вдребезги разбился о паркет.

– Ох, какой вы, право, неловкий, – девушка укоризненно посмотрела на растерянного фантаста. – Где у Вас веник?

– А? Что? Веник? Ах, веник! В ванной...

– Да сидите, сидите, я сама управлюсь. – Актриса поставила цветастую чайную коробку на стол и вышла из комнаты.

– Ой, какая интересная метелка! Автоматическая, что ли? А как ей пользоваться? – Звонко постучав по кафелю, каблучки вновь прошествовали на кухню. В руке Эльвирочки поблескивал Эдилов трофей!

– Эй, писака, э-эй... – раздался брызгливый голос сверху. Ахенэев закатил глаза и увидел раскачивающуюся на люстре старую знакомую. Гармошка на лице бабки расплылась в довольную улыбку и бывшая квартирантка протянула Владимиру Ивановичу огромный букет восхитительных роз с красочной поздравительной открыткой...

"Миры Юрия Петухова"

Суперфантастика Юрия Петухова

Собрание сочинений в 8 томах

Объем каждого тома 700 стр., черный твердый переплет с золотым тиснением, суперобложки, иллюстрации.

Высылаются первые четыре тома + абонемент

– стоимость 40 тыс.руб.

(еще четыре тома выйдут до 1997 года – подписчикам гарантируется получение).

Для получения подписки выслать почтовый перевод по адресу: 111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю.Д.

Изд-во "Мегагалактика" гарантирует исполнение заказа.

Фантастический роман ужасов

*"Приземленный ад,
или Вам прилетит от сатаны"*

